ЩЕДРОЕ СОЛНЦЕ

Книга вторая

ЩЕДРОЕ СОЛНЦЕ

Книга вторая

НОВАЯ ЛЕГЕНДА О КОРЕЕ — СТРАНЕ ЧХОЛЛИМА

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	**Первый привет Родине**	1
Глава вторая	**Он дал и землю и заводы**	53
Глава третья	**Благородное чувство долга, вечная любовь**	105
Глава четвертая	**Под знаменем Республики** . . .	155
Глава пятая	**Тысячи ли фронтовой дороги, овеянной любовью**	219
Глава шестая	**Начало заката американских империалистов**	281
Глава седьмая	**Чучхе в революции, чучхе в строительстве**	351
Глава восьмая	**Открыл эпоху Чхоллима**	395
Глава девятая	**Всех людей в большую социалистическую семью**	461

Глава первая

ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ РОДИНЕ

1

Вернувшись на Родину без извещения . . 5

Нас стало больше в общежитии . . . 7

Мангендэ ждет... . . 12

2

Ликование тридцати миллионов . . . 20

Запоздалое посещение родного края . . 24

За радостью — радость 27

3

«Я тоже коммунист!» 30

Путь к жизни обездоленным людям . . 34

4

Два корреспондента из Сеула 39

Спортивная делегация снесла 38-ю параллель 46

Забота о бедствующих учащихся Юга . . 49

1

Мир изменился. Японский империализм потерпел поражение, Корея освобождена. Вчерашний раб — корейский народ, встретив новый день свободы, сбросил и растоптал японский флаг. Даже дети с презрением плевали на так называемых «императора», «генерал-губернатора», «непобедимую имперскую армию». Побежденные агрессоры уподобились саранче, по которой ударили заморозки. Буря эпохи смела всю эту нечисть на свалку истории.

Мир агрессоров закатился, наступил новый мир для народа — вся страна, раскинутая на три тысячи ли, бурлила от невообразимого ликования. В этот исторический момент национального возрождения сердце каждого человека было преисполнено чувством благоговения и беспредельной благодарности солнцу нации Полководцу Ким Ир Сену, который много лет подряд вел кровопролитную борьбу и, преодолев все трудности и лишения, приблизил этот день. Впервые от роду люди распрямляли согбенные спины и смотрели на ясное небо, откуда всем им светило солнце. На их лицах были написаны возбуждение и радости, и в то же время они не могли сдержать слез благодарности. Это была радость избавления от железных цепей 36-летнего японского ига, лишившего их родного языка и фамилий, навязавшего им неимоверные тяготы и трагедии семейной разлуки, это была радость избавления и от ярма старого, феодального режима, при котором кореец рождался и умирал рабом из поколения в поколение. Это была такая великая радость, какую может испытать только вечный мученик, который спасся чудом из преисподней, какую не испытала ни одна страна, ни одна нация.

Но они были похожи на людей, которых выпустили из подземелья, где они были заточены, и они сначала не пони-

мали случившегося, потеряли ориентир в жизни. Они лишь чувствовали, что жизнь приобрела новый смысл, но не знали, что им делать сейчас же и по какому пути и как должна идти Корея. Они лишь прыгали от радости, полные иллюзии и предположений. «Передовые деятели», напустившие на себя видимость «лидера», выдвигали наперебой «выдающиеся мысли», но это было не более посоха в руке слепого.

Именно в такое время гений революции великий вождь Президент Ким Ир Сен 20 августа 1945 года произнес перед военными и политическими работниками речь **«О партийном, государственном и военном строительстве на земле освобожденной Родины»**, где он четко осветил путь, по которому должна идти Корея, и очередные боевые задачи. Великий вождь говорил, что перед нашим народом, добившимся исторического дела возрождения Родины, встает новая боевая задача продвигать дальше корейскую революцию и строить богатое и сильное, суверенное, независимое государство силами самих корейцев, и продолжал:

«Что мы должны сделать для выполнения этой великой задачи?

Нам следует в первую очередь создать марксистско-ленинскую партию, способную уверенно вести корейскую революцию к победам. Вместе с тем необходимо установить народную власть и тем самым решить вопрос о власти — основной вопрос в революции и создать народные вооруженные силы, призванные охранять страну и народ и защищать завоевания революции».

Намеченные вождем задачи партийного, государственного, военного строительства имели целью заложить на развалинах колонии разбитой японской империи прочный и незыблемый фундамент — опору новой Родины народа в подлинном смысле слова. Это была великая программа, выдвинутая несравненным патриотом, гением революции Президентом Ким Ир Сеном, кто, глубоко проникнув в горе, гнев и горячее чаяние народа, разгромил японский империализм и завершил историческое дело спасения нации. Следуя этой грандиозной программе, восприняв ее как маяк, люди

взирали на будущее Родины и находили каждый свое место и брались за дело.

Вернувшись на Родину без извещения

Солнце нации Президент Ким Ир Сен неожиданно с триумфом вернулся на Родину. Никто не думал, что так неожиданно вернется великий вождь, который уничтожал бесчисленные японские полчища в горах, на равнинах, как сорную траву, и спас наш народ. Все еще люди ждали триумфального возвращения вождя на Родину. Во всю ширь шла подготовка к встрече с ним в Пхеньяне, в Сеуле и даже в глухом Мосульпхо на острове Чечжу. Пхеньянцы готовили красные флаги и транспаранты, чтобы встретить несравненного патриота, сына нашей нации, легендарного героя, рожденного Пхеньяном, соорудили высокую трибуну для него. Сеульский вокзал был набит людьми, пришедшими встретить вождя. Какой-то дед нес с собой циновку, на которой было вышито пожелание доброго здоровья вождю, и серебряную ложку и палочки для еды, а какая-то женщина несла шелковое полотно (из приданого, которое она хранила в сундуке), на нем было вышито дорогое имя вождя. Привокзальная площадь превратилась в море людей и цветов, все танцевали и пели.

Но они не смогли увидеть вождя ни в тот, ни в другой день. Жители Пхеньяна уже жили рядом с вождем, но никто не узнавал его. Он интересовался настроением народа и его жизнью — ездил в шумных трамваях, толкался на рынках, приценивался к товарам. И никому в голову не приходила мысль, что долгожданный Полководец Ким Ир Сен — это тот, с кем он так просто только что беседовал, словно со случайно встретившимся спутником...

Народу хотелось выдвинуть великого вождя на самое почетное и самое высокое место, но он сам свел себя до сына народа. Не думая о личной славе, вождь первым шел к народу и брался за новую работу, не дав себе отдыха после длительной борьбы. Он видел свое счастье и свою миссию в борьбе за народ. Он вовсе не думал об отдыхе и славе. Если

колониальное положение Родины выдвинуло перед вождем высшую задачу — антияпонскую революцию, то сегодня освобождение Родины поставило перед ним новую задачу — строительство новой жизни. И вождь весь в борьбе, не называя даже своего имени. В нашей стране после освобождения не раз бывало, что народ не узнавал своего вождя, хотя тот был рядом. Такого не наблюдалось в других странах.

Великий вождь был в военной форме как и прежде, в годы вооруженной борьбы против японского империализма. Не для него была поговорка: «Вернулся на родину в злате и в шелку». Он не имел ни отдельной квартиры, ни резиденции, а жил вместе с ветеранами антияпонской борьбы в общежитии. Небольшое общежитие находилось у подножия горы Хэбан. Вождь занимал отдельную комнату, где стояли письменный стол и кровать. Эта комната служила ему и кабинетом, и спальней. Народ не поскупился бы построить роскошный дворец для вождя, который много лет боролся за великое дело, преодолевая нечеловеческие трудности, и теперь вернулся с триумфом, но он возражал против этого, говоря, что ему удобнее жить здесь.

Днем он — на работе, возвращался в свою скромную комнату лишь ночью. Он просматривал накопившиеся за день документы, до рассвета писал доклад к предстоящему учредительному съезду партии. Он питался вместе с сотрудниками за длинным столом, какой можно видеть в харчевнях, где подают куксу. Он просил варить кашу из риса с чумизой или кукурузой, а когда подавали иногда блюдо из растертых соевых бобов, он ел с аппетитом и хвалил поваров.

Вождь по утрам открывал окна настежь и, несмотря на занятость, сам подметал двор. После уборки читал книги, сидя у лотосового пруда, или поднимал заспавшихся детей из соседних домов и качал их на качелях или разучивал с ними революционные песни.

Время, проведенное с детьми, было кратким отдыхом, редко выпадавшим на долю вождя.

Нас стало больше в общежитии

Число посетителей общежития, где жил великий вождь Президент Ким Ир Сен, увеличивалось с каждым днем. Одни приходили решать срочные дела, другие оставались на несколько дней.

Число проживающих в общежитии заметно выросло. В общежитии стала ощущаться нехватка рабочих рук.

Учитывая эти трудности, вождь однажды обратился к участникам антияпонской вооруженной борьбы с просьбой увеличить штат обслуживающего персонала общежития, так как значительно возросло число живущих в нем людей.

Один работник, пришедший по делам, предложил пригласить опытного повара, работающего в одной из столовых города. Но вождь ответил, что пища, которую готовят простые женщины, вкуснее, и велел пригласить семью Чве.

Все члены этой семьи до недавнего времени вынуждены были бродить по улицам в поисках работы, а теперь благодаря вождю у них был дом и они начали устраиваться. Семья состояла из восьми человек: двух сыновей с женами, дочери, матери и др.

Семья Чве раньше жила в городе Нампхо, но, не вынеся притеснений японцев, вынуждена была переехать в Северное Цзяньдао, а потом долго кочевала с места на место по немилой чужбине в поисках куска хлеба. После освобождения страны все они вернулись на родину.

В Корее добрые соотечественники, увидев, как бедствует семья, снабдили ее даже одеждой. Семья Чве отказалась от первоначального намерения вернуться в родной край и осела в Пхеньяне. В первые дни после освобождения страны в Пхеньяне не была налажена работа городской администрации, и семья Чве еще некоторое время не имела ни работы, ни жилья.

Несколько дней она провела в зале ожидания Пхеньянского вокзала, потом была снята маленькая пристройка и все переселились туда. Затем вся семья начала искать работу. Но никто не входил в их положение. Сыновья упрашивали

хозяев закусочных, расположенных на базаре, дать им работу, обещая делать все только за харчи, но и на это никто не соглашался. Их жены тоже не могли найти работу.

Казалось, не было никакого выхода из создавшегося положения. Именно тогда и была протянута им теплая рука спасения!

Однажды утром к ним пришли молодые люди в военной форме. Это были участники антияпонской вооруженной борьбы, жившие в общежитии вместе с великим вождем.

Они выложили из большого свертка еду и стали угощать всех членов семьи Чве. А те только переглядывались, не понимая, в чем дело. Один из гостей сказал, что это от того человека, который утром разговаривал со старухой Чве на улице.

— Говоришь, что это он ... с кем я виделась утром?! Значит, он же...

От волнения старуха не могла говорить дальше. Но постепенно она рассказала детям, что этот большой подарок от того заботливого человека, которого она повстречала сегодня.

Это случилось ранним утром. Старуха, посадив внучку на спину, ходила по улице в надежде найти работу. Стучалась во многие двери... Подойдя к воротам двухэтажного дома, она столкнулась с молодым человеком. Это был великий вождь. Старуха не знала вождя в лицо.

Великий вождь спросил, по какому делу она пришла. Он говорил так тепло, что старуха доверилась ему и рассказала, что ей нужно.

Выслушав ее, вождь сказал:

— Вам, бабушка, наверно, очень трудно прокормить восемь ртов. Но не надо горевать. Японцы разбиты и страна освобождена. Теперь будут хорошо жить все такие же, как вы, бедняки. Не беспокойтесь, возвращайтесь, пожалуйста, домой. Я сейчас же пошлю к вам людей.

Он спросил адрес семьи и записал его в блокнот.

Старуха с благоговением смотрела на этого душевного человека. Ей казалось, что на свете нет другого такого забо-

тливого человека. На ее глаза навернулись слезы благодарности.

А человек этот сдержал свое слово и прислал людей помочь им. Старуха не знала, чем отплатить своему благодетелю, а у всех ее детей глаза повлажнели от радостного волнения. Но семья и не подозревала, что она окружена великой любовью дорогого вождя-отца, о встрече с которым каждый давно мечтал.

Спустя некоторое время от участников антияпонской вооруженной борьбы семья узнала о том, что заботливый человек не кто иной, как несравненный патриот, солнце нации, Полководец Ким Ир Сен. От неожиданности никто не мог вымолвить слова. Они не верили своим ушам.

Им казалось, что все происходит во сне. Старая женщина, их мать, запросто виделась с человеком, которого так глубоко уважает весь народ, а он проявил такую теплую заботу о ее семье! До глубины души тронутая заботой великого вождя, старуха схватила гостей за руки, по ее щекам лились горячие слезы, плечи всех остальных членов ее семьи вздрагивали от сдерживаемых слез.

В тот же день великий вождь справился о семье Чве у посетивших ее участников антияпонской вооруженной борьбы, послал материю на одежду, обеспечил семью квартирой с кухонной утварью.

Вождь намерен был пригласить женщин этой семьи для работы в общежитии. На следующее утро, после того как семья въехала в данную вождем квартиру, к ним пришла радостная весть о том, что вождь лично навестит их. Вся семья с нетерпением ожидала высокого гостя, и вскоре все увидели, что во двор входит вождь с доброй улыбкой на лице. Они бросились ему навстречу, но от сильного волнения не могли как следует поздороваться с ним.

Вождь-отец, крепко пожимая руки взволнованной старухи, говорил извиняющимся тоном:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Давно хотел навестить вас, но все не получалось...

Старуха, окруженная большой заботой вождя, не успела

еще отблагодарить его, а он даже просит извинение... Она не находила себе места от неловкости.

Догадываясь о душевном смятении старой женщины, вождь, улыбаясь радушно, осматривал вместе с нею комнаты, кухню со всей необходимой утварью. Потом он запросто присел на деревянный пол на террасе и начал непринужденную беседу с хозяйкой.

Сегодня вождь-отец узнал всю историю этой семьи и посоветовал как жить дальше. Затем он через товарища Ким Чака трудоустроил всех членов семьи Чве. Благодаря огромной заботе вождя оба сына стали кладовщиками, а их жены начали работать в общежитии, где жил сам вождь.

В тот день, когда вождь проявил заботу о семье Чве, вся семья жила в состоянии неописуемой радости. Особенно велика была радость и волнение женщин. До сих пор на них никто не обращал внимания, их считали никчемными. А вождь доверил женщинам с огрубелыми руками обслуживание важных работников! Обе снохи, закрыв лица мозолистыми руками, всхлипывали и плакали от радости.

Так семье Чве выпала величайшая честь жить и работать в непосредственной близости с вождем. Для нее каждый день стал праздником.

Шло время. Однажды семье Чве сообщили, что после собрания будет небольшое застолье. Вся семья готовила его.

Вечером вождь велел пригласить на торжество старуху Чве. Когда она, стесняясь, вошла в комнату, где собралось много народу, он теплым добрым голосом, успокаивая ее, сказал:

— Мать, благодарны вам за хорошее обслуживание.

Он подошел к стоящей у двери старой женщине, взял ее за руку и посадил рядом с собой. Он пригласил также и ее снох.

Затем вождь, оглядев сидящих, большинство из которых были ветеранами антияпонской вооруженной борьбы, заговорил:

— Товарищи, вы знаете, благодаря кому мы ежедневно

по три раза в день едим горячую пищу? Благодаря этой матери.

Он лично налил в рюмку водки и преподнес ее обеими руками старой женщине. Смутившись, мать не знала, как быть.

— Мать, сегодня вы должны выпить эту водку, — угощал вождь.

Старуха с повлажневшими глазами приняла рюмку. Горячий комок подступал к горлу и она стояла молча, держа рюмку дрожащими руками.

Видя глубокое волнение старой женщины, вождь с чувством благодарности, снова проговорил чуть охрипшим голосом:

— Выпейте водку на здоровье, мать... Когда вы выпьете эту водку, то забудете все муки прошлого и проживете долго в хорошем мире...

Старуха выпила, осушив рюмку до дна, не за свое здоровье, она желала вождю крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Вождю были дороги и эта старуха и обе ее снохи так же, как и антияпонские борцы. Ему хотелось окружить этих измученных и униженных людей самой теплой заботой. В городе было много искусных поваров, но вождь предпочитал мактубужан (соевый творог с перцем), приготовленный руками честной простой женщины, любому изысканному блюду. Он рад был выручить бедных людей, плывущих по течению реки, словно опавшие листья, рад был назначить их на почетный боевой пост, жить вместе с ними, питаясь тем же, что и они, и впитывать в себя дух своего народа. Для него было счастьем улучшить жизнь народа, обогатить ее светом культуры, чтобы она стала самым дорогим на свете.

Благодаря огромной заботе и горячей любви вождя вся семья Чве изменилась неузнаваемо. Старший сын вырос до крупного хозяйственника, младший закончил военную академию и стал командиром, дочь окончила вуз и стала специалистом.

Так вождь окружал отеческим вниманием таких людей,

как семья Чве, которым не на кого было опереться, помогал им найти путь в жизни, он глубоко и горячо любил весь народ.

Мангендэ ждет...

Прошло некоторое время с тех пор, как великий вождь с триумфом вернулся на Родину. В родном доме вождя в Мангендэ с нетерпением ждали его возвращения.

«Не может быть, чтобы не вернулся наш Полководец...»

Дедушка и бабушка вождя думали только о нем. Дедушка поднялся на сопку в селе Нам, откуда 20 лет назад он провожал внука в далекий путь, курил трубку за трубкой целыми днями, смотрел в сторону Пхеньяна, он возвращался домой только тогда, когда на землю опускались сумерки и становилось темно. А дома, стоя у плетеной калитки, опять ждал, думал, авось сейчас войдет...

Дедушка и бабушка, измучившись от неизвестности, попросили тетю вождя пойти в Пхеньян и узнать там что-нибудь о нем. Чтобы не показаться бездельницей, тетя пошла в Пхеньян с узелком хлопка на голове, будто идет трепать волокно.

В городе тетя подошла к толпе и прислушалась к разговорам людей. Они говорили о Полководце Ким Ир Сене.

Она обрадовалась и вмешалась в разговор:

— Послушайте, сколько же лет Полководцу Ким Ир Сену?

Ответы были разные. Одни говорили, что ему 50 лет, другие утверждали, что ему за 60. Такие ответы огорчали тетю, но она не падала духом. На следующий день она снова отправилась в Пхеньян и снова разговаривала с людьми, от которых, как ей показалось, можно было узнать что-нибудь о Полководце.

— А каков он из себя, этот Полководец? Нет ли на его щеках ямочки, когда он улыбается? — так спрашивала она, вспоминая милые ямочки на щеках юного Полководца, какие она видела двадцать лет назад. Но поскольку никто сам не видел Полководца, то ответы были разные, туманные.

Тете, когда она возвращалась домой, не узнав ничего толком, таким далеким и изнурительным показался путь в 30 ли от Пхеньяна до Мангендэ. Ее терзала мысль, что же она скажет дедушке и бабушке, которые будут смотреть на нее с надеждой.

Если так тосковали о нем родственники в родном краю, то каково было самому вождю? Более чем за 20 с лишним лет тяжелой революционной борьбы он ни на минуту не забывал о родном крае. О нем он думал ночами у костра в тайге Пэкту; родной край всегда был рядом, светил ему, словно огонек маяка кораблю в безбрежном море. Теперь этот родной край находится не за тысячи ли, а здесь, близко, рядом...

Страна освободилась — по дорогам шли люди, возвращавшиеся в родной край. Повсюду происходили трогательные встречи родных и близких, которые были разлучены, как плавающие облака в небе. Глядя на них, вождь всей душой тосковал по родному дому. Даже в коротком предрассветном сне он видел незабываемый родной дом в Мангендэ, в котором жили дедушка, бабушка и другие родственники, перенесшие все мытарства периода жестоких репрессий японских империалистов... Наверно, обветшала крыша родного дома от ветра и дождя, развалились каменные ступеньки крыльца...

Вождь мысленно бежал к ним, гладил их огрубевшие руки и поседевшие волосы и облегчал своей лаской боль их сердец.

Даже те, кто работал вместе с вождем, упрашивали его навестить родных в Мангендэ.

— Полководец, несмотря на занятость, сходили бы Вы в Мангендэ, — советовали они.

Однако вождь не мог, как другие, бросить все и отправиться в родные места. Многие люди, опьяненные победой, не понимали, что в судьбе их страны наступил исторический момент. Строительство государства ставило массу неотложных дел. Вождь выполнял ежедневно огромную работу, и

ему приходилось пока что откладывать посещение родных мест, по которым он так тосковал.

С первых же дней после триумфального возвращения великий вождь взялся за работу с необыкновенным энтузиазмом, для него не существовало ни дня, ни ночи, он работал без отдыха, решая бесчисленные вопросы.

Везде на освобожденной Родине люди нуждались в его внимании и заботе. Более того, складывалась сложная обстановка: из-за оккупации американскими империалистами Южной Кореи государственная территория была разделена на две части, и это ставило задачу монолитно упрочить революционную базу в северной части страны. Поэтому вождь день за днем откладывал визит в родной край Мангендэ и посвящал все время работе. Каждый день он не только принимал посетителей, но и сам посещал заводы и села, беседовал с рабочими и крестьянами.

Великий вождь посетил Пхеньянскую зернообрабатывающую фабрику. В тот день рабочие фабрики были заняты побелкой стен зданий фабрики. Вождь с безграничным доверием отнесся к рабочим, решившим восстановить фабрику своими руками, и ему хотелось каждому из них пожать руки.

Они стеснялись пожимать протянутую им руку, боясь запачкать известью руку неизвестному солидному человеку, который широко улыбался и смотрел на них блестящими умными глазами.

— Ничего. Нам дороги эти руки, строящие новую жизнь, — тепло говорил вождь и крепко пожимал руки рабочих.

Кто этот человек, который так уважает рабочих и обращается с ними так просто? Рабочие смутились от внимания, которое было оказано им впервые в жизни.

Вместе с рабочими вождь осмотрел фабрику. Фабрика была жестоко разрушена. Казалось, что она стоит уже давно. В дробильном цехе стоял тяжелый запах от гниющей кукурузы и крахмала, скопившихся на всех производственных участках. В этом хаосе рабочие в изношенных спецовках разбирали и ремонтировали машины. После освобожде-

ния страны некоторые рабочие возвращались в родные края, другие уходили куда-нибудь в поисках работы, эти охраняли свою фабрику, разрушенную японскими империалистами при отступлении, и теперь пытались снова пустить ее.

Познакомившись с положением дел, вождь обратился к сопровождавшим его товарищам:

— На освобожденной Родине я вижу много радостей и немало горя.

Великому вождю хотелось вселить силу и мужество в рабочих, которые так старательно трудились. Он подошел к ним и заговорил:

— Уже терпя поражение, японские варвары разрушили важные сооружения промышленности нашей страны. У нас не осталось ни одного действующего завода, не хватает специалистов, способных восстановить и пустить их, нет сырья. Эта фабрика многое рассказывает о положении в стране...

На минутку вождь умолк, оглядел рабочих и продолжал, выделяя каждое слово:

— Но мы не должны отступать. Надо преодолеть все трудности и идти вперед. В движении вперед — наша победа. Если вы осознаете, что вы хозяева страны, фабрик и заводов, то тогда вы вполне сможете своими силами восстановить фабрику и начать работать...

...Не жалейте сил! Отныне мы можем делать все, что захотим.

Сильный должен отдать свою силу, знающий — должен отдать свои знания общему делу, и, сплотившись, все вместе мы восстановим наши заводы и фабрики.

В тот день вождь обошел всю фабрику. Ему тяжело было видеть, что рабочие трудятся в таких сложных условиях и так плохо живут. Он подробно указал пути преодоления трудностей.

Вождь подошел к кукурузному резервуару. Рабочий, который разъяснял ему технологию производства, остановился у двери и не решался войти. Он колебался вести высокого гостя к месту, где кукурузу обрабатывали едким, вредным для здоровья, дымом горящей серы.

Вождь спросил его:

— А нельзя ли войти?

— Там едкий дым.

— А рабочие там работают?

— Да, работают.

— Почему же я не могу войти, если там работают товарищи. Лучше самому увидеть, чем слушать разъяснения, — отрезал вождь и первым вошел, широко шагая, в помещение, откуда шел едкий дым.

— Зачем обрабатывать кукурузу серным дымом? — спросил он, глядя на резервуар.

— Это оберегает зерно от моли и плесени.

— Не вредно ли это для пищи или с точки зрения гигиены?

— Обработка ведется в пределах нормы, это не вредно.

— Хорошо... но все же надо сделать так, чтобы этот процесс не отражался на здоровье рабочих...

Вождь посоветовал работникам принять необходимые меры по устранению вредности производства и только потом ушел оттуда.

В маслодавильном цехе, где выжимают масло из глазков кукурузы, вождь спросил рабочих:

— Вы раньше пробовали это масло?

— Не пробовали. Каша была бы вкусней, если заправить ее маслом. Но хозяин, как заметит, что кто-то прибавил каплю масла в еду, тут же увольнял.

Выслушав рабочих, великий вождь сказал:

«Вот, вот... масло доставалось не тем, кто непосредственно его производил, а тем, кто бездельничал. Такова сущность эксплуататорского строя!

Отныне масло должен есть наш народ. И это, товарищи, зависит от вас».

В тот день рабочие, слушая указания вождя и чувствуя его любовь и заботу, глубоко осознали подлинный смысл освобождения и всем сердцем поняли, что именно он настоящий руководитель рабочего класса.

А вождь и дальше осуществлял руководство на местах. 9 октября он поехал на Кансонский сталелитейный завод, который затем станет основой в строительстве новой Родины, чтобы довести до сознания сталеваров, каковы теперь их функции, поскольку теперь они стали хозяевами страны.

Кансонский сталелитейный завод расположен по дороге в Нампхо. А дорога эта проходит неподалеку от родных мест вождя — Мангендэ. Адъютант вождя радовался при мысли, что на этот раз он обязательно заедет в Мангендэ.

Легковая машина с вождем мчалась в Кансон. Вскоре за окнами машины показались высокие и низкие горы, окружающие Мангендэ. Окидывая их нежным, задумчивым взором, словно погружаясь в глубокое раздумье, вождь произнес тихим голосом: «Какими были, такими и остались родные горы и реки».

Услышав слова вождя, адъютант обрадовался, что и он посетит вместе с вождем его духовную родину — Мангендэ. Но вождь лишь попросил притормозить машину на развилке дорог, одна из которых ведет в Мангендэ. Он вышел из машины и, глядя с тоской в сторону Мангендэ, сказал:

«Вон там Мангендэ... Замечательное место. Идите туда вместо меня, думаю, вам там понравится...»

Адъютант не поверил своим ушам, а вождь продолжал:

«...Через 20 лет довелось увидеть родной край... Когда придете туда, увидите моих старых деда и бабушку, передайте от меня поклон и скажите, что страна освобождена и через несколько дней я буду у них. Передайте также, что скоро наступит хорошая жизнь... И так, завтра утром встретимся здесь же».

Каково было вождю в этот миг! Рядом — Мангендэ, которое 20 долгих горестных лет с нетерпением ждало возвращения вождя, его горячая душа тоже стремилась к седому деду и бабушке. Но вождь стоял молча. Глядя на него, адъютант едва сдерживал слезы.

Обычно люди легко покидают родной край, а трудно возвращаться под крышу родного дома с почетом. Наш ве-

ликий вождь вернулся, окруженный славой за спасение страны и нации, ввергнутых врагом в пучину смерти, но все же он стоял, заглушая желание взяться за дверное кольцо родного дома. Чем сильнее тянулась душа к родине, тем больше вождь думал о городах, заводах и селах. Вождю не терпелось повидать деда и бабушку, ведь он навеки расстался с родителями на немилой чужбине. Но он считал своим первейшим долгом заботу о народе.

Вождь снова сел в машину.

Адъютант заколебался, не зная, что делать, но наконец решился спросить:

— Может, заедете на минутку?

Великий вождь посмотрел на него и ответил:

— Нет, в следующий раз. — И уехал на Кансонский сталелитейный завод.

Адъютант плакал, стоя на развилке дорог у Мангендэ, глядя вслед машине, умчавшейся в сторону Кансона. Вдруг его осенила мысль: «Для вождя вся Родина — его родной край! Он хочет вернуться в свой родной дом через родину всей нации!»

Чрезвычайно глубокий смысл, который вкладывал народ, называя вождя своим отцом, проник в сердце и ум адъютанта, словно стремительный водопад, ниспадающий в озеро с высоты.

2

Создание нового государства — дело не легкое. Возникало множество важных дел, и каждое из них имело историческое значение. Прежде всего великий вождь Президент Ким Ир Сен обращал большое внимание на создание революционной партии.

Подобно тому, как без локомотива не может двигаться состав, без могучей партии нельзя воспитать народ в революционном духе и повести его по пути построения нового счастливого общества. Сложная политическая обстановка, сложившаяся после освобождения страны, настоятельно требовала создания такой революционной партии. В то время как во всех районах страны возрастал революционный энтузиазм народных масс, реакционные силы и политические спекулянты всех мастей и разновидностей, завуалировав свою антинародную сущность, пытались вовлечь народ в свои организации. А фракционеры в коммунистических рядах, причинившие в прошлом большой вред корейской революции, и местные сепаратисты, выдавая себя за патриотов, стремились сплотить массы вокруг себя. Эта борьба политических сил могла расколоть рабочий класс и трудовой народ.

Встала не терпящая дальнейшего отлагательства задача создания локомотива революции — революционной партии чучхейского типа, призванной сплотить народные массы в революционном духе и вести их по единым рельсам. Так великий вождь наметил курс на создание партии, сделав ее ядром коммунистов, закаленных и испытанных в длительной антияпонской вооруженной борьбе, присоединив к ним коммунистические группы, действовавшие в разных районах, и энергично развернул борьбу за осуществление этого курса.

Так, 10 октября был создан вождем Центральный оргкомитет Коммунистической партии Северной Кореи и было провозглашено на весь мир основание партии, унаследовавшей блестящие революционные традиции антияпонской революционной борьбы.

Создание революционной партии явилось самым ценным и самым большим политическим подарком, который вождь преподнес освобожденному народу в первую очередь. В результате основания революционной партии трудовой народ во главе с рабочим классом получил впервые свой мощный революционный авангард.

Ликование тридцати миллионов

Благодаря работе по созданию партии и славному провозглашению ее основания всему миру стало широко известно, что великий вождь с триумфом уже вернулся на Родину и возглавил революцию.

Испытывая безграничное счастье и волнение, наш народ единодушно желал выдвинуть на высокое и почетное место легендарного героя, солнце нации, уважаемого вождя Полководца Ким Ир Сена.

Так, вечером 13 октября представители различных слоев населения Пхеньяна устроили торжественный ужин в честь вождя.

Когда великий вождь вошел в зал и обменивался с участниками торжества теплыми рукопожатиями, во всем зале царило оживление. Люди, страстно желавшие увидеть его, не в силах были сдержать радостные возгласы. Иные не могли оторвать от глаз платок. Столь велика была честь и счастье встречи с вождем, который, разгромив сильнейшего врага — японский империализм, вернул стране и нации свободу.

Люди ни на минуту не отводили взглядов от вождя. В этот миг они начисто забыли о себе и были взволнованы мыслями о великом вожде и о почете, с каким встретила его Корея.

Благородными были черты лица вождя, светившегося необыкновенным умом, многозначительное выражение его лица и голос, в котором сочетались дерзость, нежность и неописуемая благотворная сила, словно заполняли весь зал ярким весенним светом. К тому же его кипучая энергия сообщала окружающим неиссякаемую бодрость. Все чувствовали, что светлое завтра Родины обеспечено.

Представители различных слоев населения выражали чувство благоговения и благодарности вождю, который вел великую борьбу за спасение Родины на протяжении 20 с лишним лет и совершил бессмертные подвиги. Один из присутствующих говорил, что наш народ не пал духом даже тогда,

когда напуганные мощью Полководца, японские империалисты распространяли всевозможные ложные слухи, а сегодня за этим столом никто не может скрыть слезы радости, — и пустился в пляс. Атмосфера в зале становилась все оживленнее и радостнее.

Великий вождь произнес глубокую, содержательную речь, в которой подчеркнул, что все политические партии, организации и весь народ должны отдать все свои силы и ум во имя строительства нового, народного государства.

В ту ночь участники праздничного ужина всей душой ощущали, что необыкновенная простота вождя еще больше возвеличивала его. Вождь, совершивший немеркнущие подвиги, говорил о себе всегда снисходительно, на первый план он выдвигал народ. Все присутствующие не могли скрыть своего восхищения благородством великого вождя.

14 октября на стадионе, у подножия горы Моран состоялся митинг жителей города Пхеньяна, посвященный триумфальному возвращению великого вождя Президента Ким Ир Сена на Родину. В этот день и небо было таким ясным и голубым, как никогда, словно и оно приветствовало эпохальное событие.

В час пополудни несравненный патриот, легендарный герой Президент Ким Ир Сен, полный энергии, появился на трибуне. На стадионе, где собралось свыше ста тысяч жителей, и на горе Моран, усыпанной людьми, раздавались громкие восторженные возгласы, потрясающие небо и землю.

«Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

«Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Широко и радостно улыбаясь, высоко подняв букет душистых цветов, преподнесенный девочками, вождь отвечал на приветствия. Его улыбка была улыбкой солнца, взошедшего над землей Кореи, которой враг навязал адскую жизнь, — это был привет, посылаемый несравненным патриотом и великим вождем, который спас страну в кровопролитной борьбе.

Никто не мог оторвать взгляда от вождя. В кромешной

тьме рабства народ с нетерпением ждал вождя, который добрых 20 лет сражался с самураями, испытывая невероятные лишения, и победил их, и сегодня он своей мягкой улыбкой разглаживал тяжелые раны в сердцах народа и вселял в них светлую надежду на счастье.

А как он молод! Эта кипучая молодость обещает вечное процветание Родины! Казалось, и высокое небо, и широкая земля существуют, чтобы вечно прославлять его.

Участники митинга, приветствовавшие вождя ликующими возгласами, плакали бесшумно от нахлынувших чувств.

Но они, утирая слезы радости, не знали о том, что вождь, отложив посещение родного края после своего триумфального возвращения на Родину, первым долгом встретился с народом, не подозревали они о силе любви его к народу.

А каковы были бы чувства людей, если бы они знали и об этом!

В бурлящей толпе оказалась и тетя вождя, прибежавшая из Мангендэ. За это время где только не побывала она, чтобы услышать весть о вожде. Она рассердилась, когда ее муж молча один отправился сегодня утром в Пхеньян.

«Если у Полководца нет матери, то разве нельзя, чтобы я, тетя, заменила ему мать. Когда все корейцы идут встречаться с Полководцем, должна ли я сидеть дома...»

С этой мыслью тетя прибежала сюда за десятки ли. Она не могла устоять на одном месте и, пробиваясь сквозь толпу, шла вперед и не сводила глаз с вождя. (И время не могло стереть следы детства, эти незабываемые ямочки на щеках. Эти сверкающие умом глаза. Это Чынсон! Сон Чжу! Наш Полководец!)

У нее невольно вырвалось преграждавшему ей путь охраннику: «Я тетя Полководца!» — и она подошла ближе к трибуне. Услышав это, люди удивились. Значит, вождь все еще не виделся с родственниками в родном краю? Удивление переросло в восхищение. А тете так хотелось повидать вождя, что она протиснулась в толпу, а он первым долгом встречается со своим народом и со своей страной.

Охранник привел тетю к машине, на которой приехал вождь.

В такой вот обстановке великий вождь Президент Ким Ир Сен и произнес свою историческую речь после триумфального возвращения на Родину. В своей речи великий вождь остановился на освобождении нашей нации и героической борьбе нашего народа за освобождение Родины, а потом наметил историческую задачу построения суверенного и независимого демократического государства в освобожденной Корее.

Далее он подчеркнул, что для строительства новой, демократической Кореи вся нация должна тесно сплотиться и весь народ должен объединить свои силы, и продолжал:

«Настало время, когда наша корейская нация должна объединить свои силы во имя построения новой, демократической Кореи. Все представители различных слоев населения с патриотическим энтузиазмом должны подняться на строительство новой Кореи. Каждый должен активно содействовать государственному строительству: у кого есть силы — силами, у кого знания — знаниями, у кого деньги — деньгами, все соотечественники, которые искренне любят свою страну, свою нацию, демократию, должны слиться воедино и построить суверенное и независимое демократическое государство».

Когда уважаемый вождь закончил свою речь, стадион сотрясали громкие возгласы. Все клялись: «Прославим новую Корею под мудрым руководством Полководца!»

Только после этой речи вождь встретился с тетей, их встрече радовались все собравшиеся, они бурно, с волнением аплодировали им. Вождь крепко сжал руки тети и тепло поздоровался с нею.

Тетя, взяв руку вождя, не смогла совладать с охватившими ее чувствами и дала волю слезам. «Как радовался бы Полководец сейчас, если бы вместо меня была его мать» — думала она.

У тети разрывалось сердце.

Запоздалое посещение родного края

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, поздравив народ и выступив с речью по случаю триумфального возвращения на Родину, посетил родной край Мангендэ.

Спустя 20 лет он вновь шел по дороге к родному дому, который покинул еще мальчиком, горя от обиды за утраченную страну и исполненный боевой решимости. Совершив великое дело разгрома японского империализма и спасения родины, он вернулся теперь как вождь народа.

Было ли другое такое торжественное событие в истории нации, в мировой истории? Это был путь, овеянный бессмертной славой. Разгневанное от произвола самураев Мангендэ сегодня превратилось в край радости и восторга, все село встречало вождя.

— Наконец-то ты вернулся! Это сон или явь? — повторяла бабушка дрожащим голосом, подбегая к нему с распростертыми объятиями.

Великий вождь тоже побежал ей навстречу, зовя бабушку, и обнимал ее.

Все происходившее напоминало сон.

В Маньчжурии под угрозой штыков японских империалистов бабушке нельзя было встречаться с любимым внуком, хотя так хотелось увидеть его, но сейчас она оказалась в объятьях внука, ставшего солнцем нации. Значит, она избавилась от долгих мук ада и поднялась на вершину рая.

Обняв бабушку, вождь подходил к родному дому, радостно отвечая на сердечные приветствия сельчан. Дрогнуло его сердце. Колыбель детства, которая так пострадала от жестокости мира и по которой тосковал он всегда, воспоминания прошлого, думы об отце и матери, дяде и младшем брате, вместе с которыми он покинул этот дом и которые погибли в огне борьбы.

Ему слышался веселый смех отца, раздававшийся в хижине, казалось, будто молодая мать выбегает из дома со светлой улыбкой, но это только усиливало боль утраты.

Погруженный в горькие воспоминания, вождь увидел приближающегося деда. «Как сильно постарел дед, какой болезненный у него вид» — подумал вождь. Дедушка выбежал из дома в одних босонах (носках), он не смог сдержать радостного крика.

Великий вождь поспешил навстречу дедушке и схватил его огрубевшие руки. По щекам деда, изрытым глубокими морщинами, ручьями текли слезы радости...

— Дедушка, сколько ты пережил из-за меня!

Вождь под руку вел деда в дом. За ними вошли остальные родственники и сельчане и расселись вокруг вождя, глядели на него, плача и смеясь, — все были возбуждены встречей с ним.

И в минуту радости бабушка не смогла позабыть ушедших навсегда сына и сноху и дрожащим голосом говорила, утирая слезы подолом юбки.

— Увидя тебя, я словно освободилась от забот и мук. Но... где ты оставил отца с матерью?.. Неужто нельзя было вместе вернуться...

Эти слова глубоко ранили сердца людей, все молча утирали слезы. И вождь оглядывал комнату повлажневшими глазами. Он искал вещи, которыми пользовались отец и мать. Его взгляд был настолько печален и многозначителен, что бабушка, поглаживая его руку, старалась скрыть слезы и даже улыбалась.

— Как это хорошо — освобождение... Как бы радовались этому твои отец и мать... если бы смогли узнать об этом...

В комнате снова стало оживленно, и все говорили наперебой. Детишки с разлохмаченными волосами садились на колени вождя. Он, широко улыбаясь, обнимал их. Глядя на эту картину, бабушка спросила:

— Есть ли у тебя жена и дети?

Вождь не сразу ответил. Обстоятельства не позволили ему провести свою семью к деду и бабушке и порадовать их, и он чувствовал себя виноватым. Старики так радовались встрече с внуком, так ждали его в родном доме. Он ответил, что еще не успел привезти семью в Пхеньян, и добавил, что

как только они приедут, он приведет жену в их дом, чтобы она взяла на себя заботу о деде с бабушкой.

Ответ вождя вновь взволновал собравшихся. Бабушка, не скрывая радости, снова спросила:

— Откуда родом твоя жена?

Видимо, ей не терпелось узнать сразу обо всем.

— Она мой боевой товарищ, — ответил Полководец.

Тут один парень из села придвинулся и хотел было спросить о чем-то, но промолчал.

Вождь вопросительно посмотрел на парня, не догадываясь, в чем дело, и спросил, что его интересует. Тогда парень, покраснев, спросил:

— Уважаемый Полководец, как-то ваша бабушка, приехав из Маньчжурии, сказала, что в народе широко ходят слухи, якобы Полководец Ким Ир Сен борется в горах, купаясь в холодной росе, и поэтому у него тело не такое, как у обычных людей. Его голос слышится на расстоянии 50 ли вокруг, он сокращает расстояния и умеет менять свою внешность. Я хотел бы знать, правда ли все это.

Вождь похлопал парня по плечу и засмеялся. Рассмеялись все, а вождь сказал: — «Как видишь, я такой же, как все, самый обычный человек».

Великие подвиги вождя и чувство благоговения народа к нему породили все эти легенды, но он, скромный, перевел разговор на другую тему. Но собравшиеся с еще большим восхищением смотрели на вождя, легендарного героя.

Через некоторое время подан скромный ужин. На столе, кроме обычной еды, появились бутылки, принесенные вождем. Он лично разливал водку деду и старикам села.

Тетя, охваченная радостью, спела песню, а бабушка даже сплясала. Все Мангендэ ликовало, все танцевали и пели.

В этот раз, как бывало в детстве, великий вождь ночевал у деда и бабушки. В родном доме ремонтировали ондор (отопляемый пол) и в нем неудобно было спать. Дедушка хотел, чтобы внук ночевал у кого-нибудь в чистом и уютном доме.

Но вождь отказался, говоря, что он, снова встретившись

через 20 лет с дедом и бабушкой, как же оставит родной кров и будет спать у кого-то, и лег рядом с дедом на временно обмазанном полу. Он спал в комнате на соломенном мате, постелив под ним пшеничную и ячменную солому, укрывшись одеялом, эту хлопчатую бумагу ткала и красила его бабушка.

За радостью — радость

В родном доме Мангендэ случилось еще одно радостное событие. Вскоре после посещения вождем родного дома в Мангендэ приехала непреклонная революционная борец-коммунистка Ким Чжон Сук (супруга Полководца Ким Ир Сена), которая в период антияпонской борьбы неизменно оставалась верной вождю и посвящала все ради его дела. Прибывшая позже вождя в Пхеньян уважаемая Ким Чжон Сук первым долгом навестила Мангендэ, где жили дед, бабушка и другие родственники вождя. Она, добрая и умная, со светлой улыбкой вошла в дом Мангендэ. Дед и бабушка были безмерно счастливы, приняв от жены внука низкий земной поклон и правнука, как две капли воды похожего на вождя в детские годы.

Дед, высоко подбрасывая упитанного правнука, восхищенно говорил со слезами на глазах:

— Наш род теперь будет вечно процветать! И в такое суровое время родился такой ребенок-герой...

Дед спросил юного правнука, глядевшего на него сверкающими умом глазами.

— Ну, а как тебя зовут?

— Чжон Ир.

Ясный и четкий ответ правнука восхитил деда.

— Право слово, каковы отец и мать, таков и сын! И бабушка, не в состоянии сдержать радость, наполнявшую ее сердце, говорила:

— Вернулся наш Полководец, вернулась такая милая жена внука со славным правнуком... Он на нашего Полководца похож как две капли воды!..

Уважаемая Ким Чжон Сук, глядя на эту картину пов-

лажневшими глазами, чувствовала себя виноватой за то, что из-за работы поздно обрадовала родственников.

Войдя в дом, она скромно села перед дедом и бабушкой и сказала:

— Дедушка, вы пережили много страданий. Теперь вам пора отдохнуть, ведь вы в преклонном возрасте. Мы позаботимся о вас, дедушка и бабушка.

— Спасибо!.. —Дедушка дорожил искренной заботой жены внука, но ответил:

— И сельчане того желают, но человек должен жить своим трудом, пока он способен трудиться... Я знаю, что вы занимаетесь важными делами в государстве, и я не могу быть обузой для вас, пока у меня есть руки и ноги...

Сердце Ким Чжон Сук наполнилось гордостью от того, что у нее такие замечательные родственники. Она вышла в кухню, где бабушка готовила для нее еду, закатала рукава и быстро и ловко стала помогать.

Видя проворство Ким Чжон Сук, бабушка не могла скрыть восхищение.

— Когда же ты успела этому научиться!... Исстари говорят, что семья процветает, когда в ней появляется хорошая, умная и добрая невестка. Ты и впрямь символ счастья нашей семьи! Все время воевала с япошками в горах... Но и все домашние дела у тебя спорятся...

Ким Чжон Сук казалось, что эти нежные слова говорит не бабушка, а свекровь, еще и еще раз она оглядела кухонную утварь. Подносы и глиняная посуда на аккуратно вымазанной плите, истертый, напоминающий по форме ущербный месяц, половник и изношенный для ношения тяжестей на голове, запаянный кувшин для воды и неказистый чан — во всем виднелись следы умелых рук свекрови. Казалось, что эта бедная кухонная утварь, превратившись в бесценные реликвии, ждала рук молодой невестки.

Ким Чжон Сук решила, следуя примеру благородной свекрови, заботиться о родственниках, активно помогать вождю и хорошо воспитывать детей.

Приняв дорогих людей, родной дом в Мангендэ с его низким потолком стал подобен великолепному дворцу.

3

День ото дня возрастал энтузиазм рабочих и крестьян, участвовавших в государственном строительстве. Слишком долго мы жили в неволе, пора и нам стать хозяевами своей судьбы. Под солнцем хватит дела для всех. Я, мы — власть и страна. Сердца этих людей горели желанием действовать. Ими руководили верные вождю коммунисты и активисты из рабочих и крестьян. Жизнь уже доказала абсолютное превосходство революционных сил.

Однако реакция и ее наймиты лезли из кожи вон, чтобы переманить на свою сторону колеблющихся. Пытаясь вбить клин между народом и коммунистами, они возводили клевету на коммунистов, распространяли лживые слухи, сколачивали группы и поднимали даже антинародные волнения.

У некоторой части населения все еще была низка политическая сознательность, они не понимали, что все это клевета и отчаянное сопротивление обреченных на гибель. Кое-кто, попав на удочку реакции, был вовлечен в бесславные инциденты против народа. А немало предпринимателей стремились лишь к эксплуатации соотечественников с целью наживы, был еще низок уровень сознания у служителей культа и интеллигенции. На дне общества по-прежнему сохранялась проституция.

Все это препятствовало государственному строительству, которое нужно было вести силами всей нации. Поэтому великий вождь Президент Ким Ир Сен развернул энергичную деятельность, направленную на скорейшее политическое пробуждение всех слоев населения и вовлечение их в общее русло государственного строительства

«Я тоже коммунист!»

Это было 26 ноября 1945 года. В этот день любимый вождь Президент Ким Ир Сен выступал с речью о пути, по которому должна идти молодежь, перед представителями молодежи, которые собрались в Пхеньянском государственном театре.

Один из работников с тревожным лицом быстро поднялся на трибуну и доложил ему, что в Синичжу группа учащихся средней школы, обманутых реакцией, подняла волнение. Весть была тревожной, и вождь после выступления полетел самолетом в Синичжу.

Узнав о случившемся здесь, вождь испытывал горечь обиды. Разумеется, волнение учащихся — явление нежелательное, но более серьезным было то, что учащиеся, призванные встать во главе борьбы за социальный прогресс, поверили ложным слухам и поддались на подстрекательство горстки врагов и их партии и бездумно подняли шумиху. На следующий день после прибытия в Синичжу вождь направился на площадь Тонской средней школы, где собрались учащиеся и массы. Здесь был назначен митинг в честь вождя. В городе сложилась напряженная ситуация: неистовствовали реакционеры, в переулках рыскали провокаторы с пистолетами за пазухой. Никто не знал, что замыслили реакционеры, которые были тут же на площади в гуще масс.

Но вождь шел хладнокровно на митинг. На тернистом пути революции он никогда не думал о личной опасности.

На митинге были произнесены горячие приветственные речи в честь великого вождя. А когда собрался было выступать представитель компартии, чуждые элементы, проникшие в толпу, подняли крик и шум, требуя от него сойти. Ему ничего не оставалось, как сойти с трибуны.

Великий вождь, наблюдавший за этой картиной, медленно поднялся на трибуну. В эту минуту люди скандировали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» Всю площадь сотрясали взволнованные возгласы. Потом на

шумной площади воцарилась тишина, словно в лесу, когда затихнет ветер.

Люди смотрели на вождя с доверием и надеждой.

Один из учащихся задал ему вопрос:

— Уважаемый Полководец, по какому пути идет сейчас освобожденная Родина?

Этот вопрос показал, как низок уровень сознательности и насколько глубоки их политические заблуждения. Это влияние лжи японской империалистической злостной пропаганды о коммунизме, это последствия реакционной демагогии, которую выдавали за коммунистические идеалы, левацкой болтовни фракционеров об уничтожении всякой личной собственности, шумной проповеди реакции, которая утверждала, что якобы лишь при капитализме, где люди, имеющие деньги и власть, угнетают и эксплуатируют бедняков, лишь в этом обществе все могут жить счастливо — все это привело к заблуждению людей.

Глубоко вникнув в суть дела, любимый вождь Президент Ким Ир Сен выступил с речью, после речи все стало на свои места. Он отметил, что наш народ не встал на колени перед японскими империалистами, он в течение долгого времени боролся против японских самураев и завершил великое историческое дело возрождения Родины в ходе 15-летней трудной антияпонской вооруженной борьбы. Далее вождь ясно указал путь, по которому должна идти освобожденная Корея.

«Так по какому пути теперь должна идти освобожденная Корея? Она должна идти по пути строительства суверенного и независимого демократического государства, которое даст нашему народу свободу и счастье.

Сегодня перед нашим народом встает большая и трудная задача строительства народно-демократической республики — подлинно народного государства...

Для строительства нового государства нам нужно сплотиться в общенациональном масштабе. Демократическая Корея может быть построена только усилиями всего народа, а не потугами кучки людей. Чтобы выполнить

великую историческую задачу строительства новой Кореи, все партии и группировки должны крепко сплотиться под знаменем демократии и идти в едином строю дорогой мужественной борьбы».

Эти слова как бы осветили путь, по которому должна идти Корея, они вдохнули свежую струю в грудь людей. Площадь была охвачена вдохновением и радостью. Стоящие на ней напоминали людей с тонущего судна, которые услышали гудок приближающегося спасательного парохода.

Сегодня враги, продолжал великий вождь, пуще всего боятся сплочения нашего народа. И безрассудное волнение учащихся, имевшее место в Синичжу, произошло в результате злобных происков реакции.

Вдруг кто-то, стоявший рядом с трибуной, резко подняв руку, дерзко задал вопрос:

— Вы, Полководец, тоже коммунист?

Это был наивный вопрос. Но вождь очень хорошо понимал причину этого вопроса и неторопливо разглядывал учащихся, которые ждали ответа, затаив дыхание. Широко улыбаясь, он веско заявил:

«Только что кто-то задал мне вопрос: «Вы, Полководец, тоже коммунист?» Да, я тоже коммунист. Коммунисты — настоящие патриоты, стойкие борцы за полную независимость страны и счастье своего народа. Если кто-то считает себя коммунистом, но не любит свою страну и нацию, — это не настоящий коммунист. Я не отношусь к той категории коммунистов, которые уповают на чужие силы, я являюсь коммунистом, который опирается на свой народ и борется во имя корейской нации и корейского народа.

Мы должны уметь четко отличать настоящих коммунистов от тех, кто вырядился в тогу коммуниста».

На площади воцарилась гробовая тишина. Лица людей выражали раскаяние, и по ним было видно, что они осознают все сказанное вождем. (Если почитаемый народом Полководец Ким Ир Сен — коммунист, то коммунизм — вещь стоящая! Как мы были наивны, когда делали скоро-

спелые выводы, поверив в демагогию реакционеров и болтовню псевдокоммунистов). Казалось, все раскаиваются в своих поступках.

Далее великий вождь говорил о мрачном периоде, когда корейский народ находился на грани смерти при жестоком господстве японского империализма, корейские коммунисты — подлинные патриоты с оружием в руках на протяжении 15 лет вели антияпонскую вооруженную борьбу за возрождение Родины и счастье народа. И когда он заговорил о коммунистах Кореи, которые героически боролись и на поле боя под градом пуль, и в тюрьмах, и в застенках против японских империалистов, учащиеся были сильно возбуждены.

Вождь целиком овладел сердцами слушателей. Он разъяснял им благородную цель корейских коммунистов, призванных построить на родной земле вечно процветающий край для народа, и призвал всех, кто любит страну, народ и демократию, посвятить всю свою энергию и способности, внести вклад в строительство новой, демократической Кореи.

Слова великого вождя, словно солнечное тепло, растопили лед, превратив его в мощный поток, и соединили воедино черствые души людей и направили их в могучий океан революции. Вся площадь клокотала от восторга и ликования.

На площади снова взорвался возглас: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» Высоко поднимая руки в общем приветствии, все собравшиеся во весь голос скандировали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Вождь, широко улыбаясь, отвечал на возгласы масс, подняв руку.

Такова была великая сила его воздействия. Обманутые реакцией учащиеся, которые еще недавно организовывали выступления, незаметно перешли на сторону революции, они горячо приветствовали солнце нации, великого вождя.

Так уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен — ком-

мунист предстал как самый благородный патриот, как выходец из народа, тем самым он тесно сплотил в ряды строителей новой Кореи даже ту часть учащейся молодежи, которая колебалась из-за своего политического невежества, и энергично повел ее по верному пути.

Путь к жизни обездоленным людям

В чем настоящий смысл жизни, не знала толком не только часть учащейся молодежи. Иные люди, которые раньше подвергались бесчеловечному унижению на дне общества, не поняли подлинного смысла освобождения страны и продолжали из-за своего невежества жить по-старому. Они не могли четко различить, кто защищает их интересы и кто ущемляет их, и не осмеливались вставать на борьбу за свои подлинные демократические права и свободы.

Великий вождь прилагал много усилий для того, чтобы повести этих людей по намеченному им пути к достойной жизни. Мобилизуя парторганизации и развертывая различные формы массово-политической работы, он лично шел в массы и вел воспитательную работу.

Протест вождя вызывало то, что люди, подвергавшиеся в прошлом жесточайшему угнетению и оскорблению, все еще не могли найти путь к новой жизни. Всегда и везде он отдавал свое ценное время тому, чтобы разъяснять им принципы новой жизни.

Если вождь видел где-либо людей, которые, не отказавшись от старого, продолжали жить скверно, он, независимо от того, к какой группе населения они относятся, заботился о них, делал все, чтобы спасти их и сделать хозяевами новой страны и нового общества.

Вот что произошло вскоре после его триумфального возвращения на Родину. Однажды вождь вместе с одной работницей, проходя мимо жилого квартала Кенсанкор в Пхеньяне и узнав о том, что здесь все еще существуют дома терпимости, очень расстроился.

В этом квартале по-прежнему жили без вины винова-

тые бедные женщины, которых когда-то продали из-за бедности, и было неведомо, известно ли им, что страна освободилась. Встретив освобождение, основная масса людей словно обрела крылья, а эти все еще томились в грязном притоне и печально смотрели на мир.

Прохожие кидали на них безразличные взгляды, видимо, просто привыкли к ним.

Но вождь не мог позволить, чтобы на освобожденной земле все еще оставались такие уголки, такое несчастье.

Вождь-отец говорил своей спутнице:

— Вы занимаетесь женским движением, известно ли вам, что здесь существует официальная и скрытая проституция? Для них еще не пришло освобождение. Вы должны обратить внимание на это и ликвидировать такое положение, не так ли? Эти женщины находятся на самом дне жизни, они полностью лишены элементарных прав женщины и человека.

Надо пробудить их сознание. Это самые униженные женщины, они должны бороться за возвращение им всех своих прав. Они должны быть освобождены и стать свободными людьми. Наша задача — учить и воспитывать их, чтобы они отныне активно принимали участие в строительстве новой страны и жили по-человечески.

Вы должны бороться за все, что касается освобождения женщин. Не так ли?

От слов вождя работница испытывала угрызения совести. Будучи сама женщиной, участвуя в женском движении, она не нашла времени подумать об этих несчастных женщинах.

Сразу были приняты меры по ликвидации проституции. Благодаря любимому вождю и кисэны, подвергавшиеся на дне общества унижениям и оскорблениям, стали свободными на освобожденной Родине. Однако не всем было дано жить по-новому. Часть из них не смогла избавиться от «бабок кисэн», алчных до денег, и продолжали жить по-прежнему в притонах.

Но вождь не мог допустить, чтобы на освобожденной

Родине оставались подобные люди. Он прилагал все силы, чтобы и они увидели светлый день.

Вот что случилось однажды. Вождь-отец Президент Ким Ир Сен работал в своем кабинете. Ему доложили, что пришла группа женщин и просит принять их. Оказалось, что это были кисэны Пхеньяна, обманутые «бабками кисэн». Они пришли выразить «протест» по поводу государственных мер, направленных на ликвидацию кисэн.

Вождь попросил своих сотрудников пригласить всех женщин в просторную комнату на первом этаже. Кисэны были растеряны, когда узнали, что их будет принимать сам Полководец Ким Ир Сен.

Когда вождь вошел в комнату, они вскочили с мест, отдали поклон и стояли молча, опустив головы.

Он пристально оглядел их лица, затем предложил сесть и только тогда спросил, какое у них дело.

Стояла тишина. Будто никто не дышал. Никто не осмеливался начать разговор.

Спустя некоторое время одна из кисэн робко встала и еле слышно произнесла:

— Полководец Ким Ир Сен, с завтрашнего дня нам нечем будет питаться. Как нам заработать на пропитание?

Выслушав ее, вождь грустно улыбнулся. Ему было жаль этих женщин, которые думали, что их доля — быть кисэн и жить, промышляя таким недостойным занятием. И сегодня, после освобождения страны, они все еще не освободились от этой мысли.

Вождь-отец поглядел на каждую из них и заговорил взволнованно:

— Неужели, чтобы прокормиться, надо быть непременно кисэн? Кисэн — игрушка в чужих руках, она лишена человеческого достоинства, что хорошего в этом занятии?

В словах вождя им слышались упреки: вас в прошлом всячески оскорбляли, но почему же и после освобождения страны вы желаете жить по-прежнему? Что-то дрогнуло в груди этих женщин. Они были безмерно благодарны вождю за искреннее сочувствие к ним и беспокойство за их

судьбу. Они знали лишь то, что были проданы за деньги и должны сносить любые оскорбления и унижения...

Вождь продолжал:

— Перед вами сейчас открыта дорога к счастливой жизни: кто хорошо поет, может стать певицей в ансамбле, кто танцует, может учиться танцевать в хореографической труппе, а кто желает завести семью — может стать домохозяйкой.

Далее, увидев сидящую среди них «бабку кисэн», вождь, обращаясь к ней, в назидание другим сказал:

— Неужели сейчас нечем заняться, кроме как торговлей людьми и унижением этих женщин?

И он строго наказал ей отказаться от этого грязного занятия.

Поучения вождя всколыхнули души кисэн. Они заливались горячими слезами, вспоминая горькое прошлое, и улыбались сквозь слезы, когда ясно представляли себе свое светлое завтра. В самом деле, слишком беспросветна была их жизнь. Из-за бедности были проданы за деньги и превратились в игрушку для людей, поэтому вначале и белый свет был не мил. Но и к несчастью привыкают, думали, что их участь такова, примирились со своей судьбой: быть таковой до конца дней своих. Но сегодня от уважаемого вождя они впервые узнали, что и они — люди. Женщины с благоговением глядели на него.

Вскоре их лица засветились улыбками счастливых, как будто заново рожденных и возвращенных к жизни людей. Великий вождь дал распоряжение своим сотрудникам трудоустроить в соответствующие места всех женщин, которые хотят начать новую жизнь.

Таким образом, благодаря теплой заботе вождя эти женщины, проданные за деньги, игрушки в руках богатеев, о спасении которых перестали думать даже их родители, теперь стали достойными труженицами и членами нового общества.

Конечно, по сравнению с той любовью и заботой

вождя, которыми он окружал всю нацию, его забота о людях, поступивших легкомысленно под подстрекательством реакции, или женщинах, беспросветно живущих на дне общества, которых он спас от жалкого и позорного положения, была мелочью. Но и в этой мелочи ощутилась горячая любовь вождя, который решил не оставлять ни одного темного уголка на освобожденной Родине.

4

Народ Южной Кореи страдал под игом военной администрации жестокого американского империализма. Восторг от освобождения страны — 15 августа — исчез как сон. Американская военная администрация, заменившая генерал-губернаторство Японии, снова покрыла всю южнокорейскую землю лесом штыков. Людям достались еще более страшные муки на земле, где хозяйничали американские империалистические агрессоры и национальные предатели всех мастей, которые дрались между собой за власть.

Насильно были разогнаны народные комитеты всех ступеней, созданные по воле народа, патриотам пришлось снова проливать кровь; фабрикуемые что ни день новые драконовские законы и произвол повергли южнокорейский народ в пучину бедствий.

Народ Южной Кореи, лишенный средств на существование, поднялся на борьбу против американских империалистов и их приспешников. Он всей душой тосковал по солнцу нации, Полководцу Ким Ир Сену, обращая взоры на Север — край надежды, подобно тому, как люди из подземелья тянутся к свету.

Американские империалисты не скрывали своего беспокойства, видя, что думы народа обращены к вождю.

Тогдашний командующий дальневосточными войсками США Макартур откровенничал с одним из южнокорейских политиков:

— Полководец Ким Ир Сен вступил в Пхеньян. Если не принять срочные меры, то он займет весь Корейский полуостров. Не следует думать, что он, нанеся поражение японской империи, ограничится превращением в красную всей страны, включая остров Чечжу. Многие слабые и малые страны молятся на него, как на кумира. Об этом еще раньше говорил бывший американский президент Губер.

В самом деле, великий вождь не мог спать спокойно от мыслей о населении Южной Кореи, испытывающем бедствия и страдания по вине американских империалистов, и не закрывал окна, обращенного к югу. Он прилагал все силы и энергию к тому, чтобы как можно скорее изгнать американских империалистов-захватчиков и принести южнокорейскому населению светлую жизнь.

Два корреспондента из Сеула

Американские империалисты установили штыками жестокие кордоны на 38-й параллели, но жители Южной Кореи непрерывно переходили на Север. Через Кэсон, Ренчхон, Тондучхон под покровом тьмы, преодолевая крутые перевалы, пренебрегая смертельной опасностью, они шли на Север. Среди них были рабочие и крестьяне, ученые и писатели, учащаяся молодежь. Опасность преследовала их по пятам, но они были полны надежд, словно шли навстречу утренней заре. Они шли в объятия солнца нации, Полководца Ким Ир Сена.

Два корреспондента газеты «Сеул синмун» тоже отправились на Север. Один — высокого роста, другой — коренастый. Накануне нового года, 27 декабря 1945 года, сквозь вьюгу они прошли 38-ю параллель и 29-го числа прибыли в демократическую столицу Пхеньян. Их цель — встретиться с вождем-отцом и передать ему горячий привет от изнывающих во мраке южнокорейских соотечественников.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен радостно принял их, отложив все срочные дела.

«Я Ким Ир Сен. Вам нелегко было преодолеть долгий и опасный путь. Садитесь, пожалуйста, вот здесь».

Великий вождь просто и радушно принял корреспондентов. Они, забыв о своей профессиональной привычке, плакали радостно, как дети, оказавшиеся в объятиях отца после долгой разлуки. Один из корреспондентов, с трудом сдерживая волнение, сказал:

— Уважаемый Полководец, как много невзгод Вы перенесли в борьбе против японского империализма, за возвращение потерянной Родины!

Корреспондент понял, что эти слова слишком слабы для приветствия великого вождя, спасшего нацию и Родину от гибели. Но он не смог найти подходящих слов от сильного волнения.

Тем не менее великий вождь ответил очень скромно:

«И, конечно же, лично я пережил не столько много трудностей, сколько досталось нашим соотечественникам, которые страдали куда больше меня при варварском режиме японских империалистов. Сражаясь против этих врагов, я ни на минуту не забывал о страданиях и несчастьях наших соотечественников».

Слушая вождя, корреспонденты низко опустили головы. Как горяча любовь к Родине у вождя, который совершил бессмертные подвиги и так скромно оценивает свои заслуги перед нацией! 15 лет, проведенные в борьбе со злейшим врагом, шли сквозь свирепый ветер и снежную бурю. Могут ли быть большие трудности на свете, чем те, что пережил вождь. Таких трудностей и лишений еще не знало человечество, но тем не менее он с болью в сердце думает только о мучениях народа... Его великая любовь глубоко тронула корреспондентов.

Вождь, положив руки на плечи корреспондентам, расспрашивал их о положении и жизни народа Южной Кореи. Они рассказали о тревоге народа, об усиливающихся

день ото дня репрессиях и произволе американских захватчиков.

Лицо вождя омрачилось. Он все больше и больше волновался, слушая рассказы корреспондентов о юноше, павшем от белого террора при защите от разгрома здания народного комитета, и о семьях, пострадавших в войне, которые въехали в дома, принадлежавшие врагам, и были изгнаны оттуда американскими войсками. Вождь не мог сдержать охватившего его негодования.

Корреспонденты сказали о цели своего посещения:

«Южнокорейский народ сейчас мечется, толком не зная, по какому пути должна идти освобожденная Корея. Люди Южной Кореи думают, что только Вы, Полководец, можете указать народу верную линию корейской революции. Когда мы покидали Сеул, жители Южной Кореи просили посетить Вас, Полководец, и досконально узнать, по какому же пути должна идти Корея. Полководец, ответьте, пожалуйста, каким, по Вашему мнению, путем должна идти Корея и каковы ближайшие цели нашей борьбы?»

Великий вождь, отметив, что вопрос о пути дальнейшего развития Кореи — очень важный вопрос, доходчиво стал разъяснять сложившуюся ситуацию, политическую линию, рассказал об этапах революции.

Он сказал:

«Долгие годы наша страна находилась под колониальным господством японского империализма. Сегодня в корейском обществе осталось еще немало пережитков, унаследованных от японского империализма и феодализма. Поэтому наш освобожденный народ должен осуществить антиимпериалистическую, антифеодальную демократическую революцию и пойти по пути создания народно-демократической республики.

Для этого мы должны, прежде всего, сформировать прочный Единый демократический национальный фронт, охватывающий все патриотические демократические силы».

Так осветив основной вопрос, он подробно остановился на характере и задачах антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции, анализируя конкретную действительность Кореи, а также на принципе и методах формирования единого национального фронта, словно заботливый учитель, желающий дать ученикам как можно больше знаний.

Корреспонденты были счастливы. Им казалось, что ради этого дня им стоило жить и работать. Оба корреспондента всем своим существом понимали, что они самые счастливые на этом свете.

Когда вождь закончил, корреспонденты обратились к нему с другой просьбой.

— Уважаемый Полководец, не могли бы Вы дать нам Вашу фотографию?

— Зачем вам моя фотография?

После неоднократно повторенной просьбы безгранично скромный вождь обещал узнать, есть ли где-нибудь его фотография.

Корреспонденты поднялись.

Вождь тепло пожал им руки и, напомнив, что они будут встречать новогодний праздник в Пхеньяне, пригласил их еще раз к себе.

Корреспонденты имели честь встретиться с вождем, затем они принимали участие в новогодних торжествах, где виделись с некоторыми ветеранами антияпонской вооруженной борьбы, и пополудни 4 января вновь встретились с вождем в его квартире.

Вождь пригласил корреспондентов на свою квартиру, подумав, что они, встречая новый год вдали от своих семей, видимо, тоскуют по родным.

Войдя в комнату вождя, корреспонденты не могли скрыть удивление. Письменный стол, книжный шкаф и жаровня посередине комнаты — вот вся обстановка, все было слишком просто.

Вождь живет в таком доме... При виде всей этой обстановки у них повлажнели глаза.

Вождь радушно встретил корреспондентов и вместе с ними сел у жаровни. Он относился к ним с такой теплотой, что им казалось, будто они вернулись в родной дом своего детства. На дворе шел снег, но у них было такое ощущение, словно в комнате благоухают ароматные весенние цветы.

Спустя некоторое время подали обед.

Вождь пригласил корреспондентов к столу.

Крайне смущенные корреспонденты пытались отказаться, говоря, что они уже обедали. Но вождь сказал, что этого быть не может, и настойчиво повторил свое приглашение.

— Право, неудобно угощать дорогих гостей такой скромной едой, но прошу, ешьте, пожалуйста, без стеснения... Вот так мы живем, — сказал он простодушно.

Слушая эти простые и скромные слова вождя, к которым уже привыкли уши корейцев, корреспонденты вновь почувствовали, как велико счастье корейского народа, окруженного его заботой.

Когда принесли водку, он лично разлил ее. Поднимая рюмку вместе с вождем, корреспонденты поправили одежду и безмолвно склонили голову, словно желая навеки запомнить это мгновение.

Уважаемый вождь мягким голосом обратился к гостям:

«Я желаю, чтобы, вы, товарищи, вернувшись в Южную Корею, встали во главе революции. Журналист не должен быть лишь автором объективной информации. Он обязан стоять во главе эпохи и вести народ по пути революции. Советую вам стать такими...»

Вождь, считая этих корреспондентов посланцами южнокорейского народа, пришедшими, невзирая на опасность, с доброй миссией передать ему горячие пожелания, видел

в них борцов, призванных зажечь пламя революции среди населения Южной Кореи, поэтому он с особым теплом обращался с ними и искренне наставлял их. Они чувствовали в этом горячую любовь и заботу о народе Южной Кореи, изнывающем под господством военной администрации американских империалистов.

Время шло, корреспонденты собрались прощаться с вождем. Вождь очень сожалел о краткости встречи. Провожая их на многострадальную землю, он, видимо, думал о народе Юга и не мог скрыть грусть, печаль и боль, хотя широко и дружелюбно улыбался.

Каждый раз вождь, прощаясь с подобными гостями, которые часто посещали его, страдал душой. Он смотрел вслед корреспондентам, которые, тяжело ступая, шли по улице, и на них падал снег. Он глядел им вслед точно мать, провожающая сына в далекий путь. Ему было очень жаль корреспондентов, удалявшихся, засунув руки поглубже в карманы брюк.

В этот же день перед самым уходом из Пхеньяна они неожиданно получили шубы и зимнюю обувь от вождя. От волнения они не в состоянии были вымолвить ни слова и в ответ просто благодарно склонили головы. Там на Юге они ходили в легкой одежде в зимнюю стужу, голодали и бедствовали, и никто о них не заботился.

Они были тронуты до слез горячей отцовской любовью вождя и плакали, уткнувшись лицом в подарки, думая о соотечественниках Юга, которые были лишены возможности оказаться в объятиях вождя из-за американских империалистов-агрессоров и изнывали в жизненных невзгодах.

В шубах и теплой обуви, согревших их тела, они еще больше ощутили всю силу сердечной любви вождя.

Когда оба корреспондента прибыли в Сеул, прогрессивные сотрудники редакции «Сеул синмун» горячо встретили их и привели в общежитие журналистов, расположенное за парком Пагода. Там уже собрались другие коррес-

понденты. Они наперебой задавали вернувшимся товарищам вопросы о впечатлении от встречи с Полководцем Ким Ир Сеном, о его политической линии, об общественном строе Северной Кореи и т. д. Отвечавшие были не в состоянии удовлетворить интерес всех собравшихся. Кто-то упрекнул их за то, что они сходили в Пхеньян без фотокорреспондента. Тогда один из вернувшихся корреспондентов показал всем фото вождя, которое он бережно хранил в нагрудном кармане.

Казалось, что комната вдруг стала светлей. Все подтянулись и с благоговением смотрели на эту фотографию. Они видели на фотографии великое солнце, что будет вечно сиять на небе Родины.

Мужественно отразив жестокие предупреждения и обструкционистские происки реакции, корреспонденты открыто напечатали в газете «Сеул синмун» от 10 января 1946 года фотографию дорогого вождя и следующую статью.

«При улыбке на щеках дорогого вождя появляются ямочки, у него добрые глаза, сверкающие светлым умом, вот как выглядит наш герой Полководец Ким Ир Сен.

...В мрачную годину, когда наша нация оказалась под игом японского империализма, Полководец Ким Ир Сен, как говорит само его имя, стал солнцем и надеждой нации. Как много юношей черпали мужество в этом имени, с ним они вставали на великую борьбу!.. Посмотрите на облик Полководца внимательно: смуглое лицо, коротко подстриженные волосы, мягкие глаза, ямочки на щеках при улыбке — настоящий красавец. Рост — примерно 5 чхок 5 чхон. Стройный. Открытый, веселый характер, скромная и приятная манера поведения заставляют находящихся рядом людей чувствовать, будто он их давний друг. Трудно понять, откуда у него такой задор и смелость. У него спокойные глаза, но иногда в них сверкают молнии, когда он косит ими, брови, выражающие его пыл, зычный голос... Таковы характерные черты вождя. 18-летним юношей он

организовал партизанский отряд и начал антияпонскую борьбу.

И деятельность Полководца стала неодолимой для самураев, которые противопоставили его отряду 15 своих дивизий...

Он очень любит народ, особенно молодежь, принимает любого, прислушивается к голосу каждого, охотно отвечает на все вопросы... Сейчас Полководец Ким Ир Сен, как простой гражданин, находится среди народных масс. Корея должна с вниманием следить, как проявится его светлый ум и мужество в дальнейшем развитии нации...»

Далее в статье освещались политическая линия и методы борьбы вождя, говорилось о его горячей любви к южнокорейскому населению.

Газета, где была напечатана фотография дорогого вождя, передавалась из рук в руки. Кто не достал этого номера, очень горевал, а кто успел купить, бережно хранил, как сокровище.

У стенда редакции газеты, где была помещена фотография вождя, собралась большая толпа горожан. Враги пытались штыками разогнать толпу, но вынуждены были отступить. В редакции горой лежали письма читателей. В них была выражена единодушная пламенная клятва быть беззаветно преданным вождю. Люди испытывали безмерное счастье, увидев хоть раз фотографию вождя, черпали в этом изображении мужество и силу и поднимались на борьбу против американских империалистических агрессоров и их приспешников.

Спортивная делегация снесла 38-ю параллель

Каждый раз великий вождь Президент Ким Ир Сен, принимая гостей с Юга и провожая их, с болью в сердце думал о том, что Север и Юг страны все дальше идут по противоположным путям развития из-за барьера на 38-й параллели, который изо дня в день становится все более серьезным препятствием к объединению по вине американских империалистических

агрессоров. Он делал все от него зависящее, чтобы разрушить этот барьер.

Великий вождь вынашивал мысль об укреплении уз дружбы и сотрудничества между Севером и Югом и использовал для ее осуществления даже спорт, поэтому он решил возобновить «состязания конькобежцев Сеула и Пхеньяна». С 30-х годов по традиции ежегодно зимой проводились соревнования пхеньянских и сеульских конькобежцев то в Пхеньяне, то в Сеуле. Последние состязания состоялись в Пхеньяне в 40-х годах, но потом они прекратились из-за репрессий японских империалистов. Если теперь восстановить старую традицию, то соревнования должны проводиться в этот раз в Сеуле.

И вот в конце января 1946 года, на рассвете, когда падал снег, 36 конькобежцев Пхеньяна отправились в Сеул. Душа провожающего их вождя устремилась к югу страны, где живут многострадальные соотечественники.

Когда конькобежцы перешли 38-ю параллель, преодолев обструкционистские происки американских агрессивных войск, народ Юга горячо приветствовал спортивную делегацию, посланную вождем. Многие спортсмены и журналисты прибыли в Тхосон, чтобы встретить их, а Сеульский вокзал был битком набит народом, приветствующим спортсменов. Южнокорейская печать, называя конькобежцев «героической миссией, снесшей 38-ю параллель», широко информировала о их прибытии. Молодежь и жители Сеула крепко обнимали их и плясали от радости.

Встреченные горячими приветствиями зрителей, конькобежцы состязались по фигурному катанию и хоккею в Чхангенвоне Сеула, а на реке Соян в Чхунчхоне — по скоростному бегу на коньках. Видя мастерство юношей Севера и Юга на стадионе, зрители ощущали прилив национальной гордости и видели Корею, которая будет воссоединена и добьется расцвета под руководством вождя.

В гостиницу «Понсам» в Сеуле, где остановились пхеньянские спортсмены, каждый вечер приходило много южнокорейских юношей со сумками, набитыми хлебом,

печеньем, яйцами и другими продуктами, они все просили рассказывать о Полководце Ким Ир Сене. Когда шли соревнования на реке Соян в Чхунчхоне, один старик, живущий на окраине города, крепко пожав руки спортсменам и не стесняясь слез, проговорил:

— Смотрю на юношей из Пхеньяна, присланных Полководцем Ким Ир Сеном, и вспоминаю своего сынка. Он так завидовал вам, живущим в объятиях Полководца. Погиб в борьбе с янки, скандируя: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» По возвращении в Пхеньян передайте Полководцу, что мы, южане, с нетерпением ждем его.

«Состязания конькобежцев Сеула и Пхеньяна» пользовались большим успехом не от того, что были хорошо организованы. Их успех был результатом большого волнения и восторга южан, узнавших от пхеньянских спортсменов вести о вожде, приступившем к строительству новой Родины, а также того, что он организовал встречу соотечественников Севера и Юга, преодолев 38-ю параллель.

Не успело улечься волнение, охватившее сердца южнокорейских соотечественников в период конькобежных соревнований в январе, как они 25 марта встретили пхеньянских футболистов, присланных вождем. Возобновился традиционный «сеульско-пхеньянский футбольный матч».

Соотечественники Юга восторженно приветствовали и эти состязания. Печать широко сообщала о них крупными заголовками: «Не матч, а демонстрация сплоченной силы корейцев, желающих объединения и независимости Родины», «Возобновление восторга от освобождения! Сеульско-пхеньянский футбольный матч в центре внимания города» и т. д.

Так великий вождь Президент Ким Ир Сен, даже организовывая спортивные соревнования молодежи Севера и Юга, прилагал усилия к тому, чтобы устранить раскол страны и открыть путь к объединению. Вождь-отец ни на минуту не забывал о великом деле воссоединения Родины.

Забота о бедствующих учащихся Юга

30 августа 1946 года. У вождя сидели два человека в поношенной одежде. Один — преподаватель Сеульского юридического института, насильно закрытого американцами, другой — его студент. Они приехали повидаться с вождем. Услышав, что их пятидневный путь из Сеула был нелегок, великий вождь проговорил:

— Наверное, намаялись в этакую жару...

Он предложил снять пиджаки и подал веер.

Вождь обратился к студенту:

— Значит, приехали вы из-за студентов, выгнанных из юридического института...

— Да, мы не можем учиться под игом янки и хотим перейти на Север.

Выслушав студента, вождь слегка кивнул головой и сказал:

«Очень хорошо, что вы, товарищи, хотите учиться на Севере... Ведь именно мы должны заботиться о студентах, изгнанных янки и их лакеями».

Вождь отнесся к студенту очень тепло, как заботливый отец к сыну, которого после долгих мытарств в чужом доме выгнали оттуда. Ему хотелось принять всех бедствующих учащихся Юга в демократические школы Севера.

— Благодарю Вас, уважаемый Полководец! — в один голос сказали глубоко взволнованные гости.

«Нет, вы должны благодарить не меня, а рабочих и крестьян, которые приложили много усилий для создания первых в нашей стране вузов для всех детей», — ответил вождь-отец и весело засмеялся.

Вошел секретарь и доложил, что его ждут в зале заседания.

Только тогда гости вспомнили, что они были приняты Полководцем во время перерыва заседания учредительного съезда Трудовой партии Северной Кореи, и, чувствуя себя виноватыми, что помешали работе, поднялись, чтобы уйти. Но вождь усадил их снова и сказал секретарю:

— Буду извиняться перед участниками заседания, что я немножко задержался, они поймут, когда скажу им, что я побеседовал с товарищами из Сеула, которые добрались сюда с большим трудом.

Далее вождь говорил, что скоро будет открыт университет и в него можно будет принять студентов юридического института, поэтому им надо вернуться назад, преодолев 38-ю параллель, и привести студентов и преподавателей, изгнанных из института, хотя это и будет очень трудно.

Потом он велел секретарю обеспечить гостей деньгами на дорожные расходы и сделать все для их благополучного возвращения, сообщить начальнику Пхеньянского вокзала, чтобы тот позаботился о них.

Вождь проводил гостей до двери подъезда и сказал:

— Счастливого пути. Мы встретимся снова. Берегите себя в пути.

Они низко поклонились вождю, который сделал все для осуществления их желания учиться в Пхеньяне.

На Пхеньянском вокзале южнокорейского студента, отправлявшегося за своими коллегами, ждала еще одна волнующая весть: вождь распорядился выделить ему «специальный поезд», чтобы ускорить его поездку. Поезд тут же отправился в Сеул.

Спустя 15 дней 90 студентов юридического института благополучно перешли 38-ю параллель и оказались в объятиях вождя, по которому они тосковали даже во сне...

Когда великому вождю доложили о приезде студентов, он очень обрадовался и пригласил их представителей в свой кабинет.

— Раз вы пришли в северную часть страны по своему желанию, вам не о чем больше беспокоиться. Вы должны только хорошо учиться и стать замечательными строителями новой Родины, — сказал вождь и, глядя на каждого по-отечески, спросил:

— Скажите, а какую специальность вы хотите освоить?

Большинство из них ответили, что они хотят изучать юридические и другие общественные науки. Вождь слегка покачал головой и сказал, что все это, конечно, важно, но в данное время требуется много технических кадров, чтобы превратить нашу страну в богатое и сильное, суверенное, независимое государство.

Согласно советам вождя, многие из прибывших начали изучать естественные науки в Университете имени Ким Ир Сена и в учительском институте, а преподаватели стали снова читать лекции в университете и в других вузах.

Таким образом, студенты, которые бродили по улицам Сеула, лишившись всякой возможности получить образование, снова стали учиться, выбрав себе профессию по своему желанию, благодаря теплой заботе вождя-отца.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен окружает теплой заботой всех переселенцев из Южной Кореи, учит и воспитывает их, чтобы вырастить способными работниками страны и революционными борцами, как отец, который питает особую любовь к страдающему сыну. Объятия вождя теплы, как весенний день, широки, как земля.

Глава вторая

ОН ДАЛ И ЗЕМЛЮ И ЗАВОДЫ

1

Землю крестьянам, которые ее обрабатывают 56

Доска на дверях, прибитая лично им . 60

2

Рабочие — хозяева заводов 65

Подаренный им новый м и р — цветущий мир демократии . 69

3

«Член партии должен быть смелым» . . 75

Последовательное и неизменное доверие 81

4

Вождь определяет место постройки первых демократических школ . . 84

Первый народный университет . . . 89

Любовь к Родине, выраженная в Государственном гимне . 93

5

Военный никогда не должен снимать военную форму . 98

Красный цветок на груди стрелков-отличников . . . 100

1

Прошел напряженный год. Полгода — короткий период. Северная часть Кореи значительно изменилась и продолжала меняться с каждым днем. За этот короткий промежуток времени неузнаваемо изменились и люди, и горы, и реки.

В этих переменах ярко отражалась суть новой демократической Кореи, где хозяевами стали рабочие, крестьяне, трудовой народ — люди, которые в прошлом составляли «дно» общества, подвергались унижениям и оскорблениям, жестоко угнетались и эксплуатировались. Облик страны стал рельефнее с 8 февраля 1946 года, когда солнце нации Президент Ким Ир Сен основал подлинно народную власть — Временный Народный Комитет Северной Кореи.

Народ избрал уважаемого вождя, благодаря деятельности которого он сделался хозяином страны, на высокий пост Председателя Временного Народного Комитета Северной Кореи, воздал ему высочайшую честь и тем самым выразил ему свою благодарность. Чем больше народ доверял ему, тем большую личную ответственность испытывал вождь за судьбы страны и вкладывал всю свою душу в дело построения демократической Кореи.

Под руководством вождя блестящей победой завершилась трудная борьба за создание революционной партии и народной власти. Теперь, несколько освободившись от забот, он мог бы отдохнуть хоть немного, но он по-прежнему напряженно работал. Что касается корейского народа, то он сбросил ярмо рабства, но в его социально-экономическом положении перемены были пока незначительны. Народ подвергался эксплуатации капиталистов и помещиков. Как можно быстрее покончить с ней — вот на что были направлены мысли и действия вождя.

Великий вождь наметил курс на немедленное проведение демократических преобразований и развернул грандиозную борьбу за его осуществление. Вождь в длительной антияпонской вооруженной борьбе разгромил главного врага — японский империализм, освободил нацию; теперь задача состояла в том, чтобы освободить народ от колониальных пережитков и феодальной кабалы и в ходе этого процесса создать прочную базу революции в северной части страны.

Землю крестьянам, которые ее обрабатывают

Вождь-отец в равной степени любил весь корейский народ. Но он в первую очередь осуществил земельную реформу. Это объясняется тем, что в Корее в течение долгих лет сохранялся феодальный строй, она была отсталой аграрной страной, где крестьянство составляло абсолютное большинство населения, подвергалось колониальному угнетению со стороны японского империализма, где крестьянство связывали феодальные землевладельческие отношения, при которых тысячелетиями эксплуатировали его, как скот. Кроме того, земельная революция имела большое значение не только для крестьян, она одновременно служила интересам демократического развития страны.

История корейской деревни — это история захвата земель эксплуататорским классом и жестокой борьбы крестьян с ним. В сердцах и мыслях крестьян сохранялись дух борьбы за землю и мечта о земле, передаваемой из паколения в поколение. Горы, поля, леса — нет такого места, куда не проникли бы печальные легенды о безземельных крестьянах. Из века в век крестьяне оставались в крепостной зависимости, недоедали, недопивали, трудились до изнурения, черные волосы становились седыми, но из-за многолетних долгов они лишались даже своих разваливающихся хижин и под старость оказывались бездомными. Они умирали с голоду, скитались по белому свету, не имея своей земли. Птицы могут оставить разоренные гнезда и улететь в другой лес, а безземельным крестьянам некуда было деваться.

Семья вождя пережила такую же горькую судьбу. Его

прадед был крестьянином-арендатором, он жил бедно, нанимался хранителем фамильных могил местного помещика.

И при жизни деда вождя, Ким Бо Хена, положение не изменилось к лучшему. Однажды, не в силах более видеть муки голодающей семьи, дед собрал немного зеленых бобов и из них сварил похлебку, чтобы как-то утолить голод. Узнав об этом, помещик забрал земельный участок, обработанный потом и кровью деда и его семьи, лишь за то, что тот собрал бобы, не уплатив арендной платы. После этого и другие помещики отнимали арендованные земли, требуя все более высокую арендную плату.

Родившись в бедной семье, вождь в детстве лично на себе испытал все тяготы, выпавшие на долю крестьян в Корее. В бурях революции он слышал стоны тысяч бедняков, гибнущих в море несправедливости и горя.

Думая о пережитом, он пришел к выводу, что причина бедствий крестьян заключается в безземелье. Дать землю обрабатывающим ее крестьянам стало для него задачей номер один. Он считал это своей миссией, долгом. Еще во времена антияпонской вооруженной борьбы в партизанских районах была проведена земельная реформа, а после освобождения страны подготовка к ее осуществлению была для вождя первоочередным делом.

Как-то в конце февраля 1946 года великий вождь вместе с ответственными работниками приехал в небольшое селение в волости Сичжок уезда Тэдон провинции Южный Пхеньан.

Когда они прибыли в селение, встречавшие его селяне провели вождя в большой дом под черепичной крышей, они хотели разместить его в чистом и свободном помещении. Однако вождь, осмотревшись, понял, что это дом помещика, и сказал:

— Зачем вы ведете нас в дом помещика, ведь он не обрадуется нашему приезду... Пойдемте в дом к нашему крестьянину-бедняку...

И он постучался в приземистую избушку под соломенной крышей. Мазаные стены пересечены трещинами, точно

паутиной, комната была тесной и темной, на полу — старые прорвавшиеся циновки, грубый глиняный горшок одиноко стоял в углу — все говорило о вековой нужде безземельных крестьян.

Вождь тоскливо и долго смотрел на глиняный горшок. В нем были вареные тыква и картофель. Он, не скрывая боли в душе, обратился к старику — хозяину дома.

— Не густо у вас с харчами... Есть ли хоть семенная картошка?..

Хозяин молчал.

Вождь-отец спокойно, с теплотой в голосе говорил:

«... Скоро будем жить лучше. До сих пор вы работали на чужой земле, с трудом выращенный урожай забирал помещик — вот и жили бедно, а теперь будете обрабатывать свою землю и заживете хорошо!»

Перед великим вождем, к которому вся страна испытывает глубочайшее уважение, хозяин хижины смутился, но внимательно слушал его и запоминал сказанные им слова.

Глядя на собравшихся крестьян, вождь продолжал:

«... Государство распределит между крестьянами помещичью землю. Вообще земля принадлежит крестьянам, которые обрабатывают ее. Но до сих пор мир был перевернут вверх дном: крестьянин, трудившийся весь год в поте лица в поле, не имел земли, а помещик, который ничего не делал, имел много земли... Теперь мы поставим этот мир с головы на ноги!»

Эти слова вождя взбудоражили крестьян. Полководец Ким Ир Сен раздает землю — это похоже на сон. Пахать свою землю — это их вековая мечта. Но это было так же нереально, как и достать с неба звезду. Однако мечта становится явью, они будут обрабатывать свою землю, а не землю помещика. Это — настоящее чудо! На крестьян свалилось такое счастье, что они не знали, что и делать.

— Спасибо, Полководец! — В эти скромные слова было вложено глубочайшее чувство благодарности крестьян всей страны родному вождю.

В тот день вождь долго беседовал с крестьянами: его интересовало и то, сколько земли может обработать здоровый мужчина; какой урожай может собрать. Вождь спрашивал, могут ли крестьяне определить, где тощая, где плодородная земля в угодьях помещика... Крестьяне знали все — и о плодородии земли, и об объеме сбора зерновых, и о других, интересовавших вождя вопросах. Они были отличными знатоками в своем деле. Лица крестьян, рассказывающих о земле, были так печальны, будто речь шла о сыне, незаконно заточенном в тюрьму.

Как горячо мечтали они иметь землю и сколько надо отдать крови и пота этой земле в течение долгих лет, чтобы так хорошо, вплоть до мелочей, все знать о каждом участке огромных владений помещика... Вождь подумал, если эти крестьяне поднимутся против помещиков, то без особых осложнений будет проведена земельная реформа.

Вождь побывал в ряде селений, беседуя с крестьянами, узнавал их мысли о земельной реформе. В некоторых селениях он вместе с крестьянами обходил поля и знакомился с их состоянием.

Подробно ознакомившись с положением дел в деревнях, великий вождь утвердил основные пункты земельной реформы и 5 марта 1946 года опубликовал исторический Закон о земельной реформе. Ниже следует основное содержание Закона:

1. Подлежат конфискации земли, принадлежащие японскому государству, японцам и японским организациям; все земли, принадлежащие корейским национальным предателям; земли, постоянно сдававшиеся в аренду; земли корейских помещиков и религиозных сект, имеющих более 5 чонбо.

2. Конфискованные земли передаются в вечную собственность батраков, безземельных и малоземельных крестьян. Распределение земель производится согласно принципу пропорционального распределения с учетом числа членов семьи и рабочих рук.

3. Вся задолженность батраков и крестьян помещи-

кам, земли которых конфискуются, считается недействительной. Имущество помещиков: постройки, тягловый скот, сельхозинвентарь, сооружения и др. — конфискуются и их большая часть распределяется между батраками и беззе-мельными крестьянами.

4. Конфискация и распределение земель производятся безвозмездно.

5. На распределенные земли налагается запрет купли и продажи, запрет сдачи в аренду и в залог.

6. Плодовые сады, ирригационные сооружения, лесные угодья и часть земель, не подлежащие распределению между крестьянами, передаются в распоряжение государства.

Когда был опубликован Закон о земельной реформе, последовательно защищающий интересы крестьян, крестьяне и весь народ горячо приветствовали его. Каждый день повсюду в северной части страны проходили митинги крестьян в знак поддержки Закона о земельной реформе. Демократические политические партии и общественные организации опубликовали заявление, активно поддерживая Закон.

Доска на дверях, прибитая лично им

Земельная реформа, призванная ликвидировать помещичий класс и сделать хлеборобов подлинными хозяевами земли, проводилась при активном участии всех крестьян.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен руководил этой работой на месте.

В марте 1946 года вождь побывал в селе Нэ волости Сичжок уезда Тэдон (ныне село Росан района Самсок города Пхеньян).

В конторе сельского комитета он поинтересовался ходом земельной реформы и направился к дому помещика, сбежавшего в Южную Корею сразу же после освобождения страны. Здесь находились бывшие батраки помещика. Увидев вождя, эти люди и слуги помещика выбежали и отвесили ему земной поклон.

Вождь поднял их за руки и сказал:

— Так поступать не годится, ведь теперь вы — хозяева страны.

Когда вождь вместе с ними вошел в дом, то увидел здесь сидевших на коленях стариков, которые долгие годы гнули спины на помещика. Он сказал им:

— И у меня есть старый дед, который всю жизнь занимается земледелием, как и вы, поэтому не стесняйтесь, садитесь поудобнее.

Затем он подошел к каждому и, взяв за руки, пригласил их к почетному месту. От смущения и волнения они не знали, как держать себя, поскольку состарились, так и не узнав человеческого обращения.

Услышав горькие рассказы стариков, подвергавшихся в прошлом всяческим унижениям и оскорблениям, он глубоко задумался, а спустя некоторое время повел разговор о проведении земельной реформы.

И тут один из присутствующих крестьян сказал:

— Землю-то мы получили, но вот беда-то какая: в хозяйстве нет ни вола, ни семян, ни удобрений...

Вождь ответил, что государство предоставит семена, удобрения и даже инвентарь, просил не беспокоиться, а чтобы получать большие урожаи, посоветовал им сейчас же создавать группы по совместному использованию рабочего скота и общими силами вспахать всю землю.

Тут у ворот появилась женщина с узелком в руках, она заметно волновалась, топталась на месте, не зная, как поступить. Вождь попросил ее зайти. Она учтиво поклонилась ему и развязала узелок. Там были еще теплые картофелины — лучшее деревенское лакомство. Угощая вождя картофелем, крестьяне смутились, некоторые взглядами упрекали женщину, зачем, мол, притащилась с картошкой.

Однако вождь заметил: — У картошки нашей Родины особый вкус. Когда мы воевали в тайге, мы очень скучали по нашему картофелю.

Он собственноручно очистил картошку и предложил

крестьянину Пак Чжан Бану, который, как ему показалось, был самым старым среди всех. Затем он угостил остальных стариков и только потом поел сам.

Крестьянин Пак Чжан Бан, которого вождь первым угостил, держа картофелину обеими руками, опустив голову, стал всхлипывать, а затем, уткнувшись лицом в колени вождя, зарыдал. Всю жизнь он был рабом, им помыкали, как скотом, а сегодня впервые в жизни к нему отнеслись, как к человеку, уважили его, и не кто-нибудь, а сам вождь. Все собравшиеся, опустив головы, утирали слезы. Но и лицо вождя хмурилось: в этот момент все слилось в единое целое — сердца вождя и народа были одинаково взволнованы. Канул в Лету мрак, наступила новая, светлая жизнь.

В комнате воцарилась тишина.

Через несколько минут вождь спросил Пака:

— Сколько чонбо получили?

— Благодаря Вашей заботе получил 2200 пхен.

— Земля-то плодородная?

— Да... нет, не очень...

Великий вождь Президент Ким Ир Сен задумался, затем позвал председателя сельского комитета.

«Видимо, вот этот старик повидал немало горя в жизни, а землю получил плохую. Надо бы заменить на лучший участок. Ведь он столько перетерпел в жизни. Сможете заменить?»

Глубоко осознав мысль вождя о земельной реформе, надо было выделять хорошие земли людям, на долю которых выпало больше горя и унижений от помещиков, и, поняв свою оплошность, председатель сельского комитета ответил, что обязательно выполнит просьбу вождя.

— Теперь осмотрим дом, — сказал великий вождь, оглядывая собравшихся, и встал.

Осмотрев громадный дом, он остановился у ворот, на которых висела доска с надписью «Пак Ген Сик».

— Принесите что-нибудь, чтобы можно было встать.

Пак принес ему деревянный ящик со двора. Вождь

встал на ящик, снял мраморную доску с именем помещика и швырнул ее на землю. Она вдребезги разбилась, тем самым извещая о крушении феодально-помещичьего строя...

Когда вождь снимал доску с помещичьим именем, его глаза горели ненавистью. Теперь его лицо подобрело, потеплели его глаза, и он снова попросил Пака принести кисть с чернилами и дощечку. Через минуту он с кисточкой в руке спросил Пака:

— Как вас зовут? Из каких иероглифов ваше имя...

— Не выучился грамоте, так что... Меня зовут просто «Пак Чжан Баном».

— Пак Чжан Бан... — произнес вождь и крупными буквами написал его имя и фамилию. Опять поднявшись на ящик, он прибил дощечку с яркой надписью: «Пак Чжан Бан».

Тук-тук... — раздался стук молотка, сотрясая весь дом, напоминающий большой дворец.

Ошеломленный крестьянин с почтением безмолвно смотрел на вождя. Задрожал подбородок у Пака, опустился он на корточки и зарыдал, утирая слезы грубой, пропахшей землей рукой. В восьмилетнем возрасте он лишился родителей и с тех пор батрачил у помещика. Он столько плакал с детства, думал, что уже и слезы иссякли... Откуда же теперь у него столько слез, что ручьями льются из глаз? От жестокости мира слезы, казалось, высохли, но теперь это были радостные слезы, каких он ни разу до этого не проливал.

Пак и не думал вытирать глаза, он подошел к вождю и бухнулся ему в ноги.

И у вождя глаза наполнились слезами. Он поднял крестьянина за руки:

— Живите счастливо в этом доме, не завидуйте помещику.

Вождь попросил председателя сельского комитета принести кол с дощечкой для указателя и вместе с Паком зашагал по грязной, начавшей уже таять тропинке.

Вождь большими буквами написал на указателе: «Пак Чжан Бан, 2200 пхен» и вбил его крепко на краю выделенного Паку поля.

Затем он, пожав обе руки Пака, сказал:

— Этот участок навсегда ваш.

— Полководец...

Пак опять зарыдал.

Всю ночь он и его жена проплакали у ворот дома, на которых висела доска с его именем, то охватив столб, то глядя на доску. Теперь Пак стал хозяином уютного дома, земли, неба, всего... От щедрой любви вождя у него до боли заколотилось сердце. Как велика сила благородной любви! С ее помощью увядшее было дерево стало могучим, снова пустив в землю крепкие корни.

Этот рассказ не только об одном крестьянине по имени Пак Чжан Бана. Все крестьяне Кореи — «Пак Чжан Баны» — стали хозяевами земли и, сбросив с себя ярмо ненавистного помещичьего строя, поднялись, опершись о землю, обещающую безгранично счастливое завтра.

Великий вождь раз и навсегда покончил с феодальным землевладением и помещичьем строем, при котором крестьяне веками подвергались угнетению, за каких-нибудь 20 дней полностью осуществилась вековая мечта крестьян.

Крестьяне, став хозяевами земли, были безмерно счастливы.

В адрес солнца нации Президента Ким Ир Сена поступало со всех концов страны множество писем с выражением благодарности, эти письма выражали преданность вождю.

В письме, присланном жителями волости Мипхо уезда Онсон провинции Северный Хамген, говорилось:

«Ваше Превосходительство, Полководец Ким Ир Сен!

Вы были мишенью японских самураев в тайге Маньчжурии, а для нашей нации являлись единственной надеждой. И не случайным является сегодняшнее освобождение нашей нации.

Хотя вооруженные силы японского империализма уничтожены, но в стране, раскинутой на три тысячи ли, еще

много нерешенных вопросов, связанных с прошлым. В этой обстановке Вы, забыв об отдыхе, находясь на ответственном посту Председателя Временного Народного Комитета Северной Кореи, опубликовали Закон о земельной реформе и тем самым разрешили земельный вопрос, который в течение долгих лет связывал нас путами рабства...

Мы благодарны Вам за этот великий Закон и охвачены чувством удовлетворения... Только прикажите. Мы готовы без малейшего колебания выполнять все Ваши указания».

2

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, обладая высокими благородными моральными качествами, ни на минуту не откладывает дело, если оно касается интересов народа. Вслед за распределением земли между крестьянами он предпринял шаги исторического значения, направленные на превращение рабочих в хозяев заводов и предоставление трудящимся демократических прав и свобод.

Рабочие — хозяева заводов

Чтобы пробудить у рабочих сознательность и чувство долга, присущее рабочему классу, как авангарду революции, великий вождь, который видел в нем опору страны, побывал на многих заводах и фабриках.

Это было сразу же после освобождения, когда большинство заводов и фабрик, на которых побывал вождь, находилось в ужасном состоянии. Оборудование, разрушенное убегавшими в панике японскими империалистами, еще лежало мертвой грудой. Заводы и фабрики бездействовали, потому что многие рабочие покинули их. Неприглядная картина. Вообще у нас в стране было немного потомственных рабочих. Ряды рабочего класса пополнили бывшие крестьяне, которые

из-за грабительской политики японских империалистов покидали деревни и приходили в города, а также молодые люди, насильно завербованные японскими самураями в последние годы Тихоокеанской войны. Правда, для них крушение японского империализма скорее означало освобождение от принудительного труда на заводах, счастливое возвращение из лагеря смерти. Поэтому они, не осознавая себя руководящим классом нового государства и нового общества, сразу же после освобождения страны бросили на радостях станки и машины и вернулись в свои родные края.

Вождь посещал заводы и фабрики, расположенные в разных районах страны, и везде наблюдал одну и ту же картину. Он внушал оставшимся рабочим смелость и мужество, необходимое для восстановления предприятий, а также гордость строителя нового общества. Вождь принимал все меры к тому, чтобы вернуть на место оставивших станки рабочих.

Вот что случилось, когда вождь посетил металлургический завод в Чхончжине. Он ходил по территории пустующего завода. Когда он остановился у домны, где по ветру летала лишь пыль от шлака, к нему подошел рабочий.

— Что вы здесь делаете? — спросил вождь.

Не зная, кто его спрашивает, тот нерешительно ответил:

— Сторожу.

Подавляя сжимающую сердце боль при виде осиротелой и разрушенной доменной печи, вождь глубоко задумался. Он очень обрадовался, встретив рабочего, который не утратил свое классовое сознание и, беспокоясь о печи, оставался на своем трудовом посту. Вождь крепко пожал ему руку.

— Сторожите? Доменную печь? Хорошо, очень хорошо!

Рабочий не мог понять, почему незнакомец так рад встрече с человеком, сторожившим остывшую доменную печь, до его сознания не доходило, какое глубокое доверие и любовь скрываются в этой высокой оценке. Тем более ему было не понятно, как можно такое обычное дело — быть верным своему рабочему долгу — считать большой заслугой. В первый период после освобождения страны рабочий класс был в духовном отношении очень неразвит.

Вождь собрал оставшихся на заводе рабочих и поручил им ответственное задание — собственными силами восстановить доменную печь, разрушенную японцами при бегстве. Он говорил им о том, что у нас нет пока опыта восстановления, нет специалистов, однако домна непременно должна работать и давать продукцию, раз еще жив рабочий класс.

Эти слова вождя дали рабочим, павшим было духом, смелость и силу. У них зародилось классовое сознание и чувство долга. Каждый добросовестно работал на своем посту и старался вернуть на завод ушедших товарищей.

По всей стране распространились слухи, что вождь зовет рабочих на заводы. На заводы стали возвращаться рабочие, которые уже начали приниматься за крестьянское хозяйство в родных краях, и те, кто был на поденной работе в городе.

Добившись возвращения рабочих к их станкам и машинам, вождь принял великие исторические меры на коренное изменение в социально-экономическом положении рабочего класса.

Важные промышленные сооружения, принадлежавшие ранее японцам, с разгромом японского империализма перешли в собственность корейского народа, однако оставался нерешенным вопрос о том, кому конкретно они будут принадлежать, ибо они все еще оставались вражеским имуществом. После освобождения в Южной Корее американцы, оккупировав ее, распродали все вражеское имущество проамериканским и прояпонским элементам по низким ценам, сколотив таким образом антинациональную группировку, так называемую компрадорскую буржуазию, и создав основу для развития зависимой от их воли экономики.

Однако великий вождь строго запретил превращать принадлежавшее ранее японским агрессорам имущество в личную собственность. Так как все сооружения, в частности, промышленные, принадлежавшие японским империалистам, были плодами пота, крови и слез корейского народа, следовательно, переход их в личную собственность означал бы,

что рабочие попадают в новое ярмо, сохраняется эксплуатация и гнет.

Чтобы стать настоящим хозяином фабрик, заводов и своей страны, рабочие должны были взять в свои руки власть и средства производства. Поэтому необходимо было добиться перехода важных промышленных объектов в собственность государства, то есть во всенародную собственность с тем, чтобы рабочие, навсегда освобожденные от эксплуатации и гнета, выступили как хозяева новой Кореи.

Эти замыслы вождя, выношенные им еще в период антияпонской революционной борьбы, были определены им в Программе Лиги возрождения Родины: они стали его неизменными убеждениями.

В Законе о национализации ведущих отраслей промышленности, опубликованном 10 августа 1946 года, великий вождь дал следующую формулировку:

«Безвозмездно конфисковать и передать в собственность корейского народа, то есть национализировать все промышленные предприятия, рудники, электростанции, железнодорожный транспорт, средства связи, банки, торговые, культурные учреждения и другие объекты, принадлежавшие ранее японскому государству, японским юридическим и физическим лицам, а также корейцам из числа предателей нации».

Этот Закон, по которому все ведущие отрасли промышленности переходят в собственность народа, имел очень большое значение. В Законе была отражена огромная забота вождя о строительстве на освобожденной Родине суверенного и независимого демократического государства, о повышении благосостояния народа, в частности, об освобождении рабочего класса от эксплуатации и превращении его в достойного хозяина страны.

В самом деле, меры по национализации ведущих отраслей промышленности, принятые вождем-отцом, явились историческим шагом к освобождению от эксплуатации и гнета рабочего класса Кореи, который гнул спину, оставаясь на дне общества, хотя он своими руками создавал все богатства,

и к превращению его в хозяина страны, в авангард революции, крепко взявший в свои руки средства производства. Это было похоже на то, как богатырь, скованный железной цепью на дне адского мира, оседлал резвого коня и вскинул острую саблю. Настало время, когда никакие агрессоры и грабители не в состоянии вернуть рабочий класс в прежнее рабское положение.

Создается мир, где хозяином является рабочий класс. В этот исторический момент сердца рабочих были охвачены чувством безграничной благодарности вождю-отцу. Их взволновала глубочайшая, как море, мысль, которая таится в словах «великий вождь рабочего класса».

Подаренный им новый мир — цветущий мир демократии

Словно торжествующая весна, становилась все щедрее любовь вождя к рабочим и служащим нового государства.

Вождь проявлял огромную заботу также об улучшении условий труда и о социальном обеспечении.

Об этом свидетельствует самый передовой Закон о труде, опубликованный им 24 июня 1946 года.

Публикуя Закон о труде, великий вождь Президент Ким Ир Сен подчеркивал:

«...Закон о труде... имеет целью коренным образом улучшить условия труда рабочих и служащих, поднять их материальное благосостояние, искоренить сохраняющиеся элементы империалистической эксплуатации в промышленности и осуществить демократические свободы рабочего класса».

Опубликование Закона о труде ознаменовало собой большое событие в общественной жизни рабочих и служащих. Опубликование Закона о труде обеспечило рабочим и служащим восьмичасовой рабочий день, равную заработную плату мужчинам и женщинам, оплачиваемые отпуска и социальное страхование. Таким образом, рабочие и служащие стали пользоваться демократическими правами на труд, и рабочее место стало кузницей счастья.

Великий вождь, превратив рабочий класс в хозяина заводов и фабрик, добился улучшения их общественного положения. Не ограничившись этим, он непрерывно осуществлял руководство на местах, заботясь обо всех мелочах трудовой жизни рабочих. На вновь восстановленных заводах он крепко пожимал замасленные руки рабочих и высоко оценивал их трудовые успехи, вдохновляя словами: когда страна станет богатой, мы механизируем все трудовые процессы. На заводах он интересовался условиями труда, спрашивал: есть ли душевые, снабжаются ли рабочие питьевой водой, есть ли детские ясли и как они оборудованы, и принимал надлежащие меры для обеспечения всего необходимого.

Однажды вождь выехал на металлургический завод Хванхэ, где шло восстановление доменной печи. Здесь возводили печь из огнеупорных кирпичей, повсюду царил беспорядок, просто некуда было поставить ногу. Осмотрев стройку, вождь подошел к работнице, которая возилась с огнеупорными кирпичами.

Увлеченная работой, она, не замечая, что рядом стоит вождь, старательно занималась своим делом. Он поздоровался с ней, и только тут, растерявшись от неожиданности, она повернулась к вождю.

Вождь запросто пожал ее запачканную руку, обратил внимание на мозоли, покрывшие ее, затем взял и другую руку, переживая, что женщина так тяжело трудится. Он тепло обратился к ней:

— Ваши руки в мозолях, не трудно ли так работать?

Опустив голову, работница молчала. В этот самый счастливый момент она вспоминала горькую долю, выпавшую ей при японском господстве. Она не могла сдержать радостных слез от заботы вождя.

Чтобы прокормить детей — все мал мала меньше, она устроилась на работу формовщицей огнеупорных кирпичей, которая была под силу не всем мужчинам. 8 долгих лет она тяжелым молотом утрамбовывала огнеупорную смесь в формовках. Вот почему ее руки покрылись кровоподтеками и мо-

золями. Но она ни от кого не отставала при изготовлении огнеупорных кирпичей. Однако кровопийцы-японцы платили женщинам за равный труд половину того, что получали мужчины.

Будь проклят несправедливый мир. Завод — сущий ад для рабочих, где их унижали как каторжников, где они были «говорящими животными» и «дышащими орудиями». Под свист кнута каторжная работа продолжалась 12 — 16 часов в сутки. Круглые, как луна, лица женщин и крепкие, как богатыри, мужчины быстро увядали от профессиональных болезней, падали у станков и, наконец, их, поседевших или искалеченных уже в молодом возрасте, выбрасывали с заводов и фабрик, как ненужные вещи. Вот такие рабочие, оказавшись в теплых объятиях вождя-отца, познали счастье и радость труда. Труд стал делом чести ради самого себя и отечества. Благодаря труду каждого общество продвигается вперед, благодаря труду каждого Родина развивается и обогащается.

И та работница, чью руку пожал вождь, будучи бригадиром, несет ответственность на доверенном ей участке, вносит достойный вклад в дело строительства новой Кореи. Чем больше рассказывали ее избитые, с ссадинами и мозолями, руки о прошлом, тем больше росло чувство благодарности вождю, который спас ее, окружил своей любовью.

Ее руки покоились в руках вождя, этим она выражала ему пламенное чувство благодарности. Но опьяненная счастьем, она не находила нужных слов, чтобы высказать все то, что накопилось у нее на сердце. Это чувство превратилось в горячие слезы, которые обильно закапали на руки вождя.

Для того чтобы знать, как трудящиеся пользуются благами, предоставляемыми Законом о труде, вождь-отец посещал и дома отдыха для рабочих.

Он был на открытии дома отдыха в Яндоке, куда съехалось много рабочих из самых разных мест.

Еще накануне опубликования Закона о труде вождь говорил о необходимости строительства в Яндоке дома отдыха для трудящихся. В прошлом чудесными оздоравлива-

ющими горячими источниками и достопримечательностями этих мест пользовались лишь богачи и японцы, здесь они развлекались или увеличивали свои капиталы, сказал он, но теперь все это принадлежит нашему народу, трудящимся; вот здесь будут построены благоустроенные большие и красивые дома отдыха, чтобы наши трудящиеся по-настоящему смогли насладиться отдыхом после тяжелых трудов.

Так был создан и этот дом отдыха в Яндоке, где церемония открытия происходит с участием вождя и трудящихся, которые в прошлом испытывали лишь унижения и оскорбления.

Из разных мест съехались в Яндок передовые рабочие с цветами на лацканах одежды. Местные жители горячо приветствовали их, преподносили букеты цветов. Рабочие впервые в жизни испытывали такой радушный прием, они были крайне растеряны, более того — велика была радость и восторг от того, что их встречал здесь любимый вождь, о котором они тосковали даже во сне. Он приехал сюда специально, чтобы поздравить их — первых отдыхающих.

Слезы радости невольно текли по щекам отдыхающих, которых приветствовал вождь-отец. Выражая свое горячее чувство благодарности, они во весь голос кричали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Приехавший на открытие дома отдыха, вождь поздравлял каждого отдыхающего и спрашивал, откуда тот приехал, сколько ему лет, кем работает, затем он усадил в первом ряду самых старших и самых младших.

Он сказал, что очень рад присутствовать вместе со всеми на открытии этого дома отдыха. Все отдыхающие здесь являются теперь хозяевами заводов, фабрик и страны. Он сказал, что желает присутствующим хорошо отдохнуть ради дальнейших успехов в работе. Он говорил отдыхающим о том, что в дальнейшем в нашей стране будет построено много домов отдыха и санаториев в живописных местах, где с каждым годом будет отдыхать все больше людей труда, самоотверженно отдающих свои силы и знания восстановлению и развитию народного хозяйства.

Среди демократических преобразований, проведенных под руководством уважаемого вождя Президента Ким Ир Сена, были Закон о равноправии женщин, опубликованный 30 июля 1946 года, Закон о демократизации юстиции и просвещения и другие исторические мероприятия.

Согласно историческому Закону о равноправии женщин были ликвидированы принципы феодальной уродливой морали, защищавшие «уважение мужчины и унижение женщины», «рабское подчинение жены мужу» и «три заповеди для женщины», укорененные тысячелетиями; были устранены смердящие капиталистические пережитки, оскорбляющие женщин, — проституция, торговля людьми и др.

С первого дня своей революционной деятельности вождь рассматривал вопрос эмансипации женщин, составляющих половину населения страны, как один из основных вопросов революции, даже в трудные дни революционной борьбы уделял этому вопросу неослабное внимание.

И в дни, когда в партизанских опорных базах женщины радовались своему равноправию с мужчинами и когда партизанки наравне с партизанами сражались с врагом с оружием в руках, — у вождя болела душа от того, что пока не все корейские женщины пользуются счастьем равноправия.

Однажды в период антияпонской вооруженной борьбы вождь увидел китаянку, которая не могла нормально ходить из-за забинтованных ног (в старом Китае, чтобы у женщин ноги не росли и оставались маленькими, их с малых лет туго забинтовывали кожаными повязками), и подумал о положении бедных женщин Кореи, он сказал тогда стоявшим рядом с ним партизанкам:

— О какой свободе и жизнерадостности может идти речь, когда женщина не может нормально ходить? Жалкая судьба китаянки не единичное явление. И наши матери и сестры на родине страдают от бесправия и оскорблений от японского господства и феодальных обычаев так же, как эта китаянка.

Отсутствие равноправия — один из главных пороков отжившего свой век общества. Нарушение прав женщин

является надругательством над всем человеческим обществом и человеком. В старом обществе нечего было и думать о том, чтобы всему народу жилось счастливо. Для счастливого будущего народа и социального освобождения женщин необходимо построить новое общество и высвободить женщин из пут феодализма.

С опубликованием Закона о равноправии женщин вождь реализовал благородную мысль о социальном освобождении женщин. Женщины стали трудиться наравне с мужчинами, наравне с ними стали обладателями власти, всех богатств и благ мира. Двигая колесо революции, они наравне с мужчинами выступили в роли создателей нового общества.

Поистине демократические преобразования, проведенные под руководством вождя, будучи грандиозной социальной революцией, для осуществления которой обычно требуется целый век, ознаменовали торжество великой любви вождя, который поднял на новую ступень развития самостоятельность народа, добившись сначала национального, а потом и социально-классового освобождения народа.

3

При закладке основ новой Родины и создании новой жизни было немало трудностей, одной из них была нехватка кадров. Вопрос о кадрах стал важнейшим вопросом в период строительства новой Родины.

В период господства японского империализма было очень мало корейцев с высшим образованием, к тому же почти все они были выходцами из имущих классов. Стремления у них были самые разнообразные. Одни с освобождением страны активно приняли участие в строительстве новой Родины, а другие, выбирая Север или Юг, не знали, к какому берегу пристать, то и дело переходили то туда, то обратно

через 38-ю параллель. А третьи, отстранившись от политики, не принимали участия в преобразованиях.

В такой обстановке некоторые недолюбливали, избегали интеллигенцию. Однако у великого вождя Президента Ким Ир Сена был иной взгляд, он считал, что следует воспитывать интеллигенцию, которая пока еще не стойка в идеологическом отношении. Он был уверен в том, что старая интеллигенция, пусть ее большая часть и являлась выходцами из имущего класса, сочувствует антиимпериалистической, демократической революции, не утратила национальной совести и чувства патриотизма, потому что она подвергалась горькой национальной дискриминации со стороны японского империализма. Вот почему во многих речах, произнесенных вождем на различных собраниях, неоднократно подчеркивалась роль интеллигенции в строительстве новой Родины. Он принимал ее представителей для индивидуальных бесед и помогал представителям интеллигенции занять достойное место в обществе.

Вождь оберегал их и выдвигал на ответственную работу, однако зловредные фракционеры то и дело отстраняли их от работы под предлогом: «прояпонский элемент», «нельзя доверять» и т. д. В таких случаях вождь вызывал к себе пострадавших, утешал их, снова помогал им стать на революционный путь, беспощадно громя все происки фракционеров.

«Член партии должен быть смелым»

Был один высококвалифицированный специалист по электромеханике, закончивший университет Васэда. Будучи сыном помещика, он после освобождения страны задумал перейти в Южную Корею, но речь вождя, произнесенная им по случаю триумфального возвращения на Родину, заставила его передумать. Он решил остаться в северной части страны и быть полезным вождю. Позже он стал членом Трудовой партии Кореи и занял ответственное место в Электроэнергетическом управлении Временного Народного Комитета Северной Кореи.

Но однажды этот специалист допустил серьезную ошибку.

В то время из чувства любви к соотечественникам Северная Корея снабжала Юг электроэнергией, но отдельные лица, которым было доверено электроснабжение, были подкуплены, преступно расхищали энергию и передавали на Юг большее количество энергии, чем было предусмотрено планом. Находясь на ответственной работе, этот специалист обязан был вовремя выяснить и исправить положение, но он не сделал этого, а, наоборот, когда обнаружился факт незаконной передачи энергии, он упустил дело с преступниками, которые сбежали в Южную Корею. Это была крупная ошибка. Его проступок связывали с происхождением и биографией, в результате случай приобрел более серьезный характер. Отдельные недальновидные люди, привыкшие косо смотреть на всех старых интеллигентов, получивших высшее образование в период господства японского империализма, и питавшие к ним антипатию, уже готовы были квалифицировать его ошибку как сознательный антигосударственный акт.

В отчаянии он совсем растерялся и считал себя погибшим. Проклиная себя, он ждал дня приговора.

Однажды его вызвали в ЦК партии. Готовый нести наказание, он пришел в ЦК партии. Войдя в одну из комнат, он не мог не удивиться, увидев, что там его ждали уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен и несколько руководящих работников. Как он узнал позже, здесь обсуждалось его персональное дело.

Он сел напротив вождя на указанное ему место и опустил голову. Проклиная себя и чувствуя неприязнь к себе за содеянную ошибку и за то беспокойство, которое он причинил вождю, он еле дышал.

Глядя на его осунувшееся лицо, вождь сочувствовал ему. Ошибка была безусловно серьезная. Осуди его соразмерно допущенной им ошибке, и он бы непременно должен был быть выброшен за борт жизни как враждебный государству человек. Но вождь поступил иначе. Он рассуждал так: этот чело-

век после освобождения страны колебался между Севером и Югом и решил все же остаться в Северной Корее. Его колебания были естественными, ибо он сын помещика и служил японским империалистам. Но когда он изъявил желание работать на рабочий класс, вождь охотно заключил его в свои объятия. Вождь переживал из-за его проступка. Интеллигент, политически неопытный, на каждом шагу может споткнуться, может упасть или оступиться и полететь в пропасть. Но его нельзя бросать, надо помочь ему встать на ноги, если он упадет, или вызволить из пропасти, если он там окажется, и научить его идти прямым путем революции. Бросить человека — просто, но к какой трагедии приведут его переживания, крах служебной карьеры и потеря всяких возможностей восстановить доброе имя! Этот случай — не исключение. Брось его — куда он пойдет? Допустим, он перейдет в Южную Корею и будет служить американцам или южнокорейским капиталистам. Это, может быть, обеспечит ему временное благополучие. Но разве это жизнь? Нет, это обывательщина, самоунижение и, наконец, преступление. Куда бы он ни пошел, над ним будет тяготеть чувство вины и позор будет преследовать его. Эгоистичное благополучие, приобретенное ценой измены своему народу, не избавит от презрения и проклятия нации.

Родной вождь Президент Ким Ир Сен ни в коем случае не позволит, чтобы его постигла такая участь.

Обращаясь к виновному, стоявшему с опущенной головой, вождь сочувственно спросил:

— Товарищ Ли, живы у вас отец и мать?

С грустью Ли ответил:

— Да, они живы.

— А где живут?

— В Сеуле, — ответил он, не смея поднять голову, в то же время удивленный вопросом, совершенно не имеющим отношения к его проступку.

Разрядив атмосферу громким смехом, вождь интересовался, проанализировал ли товарищ свою ошибку. В его ти-

хом, проникновенном голосе угадывалось, что сам вождь переживает за виновного.

Чем теплее и сочувственнее вождь относился к нему, тем горче становились его муки. Ему казалось, что было бы легче, если бы вождь строго отчитал его. Охрипшим голосом, запинаясь, он сказал вождю о том, что раскаивается в содеянном. Он чистосердечно делился всем, что накопилось в душе.

— Уважаемый Полководец! Я сын помещика. Я рос в роскоши, не зная, как крестьяне растят зерно. В молодости я учился в университете, затем поступил на службу в японское учреждение. Я выходец из имущего класса. По своему происхождению я не имею права занимать руководящее место в органах народной власти.

Вы доверили мне ответственный пост, но я не оправдал Ваше доверие и совершил тяжкое преступление перед Родиной, обременив Вас лишней заботой. Поэтому я не имею права работать на ответственном государственном посту. Прошу Вас освободить меня от должности начальника Электроэнергетического управления. Я готов нести любое наказание.

Внимательно выслушав его, вождь-отец изменился в лице и взволнованным голосом проговорил:

— Хотите уволиться... Куда же вы пойдете?

Ли, не поняв, о чем спрашивает вождь, молчал.

— Я хочу знать, на чью сторону вы станете: рабочего класса или буржуазии? — повторил вопрос вождь.

— Уважаемый Полководец! Куда мне идти? Мне некуда деваться, ведь вы меня сделали человеком, мне и жить, и умереть только на стороне рабочего класса.

— На стороне рабочего класса...

Повторяя его ответ, вождь поднялся с места. Тогда и виновный поднял, наконец, опущенную голову. При виде лица любимого вождя он сразу успокоился и с надеждой посмотрел на присутствующих в комнате товарищей. Он думал, что вождь рассержен. Нет, вождь широко улыба-

ется, глядя на него. Все, что он пережил в ту минуту, он вспоминал позднее так:

— Вмиг ушла вся душевная тревога и как будто камень свалился с плеч, стало легче дышать. Светлую улыбку, озарявшую лицо вождя, я не забуду до гроба.

А в тот знаменательный день вождь прошелся по комнате и продолжил разговор:

— Вы говорите о вашем увольнении с поста начальника Электроэнергетического управления из-за вашего непролетарского происхождения, но тут вы глубоко ошибаетесь. Одно время после освобождения страны вы стояли на распутье: кому служить — рабочему классу или помещикам и капиталистам — и, отказавшись от всяких посулов, перешли на сторону рабочего класса. Так и мы, не спрашивая о вашем прошлом, приняли вас в партию. Кто имеет право исключить вас из партии? Никто... Ваша ошибка очень серьезна. Но мы не намерены увольнять вас из-за нее или из-за вашего происхождения. Тем более, что вы сами обещаете, что и впредь будете вместе с рабочим классом. Ведь вы большой специалист. Если не вам, то кому же еще можно доверить все, что связано с электроэнергией в нашей стране.

Вождь подошел к нему сзади и, положив руки на его плечи, продолжал:

— Товарищ Ли, вы поступаете недостойно звания члена партии. Поняли меня? У вас не хватает смелости. Кто работает, тот может допустить и ошибки и промахи. Но из-за этого не следует падать духом и отчаиваться... Член партии должен быть смелым.

Ли должен был бы благодарить и выразить свою верность, но от нахлынувших чувств он не мог вымолвить ни слова и снова опустил голову. Но в его сердце росла решимость — посвятить всего себя делу революции, делу рабочего класса, руководимого великим вождем.

Он выполнил свою клятву. Вот один эпизод из его жизни. Было это в годы войны, во время стратегического отступления.

В Канге, куда он эвакуировался, через товарища Ким Чака вождь поручил ему важное задание.

В те дни в районе Канге испытывали трудности из-за отсутствия электроэнергии. Канге снабжали электроэнергией Чанчжинганская и Пучжонганская ГЭС, а они находились в оккупированных врагом районах.

Для того, чтобы провести электричество, не было другого выхода, кроме как выехать в Мэнчжунри, что недалеко от вражеской позиции, и подключить линию к электросети Супхунской ГЭС. Столь важное задание вождь поручил именно ему. Некоторые не скрывали сомнения: вряд ли человек с подмоченной репутацией сможет выполнить это ответственное задание. Однако выбор вождя пал именно на него.

По распоряжению родного вождя, товарищ Ким Чак на всякий случай снабдил его пистолетом, а также ему в помощь были выделены 5 охранников и 7 — 8 электриков. Вождь даже позаботился о машине. Вдохновленный высоким доверием вождя, он решил — пусть придется пожертвовать жизнью, но во что бы то ни стало выполню порученное задание.

В самом деле работа предстояла не из легких, риск был велик. В районе, кишащем врагами, средь бела дня предстояло работать несколько часов на металлической опоре высоковольтной линии. Если враг заметит тебя, не надейся на спасение. Но отступать тоже было нельзя.

Вместе с рабочими он взобрался на металлическую опору. Работать на ней при 20-30-градусном морозе было все равно, что вести смертный бой. Каких трудов стоило поднять тяжелый высоковольтный провод без лебедки, голыми руками подтягивать канатом и соединять. Работа над подключением к сети тянулась несколько дней. Наконец-то подсоединились две линии — от Супхуна и от Канге.

Об испытанной им тогда радости товарищ Ли рассказывал так:

— После тяжелых испытаний я закончил работу. Тогда я представил себе, как ярко загорится лампа над оперативной картой, развернутой на столе вождя, и как обра-

дуется народ в районе Канге, когда вспыхнет свет. Ощутив что-то горячее в глазах, стоя на металлической опоре, я, сам того не замечая, крикнул «ура!»

Последовательное и неизменное доверие

Оглянемся назад к пройденному пути. Это было вскоре после того, как великий вождь Президент Ким Ир Сен с триумфом вернулся в Пхеньян. Однажды один молодой человек, с виду общительный и горячий, попросился на прием к вождю.

Он был уже знаком с вождем. Сын крупного помещика в Рёнчхоне провинции Северный Пхеньан, он служил летчиком в Японии и встретил освобождение страны в Южной Корее. Приехав на Север в Синичжу, он вынашивал мечту сделаться защитником неба новой Родины. А для этого нужно было организовать Общество авиаторов. Разрешение на организацию такого общества ему и надо было получить от вождя.

Вождю понравились его общительный характер и молодой энтузиазм. Анкетные данные — сын помещика и известный летчик бывшей японской армии — не сулили ничего хорошего. Однако в человеке важна его устремленность, и вождь поддержал патриотический почин, даже похвалил его за его желание и поручил собрать всех тех, кто когда-то летал или хочет летать.

В народе тогда еще были живы сильные антияпонские настроения, так что одной его должности — японский летчик — было достаточно, чтобы приклеить ярлык «проякпонский элемент». А он к тому же в свое время преподавал в японском авиационном училище. Доверие вождя к этому летчику было действительно огромно. Вождь высоко оценил пламенный патриотизм и порыв молодости.

Доверие не ограничилось этим. После основания Общества авиаторов, в котором тот летчик являлся главным лицом, вождь принял его членов и в течение часа говорил об их делах, давал конкретные указания о дальнейших действиях.

Год 1945 был на исходе, когда великий вождь прибыл в Синичжу. К нему на грузовике подъехал молодой человек.

— Дорогой Полководец! Приглашаю Вас к нам. Ребята мечтают о встрече с Вами. Пожалуйста, поедемте в Общество.

От дерзости неизвестно откуда взявшегося молодого человека сопровождавшие вождя работники порядком растерялись. Какая наглость предлагать вождю ехать на грузовике и какой нахальный тон! Но молодой человек явно был очень счастлив и все улыбался от радости встречи с вождем.

А вождь не только не упрекал его, наоборот, весело он приветствовал этого человека и с удовольствием принял приглашение. Больше того, отказавшись от собственной легковой машины, он сел в кабину грузовика.

Перед этим вождь спросил молодого человека, состоит ли он в партии. Тот ответил, что очень хочет быть коммунистом, но происхождение и биография удерживают его от подачи заявления.

Выслушав его, вождь сказал:

«Чтобы летать на самолете и защищать небо Родины, надо быть членом компартии. Старайтесь. Прием в партию зависит от стараний каждого».

Ободренный словами вождя, летчик без стеснения попросил вождя дать ему рекомендацию для вступления в партию. Смелость была необычной, но вождь без упрека и даже с удовольствием пошел навстречу его желанию. Впоследствии вождь, конечно, выполнил свое обещание.

В день вступления в славную Трудовую партию Кореи летчик проливал горячие слезы, нахлынувшие от благодарности за большое доверие и любовь вождя. Это были слезы благодарности и подтверждения верности вождю, сделавшему его настоящим человеком, который, покончив раз и навсегда с позорным прошлым, посвятил себя Родине и народу. Восторг и клятву, данную в этот день, молодой человек хранил всю жизнь. Выполняя волю вождя,

он принял активное участие в создании Военно-Воздушных Сил Корейской Народной Армии и во время Отечественной освободительной войны занимал ответственный пост в штабе ВВС.

Случилось так, что этого человека по недоразумению уволили из армии. Об этом вождь узнал много времени спустя и, покритиковав работников за неверное решение вопроса, исправил допущенную ими оплошность.

Однажды, лет через 5 после того, как он был демобилизован из авиации, к нему явился сотрудник ЦК партии, который передал ему слова вождя, сообщив, что вождь обеспокоен его личными делами.

Всегда предельно занятый делами, вождь узнал о нем совсем недавно. Он распорядился прежде всего помочь ему восстановиться в партии и разрешить все связанные с этим недоразумения.

Вождь последовательно и неизменно доверял бойцу. А если он доверяет кому-либо, то это до конца, и его доверие сочетается с помощью во всех делах.

Слушая переданные сотрудником ЦК слова вождя, он проливал горячие слезы от нахлынувших чувств признательности. Вообще он был очень мужественным человеком.

Прощаясь с военной формой, с которой не расставался в течение 20 лет службы в армии, он смахивал слезы кулаком: очень уж обидно было. Но сейчас это были не слезы обиды, а слезы благодарности — ему вернули самое дорогое — политическое доверие.

И впоследствии родной вождь не забывал о нем. Это было в июле 1973 года. К этому товарищу прибыл офицер от штаба Военно-Воздушных Сил, чтобы передать указания вождя, данные командующему Военно-Воздушными Силами.

— Какое правильное решение создать династию летчиков для защиты неба Отечества! У этого человека единственный сын, продолжатель рода, определите его в авиаучилище... хоть прием и закончен, но, думаю, если с ним инди-

видуально позаниматься, то он догонит остальных курсантов. Обязательно помогите ему устроиться в авиаучилище, пусть сбудется мечта отца.

Несколько лет назад по распоряжению вождя бывшего летчика посетил ответственный работник из штаба Военно-Воздушных Сил, чтобы узнать о его жизни. Конечно, душою он летал бы еще, но годы не позволяли. Он подумал о том, что его сын еще мал, но когда он подрастет, хорошо бы, если бы он стал летчиком. Это было бы той частицей благодарности вождю за его внимание к нему.

Вождь помнил об этом и, когда мальчик подрос, распорядился о приеме его в авиаучилище.

Такой последовательной была забота великого вождя Президента Ким Ир Сена о представителях старой интеллигенции. Благодаря его великой любви и вниманию они могли жить полнокровной жизнью как кадры новой Родины.

4

Вождь определяет место постройки первых демократических школ

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен при случае не упускал подчеркивать необходимость развития просвещения, ибо знание — сила, а невежество и темнота населения не дают возможности перспективно планировать строительство счастливого будущего новой Родины. 28 октября 1945 года в уезде Тэдон земляки устроили митинг по поводу триумфального возвращения вождя. Выступая на митинге, он призывал строить школы и учить подрастающее поколение.

Земляки высказали вождю свое намерение построить среднюю школу. В уезде не было средней школы, была одна начальная школа на всю волость и та была слишком мала,

чтобы принять несколько тысяч детей школьного возраста. В ней обучалось не более 200 ребятишек.

Вождь вместе с народом обсудил вопрос о строительстве школы. Узнав о том, что здесь есть несколько зданий, которые можно было бы использовать под школы, он тотчас же поднялся и предложил пойти осмотреть их.

Один из сопровождающих озабоченно напомнил ему, что время уже позднее и его ждет много неотложных дел.

— Нет, надо поддержать этот необыкновенный энтузиазм, пойдемте с ними, — говорил вождь.

Отложив все важные дела, вождь шел по тропинке, заросшей густой травой, отнюдь не только потому, что с таким энтузиазмом отнеслись жители уезда к его предложению. А потому, что вождь считал, что нет более важного дела, чем обучение детей.

Как говорится, «невежда — ведьма». Политика национального одурманивания коварных японских империалистов стала причиной стольких бедствий и трагедий в жизни неграмотных рабочих, крестьян и их детей. Надо сделать так, чтобы они скорее прозрели и осознали свое человеческое достоинство. Только тогда раскроются полностью возможности народа, проявятся его ум и талант, только тогда можно будет добиться возрождения нации.

Недалеко от железнодорожной станции Чхильгор стояло недостроенное здание электрокомпании японских империалистических агрессоров. По густой траве вождь обошел здание и участок, прилегающий к нему, и предложил завершить строительство силами масс. Он не забыл добавить, что хорошо бы разбить на территории школы просторную спортплощадку для занятий физкультурой и для разных игр в свободное время, и указал место для рытья будущего колодца.

Сопровождавшие вождя, конечно, думали о строительстве школы, но никому в голову не приходила мысль о питьевой воде. А вождь продумал все до мелочей в жизни детей.

«Вы упустили очень важный вопрос. В скором време-

ни здесь будут учиться сотни учащихся и им необходима будет вода. Исстари наши предки, прежде чем определять место постройки дома, выбирали место для колодца. Конечно, было бы лучше, если бы школа провела водопровод, но откуда его вести? Поэтому пока необходимо выкопать колодец».

Осматривая местность под будущее школьное здание, он давал детальные указания. И после этого посещения он постоянно следил за строительством и управлением школой, проявлял всяческую заботу о ней.

В стране многого не хватало, однако вождь выделял для стройки школы грузовики, токарные станки, насосы и строительные материалы.

Благодаря теплой заботе вождя-отца и высокому энтузиазму народа здание средней школы было достроено в течение всего лишь одного месяца.

Когда закончилась подготовка к открытию школы, вождь принял преподавателей школы и поинтересовался составом учащихся и искренне говорил, что надо дать образование всем детям, желающим учиться, независимо от возраста и происхождения. Он назвал эту школу средней школой Самхын, что означало, что она воспитает надежную смену, обладающую обширными знаниями, хорошими моральными качествами и физической закалкой.

Так появилась первая средняя школа в уезде Тэдон. Но так было не только в этом уезде. Благодаря неутомимому и энергичному руководству и искренней заботе любимого вождя после освобождения страны школы росли, точно грибы после дождя, во всех уголках страны.

Глубокое внимание любимый вождь Президент Ким Ир Сен уделял не только строительству школ, он заботился и о приобретении и поставке учебного оборудования и школьных принадлежностей, необходимых для учебы.

А в стране не хватало бумаги и карандашей. Производство карандашей еще не было налажено. При колониальном режиме японские империалисты и не подумали построить в Корее карандашную фабрику. Они предпочитали грабить и вывозить в Японию графит и лес, которыми так богата Ко-

рея, а взамен ввозить уже готовую продукцию — карандаши и прочее.

На заседании Временного Народного Комитета Северной Кореи вождь в повестке дня в качестве первого вопроса поставил вопрос о производстве карандашей, который требовал своего решения. Он поставил вопрос о карандашах, несмотря на то, что молодой народной власти предстояло решать ряд неотложных программных задач, потому что обучение и воспитание грядущего поколения и подготовка национальных кадров являлись первым шагом к процветанию Родины и счастью грядущих поколений. Вождю доставляло огромное удовольствие видеть питомцев выстроенных в стране школ, которые росли надежной опорой страны.

Представьте себе радость увидеть на некогда голом месте густо зеленеющие леса, посаженные вами! Как не радоваться вождю, глядя на детей трудящихся, которые, гордо расправив грудь, входят в школу. А в прошлом, лишенные Родины, эти дети никуда не могли пробиться, везде их ждали оскорбление и унижение. Недаром вождь так любит приезжать в школы.

Как-то великий вождь посетил 2-ю пхеньянскую начальную школу. Его приезд как раз совпал с первым государственным выпускным экзаменом.

Рано приехав в школу, вождь в сопровождении нескольких своих сотрудников подходил к подъезду школы. Заметив его, ученица лет десяти с повязкой дежурной на рукаве лихо отсалютовала вождю.

Ответив на приветствие девочки, вождь осмотрел вестибюль, хотел пройти дальше в помещение школы. Вдруг девочка выпалила: «Пожалуйста, удостоверьте Вашу личность!» От неожиданности спутники растерялись.

— Значит, приказываете удостоверить мою личность? — переспрашивая, вождь-отец повернулся и с улыбкой подошел к дежурной.

— Конечно, нужно удостоверить свою личность. Верно, верно, — удовлетворенно глядя ей в глаза, сказал он и взял книгу посетителей и карандаш.

— Здесь поставьте дату, — девочка пальцем указала на верхнюю полосу страницы.

— Кажется, сегодня 4 июля? — ласково спросил вождь и записал дату. — А что еще нужно написать? — вождь остановился, ожидая, что еще скажет эта девочка.

Приняв стойку «смирно», дежурная выпалила: — Пишите, к кому пришли.

Вождь написал: **«К директору школы».** Тогда она указала на следующую графу и попросила написать о цели посещения.

— Ладно, пожалуйста, — выполняя просьбу девочки, вождь написал: **«Присутствовать на государственном выпускном экзамене».**

Внимательно следившая за тем, что пишет посетитель, девочка чуть заметно покачала головой, показывая, что это ей непонятно: ведь посторонним запрещается быть на экзамене, и сказала, что надо написать должность и имя.

— Так, должность, имя и фамилия, — улыбаясь вождь написал все, что просила ученица, положил карандаш и разогнул спину.

Девочка удивилась, отступила на шаг и пристально смотрела на него. Она будто не верила своим глазам и снова заглянула в книгу посетителей. Ошибки быть не могло. Размашистым почерком отчетливо были выведены буквы: **«Председатель Народного Комитета Северной Кореи Ким Ир Сен».**

Несказанно взволнованная и охваченная радостью, девочка восклицала: «Родной Полководец!» и смущенно умолкла, не зная, как выразить то, что было у нее на душе. Девочка покраснела от радости, что она сейчас в непосредственной близости от вождя-отца, так почитаемого ею, и от стыда, что из-за плохого освещения в вестибюле не узнала его с первого взгляда и так бесцеремонно поступила с ним.

А вождь остался доволен. «На вид еще несмышленыш, а уже знает свои обязанности. Чем еще можно объяснить это, если не результатами хорошего воспитания. В прошлом их не допускали к учебе. С освобождением страны они вос-

питываются и учатся в школах, а сознали свои права и обязанности. Стали даже защитниками школы. Похвально! Похвально!» — думал вождь и нежно гладил растерявшуюся девочку по голове.

— Ты смышленая. Очень даже... — вождь похвалил девочку.

В сопровождении директора школы великий вождь прошел в класс, где шли экзамены. Он то смотрел на экзаменационный лист, то задавал вопросы экзаменуемым. А проверяя географическую карту Кореи, нарисованную одним из учеников на бланке, вождь спросил: сколько населения в нашей стране и какова площадь государственной территории?

Школьник звонким голосом бодро ответил: население насчитывает 30 миллионов человек, а общая площадь равняется 220 тыс. кв. километров.

Похвалив за точный ответ, вождь, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

«Ребята! Вы должны хорошо знать свою Родину. А для этого надо прилежно учиться и с особым рвением изучать родной язык, арифметику, историю, географию и естествознание. Только это поможет вам в дальнейшем стать достойными строителями демократической Родины. Поняли?»

— Да! — дружным хором бодро ответили ребята.

Первый народный университет

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, осуществляя трудную задачу повсеместного строительства начальных и средних школ на освобожденной Родине, запланировал большое ответственное дело — строительство университета.

3 ноября 1945 года в Пхеньяне состоялся митинг учащейся молодежи по случаю 16-й годовщины инцидента учащихся в Кванчжу. Пользуясь случаем, вождь дал присутствующим работникам просвещения следующие указания:

«Для строительства новой Кореи потребуется много национальных кадров. Только имея национальные кадры, можно построить государство, можно развивать экономику и

культуру своей страны. Сейчас у нас ощущается острая нехватка национальных кадров.

Подготовка большого числа национальных кадров — один из самых насущных вопросов, решения которого требует сама реальная действительность нашей освобожденной Родины.

Нам предстоит как можно скорее подготовить кадры, необходимые для строительства новой Родины. Для этого, наряду с множеством начальных и средних школ, следует открыть вузы. Но сейчас обстановка в нашей стране еще не дает возможности открыть одновременно большое число вузов. Поэтому нам нужно прежде всего основать университет.

... ...

В университет нужно принять сыновей и дочерей трудового народа, которые не могли учиться в прошлом при жестоком колониальном режиме японского империализма. До освобождения страны дети рабочих, крестьян, людей труда, не имея денег, не могли посещать школу, как бы они ни стремились к знаниям. Сегодня, когда страна освобождена, они хотят осуществить свою большую тягу к знаниям. Мы должны распахнуть двери нашего университета перед детьми трудового народа, горящими страстью к знанию, и тем самым помочь им осуществить свою сокровенную мечту».

Поистине революционный курс — иначе не назовешь. Двери вузов, в которых раньше, как правило, обучались лишь сынки чиновников и богачей, распахнутся для детей рабочих и крестьян, и этот день уже не за горами. Все это напоминало счастливый сон.

Сегодня одних вузов насчитывается более 170. 8,6 миллиона детей и учащихся, или больше половины всего населения, пользуется бесплатным обучением. Нельзя не удивляться разительным переменам. Однако в первый период после освобождения страны строительство университета было трудным делом. Сложная политическая ситуация, множество недругов, тяжелое экономическое положение. Не

были подготовлены и преподаватели, не было опыта управления вузами, не легко было приобрести учебные пособия, лабораторное оборудование и приборы. Но что-что, а в первую очередь нужны были аудитории и общежития. Но никакие трудности не могли заставить Президента Ким Ир Сена изменить свои решения. Он выдвинул лозунг — построить университет в кратчайший срок и силами народа.

Новая действительность требовала новые национальные кадры, нельзя было отступать назад от задуманного. Требования жизни нужно только удовлетворять, упорно преодолевая всякие трудности. Осознавая эти требования, вождь, несмотря на предельную занятость государственными делами, взял на себя заботы по созданию университета. Естественно, приступая к строительству, он предвидел трудности, но ведь они встречались в жизни на каждом шагу.

В частности, фракционеры яростно препятствовали созданию университета. «Университет может работать лишь в цивилизованной стране, где много ученых и грамотных, где накоплен большой опыт»; «Нам остается только посылать студентов в передовые страны и перенимать опыт», — болтали они. Они и создали теорию «беспомощности» и «преждевременности».

Однако великий вождь решительно отметал всю эту болтовню и с энтузиазмом мобилизовывал патриотический народ на учреждение университета.

По инициативе великого вождя 8 июля 1946 года Временный Народный Комитет Северной Кореи принял постановление об учреждении университета. Так появился университет.

Университет начал свою работу. Но занятия шли сначала в случайном помещении, на что вождь очень больно реагировал. Он облюбовал холмы на огромном пустыре с сопкой Рённам в центре на берегу реки Тэдон и, определив расположение будущего университета, на месте дал детальные указания проектировщикам, ученым и другим заинтересованным лицам.

Были выбраны места под строительство главного кор-

пуса, библиотеки, общежития и квартир для преподавателей с расчетом, что в дальнейшем университет будет расширен и ему понадобятся новые корпуса. Словом, в его воображении уже жила картина великолепного университетского городка.

Не успели на сопке Рённам заложить фундамент под главный корпус, строительство которого можно было считать крупнейшим после возрождения Родины, как под мудрым руководством вождя развернулась по всей стране священная борьба народа за поддержку строительства университета. У кого была сила — вкладывал силу, у кого знания — знания, у кого деньги — деньги.

В такое время крестьянин по имени Ким Чжэ Вон, бывший арендатор, родом из равнины Намури в провинции Хванхэ, который гнул спину на помещиков, пожертвовал в государственные закрома «патриотический рис», оставив себе только годовой запас зерна на пропитание семьи: так он благодарил за землю. Его примеру последовали и другие крестьяне, это движение крестьян развилось впоследствии в движение «пожертвования риса». Высоко оценивая патриотические начинания крестьян, вождь распорядился направить «патриотический рис» в фонд строительства здания университета. Так мог поступить только солнце народа Президент Ким Ир Сен.

Воздвигли великолепный главный корпус, в котором молодые люди, съехавшиеся с большой надеждой, готовились стать национальными кадрами новой, демократической Кореи. Так был заложен надежный краеугольный камень культурной революции.

С самого начала великий вождь заботился о том, чтобы университет сделался в буквальном смысле народным вузом, где будут учиться дети рабочих, крестьян и других слоев трудового народа. Но и это не обошлось без трудностей. Как ни сильна была тяга к учебе у детей павших революционеров, рабочих и крестьян, в прошлом не имевших к ней доступа, они не имели элементарных знаний и не были подготовлены к получению высшего образования.

Учитывая такое положение, вождь позаботился о том,

чтобы организовали подготовительный факультет при университете, в котором в сжатые сроки давали бы элементарные знания. Его забота не ограничилась этим. По его указанию учредили стипендию студентам, родители которых были бедны, по сезонам выдавали студенческую форму и все необходимое для жизни и учебы — все это полностью за государственный счет.

Вождь обращал особое внимание также на комплектование преподавательского состава университета. В то время в северной части страны было мало квалифицированных преподавателей. Он дорожил немногочисленными, разбросанными по всей стране образованными кадрами. Пусть они и получили высшее образование при японском империализме, но, будучи интеллигенцией колониальной страны, они имели антиимпериалистическую идеологию, им было присуще чувство патриотизма.

Вождь призвал их всех. Даже командировал людей в южную часть страны, чтобы отыскать и пригласить корейских преподавателей и ученых на работу в первый народный университет Северной Кореи. По зову вождя многочисленные группы ученых и преподавателей перешли 38-ю параллель и прибыли в Пхеньян. Вождь встречал их всех, приветствовал на родной земле и смело поручал им преподавательскую и воспитательную работу в университете.

Таким образом, благодаря энергичному руководству и вниманию великого вождя Президента Ким Ир Сена, спустя всего лишь год после освобождения страны, корейскому народу выпала честь иметь настоящий народный университет, носящий дорогое имя вождя, — Университет имени Ким Ир Сена.

Любовь к Родине, выраженная в Государственном гимне

Великий вождь Президент Ким Ир Сен придавал большое значение развитию национальной культуры. В каком направлении и как строить национальную культуру в освобожденной Корее — было важным вопросом. А

писатели и деятели искусства только и делали, что дискутировали, не приходя к согласованному мнению.

В такой ситуации оккупировавшие Южную Корею американские империалисты проводили политику уничтожения национальной культуры — пускали в ход все средства пропаганды, пытаясь насаждать на Юге упадочническую буржуазную реакционную культуру и распространять ее и на Север. С другой стороны, антипартийные и контрреволюционные фракционеры с яростью ратовали за «чистую» литературу и искусство, разглагольствуя: «демократическая национальная культура не может быть классовой» или «литература и искусство должны быть в стороне от политики».

Учитывая сложившееся положение, великий вождь дал указания о необходимости устранить пагубные последствия колониального господства японского империализма и развить новую национальную культуру и искусство, призванные помогать проведению демократической революции и воспитанию народных масс в духе патриотизма и демократии. Он учил, что писатели и деятели искусства должны отказаться от всех реакционных методов творчества, пропагандируемых буржуазией, и как единственный творческий метод принять самый лучший метод — социалистический реализм.

Он не только указал на направление развития литературы и искусства, но и позаботился об организации Ассоциации деятелей литературы и искусства и ее филиалов, о создании условий для их творчества и быта.

Кроме того, он сам, имея выдающиеся литературно-художественные способности и богатый опыт периода антияпонской революционной борьбы, вникал в мелочи творческой работы писателей и деятелей искусства и не жалел времени для руководства их деятельностью. Занятость государственными делами не мешала вождю присутствовать на премьерах представлений или концертах и давать ценные указания по отдельным романам, стихотворениям и произведениям живописи.

27 сентября 1946 года великий вождь пригласил к себе

одного поэта и нескольких писателей. Он сказал им о необходимости создания «Государственного гимна» и «Марша Народной Армии» и подробно объяснил, каким должно быть содержание «Государственного гимна».

«Наша страна поистине прекрасна. С трех сторон ее омывают моря. В ней много величественных высоких гор. На ее полях колосятся хлеба и зреют фрукты. Недра нашей страны богаты золотом, серебром и множеством других полезных ископаемых.

Славный наш народ имеет пятитысячелетнюю историю и блестящую культуру...

С давних времен наш народ, отбивая нашествия врагов, грудью защищал свою родную землю. Вы знаете, что партизаны с оружием в руках вели в течение пятнадцати лет героическую борьбу против японских империалистических агрессоров. Сегодня трудящиеся нашей страны, освобожденные от эксплуатации и угнетения, крепко взяв в свои руки власть, активно участвуют в борьбе за строительство новой, могучей Родины.

Именно эта национальная гордость и достоинство корейского народа, имеющего прекрасную Родину и славные боевые традиции, должны быть отражены в новом гимне».

Получив указания вождя, поэт уже в тот же день начал писать текст «Государственного гимна». Он выезжал на периферию, ощущал и испытывал на себе грандиозность строительства нового государства, поднимался на горы Кымган и Мёхян, чтобы насладиться красотой страны, будто вышитой золотом и серебром. Но он чувствовал, что написанные им стихи были еще не совершенные и не отвечали пожеланию вождя. Причиной было то, что он еще не постиг всю глубину патриотизма вождя. Упрекая себя за это, поэт несколько раз переписывал отдельные куплеты. Однако окончательно отшлифовать их в том виде, как их поют сегодня, поэт смог исключительно благодаря неоднократным поправкам вождя.

В июне 1947 года в зале Народного Комитета Северной Кореи под руководством вождя состоялось обсуждение тек-

ста «Государственного гимна». Здесь он сделал ряд конкретных замечаний, проанализировал каждую строку и посоветовал, чтобы строфа, начинающаяся со слов «Народ наш гордый прославился в веках культурою древнею», была повторена. Он сказал:

«Наша страна имеет древнюю историю с блестящей культурой, поэтому этот куплет нужно обязательно повторять. Если не повторять этих слов, песня будет звучать слишком монотонно. Повторение припева даст больший мелодический эффект и создаст музыкальную стройность, сделает ее более торжественной, люди будут петь ее с чувством национальной гордости и достоинства».

Такова история создания «Государственного гимна», который поет сегодня весь наш народ.

Сияет утро над Родиной,
Богаты недра родной земли.
Пять тысяч лет твоей истории,
Отчизна в три тысячи ли.
Народ наш гордый прославился
В веках культурою древнею.
Родимой землю свою зовем,
Корею к славе мы ведем!

Чем больше поем и слышим эти слова, тем глубже в сердце проникает ощущение священности Родины и любовь к ней. С «Песней о Полководце Ким Ир Сене» и «Государственным гимном» народ, ведомый вождем, продвигается вперед к лучезарному будущему. В величественном шествии мелькают и счастливые лица писателей и деятелей искусства, благодаря заботе вождя вставших на путь полнокровной жизни.

5

Для того, чтобы построить суверенное и независимое государство и защищать страну и народ, нужно иметь свои регулярные революционные вооруженные силы. Тем более, что искусственный барьер на 38-й параллели разделяет нацию. В условиях, когда американские империалистические агрессоры оккупируют Южную Корею, выжидают подходящего момента, чтобы напасть на Север, надо иметь регулярные вооруженные силы — это стало насущной задачей, от которой зависит судьба Родины.

С первого же дня освобождения страны великий вождь Президент Ким Ир Сен, невзирая на лишения, неотступно проводил подготовительную работу по укреплению и развитию Корейской Народно-революционной армии, организованной им еще в период антияпонской революционной борьбы. в регулярные вооруженные силы.

Тогда нехватка кадров ощущалась во всех областях государственного строительства, но несмотря на это, вождь направил в ряды Народной Армии лучшие кадры, взращенные им в горниле антияпонской революционной борьбы, с расчетом, что они сыграют роль костяка. Он считал самой важной задачей строительство армии.

Имея костяк из ветеранов антияпонской борьбы, подготовленных в военном и политическом отношении, Народная Армия принимала в свои ряды патриотическую молодежь из среды рабочих и крестьян и это привело к укреплению ее основы. Об актуальности строительства регулярных революционных вооруженных сил, исходящей из внутреннего и международного положения, вождь постоянно напоминал воспитанным лично им ветеранам антияпонской революционной борьбы, разъяснял им, что они никогда не должны

терять то чувство долга, которое было воспитано в годы борьбы в дебрях горы Пэкту.

Военный никогда не должен снимать военную форму

Сразу же после освобождения страны под руководством великого вождя было принято решение об открытии военно-политического училища, призванного готовить командно-политические кадры будущих регулярных вооруженных сил.

Однажды один молодой антияпонский борец, зачисленный в военно-политическое училище (Пхеньянское училище), незадолго до своей свадьбы явился по делам в дом вождя.

Закончив дела, молодой человек собрался уходить. Вождь, как всегда, сожалея о расставании с подчиненным, крепко пожал ему руку, дал небольшую сумму денег, которые могут понадобиться в семье, и сказал:

— Пока положение в стране напряженное. Выпейте с товарищами по бокалу вина, по-партизански. Верно я говорю?

— Верно! — четко и уверенно ответил молодой боец, растроганный теплой заботой вождя.

Ему хотелось, однако, открыться перед вождем в одном деле. Но, застеснявшись, он мялся и не решался говорить. Вождь заметил это.

— Не скрывайте того, что хотели сказать. Что у вас на душе?

Покраснев, почесывая затылок, молодой человек через силу выговорил:

— Товарищ Командующий, мне нужна материя на свадебный костюм...

Выслушав его, вождь рассмеялся и сказал, что это просьба легко выполнимая, и продолжил, положив ему руки на плечи.

— Как вы знаете, наша борьба еще не кончилась. И военная форма не может помешать женитьбе. По-моему, вам

к лицу военная форма. Если невесте не нравится жених в военной форме, то лучше отказаться от женитьбы на такой девушке... Что вы скажете на это?

Молодой боец сразу осознал всю наивность своей просьбы, смутился и от стыда не мог поднять опущенную голову.

Голос великого вождя зазвучал чуть строже:

— Я же готов удовлетворить любую вашу просьбу. Хочется подарить вам что-то большее, чем отрез на костюм. Но нам предстоит еще более тяжелая борьба. Нельзя снимать с себя военную форму ни на минуту. Вы должны помнить об этом.

— Понимаю, товарищ Командующий! — бодро и искренне ответил боец, желая запечатлеть в сердце слова вождя. Обрадованный ясным ответом бойца, вождь предложил ему зайти к товарищу Ким Чаку, так как Ким Чак уже знал о свадьбе и у него наверняка кое-что приготовлено.

Вождь, конечно, мог удовлетворить просьбу молодого человека, который в день свадьбы хотел сменить военную форму на гражданский костюм. Со дня вступления в ряды антияпонской вооруженной борьбы он не снимал военную форму, поэтому и захотел переодеться в гражданскую. Но он военный, которому категорически противопоказана даже минутная расхлябанность, он должен быть опорой будущей регулярной армии. Он боец, который в любой обстановке обязан помнить святую миссию воина-революционера.

Глядя вслед удаляющемуся бодрой походкой энергичному молодому бойцу, вождь от души хотел, чтобы тот глубоко осознал высокое доверие, оказанное ему.

Руководя созданием армии, вождь воспитывал и помогал бывшим антияпонским бойцам быть примером во всем. Он внимательно следил за строительством кузниц народных вооруженных сил — военно-политических училищ и курсов. Определяя место для Пхеньянского училища, он даже забывал о еде и обследовал местность, поднимаясь по крутым горным отрогам. А во время строительства здания курсов по подготовке кадров безопасности он вникал во все детали

жизни курсантов, вплоть до того, как и какие кровати и обеденные столы ставить.

Однажды в октябре 1946 года великий вождь приехал на стройку первого корпуса курсов по подготовке кадров безопасности. Тогда он говорил, что дома курсанты ели бы горячую кашу и спали бы в тепле, но на курсах они, возможно, столкнутся с рядом неудобств. Им нужны казармы и столовые, обеспеченные всем необходимым. Он обращал серьезное внимание даже на столы и стулья для столовой. Когда вождь подошел к группе курсантов, они как раз сами мастерили столы и стулья. Стол, за которым должны сидеть человек восемь, был узкий и длинный. Заметив это, вождь посоветовал им делать столы на четырех человек так, чтобы они ели, сидя друг против друга. Это хорошо потому, что стол станет прочнее, хорошо потому, что когда едят, сидя друг против друга , они могут узнать, кто какое кушанье любит, и хорошо потому, что они замечали бы, кто ест с аппетитом, а кто без аппетита, кто любит острое, а кто соленое.

Оглядывая присутствующих ответственных работников училища, вождь широко улыбнулся. Улыбаясь, он уже мысленно рисовал себе счастливые лица курсантов, рассевшихся вокруг стола в теплой дружеской атмосфере, будто в семейном кругу.

Красный цветок на груди стрелков-отличников

Это было спустя несколько дней после открытия Пхеньянского училища. Желая ознакомиться с жизнью курсантов, родной вождь приехал в училище. На плацу курсанты были заняты строевой подготовкой. Строй выглядел очень пестро, так как курсанты еще не получили военной формы. Они, недавние рабочие и крестьяне, съехались с разных концов страны. Одни были еще в национальной одежде из холста, на других были национальные куртки, старые европейские брюки да резиновые тапочки. Все были неуклюжи в движениях. Пестрая одежда свидетельствовала об унижениях и бедности в прошлом и вызывала горечь. Но боевой дух курсантов, чеканящих шаг, был

так высок, что встреть тигра, они готовы были голыми руками разодрать его. В их походке отражалась явная воинственность.

Вождь с любовью наблюдал за боевой подготовкой. Вот мимо него проходит еще один отряд с революционной песней. Среди них вождь случайно приметил одного юного курсанта, еле передвигавшего ноги в непомерно больших солдатских ботинках японского производства.

Вождь подозвал его к себе.

— Твои ботинки весят, пожалуй, несколько кын (1 кын — 600 г). Тяжело тебе? — с улыбкой спросил вождь.

А молодой курсант, расправив грудь, отчеканил:

— Нет, не тяжело. Привык уже.

Разглядывая его обувь, вождь помрачнел в лице и вдруг обнял его.

В период антияпонской вооруженной борьбы он каждый раз, когда замечал разодранную обувь у юных бойцов, думал о том, что с освобождением Родины сможет обуть всех детей и молодежь страны в добротные ботинки. А освобожденная Родина пока так бедна, что ей не под силу одеть этих курсантов в военную форму и обуть в одинаковую обувь, и по этому поводу вождь переживал.

Уважаемый вождь говорил как бы успокаивая:

«Потерпи немного. Нынешнее положение нашей страны требует от нас быть терпеливыми. Тебе 15 лет, говоришь? А когда тебе будет 30, ты будешь жить, ни в чем не нуждаясь. Тогда и вся наша армия будет обеспечена хорошей одеждой и хорошей обувью. Будет целая гора одежды, сшитая из нашей материи, будет и обувь, сделанная нашими руками. Ты сможешь выбрать по вкусу. Для того, чтобы построить такое крепкое, суверенное и независимое государство, вы, товарищи, обязаны усерднее заниматься и скорее стать замечательными кадрами».

И в машине на обратном пути, и после возвращения в Пхеньян вождь все не мог забыть неуклюжий вид курсантов. Ребята с сиянием в глазах чеканили шаг лишь с единственным чувством, что они ответственны за судьбы новой

Родины. Хорошо бы дать каждому из них комплект формы с иголочки и пару обуви по размеру! — эта мысль сверлила голову вождя и он не мог уснуть до глубокой ночи.

Позже, несмотря на тяжелое положение страны, вождь предпринял меры по снабжению всех курсантов Пхеньянского училища новой военной формой. На пути создания регулярной армии лежало много лишений и трудностей. Но его энтузиазм решал все.

Стояли апрельские дни 1947 года. Как-то великий вождь Президент Ким Ир Сен выехал на один из полигонов курсов по подготовке кадров безопасности. Там как раз шли учебные стрельбы.

— Настроение у вас хорошее. Уверены, что попадете в цель? — спросил вождь курсантов, которые перед стрельбой упражнялись в наводке. Те встали по стойке «смирно», но замешкались с ответом.

— Сегодня я приехал к вам не в качестве инспектора. Мне сообщили, что вы очень прилежны на занятиях, и мне захотелось полюбоваться вами. Будьте уверены в себе. Покажите ваше мастерство. Вы должны бить без промаха.

Вождь то внимательно наблюдал за упражнениями по наводке, то брал винтовку и показывал, как надо прицеливаться.

— Чтобы научиться метко стрелять по врагам, — сказал вождь, — **надо хранить в сердце жгучую ненависть к врагу, повседневно и усердно упражняться в наводке и при прицеливании нужно иметь горячее сердце человека, непосредственно противостоящего врагу. Кроме того, надо досконально знать технические данные оружия и быть уверенным в себе.**

На учебных стрельбах все показали хорошие результаты. Больше всех вождя обрадовало то, что автоматчики одного из отделений все без исключения попали точно в цель.

Пригласив их к себе, вождь поинтересовался, как они обращаются с оружием. Спросил одного из них, брал ли он в руки винтовку во время господстса японского империализма. Тот ответил, что в прошлом винтовку в руки не брал и, видя ее, боялся, как бы она не взорвалась, очень боялся близко

подходить к ней. Но теперь не выпускает винтовку из рук, пока не попадет в цель, и каждый день изучает ее, собирая и разбирая по нескольку раз.

Вождь остался доволен тем, что ребята, которые только что научились обращаться с винтовкой, показали столь хорошие результаты в стрельбе, и похвалил их:

«Я ждал именно такой ответ. Крепите решимость, не позволяйте врагу никогда посягать на нас, берегите винтовку, как зеницу ока, и старайтесь научиться полностью владеть ею».

В тот день курсанты отличились не только в обращении со стрелковым оружием, они показали отличные результаты также в стрельбе из минометов.

Объявляя благодарность за хорошую стрельбу, вождь приколол красный цветок к груди каждого отличившегося минометчика.

Результаты стрельбы были отличные. Были все основания для оптимизма. Если сравнить Пхеньянское училище периода его основания с сегодняшним, то можно сказать, что тогда это были птенцы в гнезде, а сейчас это уже — соколы, парящие в небе.

Перед глазами вождя вырисовывался торжественный марш революционных вооруженных сил, выросших в современную регулярную армию.

8 февраля 1948 года корейский народ наконец встретил исторический праздник.

В Пхеньяне в присутствии основателя Корейской Народной Армии, великого вождя Президента Ким Ир Сена проходил парад сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил КНА, непосредственной наследницы славной Корейской Народно-революционной армии. КНА продемонстрировала свою мощь.

Одетые в форму с иголочки, вооруженные оружием нового образца, бравые сыны и дочери новой Кореи идут, чеканя шаг, под торжественную музыку. От их могучего шага вздрагивает земля. Бесконечным потоком часть за частью проходят мимо трибуны войска — офицеры и солдаты, во

весь голос крича «мансэ!» А люди приветствовали их со слезами на глазах. Долгие годы корейский народ не имел собственной армии, которая должна была защищать страну, жизнь и имущество народа. Какое унижение он терпел и как много жертв понес, не имея собственной армии! При виде величественного шествия частей Народной Армии, рождения которой ждали с нетерпением, люди ликовали, высоко поднимая руки, но их крики то и дело прерывались всхлипываниями.

Вождь тоже был чрезвычайно взволнован. Как далеко ушел и какие испытания пережил он с того времени, когда в дебрях Аньту он организовал из лучших представителей корейской молодежи Корейскую Народно-революционную армию! Молодые бойцы, с которыми он делил последнюю чашку толокна во время «Трудного похода», и мальчики из детской роты, которых он вел за руки в походе, теперь образовали прочный костяк этой армии. А скромные дети рабочих и крестьян, некогда одетые в холщевые куртки и в японские армейские ботинки, стали воинами и гордо вышагивают с винтовками на плечах, громко выкрикивая «мансэ!» От их возгласов содрогается небо. Идут стройно, уверенно... И он, охваченный восторгом, торжественно пожелал им воинской славы.

Чеканя шаг, демонстрируя свою мощь, шли ряды Корейской Народной Армии — непобедимые регулярные вооруженные силы, унаследовавшие блестящие революционные традиции антияпонской революционной борьбы.

Глава третья

БЛАГОРОДНОЕ ЧУВСТВО ДОЛГА, ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

1

Дом, в котором с любовью встречают всех 107

Наряд на молоко, написанный лично вождем . . . 111

Полководец и Ре Ун Хен 113

Сестры, согретые любовью вождя . . 116

2

Училище в Мангендэ для детей павших революционеров . 120

И отец, и мать . . 125

В новогодний праздник среди детей павших революционеров . 128

3

Полководец и семья О 131

Вождь долго искал их 134

Мать погибшего соратника как родная мать 141

4

Вождь переживает за рану солдата революции 146

Забота о семье погибшего командующего Армией независимости 149

1

Квартира великого вождя Президента Ким Ир Сена у подножия горы Хэбан была настолько проста, что ее трудно было назвать квартирой главы государства. К тому же дом был предназначен не столько для вождя, сколько для народа. По воскресеньям и в праздничные дни сюда приходили и студенты университета, и представители рабочих и крестьян. Порой приходили туда и участники антияпонской вооруженной борьбы со своими детьми, с которыми встретились лишь через десятки лет; этот дом навещали поэты, чтобы продекламировать перед вождем свои поэмы, воспевающие антияпонскую вооруженную борьбу.

Вождь радовался их радостям, давал им нужные советы. Для вождя было самым счастливым время, проведенное в задушевных беседах с простыми людьми, навещавшими его.

Вождь, смысл жизни которого составляли революция и строительство новой жизни, охотно уделял народу даже то короткое время отдыха, которое изредка выпадало на его долю. Так дом вождя превратился в «дом любви», дом, где каждый был окружен любовью, двери которого всегда были открыты перед народом.

Дом, в котором с любовью встречают всех

22 августа 1946 года снова в доме вождя были гости — семеро рабочих и крестьян, приехавших на экскурсию в Пхеньян. Они представляли 700 местных жителей, прибывших на торжества 15 августа.

Уважаемому вождю Президенту Ким Ир Сену доставляло огромную радость видеть их — людей труда, ставших хозяевами страны, когда они осматривали процветающую столицу, ведь до недавнего времени они были лишены Родины

и находились в положении рабов. Он принимал участие на официальной части торжества и рассказывал им о предстоящих делах, устроил для них банкет и от имени государства вдохновлял их на новые трудовые подвиги. Не ограничиваясь этим, он пригласил некоторых из них к себе домой, чтобы провести с ними вместе хоть один вечер.

Представители рабочих и крестьян, которые жили в гостинице и собрались уже ехать домой, были глубоко тронуты, получив неожиданно приглашение вождя. Им выпала большая честь войти в состав экскурсионной группы, организованной лично вождем, им очень повезло и с такой интересной поездкой, в которой предусмотрены посещения крупных заводов и фабрик, сел, участие в большом митинге и банкете, к тому же вождь лично пригласил их к себе домой.

К вечеру они поехали на автобусе в дом вождя. Уважаемая Ким Чжон Сук радостно встречала их у ворот. Говорят, что в любом доме гостеприимство выражается прежде всего в сердечности хозяйки, а уважаемая Ким Чжон Сук встретила гостей с исключительной теплотой.

Она принесла каждому из них таз с водой, чтобы они с дороги умылись и вымыли ноги. Она принимала гостей так радушно и искренне, что у них сразу исчезла скованность, и, чувствуя себя как дома, они шумно умывались и мыли ноги.

Вскоре вернулся вождь. Выйдя из машины, он пожал каждому из них руку и искренне сказал:

— О, товарищи, вы уже здесь...

Гости, которые так мечтали о встрече с вождем, теперь, встретившись с ним в его доме, от волнения не находили, что ответить ему, и стояли в растерянности. Выручил их вождь, который пригласил всех в дом, и сам вошел первым.

Вождь, благожелательно всматриваясь в гостей, расспрашивал о жизни их родного края и, широко улыбаясь, говорил:

— Правда, сейчас в Пхеньяне не на что смотреть, но... лет через пять изменится его облик. К тому времени будет по-

строено много больших зданий, улицы будут широкими и он станет самым большим культурным центром страны. Так постепенно все города и села страны станут культурными, мы сделаем нашу страну богатой, не уступающей другим странам мира. Когда вы приедете в Пхеньян еще раз на экскурсию, он станет совсем другим.

В этот раз вы были на Кансонском сталелитейном заводе? Он пока небольшой, но через 3 — 4 года и он станет крупным перспективным предприятием... Сейчас Сонримский металлургический завод выплавляет уже много металла, так что в будущем все земледельческие работы можно будет механизировать.

Слушая уверенные слова вождя, представители рабочих и крестьян рисовали мысленно себе картину процветающей прекрасной Родины.

Уважаемая Ким Чжон Сук внесла столик с едой: ароматная рисовая каша с фасолью, бульон из говядины и отварная курица. Глядя на стол, один из гостей из провинции Северный Хамген вспомнил рассказ товарища из Женского союза, которая, год назад вернувшись из центра с собрания Женского союза, говорила, что встречалась с Ким Чжон Сук в ее квартире и видела там столик, за которым обедал вождь вместе с шофером. На нем были миска рисовой каши, смешанной с чумизой, бобовые ростки, кимчхи и маринованные креветки. Значит, вождь всегда живет скромно, и только для гостей готовят в этом доме такие изысканные блюда, как сегодня, подумал он и ему стало неловко. А Ким Чжон Сук сказала:

— Не умею хорошо приготовить. Угощайтесь, пожалуйста, без стеснения и отдыхайте на здоровье.

Она сама наливала им водку. Гости, тронутые до глубины души, проглотили горячий комок.

Вождь, весело смеясь, предложил:

— Товарищи... Надо хорошо работать, но и хорошо отдыхать. Поднимайте рюмки!

Около часа он вел дружескую беседу с гостями, затем

извинился и сказал, что хотел бы провести с ними весь вечер, но вынужден уйти по срочному делу, и посоветовал им хорошенько отдохнуть и отправиться в путь лишь завтра.

С уходом вождя в комнату вошла Ким Чжон Сук и хлебосольно угощала ужинающих.

Гости уснули поздно. Вождь, вернувшийся глубокой ночью, прежде чем лечь спать, тихо вошел в комнату для гостей и осмотрел даже их постели.

Гости встали рано утром, вышли во двор, поискали метлу, чтобы подмести двор. Но со стороны тополя, стоявшего в углу, до них донесся добрый голос вождя.

С добрым утром! Что вы ищете?

Вождь, работавший до самого рассвета, уже на ногах, успел чисто убрать двор и читал под тополем. Его поведение глубоко взволновало гостей.

Позавтракав вместе с гостями, вождь попрощался с ними и заторопился на работу.

— До свидания, товарищи. Желаю вам здоровья и успехов в работе, — сказал он им на прощанье.

Гости тоже собрались в дорогу и вышли во двор.

Ким Чжон Сук поспешила к ним.

— Конечно, вы сможете пообедать где-нибудь и лучше, но все же я приготовила вам вот это на обед, — сказала она и подала каждому из них коробку, завернутую в белую бумагу.

Представители рабочих и крестьян, тронутые до слез ее добрым вниманием и искренней заботой, взяли коробки дрожащими руками и от волнения не смогли даже поблагодарить как следует. Они всем сердцем поняли, что высокое благородство вождя и Ким Чжон Сук выражается в простоте и безмерном участии, подкрепленном горячей любовью к человеку. Им казалось, что ее душевная красота излучает яркие лучи любви и тепла. Она считает своим долгом и счастьем окружать соотечественников любовью и потому в горах или в поле — всюду оделяет народ своим теплом и любовью. Ее сердце полно благородства, способного ярко излу-

чать свет и оказывать на народ благотворное воздействие, и поэтому она может дарить народу счастье и красивую песню!

Гости низко поклонились уважаемой Ким Чжон Сук и вышли на улицу. Им казалось, что подаренные ею коробки с едой, завернутые в белую бумагу, становятся все тяжелее и тяжелее.

Наряд на молоко, написанный лично вождем

Это было весной 1947 года. Однажды вождь пригласил в свой дом Кан Рин Су, двоюродного старшего брата по материнской линии.

— Слушай, брат! Я пригласил тебя по одному важному вопросу. Хочу поручить тебе ответственное дело. Сейчас наши товарищи работают, не зная сна, решают сложные проблемы государственного строительства, у многих из них ухудшилось здоровье, они слабеют. Необходимо улучшить их питание. Выделю тебе пять коров, и ты снабжай наших товарищей молоком.

... Это трудное дело я не могу поручить никому другому, кроме тебя.

Прошло всего два года после освобождения страны, и жизнь народа была еще трудной, руководящие работники не составляли исключения, жили, как все. В этих тяжелых условиях они, находясь во главе строительства Родины, работали без сна, чтобы укреплять народную власть, осуществлять демократические преобразования и восстанавливать национальную экономику. От переутомления у них краснели глаза и трескались губы.

Вождю было тяжело видеть этих товарищей. Он очень беспокоился о них, зная, что долгое время переносили они всяческие невзгоды и в высоких горах, и на безлесых равнинах, сражаясь с японскими империалистами, а после освобождения страны работают, не зная ни сна, ни отдыха, не обращая внимания на ухудшение здоровья. Он долго думал о путях улучшения их питания и решил снабжать их молоком. И это хлопотливое дело он поручил своему близкому

родственнику, двоюродному старшему брату по материнской линии.

Старший брат сначала колебался, так как не имел опыта в подобного рода делах, но, тронутый сердечной просьбой вождя, согласился.

Через 2 — 3 дня бойцы охранного отряда привели в дом двоюродного брата вождя пять коров и привезли лес для строительства коровника. Выполняя поручение вождя, Кан Рин Су изучал методы ухода и кормления коров, ознакомился с опытом работы в нескольких хозяйствах, неоднократно выезжая туда. Первые два месяца не ладилась работа. Но через 3 — 4 месяца он уже начал доить немного молока. Когда надои молока стали доходить примерно до двух маль в день, Кан Рин Су обрадовался не столько своему успеху, сколько тому, что сумел выполнить волю и желание вождя. Он сразу доложил вождю об этом. Вождь был очень доволен и думал о том, как распределить это молоко между сотрудниками. Вождь взял чистый лист бумаги и представил себе лица руководящих работников, которые бодро работают, несмотря на переутомление, и, улыбнувшись, начал писать:

Наряд на молоко:

Ким Ён Бому — 1 двэ
Ким Чаку — 1 двэ
Цой Ён Гену — 1 двэ
... ...
Кан Рин Су — 1 двэ
Ким Ир Сену — 0,5 двэ.

Двоюродный старший брат, получивший «наряд на молоко», не смог удержать нахлынувших слез. Вождь распределил всем товарищам по 1 двэ и только себе — 0,5 двэ!.. Это был не «наряд на молоко», а свидетельство любви вождя к солдатам революции.

Во время трудного похода в период антияпонской войны, когда каждый день шли кровопролитные бои, Полководец,

голодая сам по нескольку дней, делил бумажной ложечкой последнюю чашку толокна между юными бойцами. В дни, когда партизаны действовали небольшими отрядами, а враг нападал со всех сторон, Полководец надписывал на каждом из 50 пакетов с порошком из оленины имена бойцов, находящихся в отдаленном лагере. Этой же безмерной любовью, текущей могучим потоком, вождь и сегодня окружает товарищей по революции, наделяя им пищу революции! Присланное вождем молоко стало неиссякаемой живительной силой не только для руководящих работников, но и для всего нашего народа.

Так об этом «наряде на молоко» будет передаваться грядущим поколениям легенда о том, как наш вождь делился с народом горестями и радостями, оберегал здоровье товарищей больше, чем свое. И люди, видя, как в детских яслях, садах и школах их дети каждый день пьют молоко, как изо дня в день становится все богаче стол и жизнь нашего народа, будут думать, что это результат того, что вождь записал и наши имена в «наряде на молоко», свидетельствующем о его любви к народу.

Полководец и Ре Ун Хен

Однажды в феврале 1946 года адъютант великого вождя привел в его кабинет гостя. Это был лидер Народной партии Кореи Ре Ун Хен, «знаменитый оратор» и «выдающийся политик» Южной Кореи.

Не случайным был приезд этого человека к вождю через 38-ю параллель. В Южной Корее американские империалисты и реакция, представлявшая правые силы, репрессировали выступающие против них патриотические партии и народ, преследовали даже нейтральные партии, к тому же клика Пак Хон Ена вкупе с ними занималась расколом и подрывом патриотических сил.

Политическая деятельность Ре Ун Хена также столкнулась с трудностями. Он не видел ясного пути к спасению Родины и поэтому не знал, как исправить положение и как проложить дальнейший путь. Он был глубоко уверен, что

только солнце нации, Президент Ким Ир Сен может дать ясные ответы на все эти вопросы, и приехал повидаться непосредственно с ним.

Вождь-отец радостно принял Ре Ун Хена и в течение нескольких часов подробно разъяснял ему политическую ситуацию в Южной и Северной Корее, рисовал путь, по которому должна идти Родина в будущем. Ре Ун Хен был восхищен благородными качествами и незаурядным политическим кругозором вождя.

Наступила пора обедать, вождь, широко улыбаясь, пригласил гостя:

«Пойдемте, пожалуйста, ко мне и отобедаем вместе. Если бы вы заранее сообщили о приезде, велел бы приготовить что-нибудь... Но вы пришли неожиданно, так что пеняйте на себя».

Ре Ун Хен был глубоко тронут тем, что вождь обращается с ним просто и непринужденно. Он глядел на вождя счастливым взглядом и признался, что внутренне опасался, как бы вождь не отослал его в харчевню «куксу» или в гостиницу.

«Может, мой дом окажется хуже, чем гостиница, но пойдемте. Вы ведь знаете, в нашей стране своих гостей не отсылают в гостиницу!..», — говоря так, вождь повел Ре с собой.

Так Ре пришлось прийти в дом вождя. Проходя в ворота, Ре Ун Хен не мог скрыть удивления и все оглядывался. Он ожидал увидеть роскошь, но все было слишком просто. Это не могло не удивить его, человека, прибывшего из общества, где высокий пост и власть означали именно богатство и роскошь. На его лице появилось выражение восхищения руководителем народа, восхищение еще более усилилось в комнате, куда вошел он вслед за вождем, когда увидел мебель и обстановку комнаты. Подали обед. На простом столике без перламутровой инкрустации не было особых блюд, и Ре Ун Хен был охвачен чувством благоговения и счастья при мысли, что перед ним величайший вождь народа, какого нет больше нигде в мире. Он

обедал вместе с вождем за одним столом. Очарованный простотой вождя и дружеской семейной обстановкой, Ре Ун Хен стал чувствовать себя как дома, снял пиджак и смело говорил все, что было у него на душе.

— Слушая Ваши слова, уважаемый Полководец, я чувствую облегчение на душе, ясно вижу путь, по которому должна идти Корея. Откровенно говоря, я встречался со многими известными политическими деятелями не только в Южной Корее, но и за рубежом, но я впервые встречаюсь с такой личностью, как Вы. Я говорю искренне, а не из приличия. На долю нашей Кореи выпало большое счастье — иметь Вас нашим вождем и руководителем, уважаемый Полководец.

Рассказывая о своей прошлой жизни, он признался, что допускал немало ошибок, несмотря на то, что всегда хотел самоотверженно служить интересам страны и нации, и выразил желание впредь отдать все силы, следуя указаниям Полководца.

Ре Ун Хен, на которого оказала огромное воздействие встреча с вождем, чувствовал прилив новых сил, будто помолодел, а по возвращении в Южную Корею мужественно боролся до конца жизни, поддерживая высокую мысль вождя.

Вся деятельность Ре Ун Хена после возвращения в Южную Корею ярко показывает, какое глубокое уважение и доверие он питал к вождю.

На вопрос журналиста, чем больше всего он был восхищен при встрече с Полководцем Ким Ир Сеном, Ре Ун Хен ответил:

— Больше всего я восхищался глубокой верой Полководца Ким Ир Сена в силу нашего корейского народа, его твердой и последовательной уверенностью в том, что мы, корейцы, должны делать корейскую революцию, полагаясь не на внешние силы, а на силу корейского народа, видя в ней залог единства и независимости.

Когда начальник американской военной администра-

ции придрался к нему по поводу поездки в Пхеньян, Ре Ун Хен заявил янки:

— Я распоряжаюсь жизнью по своему усмотрению. Какое американцам дело, как я поступаю в своем доме — иду ли я в верхнюю комнату или в нижнюю. Я ездил в Пхеньян, потому что мне непременно надо было встретиться с Полководцем Ким Ир Сеном.

Сестры, согретые любовью вождя

После визита Ре Ун Хена, 6 июля приехали в дом Полководца две его дочери. По совету отца сестры оставили сеульский женский университет Лихва, где они учились, отказались от «предложения» американской военной администрации поехать в США на учебу и поехали на север страны к любимому вождю.

Обе дочери приехали к вождю, веря ему, как родному отцу. Но Полководец в это время находился на периферии и сестер из Сеула встретила уважаемая Ким Чжон Сук, которая окружила их своей заботой.

— Проходите, пожалуйста, проходите. Устали ведь после долгой и опасной дороги. А вы похожи как две капли воды, не отличишь, кто из вас старшая, а кто — младшая... Полководец, уезжая на село, предупредил о вашем приезде и просил сказать вам, чтобы вы учились и жили в нашем доме.

Она дала девушкам умыться, потом провела их в комнату, заранее приготовленную для них. Уважаемая Ким Чжон Сук заботилась о них, так внимательно и тепло относилась к ним, что они совсем забыли, что находятся в гостях.

Узнав о приезде сестер, встретить их вышла и бабушка вождя, которая в это время была здесь. Когда они низко поклонились бабушке Ли Бо Ик, она заметила: «И когда это вы научились кланяться по-корейски», и нежно улыбнулась им.

Исполненные надежд сестры, живя в доме вождя, как

члены его семьи, начали учиться, они занимались по учебникам, заранее приготовленным для них.

Наконец вернулся долгожданный вождь-отец.

— Наконец-то вы приехали. Рад, рад вас видеть. Идите-ка сюда поближе, — вождь-отец был так приветлив, что сестры прыгали вокруг него, как дети, забыв даже слова приветствия, которые давно приготовили для него.

Вождь сказал сестрам, которые все еще держали его руки в своих руках:

— Ваш отец просил меня позаботиться о вас, и я должен учить вас как следует. Ну как, интересно заниматься?

— Дорогой Полководец! Трудно очень, мы еле поспеваем за подругами...

— Трудно?.. Чем труднее заниматься, тем вам надо усерднее работать. Надо стараться догнать друзей...

— Поняли! Спасибо, — ответили они.

— А не тоскуете по дому? Наверно, очень хочется вам повидать отца с матерью. Прошло ведь больше месяца, как вы приехали.

— Нет, по дому не тоскуем.

«Почему нет? Ведь вы впервые отлучились от родителей... Сейчас ваш отец мужественно борется. А вы должны хорошо учиться, чтобы оправдать надежду отца. Должны учиться по-боевому, как строители нового общества».

Так вождь воодушевлял девушек. 15 августа, встречая первую годовщину со дня освобождения страны, они вместе с бабушкой ехали в Мангендэ.

Когда сестры низко поклонились дедушке в доме в Мангендэ, он радостно улыбнулся, словно встретил родных внучек. Глядя на других членов семьи, он проговорил:

— Раз девушки отвесили мне земной поклон, надо угостить их лепешками.

Вскоре действительно подали лепешки. Когда сестры, волнуясь, брали лепешки, вождь входил во двор дома. Они, словно переживая самый священный момент в жизни, аккуратно поправили воротнички и с благоговением смотре-

ли, как вождь кланяется дедушке и бабушке, поздравляя их с праздником.

Заметив сестер, стоявших во дворе, вождь предложил им войти в комнату и веселиться. Младшая сестра ответила смело:

— Дорогой Полководец! В комнате душно.

— Душно? Да, в самом деле вам душно. Тогда поднимитесь на антресоли.

— А туда можно?

— Конечно, можно. Поднимайтесь вот по той лестнице.

Сестры поднялись на антресоли в углу двора. Вождь в детстве на этих антресолях учился, пел песни, смотрел на радугу, висящую над сопкой Манген. Сильное волнение охватило сестер, поднявшихся на антресоль, хранившую эти благородные следы. Девушки испытывали гордость и в то же время неловкость при мысли, что они находятся в Мангендэ, на родине всей нации, в родном доме вождя, в Мангендэ, где родился Полководец Ким Ир Сен, солнце нации.

В это время внизу послышался голос вождя.

— Нате-ка, получайте дыни. Очень сладкие дыни в Мангендэ...

Он дал девушкам четыре крупные дыни и широко улыбнулся. Эта улыбка, светлая, как яркий солнечный луч весной, улыбка вождя, которая так согревает душу сестер и дает им все радости на земле, заставила их забыть обо всем; девушкам почудилось, будто они, опьяненные счастьем, витают в воображаемой волшебной стране... Прижимая к груди красивые дыни, в которых словно выкристаллизовалось все благоухание Мангендэ, они не могли скрыть нахлынувшие слезы. Эта нежная и горячая любовь вождя несоизмерима даже с родительской любовью.

Вождь-отец воспитывал сестер в течение нескольких лет, окружал их заботой и вниманием, даже отправил для дальнейшей учебы за границу. Его вера в Ре Ун Хена, стойко боровшегося на юге страны, обратилась в теплую

заботу о его дочерях. Для вождя любой человек, вставший на путь борьбы, был товарищем и близким другом, независимо от того, давно ли он знает его или нет, а его дети для вождя были родными детьми. Это было свойством, присущим только вождю, который делил с борцами революции все радости и горести. Вот почему они не капитулировали и не прекращали борьбы ни при каких невзгодах. Они знали, что если погибнут в борьбе, то вождь доведет ее до победы и вырастит их детей с любовью, которая будет в десять и сто раз теплее, чем родительская, уверенность в этом давала им силу и мужество. И Ре Ун Хен был беззаветно предан вождю до последней минуты своей жизни. Американские империалисты и их лакеи зверски убили его из-за угла.

Таким образом, дом вождя, где он встречался со многими борцами революции и с простыми людьми — рабочими и крестьянами, где окружал их теплом и заботой, дом, в котором даже семейная жизнь была подчинена общему делу, стал для народа родным домом, навеки запечатлен в сердцах народа, как родной дом в Мангендэ.

2

Государственные дела налаживались и жизнь народа улучшалась, этому вождь-отец очень радовался, но тяжелые мысли о семьях погибших товарищей по революции, вместе с которыми он сражался в период антияпонской вооруженной борьбы, ни на минуту не оставляли его.

14 октября 1945 года. В этот исторический день вождь говорил дяде и тете, что необходимо скорее разыскать семьи погибших революционеров. Жена дяди спросила его:

— А где сейчас младший брат Ен Чжу? Как все были бы рады, если бы он явился вместе со старшим братом...

Вождь тоже не знал, где младший брат. Он ответил, что надо, конечно, разыскать и младшего брата, но сначала следует найти людей, которые помогали ему в дни тяжелой борьбы, а также семьи павших в бою революционеров. Слушая вождя, все становились серьезнее, глубоко тронутые этим благородным чувством долга перед товарищами по революции.

Зимой этого же года, в день, когда падал первый снег, вождь до поздней ночи стоял у окна своего рабочего кабинета. Видимо, он думал о снеге, падавшем на могилы соратников, которые погибли с именем Родины на чужбине, и долго всматривался в темноту. Он сказал тихо подошедшему адъютанту:

— Первый снег на Родине наводит на мысли о погибших товарищах.

Чем чаще он вспоминал о павших товарищах по революции, тем больше думал он о том, чтобы найти их семьи и позаботиться о них. Однако до сих пор вождь, занятый неотложными делами, не находил времени для поиска семей погибших революционеров, хотя всегда с болью в сердце думал о них. Теперь, когда он осуществил грандиозные демократические преобразования, установил народную власть, призванную осуществить социалистическую революцию, он решил активно заняться поисками семей павших революционеров и проявить о них заботу. Нельзя было больше откладывать дело, которое непосредственно было связано с созданием смены борцов за революцию.

Училище в Мангендэ для детей павших революционеров

В марте 1947 года по инициативе уважаемого вождя Президента Ким Ир Сена Народный Комитет Северной Кореи принял постановление об организации подготовительной комиссии по созданию училища для детей павших революционеров в Пхеньяне (революционное училище в Мангендэ). В соответствии с этим постановлением началось строительство революционного училища для обучения и воспитания детей погибших рево-

люционеров, одновременно широко велась работа по розыску членов семей павших революционеров и переводу их в Пхеньян.

Вождь разослал людей не только в разные концы страны, но и на далекий Северо-Восток Китая. Он вместе с членами подготовительной комиссии по созданию училища отправился в Мангендэ, чтобы выбрать место для строительства училища. Он остановил машину на пологом склоне невдалеке от родного дома и поднялся на холм по густому низкорослому сосновому лесу.

Мангендэ — куда ни взгляни — очень красивое местечко. Здесь можно было бы построить училище на любом участке. Но вождь ходил с холма на холм, поднимался и спускался по склонам в поисках лучшего места и никак не мог сделать окончательного выбора.

Товарищи, сопровождавшие вождя, под его руководством не раз участвовали в кровопролитных боях, они знали о его необыкновенной прозорливости, с которой вождь без колебаний определял позиции, места стоянок и опорных баз, но тут... его нерешительность приводила их в замешательство. Они никогда не видели вождя в таком состоянии...

Наконец, после долгого раздумья, он остановился на холмике, освещенном солнцем, и сказал спутникам, что это место ему кажется подходящим, и добавил, что лучше все же посоветоваться с дедушкой и дядей, которые прожили многие годы в Мангендэ.

В тот же день он зашел в родной дом и долго советовался с дедушкой и дядей о месте для постройки училища.

Через несколько дней вождь вместе с дедушкой обошел все окрестности Мангендэ и гору Манген и после тщательного анализа окончательно определил место, где будет строиться училище. Это был именно тот участок, который он недавно облюбовал.

Выбрав место для будущего училища, он некоторое время смотрел туда, где раньше стояла Сунхваская школа. На лице вождя появилось выражение глубокой грусти, словно он снова услышал звон колокола, по которому бил

когда-то его отец, чтобы открыть глаза народу и указать ему путь вперед. Вскоре на этом священном месте революции будет воздвигнуто училище и здесь раздастся мощный колокольный звон, как бы продолжая святой звон колокола Сунхваской школы и передавая из поколения в поколение горячую любовь и революционный долг вождя-отца.

Когда началось строительство революционного училища и были собраны, наконец, с разных местностей дети и молодые родственники павших революционеров, вождь был занят поисками подходящего человека, которого можно было бы назначить на должность директора училища. Кто сможет полюбить этих сирот, как своих детей, делить с ними радости и горести, посвятить всю жизнь воспитанию новой смены революции?..

Вождь встречался со многими людьми и наконец остановил свой выбор на одном руководящем работнике с периферии. Ему казалось, что этот пожилой человек с доброй душой сможет понять детей и окружит их глубокой любовью. Тем более, что у него не было родных детей. Он выбрал этого человека не случайно. Если бы у директора училища были свои родные дети, то они ходили бы с ним и звали бы его «папой», и это ранило бы сердца детей павших революционеров, напоминало бы им об их родителях. Вождь обрадовался тому, что ему удалось найти подходящего человека, тут же назначил его директором революционного училища и сказал:

«Очень трудно было подобрать директора училища, который любил бы его питомцев, как своих родных детей...

Уважаемый директор училища! Прошу заботиться о дорогих курсантах и воспитывать их стойкими революционерами. Прошу любить их, как своих родных детей».

Это была скорее просьба заботливого отца, который впервые отдает своих любимых детей на попечение учителя, чем наставление при назначении работника на руководящий пост. Директор училища не смог ответить, как полагается в таком случае, глубоко тронутый исполненными сердечности словами вождя.

Теперь важно было благоустроить революционное училище. Для курсантов вождь подготовил временное помещение, часто посещал стройку училища, внимательно руководил всеми делами, начиная с закладки фундамента и спортплощадки и кончая застеклением окон общежития.

12 октября 1947 года — праздничный день, посвященный открытию революционного училища, его с нетерпением ждали курсанты. На спортплощадке собрались курсанты, многочисленные гости, члены семей павших революционеров, ветераны антияпонской вооруженной борьбы и местные жители.

Когда вождь-отец под лучами утреннего солнца поднимался на трибуну, раздалось громкое «мансэ» и возгласы, потрясшие небо и землю.

Первым долгом вождь предложил минутой молчания почтить память революционеров, павших в борьбе за возрождение Родины, за свободу и счастье народа. После минутного молчания вождь еще некоторое время безмолвно всматривался в лица курсантов — детей павших революционеров, будто желая найти в них отблеск славы погибших солдат революции.

Он тихо сказал:

«Вы — дети революционеров, которые были лучшими из лучших патриотов нашей нации, сражавшихся до последней капли крови во имя своей Родины, своего народа. Поэтому вы — бесценное сокровище страны, сокровище, которое так любит и бережет наша нация».

Вождь говорил о 36-летнем господстве японских империалистических захватчиков и о славных подвигах антияпонских революционных борцов, которые сражались против них и погибли смертью храбрых, и подчеркнул, что это революционное училище создано по завету павших борцов.

«Ваши родители сражались вместе с нами, но, к великому сожалению, сложили голову, не дожив до часа возрождения нашей Родины. В последние минуты своей жизни они завещали: «Хотя нам и не довелось увидеть родную зем-

лю независимой и свободной, мы просим вас после освобождения Родины дать нашим детям образование и вырастить их достойными людьми, верными слугами народа». И вот мы после своего триумфального возвращения на Родину, свято выполняя их завет, сразу же приняли меры по розыску детей павших революционеров и, наконец, для вас учредили вот это училище».

При этих словах вождя у детей и родственников павших революционеров ручьями потекли горячие слезы. И ветераны революции, которые прошли путь кровопролитной борьбы под руководством вождя, со слезами на глазах вспоминали былое. Перед их глазами всплывал благородный облик вождя-отца прошлых лет. В суровую годину антияпонской вооруженной борьбы вождь сам бывал легко одет, жил в бревенчатом домике, по которому гулял холодный ветер, но членам Детского отряда выдавались ватники и теплые одеяла. Он заботился о детях, проверял, чтобы им выделялся лучший дом на опорной базе и создавались условия для учебы. Из детей погибших соратников, которые следовали за вождем с решимостью отомстить врагу за своих родителей, он лично организовал детскую роту и воспитал их пламенными революционерами.

После торжественной церемонии открытия училища на спортплощадке состоялись интересные соревнования. Вождь весело провел время вместе с курсантами. Особенно интересной у юных курсантов была игра в «поиск».

Курсанты, добегая до середины стадиона, поднимали карточки с именем человека, которого надо найти, чаще всего это были имена многих руководящих работников, сидящих на трибунах. Взяв карточку, дети во весь голос выкрикивали имена нужных им руководящих работников и, прыгая перед трибуной, находили нужных им людей. А вождь, болея больше, чем сами дети, поднимался с места и торопил сидящих рядом руководящих работников: «Товарищ Цой Ён Ген, быстрее. Ах товарищ Ким Чак, вы можете опоздать, давайте скорее». И видя их, бегущих вместе с детьми, взявшись за руки, он то хлопал в ладоши, то громко смеялся.

Так провел этот день вождь. Он еще и еще раз говорил сопровождавшим его руководящим работникам, что надо чаще посещать училище и окружать детей заботой, чтобы вырастить их надежной опорой страны.

И отец, и мать

Чтобы сшить курсантам форменную одежду, вождь-отец не раз вызывал к себе работников соответствующей отрасли. Он велел им заготовить шерстяную ткань яркого цвета. Вождь лично разработал чертежи одежды с красными лампасами и фасон фуражек с красной окантовкой, которые символизировали продолжение дела революции. Вождь лично принимал участие при выдаче курсантам новой формы. Сидя с горой новой одежды, он вызывал курсантов по именам. Они жаждали видать Полководца и во сне. Многие дети были еще одеты в старую одежду из домотканного холста, из которого то и дело выглядывало голое тело, обуты в изношенные чибсины (лапти из соломы) и очень стеснялись подходить в таком неприглядном виде к любимому Полководцу, о встрече с которым они мечтали и днем и ночью.

Понимая настроение детей, вождь хмурил брови, сам подходил к ним, отечески поглаживал головы, обнимал их за плечи, затем он выдавал вместо лохмотьев новую форменную одежду. Когда-то в глубоком ущелье горы Маанышань он так же обнимал голодных и холодных детей, так же выдавал им новую одежду, сшитую на деньги, которые были подарены ему родной матерью, а сегодня он одевает детей павших соратников в новую, с любовью сшитую, форму курсантов первого революционного училища, чтобы они могли жить счастливо, с надеждой на светлое будущее, раз и навсегда покончив с голодом и нищетой.

Дети плакали, тронутые горячей заботой вождя-отца. На их счастливые глаза в такой радостный для них день нахлынули вдруг эти непрошеные слезы, они текли ручьями по щекам и блестели, словно утренние росинки на лепестках цветов.

В этот день — день открытия революционного училища

случилось следующее. Училище от волнения и восторга бурлило, ведь на церемонии присутствует сам вождь. Ко многим курсантам приехали родственники: к кому — старая бабушка, к кому — мать или сестра матери, к кому — дядя по материнской линии. Они вспоминали горькое прошлое и сравнивали его с сегодняшним счастливым днем.

Но в одной из комнат собрались круглые сироты. Перед ними были поставлены печенье и яблоки, но никто не прикасался к угощению.

Вождь-отец зашел к ним. Подумав об их одиночестве, он решил, несмотря на занятость, побыть вместе с ними. Ребята бросились к вождю и заплакали.

Вождь прижал каждого к своей груди, гладил рукой их головы, утирал слезы, раздавал яблоки и печенье и, утешая, все время повторял:

— Не плачьте, родные. Почему вы не едите? Разве я не ваш отец?

Оказавшись в объятиях вождя, один курсант громко воскликнул «папа!» и не в состоянии продолжать слова заплакал.

Чтобы утешить курсантов, вождь то шутил, то рассказывал забавные истории и не покидал их до тех пор, пока ребята не успокоились.

В училище в Мангендэ училась девочка по имени Сун И из Хэчжу. Однажды, в субботу после обеда, когда она разучивала с другими новую песню, ей передали чрезвычайно радостное известие: вождь-отец позвал ее к себе домой, чтобы провести вместе воскресный день.

Сун И поехала на машине, которую прислал за ней вождь. Девочка приехала в дом вождя поздно вечером. Вождь, вернувшийся домой поздней ночью, тепло обнял Сун И и, отмечая рукой уровень ее плеч, проговорил:

— Сун И, как ты выросла. Вот такой была ты, когда я увидел тебя впервые в Хэчжу.

Он расспрашивал девочку, как она учится и как живет ее мать в Хэчжу, потом попросил жену, Ким Чжон Сук, при-

нести платок, который она бережно хранила. Он положил платок перед девочкой и спросил, помнит ли она его.

— Ах, платок с цветочным узором! — Сун И вскрикнула от удивления. Два года назад, в тот радостный день, когда вождь навестил Хэчжу в первый раз, она, выражая чувство преданности всех жителей города, преподнесла дорогому вождю букет душистых цветов, обвязанный этим платком. Девочка не могла предположить, что вождь будет так долго хранить этот платок!

Вождь, узнав, что девочка, подарившая ему букет цветов, — дочь революционера, трагически погибшего от пули врага, после массового митинга позвал ее к себе, поговорил с ней, утешил ее, а затем позаботился о том, чтобы она училась в Пхеньяне. Когда в Мангендэ открылось первое революционное училище для детей погибших революционеров, вождь направил Сун И учиться в это училище. И вот теперь он пригласил к себе ее — хозяйку памятного платка!

Но внимательно приглядевшись к Сун И, вождь помрачнел в лице. Она была бледна, казалось, что-то беспокоит ее. Он озабоченно спросил девочку, не больна ли она. Девочка отрицательно качала головой, говорила, что нигде ничего не болит.

— Ладно. Сегодня переночуешь у нас. Завтра отдохнешь, а послезавтра утром поедешь в училище, — с этими словами вождь поднял на руки клюющую носом девочку и уложил в постель. Сун И так сладко спала, что, проснувшись, увидела яркое утро, но, к ее удивлению, у постели Сун И сидел врач в белом халате, а за ним стоял вождь. Он попросил ее встать, чтобы врач осмотрел ее. Врач сказал, что у нее плеврит.

— Надо положить ее в больницу и лечить, — сказал вождь.

Сун И утверждала, что не больна и нет причин для беспокойства, но вождь уговорил ее лечь в специальную больницу.

Вскоре Сун И поправилась и выписалась из больницы. Вождь обрадовался и, обняв девочку, сказал:

— Вот и хорошо. Ты выздоровела и избавилась от болезни, а теперь надо усердно заниматься. Хочешь вернуться в училище или совсем останешься у нас? И здесь можно учиться.

Сун И была благодарна вождю, но сказала, что пойдет в училище, подумав, что и в Мангендэ она ведь тоже в объятиях вождя-отца.

Вождь сказал, что раз таково ее желание, то она может и вернуться, но на каникулы и по воскресеньям она непременно должна приезжать к ним в дом, и посадил ее в машину.

Так уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен заменил детям павших революционеров их отцов и матерей.

В новогодний праздник среди детей павших революционеров

Было это второго января какого-то года. В кабинете директора революционного училища в Мангендэ находились курсанты — представители всех классов. Директор взволнованно сказал:

— Сейчас Полководец-отец находится в родном доме в Мангендэ. Он сказал, что не вернется в Пхеньян, не повидавшись с вами, и зовет вас к себе.

Курсанты с криками восторга одним духом добежали до родного дома вождя в Мангендэ. Услышав топот их ног, вождь вышел им навстречу.

— Пришли. Проходите скорее. В такой мороз... — сказав это, он взял за руки ребят и повел их в комнату. Курсанты не успели даже поприветствовать его. Когда они вошли в теплую комнату и расселись, вождь громко сказал:

— Дайте этим ребятам куксу. Куксу было очень вкусно, мы только что ели.

Но с кухни кто-то ответил, что приправа не удалась.

— Но ведь есть кимчхи. Хорошо есть куксу с кимчхи, — сказал вождь и весело рассмеялся.

Курсанты хором ответили, что они сыты праздничным обедом и что больше некуда...

— Но, наверно, куксу не ели? Ведь говорят, что у чело-

века есть отдельный желудок для куксу, — ответил вождь и поторопил, чтобы скорее подали куксу.

Принесли куксу. В небольшой комнате за столом курсантам было очень тесно, да, видимо, и есть куксу при вожде было неудобно. Они неловко орудовали палочками, ели, касаясь друг друга головами. Видя это, вождь снова громко рассмеялся.

— У вас, ребята, не работает голова. Куксу можно есть, держа миску на весу. Одни должны есть, поднеся миску ко рту, а другие — есть со стола, а то так вовсе неудобно, ведь вы касаетесь друг друга головами.

Лишь тогда курсанты поняли, как неудобно они сидят, и начали есть куксу, кто, держа миску в руке, а кто — поставив ее на столик.

Вождь добавлял курсантам приправу и, подливая мясной бульон в куксу, с любовью наблюдал за тем, как они едят.

В другой раз, также в новогодний праздник, вождь-отец снова пригласил в свой дом курсантов революционного училища в Мангендэ. Они вместе пообедали, а после обеда он провел их в другую комнату и, аккомпанируя на органе, предложил им спеть песню.

Реет пламенем красный галстук,
Словно утренняя заря на Родине свободной...

Под аккомпанемент вождя пели курсанты, их голоса дрожали от полноты и безмерности счастья.

Вождь продолжал играть на органе, мелодии революционных песен сменились песнями о строительстве новой Родины. Голоса курсантов и звуки органа, на котором играл вождь, передавали их безграничную радость.

Когда кончили петь, наступил полдень. Вождь-отец спал вместе с детьми в одной комнате. Юные курсанты, которые беззаботно спали в отеческих объятиях вождя, улыбались во сне, видимо, и во сне им было весело.

Вождя приветствовали на банкете, на котором присутствовали многочисленные высокие гости и руководящие работники, в его адрес поступали поздравительные телеграммы из многих стран мира, в театрах шли праздничные представления. Однако для вождя самым радостным был праздник, который он проводит вместе с детьми павших революционеров.

На этой земле выросла и продолжает расти смена революции. Пусть эти дети родились в несчастье, лишились родителей, пережили много бед и невзгод, но после того, как они оказались в объятиях вождя-отца, они росли бодрыми и ловкими, словно подсолнечник под солнечными лучами.

Возмужавшие продолжатели дела революции становятся героями, новаторами, военными, учеными, вооруженными идеями чучхе, они преданные солдаты вождя, надежная опора государства.

Однажды вождь вместе с иностранным гостем посетил революционное училище в Мангендэ. Малыши из младших классов облепили его.

— Вы не мочитесь в постели? — спросил их вождь.

Один из ребят, указывая на своего соседа, ответил: «Он еще вчера ночью мочился в постели». Тот покраснел, как маков цвет, но поднял голову, когда вождь сказал, что в их возрасте такое возможно.

Тут один мальчик, выдвинувшись вперед, гордо заявил: «Я не мочусь». За ним следовали второй, третий. Вождь все улыбался, нежным взором глядя на милых детей.

Иностранный гость удивился, глядя на вождя, который забывает о времени, когда находится с детьми, забыв о всех других делах. Тогда вождь сказал ему:

«Отцы этих детей боролись вместе с нами. У них нет отцов, но они не сироты. Они дети павших революционеров. Поэтому это училище в корне отличается от детского дома в любой зарубежной стране».

Действительно, у нас в стране дети павших революционеров растут счастливыми, они окружены теплой, как сол-

нечные лучи, любовью, какую не найти ни в одной другой стране.

3

Дела настоящего, прошлого и будущего всегда были нерасторжимы для вождя-отца. Если прошлое касалось Родины и революции, вождь хранил его в памяти. Наш вождь занят делами больше, чем кто-либо, но он думает о всех без исключения бывших борцах и их семьях, заботился и заботится о них неизменно в течение десятков лет.

Полководец и семья О

В один из февральских дней 1948 года вождь-отец, будучи в революционном училище в Мангендэ, встретился с одним новым курсантом. Курсант стоял со слезами на глазах, вождь спросил, чей он сын.

— Я сын О Чжун Сона, — ответил тот.

— Неужели ты уже такой большой?! Подойди поближе! — воскликнул вождь и стал расспрашивать его о жизни. Потом он, указывая на машину, сказал мальчику:

— Никуда не уходи, подожди у машины, поедем ко мне домой.

Вождь с большим волнением наблюдал, как тот садится в машину, затем дал необходимые указания директору и преподавателям училища и тут же уехал.

Вернувшись домой вместе с курсантом, он до поздней ночи расспрашивал его о семье, разговаривая с мальчиком, он иногда погружался в воспоминания о прошлых событиях.

Этот курсант был внуком старика О Тхэ Хи, который все еще жил в Северо-Восточном Китае. О Чжун Хва — старший брат отца мальчика; О Чжун Сон — его брат; О Чжун Ен — брат отца; О Чжун Бин — сестра отца; О Чжун Хыб, О Чжун Сен, О Чжун Бо, О Чжун Хеб — двоюродные братья

его отца — в общей сложности 17 его родственников погибли смертью храбрых в боях с самураями.

Вождь обещал курсанту по возможности скоро перевезти из Китая его дедушку с семьей, он говорил тихим голосом:

— Всю жизнь они маялись, пусть оставшиеся годы проживут спокойно...

Он позвал адъютанта и попросил его:

— ... Завтра же поедете в Северо-Восточный Китай... Там проживает старик с семьей. Привезите их сюда, следите за ними в пути, чтобы все было в порядке.

На следующий день вождь отправил адъютанта вместе с курсантом в Северо-Восточный Китай и велел ему привезти старика с семьей прямо в свой дом.

Спустя 15 дней старик О Тхэ Хи, отец О Чжун Хва, с большой семьей вернулся на Родину. Когда старик вместе с третьим младшим братом О Чхан Хи (отец товарища О Чжун Хва) и другими членами семьи приехал в дом вождя, он вышел к ним навстречу и радостно приветствовал их:

— Здравствуйте, дедушка и бабушка! Как доехали? Вы очень устали с дороги?

Вождь встретил их, как своих родителей. Как только они вошли в дом вместе с вождем, дети окружили его и не знали, что делать, от радости. Но женщины, особенно снохи старика, испытавшие одни только страдания и унижения, стали всхлипывать от волнения. Слышался плач женщин и старик, извиняясь, сказал:

— Они, видимо, плачут от радостной встречи с Вами, Полководец.

— Да, люди плачут не только от горя. Они проливают слезы и от радости, — ответил Полководец.

Вождь встал у окна, посмотрел на двор и, как бы извиняясь за свой проступок, тихо сказал старику:

— Я всегда помнил о вас, но загруженный делами вовремя не мог позаботиться о вашем переезде на Родину. Извините, пожалуйста.

По морщинистым щекам старика О, слышавшего вождя, текли слезы крупными каплями.

В комнате воцарилась полная тишина. Тишину прервал грустный голос вождя:

— Дедушка! Я часто вспоминаю о вашей семье, которая воевала вместе со мной, и мысли о ней не дают мне покоя.

Сегодня, глядя на этих детей, я думаю о ней с новым волнением.

Мы потеряли поистине замечательных людей.

Старик О Тхэ Хи, всем сердцем воспринимая искреннюю боль вождя, был охвачен сложными чувствами, но не в состоянии был выразить это словами, чтобы утешить вождя.

Спустя некоторое время старик ответил:

— Уважаемый Полководец! Не терзайте себя такой мыслью. Я отдал Родине нескольких моих сыновей, зато я приобрел тысячи и десятки тысяч лучших сынов и дочерей народа.

Вождь помолчал, а потом сказал:

— Спасибо вам за такие замечательные слова.

Женщины, перестав плакать, слушали вождя. Дети глядели на вождя глазами, блестящими, как яркие звездочки.

Вождь, обводя взглядом детей, сказал:

— Теперь надо так воспитать вот этих детей, чтобы они продолжали дело своих отцов.

Он просил дедушку, бабушку и матерей этих детей, чтобы они согласились зачислить ребят в училище для детей павших революционеров. Потом вождь, придвинувшись поближе к старику О Тхэ Хи, сказал:

— Дедушка! Отныне вы будете жить рядом с нами. Если вы будете жить вдали, то я не смогу часто навещать вас. Что скажете, если мы устроим вас в Пхеньяне? Согласитесь? Мы постараемся найти для вас дом вблизи от нашего дома.

Вождь перевез старика на освобожденную Родину и позаботился о том, чтобы его многочисленные внуки учились за счет государства. Не ограничиваясь этим, он предлагает

старику жить по соседству с ним, чтобы они могли встречаться в любое время. Тронутые этой любовью и заботой вождя, старик и члены его семьи снова заплакали.

Впоследствии, окруженная сердечным вниманием вождя-отца, семья О стала жить счастливо. Время шло и старику О Тхэ Хи исполнилось 90 лет. В день своего 90-летия он в кругу большой семьи сказал:

— Семнадцать человек из нашей семьи погибли от рук врага. Но я думаю, что они не погибли. Можно сказать, что они живы, если вы все крепко поддерживаете мысли Полководца...

Жизнь человека ограничена физически, но вечна политическая жизнь, подаренная вождем-отцом. Это вечная жизнь, становящаяся краше и краше и передаваемая из поколения в поколение.

Именно об этой истине сказал старик О Тхэ Хи, который благодаря любви вождя отмечал свои 90 лет.

Вождь долго искал их

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен в неутомимых поисках нашел членов семей павших борцов и пригласил их к себе. Так изо дня в день возрастало число членов семей павших революционеров, которым выпала честь жить счастливо в окружении его горячей любви и заботы. Это доставляло вождю огромную радость. Но чем больше радости, тем с большей душевной болью думал он о пока еще не разысканных семьях павших революционеров.

Было немало семей павших революционеров, которые подвергались невыносимым унижениям по той лишь причине, что их родители, мужья или дети боролись за Родину, и они вынуждены были скитаться по свету и растеряли связи с родным краем и родственниками. Поэтому и через 5, 10, 20 лет после освобождения страны вождь не выпускал из рук блокнота, куда внесены имена павших борцов, местожительство семей которых пока неизвестно. Среди них были и такие семьи, о которых уже более 30 и даже 40 лет ничего не было

слышно. Казалось, уже нет возможности разыскать большинство из них. Однако вождь-отец никогда не терял надежду найти их и продолжал упорный поиск.

Он спрашивал о них участников собрания местных работников, бывая на периферии по работе, от души просил работников периферии узнавать о них, сам просматривал до глубокой ночи личные дела местных руководящих работников. Если вождь случайно слышал, что где-то проживает человек, имеющий сходство с кем-нибудь из разыскиваемых, он лично отправлял туда своих сотрудников, чтобы те разузнавали о нем. Так через 10, 20 и даже через 30 лет он находил семьи павших революционеров.

Таким же образом вождь разыскал в 1967 году женщину Кон Гук Ок, дочь товарища Кон Ена.

В феврале 1946 года, на конференции Крестьянской федерации Северной Кореи Общенационального крестьянского союза вождь-отец Президент Ким Ир Сен позвал к себе представителя уезда Пектон провинции Северный Пхеньан, сказал ему, что там, наверно, живет семья товарища Кон Ена, героически погибшего в сражении с японскими империалистами, и убедительно просил его разыскать эту семью.

Товарищ Кон Ен участвовал в революционной борьбе под руководством Ким Хен Чжика — выдающегося руководителя антияпонского национально-освободительного движения в нашей стране. Когда скончался Ким Хен Чжик, он носил траур в течение 3 лет и оказывал семье вождя духовную и материальную поддержку. Впоследствии он продолжал борьбу под руководством великого вождя. Семья товарища Кон Ена покинула Фусун и переселилась в Пектон, чтобы помогать ему в его революционной деятельности.

Однако, когда вождь начал поиски семьи товарища Кон Ена, она уже выехала из Пектона в другую местность, так что след ее потерялся. Но вождь не терял надежды и продолжал поиск. В октябре 1957 года и в июле 1960 года он, руководя на месте работой уезда Пектон, поинтересовался судьбой этой семьи, а в июле 1964 года во время руководства работой в этом районе поручил руководящим работникам

уездного и провинциального комитетов партии непременно разыскать семью павшего революционера.

Чтобы разделить заботы вождя, который так долго разыскивает эту семью, местные работники выделили несколько человек на проверку всех людей по фамилии Кон, проживающих в уезде Пектон, в районе бассейна реки Амнок и во всех уголках страны. Наконец, в августе 1967 года им удалось напасть на семью павшего революционера в Канге провинции Чаган.

Вождь безмерно обрадовался, получив эту весть.

Когда женщина Кон Гук Ок, дочь товарища Кон Ена, приехала к вождю, он внимательно оглядел ее и, найдя у нее сходство с отцом, сказал радостно:

— Пришла-таки. Ты действительно дочь Кон Ена! — Из глаз вождя полились горячие слезы.

Кон Гук Ок тоже не могла удержаться от нахлынувших чувств и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Вождь опечалился, что заставил ее плакать, и утешая говорил:

— Не надо... Прости... Я первым не сдержался.

Таким образом, спустя 20 лет после освобождения, почти через 40 лет после разлуки, вождь снова встретился с нею.

Вождь так же долго разыскивал и нашел наконец и Рем Бо Бэ, у которой погибли сын, муж, все родные за дело революции; теперь она жила одна.

Великий вождь впервые познакомился с Рем Бо Бэ в то время, когда он действовал в районе Чанбай, возглавляя основные силы Корейской Народно-революционной армии. Вождь не раз заходил в дом Рем Бо Бэ, стоявший в ущелье Дадэшуй.

Каждый раз, когда он к ним приходил, Рем Бо Бэ считала высшей честью принимать в своем доме вождя, солнце нации и делала все возможное, чтобы получше встретить его: она подавала куксу из картофельного крахмала, несмотря на крайнюю нужду. Вождь был благодарен ей за искренность и с аппетитом ел эту скромную пищу.

Семья Рем Бо Бэ делала все возможное, чтобы помогать

партизанскому отряду. Невзирая на жестокие кордоны японской армии и полиции, молола зерно, построив для этой цели водяную мельницу, и отправляла муку партизанам; материальная помощь партизанам от этой семьи шла беспрерывно.

Это была семья, которая посвятила себя борьбе во имя вождя, во имя возрождения Родины.

В январе 1938 года старший сын Чжон Гын, борясь в партизанском отряде, геройски погиб в бою, а в октябре следующего года старик Кан, муж Рем Бо Бэ, умер от зверских пыток в японской полиции.

Великий вождь окружал эту революционную семью особой заботой. Он давал ей деньги на ватную одежду детям, ходившим в одежде из холста в лютый мороз, специально доставал медвежью желчь и посылал ее как лекарство, надеясь, что она пригодится для восстановления здоровья после жестоких побоев от самураев за помощь партизанскому отряду.

После триумфального возвращения на Родину вождь никогда не забывал о Рем Бо Бэ и долго разыскивал ее. В мае 1958 года во время работы в провинции Рянган он, находясь среди местных руководящих работников, раскрыв блокнот, где были записаны имена павших антияпонских борцов, спрашивал, не живут ли где-нибудь в этой местности их семьи.

Один из работников ответил, что Рем Бо Бэ живет в Почхоне. Вождь очень обрадовался и тут же отправил туда легковую машину.

Послав машину, вождь с нетерпением ждал Рем Бо Бэ в специальном поезде, где он остановился. Он то и дело вставал с места, когда доносился шум машины со стороны города.

Когда машина, наконец, вернулась и привезла Рем Бо Бэ, вождь с распростертыми руками и возгласом: «Мать!» быстро вышел навстречу старой женщине, которая поднималась на ступеньки вагона специального поезда.

Рем Бо Бэ только и произнесла: «Дорогой Полководец!»

Это был трогательный момент.

Вождь поддерживал Рем Бо Бэ и помогал ей подняться. Войдя в вагон, вождь еще долго держал в своих руках огрубевшие руки старой женщины и все продолжал называть ее этим дорогим именем «Мать...» дрожащим от волнения голосом.

Через некоторое время, успокоившись после встречи, вождь сказал:

«...Сын ушел первым... Отец тоже покинул этот свет... А сегодня я, наконец-то, встречаюсь с тобой, мать... Вижу тебя и...»

На руки матери капали горячие слезы вождя. Он, с его любящим сердцем, разыскивал Рем Бо Бэ в течение 13 лет, а когда нашел наконец ее — не смог сдержать слезы.

Рем Бо Бэ тоже не могла сдержать слезы радости, но, опасаясь, что чрезмерное волнение будет вредно для здоровья вождя, чуть слышно сказала:

— Полководец... я уйду, если вы будете так волноваться, — и отвернулась, чтобы скрыть свои слезы.

Вождь крепче сжал руки Рем Бо Бэ и проговорил:

— Мать, не буду... Я больше не буду... — но по его щекам все еще текли горячие слезы.

Рем Бо Бэ тоже дала волю слезам. Те слезы, что она сдерживала еще тогда, когда погиб в бою сын и умер трагически муж, неудержимо хлынули при встрече с вождем и орошали полы его одежды.

Вождь одной рукой обнимал плечи всхлипывающей Рем Бо Бэ, другой достал платок и вытирал ей глаза, сидя рядом с нею.

Только теперь вождь немножко успокоился и, поглаживая руку Рем Бо Бэ, сказал:

«Мать, почему же не сообщили мне, что вы живете здесь?.. Если бы вы знали, как долго я разыскивал вас?!»

Вождь рассказал, как он старался найти Рем Бо Бэ, какие меры принимал в течение долгих лет для поисков, что встреча с нею теперь точно гору сняла с его плеч. Говоря так, вождь широко улыбался своей солнечной улыбкой.

Так вождь разыскивал семьи павших революционеров в течение 10, 20 лет, не забывая о них ни на один день. Он нашел и заключил в свои теплые объятия даже тех членов семей павших революционеров, имена и родина которых не были никому известны, не говоря уже о пропавших без вести семьях...

С первых дней революционной деятельности, с начала антияпонской вооруженной борьбы товарищ Чха Гван Су был беззаветно предан великому вождю и мужественно боролся до последней минуты своей жизни. У него остался ребенок, родившийся уже после его гибели. Но вождь не знал ни его имени, ни адреса. В течение более 40 лет вождь разыскивал его с беспокойством и наконец нашел в феврале 1968 года дочь незабываемого борца Чха Ен А, у которой сохранилась фотокарточка отца.

Вождю-отцу очень хотелось увидеть дочь погибшего революционного солдата, которого с течением времени он все чаще вспоминал, и он пригласил ее к себе. Шедшая за адъютантом по коридору женщина остановилась, когда открылась дверь комнаты, где был вождь.

«Что, она пришла? Иди сюда!» — раздался громкий голос вождя-отца, но Чха Ен А не могла сдвинуться с места и подойти к широко распахнутой двери и все стояла, как вкопанная.

«Где она? Где дочь Чха Гван Су?» — снова донесся взволнованный голос вождя, и лишь тогда Ен А появилась в дверях.

Идущий навстречу ей вождь приостановился, медленно снял очки и внимательно посмотрел на нее.

«Ты действительно дочь Чха Гван Су. Действительно... Где ты была и почему пришла только сейчас...», — проговорил он тихо.

— Отец!

Видя вождя-отца, Ен А дрожащим голосом позвала отца, по которому тосковала даже во сне и которого до сих пор, 40 лет, ни разу не могла назвать отцом, опустилась на колени у порога и заплакала.

Она никогда не видела своего отца, но десятки лет она бережно хранила с собой фотографию своего любимого отца величиной с монету. И сегодня, когда она впервые встретилась с вождем-отцом, заменившим ей родного отца, сердце ее наполнилось нахлынувшими одновременно чувствами тоски и горя.

Глаза вождя тоже наполнились слезами, он молча проводил Ен А в комнату, плечи женщины все еще вздрагивали от сдерживаемых рыданий. А когда адъютант подошел к ней и тихо стал успокаивать ее, вождь сказал охрипшим голосом:

«Оставь, оставь ее, пусть выплачется. Она плачет по отцу. Где же ей еще поплакать...»

Он медленно подошел к окну, поглядел на мириады звезд, мерцающих в ночном небе, на порхающие снежинки и погрузился в глубокие воспоминания о прошлом.

В середине 20-х годов, когда еще не родилась она, Чха Ен А, которая теперь уже стала матерью троих детей, ее отец, 20-летний пылкий юноша, с большой надеждой на революцию приехал в Гирин, ища настоящего учителя, руководителя революции. Тогда вождь на улице Гирина, где также мерцали бесчисленные звезды, горячо обнимал товарища Чха Гван Су.

В те первые дни революционной деятельности, когда свирепствовал белый террор, вождь вместе с ним не раз смотрел смерти в глаза, то едучи на телеге, то шагая по пустынному полю, где бушевала метель. Этот боец, который вскоре после создания Антияпонской партизанской армии с небольшим отрядом отправился на задание и не вернулся, был очень дорог вождю. И вождь не мог до сих пор забыть об этой тяжелой утрате, хотя с тех пор утекло много воды.

Вождь медленно отошел от окна, подошел к Ен А, которая утирала слезы, и сказал:

«Твой отец вел революцию. Твой отец мужественно боролся... Я не могу забыть твоего отца.

В эти дни я часто вспоминал твоего отца... А где ты была все эти годы и почему только сейчас появилась? Ведь прош-

ло уже свыше 20 лет после освобождения... Со всех концов страны за эти годы привели немало детей вроде тебя, помогли им, выучили в революционном училище в Мангендэ... Мне-то трудно было найти тебя, но ты же могла дать знать о себе!»

До поздней ночи он беседовал с нею и, как бы сожалея о разлуке, крепко пожимал ей руку и говорил:

«Такие, как ты, — ядро нашей партии... Не забудь, что я твой отец».

Далее он от души посоветовал женщине и дальше учиться и с честью продолжать дело революции, которое не смог завершить ее отец.

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен долго и настойчиво искал и нашел в конце концов большинство семей погибших борцов революции и, заботясь о них, заменял им родных отцов. Однако он все еще не может выпустить из рук блокнот, где записаны имена погибших и членов их семей.

Мать погибшего соратника как родная мать

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен приближает к себе членов семей погибших революционеров, проявляет о них сердечную заботу, заменяя им погибших родных, родителей, сынов и дочерей.

Он выделяет им квартиры неподалеку от своего дома, чтобы окружать их постоянной заботой, чаще навещать их лично, а по праздникам приглашать их к себе и весело проводить время вместе с ними.

Вождь-отец внимательно следил за их здоровьем, при заболевании кого-либо лично звонил в больницу, вызывал врача и, навещая, подолгу сидел у изголовья больных.

А некоторых, совсем одиноких, у кого погибли все члены семьи от рук врагов, вождь брал в свою семью и жил вместе с ними, как со своими родителями. Тем не менее ему всегда казалось, что его забота не сравнима с заботой их родных.

Чан Гиль Бу, мать товарища Ма Дон Хи, верного солдата великого вождя, охранившего его ценой собственной

жизни, тоже осталась одна, у которой за дело революции пали сын, дочь и сноха. Благодаря безграничной заботе вождя она могла прожить остаток жизни, овеянная славой своих детей.

Сразу же после триумфального возвращения на Родину вождь нашел и привел в свою резиденцию Чан Гиль Бу и прожил вместе с ней долгие годы, сделав ее членом своей семьи.

Несмотря на большую занятость, он всегда выкраивал время для Чан Гиль Бу, рассказывал ей о мужественной борьбе товарища Ма Дон Хи в партизанском отряде, о новостях в государственном строительстве и весело проводил время. Он глубоко понимал Чан Гиль Бу и всячески окружал ее любовью, стараясь заменить ей родного сына.

Забота вождя сочеталась с сердечным вниманием уважаемой Ким Чжон Сук, и, будучи рядом с вождем, Чан Гиль Бу была счастлива.

Чем глубже становилась любовь вождя и Ким Чжон Сук к Чан Гиль Бу, тем чаще она думала: «Безмерно благодарна я вождю, который, как родной сын, предложил жить у него, чтобы заботиться обо мне. Если я останусь у вождя, то я, конечно, смогу прожить спокойно, но он при каждой встрече со мной вспоминает погибших бойцов. Как же я могу причинить вождю душевную боль, вместо того чтобы оказать ему помощь». От таких мыслей она готова была уйти от вождя.

Чан Гиль Бу стала так думать потому, что она, находясь у вождя, узнала, что он часто вспоминает бойцов, погибших во время антияпонской вооруженной борьбы, и испытывает острую боль в сердце при мысли, что они слишком рано покинули этот мир, не успев увидеть новой жизни. В самом деле, он часто вспоминал товарища Ма Дон Хи с болью в сердце. В такие моменты перед глазами Чан Гиль Бу часто всплывало событие того дня, когда она впервые пришла в его дом.

Вечером мать ужинала вместе с вождем за одним столом. Вождь налил вино в рюмку и сначала подал ее Чан

Гиль Бу. Когда она сказала, что не умеет пить вина, он сам выпил ее рюмку. Потом, положив руки на колени матери Чан Гиль Бу, тихо сказал:

«Вижу вас, мать, и все больше думаю о товарище Дон Хи. Мы построили новое общество, которого так ждал товарищ Дон Хи, но он рано ушел из жизни, не увидев его. Как это досадно.

Мать, товарищ Дон Хи откусил себе язык, чтобы сохранить тайну революции и без колебания отдал свою жизнь... Я очень тоскую о нем».

В декабре 1937 года товарищ Ма Дон Хи был направлен вглубъ страны для подпольной работы, но был схвачен по доносу вражеского лакея. В то время штаб революции, где находился вождь, был расположен всего в нескольких километрах от врагов. Товарищ Ма Дон Хи, истерзанный пытками, лучше всех знал, что если он в бреду проговорится, то штабу грозит опасность. И чтобы этого не случилось, он откусил себе язык и ценой своей жизни защитил штаб революции.

Вождь, как бы желая усмирить волнение, наполнявшее его сердце, вновь налил вино в рюмку.

Чан Гиль Бу остановила вождя, говоря:

— Дорогой Полководец, не терзайтесь так. Следует беречь здоровье. Погибший не вернется...

— Мать, я не могу забыть Дон Хи. Мы потеряли много дорогих людей, хороших товарищей...

Чан Гиль Бу, крепко сжимая руку вождя, ответила:

— Я горжусь тем, как он погиб: высоко подняв голову, не изменив себе и не став на колени перед самураями.

Вождь медленно поставил рюмку на стол и крепко пожал руку старушке.

— Спасибо тебе, мать. Большое спасибо за эти слова, — проговорил вождь, с трудом сдерживая волнение.

Вспоминая этот разговор, Чан Гиль Бу думала о вожде, который не может заснуть, думая о павших бойцах, и ломала голову над тем, как облегчить его страдания.

И однажды она сказала вождю, что хочет вернуться в родной край.

Вождь спросил, почему она так решила, и упрашивал ее остаться, но она отвечала, что ей хочется жить в родном краю. И вождь, очень сожалея, что она так упорно стояла на своем, сказал, что он не может противиться ее желанию...

Утром следующего дня Чан Гиль Бу, собравшаяся в путь, появилась перед вождем с узелком в руке. Он очень огорчился.

Одинокая мать, лишившаяся всех родных из-за зверств врагов в жестоком мире, мать, которая состарилась в голоде и холоде, не зная ни одной счастливой минуты из-за произвола самураев. Сейчас она уходит, не успев погасить горе, накопившееся в ее сердце. Слишком больно было вождю смотреть на нее. Пусть она живет в родном краю, но вряд ли ей будет легче одной.

Вождю было очень обидно, что она совсем не понимает его душу.

Некоторое время вождь стоял молча, потом положил на ее колени деньги на дорожные расходы и тихо сказал: «Счастливого пути, мать» и быстро вышел из комнаты.

«Он обиделся, что я слишком упряма...» — думала Чан Гиль Бу и, охваченная волнением, быстро подошла к окну и увидела в медленно тронувшейся машине вождя, который прикладывал платок к глазам.

В тот день вождь сказал, что ему очень больно отпускать одиночную старую женщину в далекий край, и не обедал.

После того, как Чан Гиль Бу уехала в родной край, вождь-отец Президент Ким Ир Сен часто обращался к местным руководящим работникам с просьбой проявлять о ней особую заботу, а сам писал ей письма.

И в дни суровой войны, когда вся страна была окутана пороховым дымом, а города и села были охвачены морем огня, вождь окружил Чан Гиль Бу теплой заботой, он эвакуировал ее в тыл.

Впоследствии, когда она достигла глубокой старости и

ей стало трудно жить одной, вождь снова привез ее в Пхеньян и дал ей квартиру в тихом местечке, где много зелени и чистый воздух.

Вождь часто навещал дом Чан Гиль Бу, проявлял о ней особую заботу, чтобы она не испытывала ни малейших неудобств в жизни. По его предложению ей было присвоено звание Героя КНДР — высшее почетное звание гражданина.

Однажды в начале зимы 1971 года вождь-отец вновь посетил квартиру Чан Гиль Бу. В тот день она сортировала семена клещевины, которую будет сеять во дворе в следующем году, а потом отдыхала, лежа в постели. Услышав голос вождя, раздавшийся со двора, она выбежала, не успев даже убрать постель.

Вождь велел своим детям, которых он взял в этот раз с собой, поклониться бабушке, потом спросил, почему она не погостит у него, ведь одной тоскливо жить.

Чан Гиль Бу ответила, что она не смеет у вождя отнимать время, и добавила о полученной еще от японцев ране на ноге, которая в последнее время дает себя знать и мешает ей долго ходить.

Вождь очень огорчился и упрекнул ее, что она до сих пор не говорила об этом.

Вождь посоветовал ей держать у себя кухарку или медсестру. Он сказал:

«Мать, в старости может возникнуть любая болезнь, так что лучше всего поселить к тебе медсестру. Только так и мы сразу сможем узнать, если вы почувствуете себя плохо. Если ты, мать, отказываешься от этого, зная о напряженности с рабочей силой в стране, мы подошлем медсестру, которая днем будет работать в больнице, а вечером жить вместе с тобой, утром будет готовить тебе еду.

А обед ты сама согреешь, поставим и элетрокотел, чтобы экономить время на варку каши... тогда я мог бы немного успокоиться».

Ей нечего было ответить на такую заботу вождя.

Спустя несколько дней у бабушки Чан Гиль Бу посели-

лась молодая медсестра, она стала ухаживать за нею, варить ей еду, а вождь подарил бабушке электроскороварку.

О такой горячей любви вождя она говорила соседям:

— Говорят, немало родителей, которые в старости живут спокойно, благодаря заботам своих детей. Но никто, пусть у него даже много детей, не может быть счастливее меня... Поистине, благодаря заботе вождя, я уже живу в цветущем крае социализма, о котором так мечтали мои дети, спокойно доживаю остаток своей жизни, доживаю за них, за детей, которые рано ушли от нас. Так чего же мне еще желать.

Чан Гиль Бу умерла 18 февраля 1974 года.

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен лично был председателем государственной комиссии по похоронам Чан Гиль Бу — простой женщины, матери павшего бойца, которая была похоронена, впервые в истории КНДР, с большими государственными почестями.

4

Вождь переживает за рану солдата революции

Любовь вождя-отца Президента Ким Ир Сена к семьям павших революционеров была любовью к бойцам-революционерам.

Вождь-отец бережет и любит бойцов больше, чем кто-либо. Для него дороже бойцов никого нет. Вот почему, когда бойцы погибали в боях за революцию, он так сильно переживал, а впоследствии эта любовь вылилась в любовь к их семьям. Он невыносимо страдал, когда бойцы в битве за революцию получали тяжелые раны и выходили из строя калеками. Заботясь о них, он ничего не жалел и делал все возможное, чтобы сохранить им жизнь. Так было и в трудное

время антияпонской революционной борьбы, и в дни строительства новой Родины после освобождения.

Здесь пойдет рассказ о горячей любви вождя к одному раненому революционеру.

1946 год был на исходе. Из сеульской тюрьмы Содэмун в Пхеньян привезли товарища Пак Дара, перенесшего страшные пытки и ставшего калекой. Горячо поддерживая вождя, он вел революционную деятельность в северном пограничном районе и в 1938 году был схвачен японскими ищейками. Он сначала был приговорен к смертной казни, затем к пожизненному заключению и 15 августа с освобождением страны вышел из тюрьмы.

От жестоких побоев у него были переломаны кости, была стянута кожа лица от многочисленных швов и ожогов, сильно поврежден позвоночник, вследствие чего он почти не мог двигаться. После тюрьмы он год с лишним лечился в больнице в Сеуле, а затем, по зову вождя, перешел 38-ю параллель.

Вождь горячо пожал руки товарища Пак Дара и тепло сказал:

— Рад, товарищ Пак Дар! Я очень рад, что вы живы и вернулись, стойко перенеся жестокие пытки японцев. Вернулись, можно сказать, с того света... Очень рад!

— Полководец! Это рукопожатие Ваших горячих рук напомнило мне декабрь 1936 года, когда я в первый раз увиделся с Вами. И тогда Вы, Полководец, вот так же сжали мои окоченевшие от мороза руки и подвели меня к теплой печке...

— Все еще не забыли тех дней! Кажется, мы встретились тогда в уезде Чанбай... Ровно через 10 лет мы снова встретились. Да, много воды утекло с тех пор. Тогда вы были здоровы. А что стало с человеком теперь? Я слышал, что вас сильно изуродовали во время пыток, но такого не ожидал... Как же они вас изувечили, — вождь говорил, проводя руками по лицу, плечам и груди товарища Пак Дара. Руки его дрожали. Боль бойца он воспринимал как свою собственную, он каждую его рану ощущал на своем теле.

Вождь-отец, услышав, что после освобождения страны товарищ Пак Дар, выйдя из тюрьмы, долго находился в больнице в Сеуле, что сделал пересадку костей ноги на позвоночник, переломанный во время вражеских пыток, не мог скрыть негодования, притрагиваясь своей рукой к этим ранам.

— Боль всей нации перенесли вы один, товарищ. Во имя революции сумели вынести все эти страшные пытки. Отрезать кость... Не будет ли мешать это при ходьбе после выздоровления? Чтобы быстрее выздороветь, необходимо не только употреблять хорошие лекарства, но и иметь хорошее состояние здоровья. А оно у вас еще не совсем хорошее. Как же может быть хорошим, когда пришлось и сражаться с японцами, и сидеть в тюрьме. Не приходилось, наверное, ни разу поесть горячий суп или выспаться на теплом, отопляемом полу. Трудно поверить, что вы вернулись живым. Теперь давайте сделаем все, что в наших силах, чтобы вылечить вас от болезней.

Говоря так, вождь сам проверил ему пульс, прослушал дыхание и принес укрепляющие лекарства.

Еще долгое время вождь внимательно следил за лечением Пак Дара: клал его в клинику при медицинском институте в Чхончжине, посылал в санаторий. Когда болезнь обострялась, направлял ему из Пхеньяна самолетом специального врача, а в морозные и снежные зимы посылал даже арбузы и овощи, выращенные в теплице.

Товарищ Пак Дар так и не смог поправиться от тяжелых ран, нанесенных ему врагом. Но он в таком состоянии пережил трехлетнюю Отечественную освободительную войну, лежа писал и своими трудами внес вклад в воспитание народа. До последней минуты жизни он оставался бойцом-революционером, бесконечно преданным вождю.

Только благодаря глубокому доверию и горячей любви великого вождя он смог перенести выпавшие ему на его революционном пути испытания, смог достойно жить во имя революции, осилить невыносимую физическую боль и

до последней минуты жизни с честью быть верным своим революционным убеждениям.

Любовь вождя-отца — источник прекрасной благородной жизни, позволяющий преодолевать тьму, муки и даже смерть. Когда эта любовь охраняет бойца на революционном пути, смерть его не берет.

Вождь заключает героев в свои объятия, передает их в объятия народа, указывает всему народу подлинный смысл жизни.

Забота о семье погибшего командующего Армией независимости

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен постоянно заботился о семьях погибших в борьбе за возрождение Родины, кем бы тот человек ни был.

Рян Сэ Бон — бывший командующий «Армией независимости» был известным националистом. Он до конца сражался с японскими империалистами, но был беспомощен в идеологических вопросах новой эпохи, его мировоззрение отличалось недостаточной научностью, что мешало ему правильно понимать коммунистов, и в его деятельности было немало ошибок.

Как уже было сказано в первом томе этой книги, в июле 1932 года, сразу после создания Антияпонской партизанской армии, вождь во главе отряда направился к Рян Сэ Бону и предложил ему объединить силы в борьбе против японских империалистов. Рян Сэ Бон восхищался стройной логикой и высокими личными качествами Полководца Ким Ир Сена, но, взвесив все за и против, не согласился на совместные действия. В результате ему пришлось воевать в одиночку, и он не смог избежать трагического конца.

Несмотря на это, вождь высоко ценил этого человека, погибшего в антияпонской борьбе, и сразу же после освобождения страны приложил все усилия, чтобы разыскать его семью.

Осенью 1946 года вождь-отец узнал о местонахождении семьи Рян Сэ Бона. Он послал за ней человека в горную

глушь Северо-Восточного Китая, в район, расположенный в тысяче с лишним ли от железной дороги.

Прибывшая в Пхеньян вдова Рян Сэ Бона была сразу принята вождем. Она была так взволнована, что вошла в рабочий кабинет вождя, сняв обувь в коридоре, и случайно села на стул вождя, потому что слезы застилали ей глаза.

— Вы, наверное, устали, проделав такой большой путь, — сказал вождь, поздоровавшись с женщиной, но она не смогла ответить ему от нахлынувших слез.

Успокоившись немного, она заметила, что сидит в кресле вождя и тут же вскочила, словно ее ударило током.

Но вождь, широко улыбаясь, снова усадил ее.

— Ничего. Сидите, сидите, не беспокойтесь.

Затем он сел на стул рядом с женщиной и мягко заговорил:

— Кажется, после нашей встречи прошло более десяти лет. Сколько горя пришлось перенести вам при японских империалистах! Враг отнял у вас мужа, командующего Рян... Сколько пережили вы одинокая, скрываясь от врагов.

«Что это за горе по сравнению с тем, что пережили Вы, Полководец. Каких только лишений не перенесли Вы, Полководец, чтобы разгромить врага и освободить страну», — так хотела она ответить, но от нахлынувших слез слова эти застряли в горле, и она опустила голову.

Вождь подробно расспрашивал ее о семье, о жизни и здоровье. Вдова Рян Сэ Бона с трудом отвечала, что у нее есть дочь, зять и еще совсем маленький сынишка. Затем она долго молчала, не решаясь, видимо, выразить свою просьбу:

— Полководец! Не найдется ли в общежитии какой-либо школы места поварихи?

Невзгоды постоянно сопровождали ее в беспощадном мире, и это вынудило ее просить вождя дать ей работу.

Вождь-отец на минуту задумался, затем, весь озарившись светлой улыбкой, ответил:

— О чем вы говорите! Сколько горя и мук вы перенесли при японцах. Теперь настало наше время. Ребенка воспи-

тает и выучит государство, все сделаем, чтобы и для вашей семьи наступила спокойная жизнь.

Затем вождь немного помолчал и задушевным голосом продолжил:

— Командующий Рян смело боролся с японскими захватчиками, за независимость Кореи... О ком же еще заботиться государству, как не о вас, семьях павших революционеров. Ни о чем не беспокойтесь. Государство возьмет на себя заботу о воспитании и обучении вашего сына, чтобы он вырос достойным продолжателем дела отца.

Эти слова глубоко впали в душу вдовы Рян Сэ Бона, она поднялась с места, но так и не смогла выговорить слов благодарности.

«Почему я не находила тогда нужных слов и только плакала», — ругала себя впоследствии вдова Рян Сэ Бона, поселившись в доме, отведенном вождем.

И впоследствии вождь-отец не терял из виду семью Рян Сэ Бона, постоянно заботился о жизни всех членов этой семьи.

Сына устроили в революционное училище в Мангендэ, и он, согретый горячей любовью вождя, закончил это училище и с началом войны вступил в действующую армию и мужественно сражался с врагом. Он был летчиком. Но, к несчастью, после войны погиб в случайной аварии.

Вождь остро переживал гибель молодого человека и, встретив как-то вдову Рян Сэ Бона, сказал:

— Я получил сообщение о гибели И Чжина. Как жаль... парень был толковый... как жаль...

Вождь прикоснулся руки женщины, которая сидела, *низко опустив голову, и продолжал:*

— Муж погиб в борьбе с японскими империалистами. Вот погиб и единственный сын. Какое горе! Это все из-за заклятых врагов нашего народа — американцев и японцев.

При этих словах вдова Рян Сэ Бона не плакала, напротив, ее глаза пылали ненавистью к врагам.

Видя, что она не плачет, вождь, мысленно поблагодарив ее, говорил, внушая ей веру в жизнь:

— Ваш сын погиб во имя Родины и народа. Теперь все сыны и дочери Кореи стали вашими сыновьями и дочерьми и не падайте духом. Очень соболезную вам, будем растить внука, и желаю вам долгих-долгих лет жизни.

Потом вождь встал, вызвал нужного работника и распорядился, чтобы вдове Рян Сэ Бона выделили особняк, где она могла бы жить беззаботно со всей семьей — снохой, внуком, замужней дочерью и ее семьей. Так благодаря вождю вся семья стала жить дружно в одном доме.

Но в этой семье случилось еще одно несчастье: у маленького внука после детского паралича отнялись ноги и он не мог ходить.

Однажды вождь пригласил вдову Рян Сэ Бона к себе, и она пришла с внуком за спиной. Тут вождь узнал о несчастье ребенка.

Вождь, увидев ребенка, не мог скрыть своей боли о нем. Ему уже было больше года, но ходить он не мог. Вождь погладил ноги ребенка, который был привязан за бабушкиной спиной, и был глубоко озадачен.

Вождь позвал врача, который внимательно осмотрел ребенка. Вождь сказал врачу:

— Отец мальчика был летчиком в Народной Армии. Он погиб геройски. Мальчик — единственный ребенок в роду командующего Рян Сэ Бона. Во что бы то ни стало постарайтесь поставить его на ноги.

Вождь очень сердечно просил врача о помощи мальчику. В комнате воцарилась гнетущая атмосфера.

Известные врачи стали лечить ребенка. Вскоре худые ножки мальчика стали округляться, он уже стоял на ножках и даже понемногу стал передвигаться.

Таково любящее сердце вождя-отца Президента Ким Ир Сена. Он снова переживал из-за несчастья семьи, которую он согревал столь горячей любовью. Вождь проявлял бесконечную заботу о семье Рян Сэ Бона и впоследствии. Он распорядился перенести из Китая останки Рян Сэ Бона и захоронить в хорошем месте в окрестностях Пхеньяна.

В тот день, когда привезли останки мужа из Китая, по щекам вдовы Рян Сэ Бона непрерывно лились горячие слезы благодарности за бесконечную заботу, проявленную вождем.

Она собрала всех домочадцев — невестку, внука, дочку, зятя и, всхлипывая, сказала:

— Поговорка гласит: идут к министру выражать соболезнование, когда околеет его конь, но когда умрет сам министр, не идут к нему выражать соболезнование. Для чего помогать умершему... Наш вождь не только заботится о нас, он даже останки усопшего перенес на Родину. Узнай об этом, умерший пролил бы на том свете слезы благодарности... Вы никогда не должны забывать об этой заботе и должны передавать нашу благодарность как завет из поколения в поколение...

Вдова Рян Сэ Бона, сказав это, с благоговением долго смотрела на портрет вождя-отца.

Глава четвертая

ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ

1

Первый депутат народа 158

Вчерашний шахтер назначен кадровым работником новой Кореи 162

2

«Смотрите, наши рабочие плавят металл!» 167

Кочегар обедает в обществе вождя . . 170

3

Вся страна читает . 174

«Только знание позволяет предвидеть» . 179

4

Шесть овсянок . . 183

Вождь лично сажает рисовую рассаду . 186

День, проведенный в горном селении . 190

5

В дни Совместного совещания представителей Севера и Юга 195

Ким Гу нашел новый путь на закате жизни 199

6

День, когда рыдала вся страна . . 207

Путь верности . . 210

Белые абрикосы, которые будут вечно цвести 213

1

С точки зрения многострадальной истории корейского народа победа демократических преобразований, одержанная под руководством любимого вождя Президента Ким Ир Сена, была великой победой, она привела к свершению вековых чаяний народа, внесла большие перемены в жизнь страны. Народ, разорвавший цепи рабства, империализма и феодализма, на опыте полнокровной жизни убедился, что счастье — это самостоятельная жизнь.

Однако вождь не довольствовался этим. Его внимание уже сосредоточивалось на огромной задаче, стоящей на этапе переходного периода от старого общества к обществу социализма и коммунизма — обществу высших идеалов человечества. Его планы нацеливались на построение такого общества, где нет эксплуатации и угнетения, где все доходы распределяются по труду, в зависимости от количества и качества продукции, — счастливого социалистического общества, где все люди станут коммунистами чучхейского типа и будут помогать друг другу по принципу: «Один за всех, все за одного» и станут дружно зажить одной большой семьей. Вождь выступил инициатором первых в истории Кореи демократических выборов, чтобы установить подлинно революционную власть рабочего класса — мощное орудие для строительства социалистического общества, общества высоких идеалов, какое он рисовал себе с первых дней вступления на путь революции. Он был намерен узаконить народные комитеты, осуществившие демократические преобразования, носившие пока что временный характер, то есть намерен был развивать деятельность народных комитетов, созданных на основе выборов.

Вождь назначил день выборов в депутаты провин-

циальных, городских и уездных народных комитетов — 3 ноября 1946 года — и мобилизовал все политические организации на избирательную кампанию.

Первый депутат народа

Было не мало людей, которые не имели понятия о выборах, не понимали даже самого слова «выборы», так как корейский народ эксплуатировался и угнетался помещиками и капиталистами в течение многих поколений. Поэтому предстояло разъяснять им положение о правах граждан, чтобы они правильно осуществляли эти права. Крайне важно было повысить политическое сознание масс в условиях, когда враги революции всячески пытались сорвать выборы.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен лично руководил в масштабе всей страны работой по подготовке выборов, чтобы они прошли успешно, ему приходилось разъяснять жителям городов и сел значение выборов. Простые крестьяне и честные горожане с радостью встречали неожиданно появлявшегося вождя. Безгранично простой и скромный вождь до поздней ночи беседовал с местными жителями, как друг и учитель, народным, доходчивым языком рассказывая им о светлом будущем Родины.

Это было 15 октября. 12 представителей волости Самдын уезда Кандон провинции Южный Пхеньан пришли в здание Временного Народного Комитета Северной Кореи, чтобы повидаться с вождем. Среди них был и старик, руки которого пахли осенними ароматами даров земли, полученной им от вождя; тут были и две ученицы, щеки которых горели, как румяное яблоко.

Они обратились к вождю со словами:

«Полководец, на нашем избирательном участке выдвинули Вас кандидатом в депутаты провинциального народного комитета провинции Южный Пхеньан».

«Волость Самдын известна как живописнейшая местность, отсюда открывается прекрасный вид на реку Тэдон — край плодородных земель, где тучно зреют хлеба и

живут добрые люди. Все мы, более 20 тысяч жителей волости Самдын, выдвинув Вас кандидатом, просим дать согласие баллотироваться в нашем округе».

Вождь выслушал их горячую речь и, идя навстречу их просьбе, дал свое согласие. Он был очень взволнован. Для него не было большей радости и чести, чем пользоваться глубоким доверием народных масс.

Школьницы преподнесли любимому вождю букеты цветов. Он с огромной радостью и доброй улыбкой принял их.

Затем вперед выступил крестьянин со словами: «Примите, дорогой и уважаемый вождь, наш скромный подарок, мы дарим Вам это от всей души» — и, развязав сверток, он преподнес вождю содержимое. Это были знаменитые самдынские каштаны и мед. Блестящие круглые каштаны и душистый мед — в них соединились искренность крестьян и опьяняющий запах природы той местности и от этого вмиг комната как бы наполнилась солнечным светом и ароматом цветов.

Вождь с ясной улыбкой, протянув обе руки, принял подарок. Он не взял бы никакое драгоценное сокровище, пусть даже подарили от души, но этот скромный подарок принял с радостью и не раз поблагодарил.

Радушный прием вождя тронул до глубины души одного старика и он, ободренный этим приемом, без стеснения высказал свою просьбу:

— Мы пришли к Вам, чтобы Вы поехали вместе с нами в наш родной край. Поедем вместе с нами в волость Самдын, Полководец. Жители нашей волости многократно наказывали, чтобы мы без Вас не возвращались.

Осветилось в улыбке лицо вождя. Он горячо благодарил крестьян за приглашение посетить их край, обещая приехать к ним на следующий день, так как сегодня был занят другими делами.

И 16 октября, на другой день после посещения представителей из Самдына, вождь вместе с сопровождавшими его сотрудниками прибыл в волость Самдын. После полу-

дня, примерно в четыре часа, в то самое время, когда осеннее солнце нещадно палит, легковая машина подкатила к волостному управлению. Люди стояли по обе стороны улицы, украшенной флагами и плакатами, и, горячо аплодируя, во весь голос кричали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Вождь вышел из машины, от души поприветствовал население за радушный прием и зашагал в сторону селения, то кланяясь седовласым старикам, то поглаживая по головам милых детей.

Дойдя до широкой дороги в центральной части села, он вдруг остановился: от этого места и дальше дорога была застлана бязью длиной в 300 метров. Это было самое глубокое выражение признательности при встрече почетного гостя.

Люди волости Самдын всю ночь совещались, как лучше встретить завтра вождя, который впервые посетит их селение, о многом передумали, предлагая различные способы проявить как можно лучше преданность дорогому вождю Полководцу Ким Ир Сену, который после 15-летней кровопролитной вооруженной борьбы освободил страну и спас народ от гибели, наделил крестьян землей, дал рабочим заводы и фабрики, то есть дал им всякие права и принес им радость. Им казалось, что простая встреча с букетами цветов, с песнями и танцами, выглядит уж очень бедно по сравнению с силой и глубиной их преданности ему, все как будто чего-то не хватало. И вот они решили застелить дорогу, по которой пройдет вождь, бязью, хранившейся жителями как единственное сокровище. У них не было ковра — красивого и узорчатого. У них была только бязь. Крестьяне вытащили из сундуков материю, которую берегли как приданое дочерям или как подарок к 60-летнему юбилею свекрови, и выходили с нею на улицу.

Они сделали это лишь из одного побуждения показать вождю свою любовь и искренность и, ожидая приезда вождя, застелили тканью расчищенную дорогу.

Когда вождь остановился в нерешительности, их един-

ственным искренним желанием было, чтобы он поскорее прошел по бязи и чтобы он остался доволен их приемом. Они от души желали, чтобы он не отклонил этого проявления их горячей искренности.

Увидев ткань, постеленную на дороге, вождь оказался в неловком положении: пусть это простая бязь, но сам этот факт был очень трогательным! Вождь считал эту материю ценнее дорогого ковра. Наши соотечественники, которые прожили тысячелетия в нужде, дорого ценили ткань для одежды, всегда считали ее самым дорогим подарком.

Вождь, глядя на ткань, постеленную на дороге, понимал смысл такой встречи и потому глубоко ощутил в этом скромном поступке их искреннее уважение к нему. Но это было минутной слабостью. Прежде чем пройти по этой дорожке, другая мысль возникла в мозгу: это ткань, из которой народ шьет одежду, и он строго обратился к находившемуся среди встречающих председателю парткома уезда Кандон:

«Для чего это сделано? Как вы могли разрешить это сделать? Так нельзя. Из этой материи надо шить одежду людям, неужто я пройду по ней? Скорее уберите».

Председатель уездного парткома не знал, что и предпринять: это распоряжение вождя было невыполнимо. Народ замер, молил горящими глазами, чтобы он прошел по сделанной им дорожке. «Дорогой вождь, просим Вас пройти по этой дорожке, как весна, как ясное утро, с улыбкой на лице! Пока мы живем не богато и потому так получилось. Ну что из того, что ткань предназначена для одежды... Следы великого вождя на ней — это и следы солнца, и наша гордость и исполнение наших желаний...»

Однако вождь твердо повторил свое распоряжение, и председатель уездного парткома сам лично начал скатывать материю. Народ с жалостью и недоумением смотрел на все это. Почему все-таки убирают? Надо было убедить вождя, чтобы он прошел по нашей дорожке... В душе все упрекали председателя уездного парткома, но когда вождь

с веселой улыбкой пошел по земляной дороге дальше, у всех на глазах выступили слезы умиления...

Волнение рождает волнение: снова все — от мала до велика — прыгали и во весь голос кричали: «мансэ!»

Вождь снял шляпу и, высоко подняв руку, помахивал ею, так отвечая на приветствия масс, он вышел на площадку перед Самдынской начальной школой, где должен был состояться митинг.

Митинг открылся. После горячей приветственной речи волостного народного представителя любимый вождь поднялся на трибуну. Он прежде всего выразил благодарность за горячий прием, а затем начертал светлый перспективный план строительства Родины, освещая славные задачи, стоящие перед рабочими, крестьянами, перед всем народом.

После торжественной встречи вождь вернулся в Пхеньян. Но жители Самдына не могли успокоиться и с гордостью еще долго говорили о вожде. В ту ночь они не смогли заснуть допоздна.

Вчерашний шахтер назначен кадровым работником новой Кореи

С рассветом — 3 ноября — все избиратели, мужчины и женщины, старые и молодые, торопились на избирательные пункты. Все избирательные пункты Северной Кореи были в праздничном убранстве.

Особенно радовались люди в избирательном округе в волости Самдын уезда Кандон провинции Южный Пхеньян, голосовавшие за выдвинутую ими кандидатуру родного вождя.

Один шахтер давал корреспонденту интервью:

«При японцах нас называли кротами, роющими землю. А Полководец Ким Ир Сен зовет нас опорой страны и призывает возглавить строительство государства. Полководец наш благодетель. Ему мы все обязаны возрождением».

Старуха Хон Сон Не, шестидесяти трех лет, держа в руке бюллетень, выразила корреспонденту свое чувство следующими словами:

«Прожила я более 60 лет, а испытываю такую радость впервые в жизни. Я деревенская старуха. У меня только фамилия, а имени не было. Под сапогом японцев и помещиков моя участь была хуже, чем участь сорной травы на обочине дорог. Я, такая униженная и старая, выдвигала кандидата Полководца и принимаю участие в строительстве государства. Не может быть большей радости, чем эта. Теперь я могу умереть без скорби...»

Разве эти чувства были в сердце одного шахтера или одной деревенской женщины? Нет! Это чувства всех корейцев, которые в прошлом жили в бедности и унижении, но сегодня в объятиях родного вождя стали хозяевами страны.

Подобные картины наблюдались на всех избирательных участках страны. Преисполненные чувства преданности вождю, избиратели наперебой шли и голосовали за подлинных представителей народа. В истории Кореи первые демократические выборы, встреченные восторгом и высоким энтузиазмом всего народа, увенчались крупной победой.

В результате выборов в феврале 1947 года в Пхеньяне были учреждены Народное Собрание Северной Кореи и Народный Комитет Северной Кореи. Выражая горячее желание всего народа, Народное Собрание Северной Кореи при единодушном одобрении депутатов избрало великого вождя Полководца Ким Ир Сена на высокий пост Председателя Народного Комитета Северной Кореи — первого в нашей стране правительства пролетарской диктатуры.

Под мудрым руководством вождя с успехом проходили съезды народных комитетов — центрального, провинциальных, городских и уездных — и тем самым была установлена единая система органов народной власти всех ступеней.

Большинство депутатов составляли рабочие и крестьяне, жившие в прошлом в условиях каторжного труда и оскорблений. Таким образом, органы народной власти в на-

шей стране, начиная с центральных и кончая низовыми — состоят из верных слуг народа.

Шел съезд провинциальных, городских и уездных народных комитетов Северной Кореи.

В президиуме съезда, где сидел великий вождь, заняла место одна женщина как депутат из провинции Северный Хамген. У нее были большие и шершавые руки со следами шрамов. Она выглядела не очень старой, но лоб ее был испещрен крупными морщинами и на лице также виднелись шрамы. Это была женщина-шахтер, которую во время господства японского империализма нужда заставила пойти на шахту.

Половина ее жизни протекла под землей, у груды пустой породы. Она пошла под венец в платье, запорошенном угольной пылью, а ребенка родила, вернувшись с каторжной работы в шахте. Бедность все туже стягивала ее железным обручем и везде ее преследовали оскорбления, она не имела никаких прав. Для нее жизнь была бесконечной мукой.

Этой женщине вождь помог прозреть и стать на путь революции, и сегодня она как полноправный депутат участвует в обсуждении перспективного государственного плана.

Раньше, когда по рекомендации народа ее выдвинули кандидатом на выборы в провинциальный народный комитет, она стеснялась показываться на глаза народу. Когда ей предложили выступить с речью, она краснела и покрывалась потом, не находя нужных слов. Над ней смеялись враги революции: «Она не умеет одеваться», «у нее руки, как грабли». Они считали выдвижение кандидатуры шахтерки более чем странным. Но она поверила только словам вождя. Он сказал, что самые бедные и самые угнетенные призваны возглавлять строительство государства и стать полноправными хозяевами страны. Слова вождя запали ей в самое сердце, и она упорно шла по пути, указанному им.

Ее поддержал народ, и она стала первым членом про-

винциального народного комитета и сегодня принимает участие в собрании, которым руководит вождь. Этому радовался как никто и сам родной вождь.

Во время перерыва между заседаниями вождь пригласил ее к себе и высказал слова одобрения:

— Очень хорошо! Шахтерка, такая униженная и обиженная в прошлом, сегодня стала хозяином шахты и хозяином страны. Поздравляю!

Вождь справился о ее семейном положении и о состоянии здоровья, узнал о том, что она приехала в Пхеньян на съезд с младенцем на руках. Со светлой улыбкой вождь тихо попросил:

— Пожалуйста, прочитайте лозунг, что висит вон там в зале.

Женщина встала и не громко, но четко произнесла:

— Там написано: «Да здравствует съезд провинциальных, городских и уездных народных комитетов Северной Кореи!»

Она рассказала вождю, что после освобождения страны научилась грамоте, ходила в школу для взрослых и что теперь читает политические брошюры.

Слушая ее, вождь не скупился на похвалы, будто она совершила подвиг, дал сердечный наказ: и дальше так же прилежно учиться и принимать активное участие в работе женсоюза.

Это было на второй день работы съезда, в первый перерыв между заседаниями. Шахтерка с младенцем на спине стояла в стороне в зале отдыха. Она очень боялась, как бы ребенок не заплакал в присутствии вождя. Вдруг к ней подошел вождь и погладил ребенка по головке.

— А ну, дайте-ка мне ребенка, — сказал он и взял ребенка из рук матери.

Он сказал, что ребенок очень милый, и стал расхаживать по залу, как это делают матери, убаюкивая младенца.

Спустя немного времени вождь вернул младенца матери и, взяв со стула какой-то сверток, вручил ей, говоря:

— ... Пожалуйста, возьмите это от меня в подарок.

Тут ничего особенного нет. Всего лишь байковое одеяло. Заверните им ребенка, чтобы ему было тепло.

От нахлынувшего чувства благодарности женщина не смогла проронить ни слова и стояла на месте, как пригвожденная. Только через несколько минут она развязала узел и обнаружила в нем вместе с светло-зеленым одеялом белые резиновые тапочки для нее самой, тетради и мыло.

Сначала она завернула одеялом ребенка, а потом, поглаживая руками белые резиновые тапочки, сравнивала их со своими, совсем истоптанными.

«Родной вождь! Беспокоясь, что я хожу в тапочках, потерявших всякий вид, Вы за ночь раздобыли новенькие. Я никогда не носила такую обувь. Благодаря Вашей заботе я впервые в своей жизни имею такие красивые тапочки», — несколько раз повторила про себя шахтерка, роняя горячие слезы на белые резиновые тапочки.

После съезда, по возвращении на шахту она, выполняя пожелание вождя, с энтузиазмом взялась за учебу и стала активнее на производстве: была первой в женском движении и искренне помогала многим труженицам.

Люди, которые не забыли горькое прошлое, никогда и ни при каких обстоятельствах не отступят от позиции своего класса и народа и самоотверженно борются, они видят в революции смысл жизни. Это знает вождь и потому для него каждый боец так прекрасен и так дорог.

2

В интересах независимости и самостоятельного развития страны обязательно надо было создать самостоятельную национальную экономику, опирающуюся на собственное сырье, собственные кадры и собственную технику. Это — непоколебимое убеждение великого вождя Президента

Ким Ир Сена в руководстве экономическим строительством, это неизменная линия партии.

Могло показаться, что для народа, совсем недавно жившего в условиях феодализма и колониальной зависимости, выполнить такую задачу очень трудно, почти невозможно.

Для осуществления этой исторической задачи вождь начал с мобилизации всех рабочих и крестьян — творцов всех богатств и хозяев новой страны.

«Смотрите, наши рабочие плавят металл!»

До последних дней, до вынужденной капитуляции японские империалисты совершали бессмысленно жестокие акты. При бегстве из Кореи они разрушили крупные промышленные предприятия, сожгли техническую документацию и похитили ценное имущество.

Не был исключением и металлургический завод Ханхэ — одна из металлургических баз страны. Враги основательно разрушили завод, взорвали сооружения для электропередачи и оборудование, погасили домну с раскаленным металлом, чем вывели ее из строя. Стены домны затянулись паутиной, над трубами сороки свили гнезда. Превратив металлургический завод в груду развалин, в мертвеца, враг злорадствовал: «И через десять лет печь не восстановится. В Корее железная руда будет лежать нетронутой под землей».

Рабочие не могли дать отпор японским варварам, ибо они были оторваны от управления заводом, не разбирались в технике, зрелище мертвого завода было страшным.

Разобравшись в сложной обстановке, вождь приезжал на завод и вьюжными утрами и дождливыми ночами. Он вселял в рабочих несгибаемую волю, учил их преодолевать трудности по восстановлению завода. Рабочие откликнулись на зов вождя и воспряли духом. В борьбе с неимоверными трудностями настал, наконец, день, когда рабочие дали

первую плавку. Вождь, получив эту радостную весть, опять навестил их. Довольный, он громко смеялся и говорил:

— Смотрите, наши рабочие плавят металл... Это огромная победа! Это первая победа наших рабочих в строительстве нового демократического государства, первый шаг отечественной металлургии.

Он поглаживал рабочие блузы мартенщиков, промокшие, пропитанные потом, точно это были воинские доспехи. Он все повторял, как это хорошо плавить металл, опираясь на свои силы и свои знания. Затем он указал рукой на доменную печь, угрюмо стоявшую, как раненый великан, и будто с завистью следящую за работой мартена, и призвал присутствующих приступить к ее восстановлению.

Рабочие молча смотрели на доменную печь. Это был взор прицеливающихся солдат. Они верили в то, что на пути, указанном великим вождем, нет ничего невозможного. Изучили мартеновскую печь — оказалось, что в ней нет никакой тайны. Надо только работать со знанием дела. Ведь боязнь рождается от незнания, знание помогает преодолеть страх.

Уже на следующий день вокруг доменной печи кипела работа. Вооружившись ломами, молотами и даже топорами, рабочие начали скалывать на горевший и застывший металл. Ими двигал только энтузиазм, и они, неопытные, порой нечаянно наносили шрамы на печь. Тогда рабочие сравнивали их с кровоточащими ранами и тут же заменяли пробоины новым кирпичом и листом железа, всем двигал горячий, как огонь, энтузиазм рабочего класса.

3 декабря 1947 года состоялся торжественный пуск доменной печи. Вся страна ликовала. Но больше всех радовался родной вождь.

После удара одного рабочего из летки, забитой глиной, хлынул алый чугунный поток, посыпались искры, точь-в-точь мириады звезд.

На лице вождя отражались волнение и радость. Солнечный цвет жидкого металла вызвал его улыбку.

Как-то вождь назвал металлургический завод Ханхэ

старшим сыном отечественной промышленности. Он не мог нарадоваться богатырской силе «первенца», излеченного золотыми руками рабочих и теперь дававшего огненную лаву.

Наконец, кончился пуск металла и из летки стали вылетать куски раскаленной смеси шлака и кокса и разбиваться о землю у ног вождя. Но он, опьяненный радостью, продолжал любоваться мастерством горновых.

Широко улыбаясь, вождь подошел к горновым и попросил:

— Товарищи смельчаки, позвольте мне пожать ваши мужественные руки.

Вождь дружески пожимал руки рабочих, почерневшие от металла; последние хотели вытереть руки полой спецовок или платком, но не успевали этого делать, вождь брал их за руки и крепким рукопожатием благодарил за работу.

Для вождя, казалось, не было ничего радостнее, чем пожать эти руки. В его глазах не было ничего красивее, чем рабочие, мокрые от пота и обожженные пламенем победители, занявшие первую высоту техники своими силами.

Еще недавно рабочие сравнивали технику с высокой недоступной горой. Но сегодня они уже свободно управляют громадной доменной печью, дарят своей юной Родине железный поток.

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен приветствовал их как победителей, с триумфом вернувшихся с поля боя. Он говорил:

— Товарищи, вы хозяева доменной печи, хозяева страны. Вы — сокровище, опора нашей Родины. В нашей стране пять доменных печей. И остальные четыре вы должны восстановить своими руками. У вас уже есть опыт восстановления и вы в следующий раз справитесь с задачей быстрее и лучше. Обогащение и развитие нашей страны зависит от вас. Чем быстрее восстановим домны, тем скорее дадим стране больше чугуна. Только это даст возможность выпустить много машин и станков и одновременно быстрее развить легкую промышленность и сельское хозяйство. Так в

ближайшем будущем весь корейский народ будет жить счастливо.

Великий вождь на живом примере объяснял, какую важную роль играет тяжелая промышленность, в частности металлургия, в строительстве самостоятельной национальной экономики. Вдохновляя рабочих, он подчеркивал, что повышать эффективность труда помогает только высокая техническая квалификация.

В тот период оживление наблюдалось не только в одной тяжелой промышленности. Под энергичным руководством вождя рабочие легкой промышленности также добивались крупных успехов в борьбе за восстановление заводов и фабрик, в освоении техники и в производстве товаров, необходимых стране.

Перемены, происшедшие у рабочих на любом заводе, были победой духа опоры на собственные силы; если бы восстанавливали и пускали предприятия в ход при помощи иностранных специалистов — этого духа не было бы. В трудной борьбе за восстановление и строительство, в которой рабочим не на кого было опираться, кроме как на собственные силы, они приобрели ценный опыт. У них хватило и смелости для большого скачка. Они стали своими руками разбирать машинное оборудование, осваивать технику и самостоятельно управлять заводами. Словом, вождь научил рабочий класс идти по пути опоры на собственные силы, что не только позволило невиданно быстрыми темпами восстановить саму промышленность, но и превратить рабочих, бывших поставщиков дешевой рабочей силы, в могучих строителей, в квалифицированных рабочих.

Кочегар обедает в обществе вождя

Куда бы ни приезжал великий вождь Президент Ким Ир Сен — на завод ли, или на предприятие — он прежде всего видел людей, а потом уже замечал машины или оборудование. В каждом слове, в выражении лица рабочих он читал прожитую ими жизнь или состояние их духа и окружал их отеческой любовью.

Он больше всего дорожит человеком, преданным революции, ценящим жизнь и умеющим бороться. Ему особенно близко было не беспечное, тихое, а напряженное, горящее творческим энтузиазмом лицо. Промасленные сильные руки, умело приводящие в движение машины, нравятся ему больше, чем чистые, изнеженные от безделья. Он считает красавцем того, кто работает и борется с энтузиазмом, того, кто не на словах, а делами решает новые задачи, кто находит счастье в борьбе и умеет по-настоящему работать и отдыхать. Встретив энтузиаста, вождь заботится о нем, как отец.

Это было в день, когда на металлургическом заводе Хванхэ восстановленная доменная печь дала первую плавку. Поздравляя доменщиков с большой победой, великий вождь случайно заметил одного рабочего, который, будто гордясь своей работой, вытирает пот с лица и слегка улыбается. Оказалось, что он после плавки лазил в неостывшую еще печь, чтобы забить летку.

Уловив что-то необычное, вождь подошел к нему и, взяв его руки в свои, внимательно разглядывал их. Большие огрубевшие руки, которые соприкасались с металлической жидкостью с 16 лет, были в сплошных ожогах. Они — немые свидетели страшного каторжного труда, который был его уделом в период господства японского империализма.

Омрачившись, вождь взглянул ему в лицо и затем медленно повернул рабочего. На затылке обнаружилась вмятина — след страшного ожога. Она напоминала клеймо. безжалостно поставленное дьявольскими щупальцами японских империалистических захватчиков. Рука вождя, прикоснувшаяся к следу ожога, задрожала. Боль, испытанная рабочим, остро передалась вождю. Он невольно помрачнел.

Вождь переживал не только из-за внешности рабочего. Ведь если такие раны на теле, то какие же должны были быть внутри в душе! При мысли, что уже ничто не может уменьшить боль бывшего униженного раба, в сердце вождя будто вонзились когти. Вождь рукой будто разглаживал душевные раны рабочих, а те глотали слезы, чувствуя, как он переживает за них.

Насколько страшной была каторжная работа в прошлом, настолько радостным казался рабочим сегодняшний труд. Трудись и трудись — все равно не удовлетворишь жажду по труду. Встречающиеся трудности не сбавляли, а повышали их боевое настроение. За вождя, который так переживал за их старые раны, они, рабочий класс, готовы были отдать жизнь.

Молча оглядев рабочих, вождь ободрял их, он говорил им о наступивших переменах и огромных задачах, поставленных перед рабочим классом, лаконично, сжато!

«Товарищи, вы стали хозяевами завода. Надеюсь, вы возьмете в свои руки производство и постараетесь делать все как можно лучше».

Однажды в апреле 1947 года вождь осуществлял руководство на месте на Пхеньянской зернообрабатывающей фабрике. Настало время обеда и родной вождь решил пообедать на фабрике вместе с рабочими. Вместе с вождем некоторые руководящие работники и многочисленные рабочие фабрики сели за накрытые столы.

Вдруг вождь поинтересовался, нет ли среди рабочих деда из цеха парового котла. Вождь не забыл знакомого рядового рабочего, с которым он не раз встречался, бывая на фабрике и руководя на месте ее работой. «Дедом от парового котла» оказался один старый кочегар, который всю жизнь имел дело с угольной пылью и даже оглох от шума мощной воздуходувки.

«Дед от парового котла» был приглашен в столовую. На его лице было написано явное удивление. Глухой, он не разобрался, в чем дело, и в рабочей спецовке, в которой работал, не умывшись, вошел в столовую.

Увидя его, вождь поднялся с места и, взяв старика за руку, предложил занять место рядом с ним. Дед не знал, как вести себя, и замешкался. Он не решался сесть на стул в белоснежном чехле: на нем была пропитанная потом и угольной пылью, мешковатая, грязная спецовка. Но его привело в растерянность больше всего то, что ему, всю жизнь возивше-

муся с угольной пылью, предстоит обедать в обществе великого вождя. Кочегар отступил шаг назад. Но вождь, догадываясь, о чем он думает, опять потянул его за рукав.

— Ни чуточки не стесняйтесь. Чехол можно выстирать. Давайте пообедаем вместе.

Кочегар не смог отказаться от предложения вождя и робко занял место.

Со светлой улыбкой вождь посмотрел в глаза старику и заговорил:

— Дед, с вами мне хорошо... Вы для меня самый желанный, сколько бед пережили вы на своем веку...

Он предложил деду поесть. Постепенно лицо старика залилось румянцем, будто к нему вернулась давно ушедшая молодость.

«Что это со мной?.. Какая честь обедать рядом с Полководцем! Виданное ли это дело...» — Он захлебывался от счастья, что живет и работает под руководством такого вождя, и гордился этим. До слез он был рад от сознания, что он согрет любовью вождя. Он не верил своим глазам и еще и еще раз переводил взгляд со стула на блюдо и с блюда на стул. Такая же радость светилась и на сияющих лицах всех обедавших здесь рабочих и других товарищей.

Здесь господствовала дружеская семейная атмосфера. Все были рады, но больше всех был рад вождь. Выражение его лица напоминало выражение счастливой матери, которая с гордостью смотрит на пышущих здоровьем сыновей, сидящих за праздничным столом. С его лица не исчезала светлая улыбка, от которой, казалось, зацвело бы и старое сухое дерево.

3

Вся страна читает

Было 3 августа 1947 года. Перед воротами здания, в котором работал любимый вождь Президент Ким Ир Сен, появилась крестьянка в помятой холстяной кофточке и в такой же юбке. На голове у нее возвышался громоздкий узел. Она хотела обязательно увидеться с Полководцем.

Сотрудник не раз пытался убедить ее, что вождь занят делами и не сможет принять ее. Но она ничего не хотела слышать и упорствовала: не уйдет, пока не увидит Полководца. Сотруднику ничего не оставалось, как доложить о ней. Вне всякого сомнения вождь разрешил пропустить женщину к нему. Приняв большой узел от женщины, сотрудник провел ее в комнату и попросил подождать.

Она оказалась крестьянкой Ли Ге Сан из далекой глуши, из села Окдон уезда Пхенган провинции Канвон. Рожденная в семье батрака, она в 15 лет была отдана за долги в услужение к помещику и с тех пор не знала ничего, кроме горькой доли кухарки. Когда выросла — вышла замуж за молодого батрака этого же помещика, но вскоре мужа угнали японские империалисты в отряд «служения государству», и он погиб. Жизнь бедной женщины проходила в горе и страданиях, от тяжелой работы она скоро состарилась, только и знала, что плакала кровавыми слезами.

Такова была ее жизнь до освобождения страны. А теперь благодаря заботе любимого вождя Полководца Ким Ир Сена, она, как и другие, получила землю и даже большой дом. В день получения земли она невольно вспомнила родителей и мужа, которые в жизни не имели своего клочка земли, так и

умерли с проклятиями. При воспоминании о них она плакала и подолом утирала непрошенные слезы.

Впервые в жизни она работала на собственной земле, поэтому не знала усталости, легко работалось и в доме и на земле. Труд вознаградил ее осенью: во дворе выросли скирды хлеба и большой погреб был заполнен картофелем. От радости она потеряла даже сон. Она думала о большой заботе вождя, которую нельзя сравнить ни с высотой неба, ни с широтой земли. После уборки богатого урожая, она задумалась, как ей расплатиться с вождем за его благодеяния.

«Я не смогу называть себя человеком, если не отблагодарю его» — при этих мыслях ее мучили угрызения совести. И она решила поехать к нему: насыпала в мешочек два маль отборной пшеницы, а в другой — один маль картофеля, и нагруженная поехала в Пхеньян, чтобы плодами своего труда выразить глубокую благодарность уважаемому вождю, который дал ей второе рождение.

Когда вождю доложили, что какая-то женщина из провинции Канвон просит принять ее, уважаемый вождь тут же пригласил ее в кабинет.

Как только женщина с узлом вошла в кабинет, вождь, отложив дела, встал ей навстречу.

— Как доехали, — радушно принял гостью вождь, помогая ей поставить на пол тяжелую ношу.

С трудом проглатывая нахлынувшие было слезы, женщина начала с того, зачем она пришла.

— Дорогой Полководец, я принесла Вам пшеницу и картофель, которые вырастила своими руками на земле, подаренной Вами. Немного здесь, но это от души. Прошу Вас, примите мою благодарность. Еще в позапрошлом году гнула я спину на других, а сегодня благодаря Вашей заботе я живу как человек — под своей крышей, обрабатываю свою землю.

Она не могла продолжать, потому что горячий комок подступил к горлу.

Вождь тоже расчувствовался. Крестьяне, тысячелетиями знавшие лишь оскорбления и притеснения, теперь собирают урожаи с собственной земли и не могут сдержать слезы ра-

дости. Он до глубины души радовался этим изменениям в жизни обездоленных крестьян.

Он взял пригоршню отменной пшеницы, взвесил в руке крупную картофелину и понял, что в каждом зерне была радость, в каждой картофелине — сердечность. Если раньше крестьяне сеяли пот и вздохи, а убирали — горе, то теперь сеют надежду и убирают счастье.

Этой женщине захотелось поделиться с вождем своим счастьем, а вождь был благодарен ей за это и долго щупал своими руками крупные зерна пшеницы и любовался отменным картофелем.

Усадив женщину, на глазах которой все еще блестели слезы, вождь беседовал с нею об урожае, о жизни крестьян на ее родине и обратился с вопросом:

— Какие книги вы читали? Читаете газеты?

Женщина от стыда не знала, куда глаза деть, лицо ее стало багрово-красным.

Опустив голову, она проронила еле слышно:

— Родной Полководец, я не умею читать.

Услышав ответ женщины, вождь умолк и задумался.

Вождь переживал больше, чем сгоравшая со стыда женщина. Какое невообразимое несчастье, что она не умеет писать свое имя, но разве она виновата в этом? Несчастье бедных кореянок в прошлом заключалось не в том, что они не знали грамоты, а в том, что их не считали даже людьми. Вернее сказать, что подвергавшиеся двойному и тройному гнету женщины Кореи не соприкасались с грамотой. Не удивительно, если и эта гостья не знает грамоты.

От этого болью сжалось сердце вождя. Пусть это было в прошлом, но сегодня, когда она стала хозяином страны, строителем нового общества, допустимо ли такое? Допустима ли безграмотность для строителей нового общества, ведь они не справятся со своими задачами, будучи безграмотными. И это факт! Будучи членом общества, невежественный человек будет тормозить его развитие, у него не будет твердого самосознания. С точки зрения самостоятельности человека безграмотность явится преградой. Неграмотный не может

усвоить достигнутые наукой знания, необходимые для того, чтобы сделаться сильным, решающим собственную судьбу самостоятельно, творчески.

Глядя на женщину, великий вождь тихо начал:

— Все корейцы должны читать и писать на родном языке. А для этого надо учиться.

Все глядя на женщину, которая сидела, не смея поднять головы, и теребила тесемку кофты, вождь продолжал:

— Вам тоже надо учиться, еще не поздно...

Вернетесь домой и начинайте ходить в школу ликбеза.

Только грамотный человек может достойно жить и участвовать в жизни государства.

Выпрямившись, наконец, женщина ответила:

— Буду учиться, как Вы советуете.

— Тогда договорились. В течение трех месяцев вы научитесь писать и напишите мне своей рукой о том, как вы занимались. Ну как, осилите?

Вождь сделал ударение на словах «три месяца». Женщина не нашлась, что ответить, а потом, будто решившись, четко ответила:

— Да, обязательно сделаю так, как Вы советуете.

Довольный твердым решением женщины, вождь, как бы закрепляя сказанное, подчеркнул:

— Сначала ликвидируйте свою собственную неграмотность, затем призывайте всех к ликвидации неграмотности. Поняли?

— Да, конечно. Буду делать, как договорились, — бодро ответила женщина.

Вождь одарил крестьянку, забитую беспросветной жизнью, живущую в глухомани, благодатными солнечными лучами, он дал ей полнокровную жизнь. Теперь он хочет дать ей, оказавшиейся за бортом культурной жизни, знания, хочет подарить ей цивилизованный мир.

С того же вечера, как вернулась в родное село, женщина стала ходить к учителю начальной школы, который жил от нее в 5 ли, и начала учиться грамоте. Днем, во время отдыха на краю своего поля она учила буквы, в дождливые

дни читала книгу, обернутую в промасленную бумагу. И на кухне, где она готовила еду, лежала раскрытая книга, и на чане, на крышке котла, у окна — везде были написаны на бумаге названия вещей, которые она заучивала, чтобы глаза привыкли к буквам. Даже когда топила печку, она кочергой выводила знакомые ей буквы. Ее примеру последовали многие односельчанки. Вскоре в селе появилась школа азбуки, а спустя еще немного — настоящая школа.

Прошло три месяца.

Несколько ночей напролет она усердно писала букву за буквой, написанное стирала и снова писала и, наконец, закончила письмо вождю. Впервые в своей жизни она написала своей рукой письмо, и не кому-нибудь, а вождю. Сердце ее колотилось, грудь распирала радость и волнение.

В день отправки письма великому вождю Президенту Ким Ир Сену в уезде Пхенган состоялся крестьянский митинг. На митинге было принято обращение ко всем крестьянам страны, призывающее шире развернуть движение за ликвидацию неграмотности.

Письмо очень обрадовало вождя. Письмо женщины села Окдон стало торжественным заявлением народа о том, что он покончил с невежеством, которое давило народ тяжелым свинцовым грузом из поколения в поколение, и что теперь он потянулся к свету, к знанию. Оно было радостным докладом крестьянки, извещавшим, что любой за короткий срок может навсегда ликвидировать неграмотность, считавшуюся в прошлом неотвратимым уделом бесправных людей.

Вождь немедленно написал ответное письмо, в котором дал высокую оценку ее успехам и вдохновил ее на новый труд.

Воодушевленная одобрением вождя, женщина с удвоенной силой стала заниматься и с большой охотой выполняла задания, что незамедлительно сказалось на ее успехах. Энтузиазм человека, прошедшего сквозь огонь и воду и наконец осознавшего свое место в жизни, — великая, ни с чем не сравнимая сила.

Впоследствии, высоко оценивая ее энтузиазм, вождь послал ей похвальный лист и подарок.

Трогательный рассказ о том, как одна женщина из глухомани провинции Канвон ликвидировала неграмотность благодаря заботе вождя в течение трех месяцев, вселял искру надежды в сердца людей, которые также тянулись к знаниям.

Во всех уголках страны стали создаваться многочисленные школы азбуки и школы для взрослых. В каждом селе раздавались, как песни, голоса читающих. Ежедневно в Пхеньян отправлялись сотни писем, в которых вчерашние неграмотные выражали глубокую благодарность вождю за свое прозрение.

К марту 1949 года в стране не стало ни одного неграмотного. Но люди продолжали усердно учиться ради дальнейшего повышения своего культурного уровня.

Благодаря огромной заботе родного вождя народ, живший раньше в невежестве, исстрадавшийся под гнетом феодального строя, выходил на столбовую дорогу цивилизации, которая сама по себе означала знаменательное историческое событие. В прошлом многие обращались к грамотным людям с унизительной просьбой прочитать полученное письмо. Из-за неграмотности многих обманывали помещики при расчете за каторжный труд, они, оставляя лишь отпечатки своих пальцев в записях помещиков, попадали в пожизненное рабство. Все это кануло в прошлое. Теперь стало возможным сознательно ковать счастье на родной земле и разбираться в событиях, происходящих в мире. Это еще одна неизмеримо крупная победа. Настал светлый мир на континенте. Наш мужественный и могучий народ прозрел.

«Только знание позволяет предвидеть»

Великий вождь Президент Ким Ир Сен заботился не только о ликвидации неграмотности среди народа, но и о повышении его идейного сознания.

Проблема идейного воспитания встала со всей настоятельностью потому, что в жизни трудящихся все еще давали о себе знать старые пережитки, насаждавшиеся на про-

тяжении многих десятков лет японскими империалистами, и тем более потому, что свергнутый эксплуататорский класс, американские империалисты и их ставленники, свившие себе гнездо в Южной Корее, лезли из кожи вон, пытаясь изнутри разложить народно-демократический строй в северной части страны.

Только повышая уровень идейной сознательности трудящихся, можно было прочно защитить от посягательств врага завоеванную кровью народа власть, землю, заводы, счастливую жизнь и лучшее будущее и быстрее преобразовать общество и природу.

Великий вождь прилагал большие усилия к тому, чтобы трудящиеся овладели духом непримиримой борьбы против классового врага и сознанием самоотверженного служения Родине и народу, чтобы они прониклись святой революционной готовностью без колебаний посвятить жизнь партии и революции.

Бывая на периферии, вождь посещал политические занятия партийных и беспартийных работников, слушал лекции и дискуссии и разъяснял сложные вопросы политической жизни страны.

Однажды великий вождь Президент Ким Ир Сен руководил политзанятиями в селе Самхва волости Саин уезда Сунчхон провинции Южный Пхеньан. В комнате демократической пропаганды вместе с рядовыми членами партии он сидел на деревянной табуретке все время, пока шло занятие.

Тема занятия гласила: «О значении демократических преобразований в стране». После лекции развернулась дискуссия.

Вождь внимательно слушал каждого выступающего. Большинство выступлений сводилось к тому, что благодаря земельной реформе крестьяне стали хозяевами земли, стали чувствовать прилив новых сил и у них улучшилась жизнь, что они уже стали богаче и вся страна также умножает свои богатства. Отдельные выступления касались того, что для еще лучшей жизни необходимо усерднее учиться и прилежнее трудиться на своих рабочих местах.

Никто не говорил о классовом враге. Вождю стало ясно, что они, опьяненные счастьем, уже забыли о прошлом, о помещиках, которые угнетали их и высасывали их кровь.

Как только закончилась дискуссия, вождь сказал:

— Все вы правильно говорили, товарищи! Вы все одобряете земельную реформу. Но у меня есть вопрос: а разве никто не выступает против этой реформы?

На вопрос вождя один пожилой крестьянин встал и ответил:

— Кто же против земельной реформы?! У нас раньше не было ни клочка каменистого поля, а теперь мы получили землю. И вот, видите, трудимся на своих полях! Все мы рады.

— Ну тогда скажите: рады ли этому помещики, у которых землю отняли?

— Они-то, конечно, не рады, это им не по душе.

Желая проверить уровень их классового самосознания, вождь задал другой вопрос:

— Алчные помещики сбежали в Южную Корею. Они теперь яростно пытаются вернуть себе потерянные земли. А что же надо делать нам?..

На этот вопрос вождя крестьяне — члены партии — высказывали свои, очень разные, мнения. Оказалось, что они недостаточно хорошо понимают сущность поставленного вопроса. Великий вождь начал доходчиво и на конкретных примерах разъяснять суть вопроса.

«Те, кто получил земельные наделы, конечно же, одобряют демократические преобразования, зато помещики и капиталисты, лишенные земли и фабрик, не будут радоваться этому мероприятию. Помещики и капиталисты пытаются использовать все шансы, чтобы вернуть себе земли и заводы и уничтожить народную власть, которая дала крестьянам землю. Помещики до смерти ненавидят крестьян, которые получили наделы и теперь, хозяйничая на собственных участках, живут без нужды. Поэтому вам не следует ограничиваться лишь хвалой в адрес демократических преобразований, нужно точно знать, что существуют

и противники этих преобразований, поэтому надо сохранять неусыпную бдительность в отношении врагов.

Члены партии должны последовательно учиться и превратить все освоенные знания в собственные убеждения».

Вождь учил, что не только получившие землю крестьяне, но и все трудящиеся могут защищать завоевания революции, когда они последовательно вооружатся классовой сознательностью, и что они могут правильно рассуждать об окружающих предметах и явлениях и всегда побеждать в схватках с врагом, когда они имеют четкий революционный подход и классовую позицию.

Запомнив крепко указания вождя, члены партии подтвердили решимость — стойко защищать и упорно крепить революционные завоевания и до конца бороться против происков вражеских элементов.

Когда закончились занятия, была уже глубокая ночь, допоздна вождь беседовал с членами партии. Уезжая, вождь сказал на прощание:

«Желаю вам успеха в учебе. Только знание позволяет предвидеть».

Вождь, занятый государственными делами, до глубокой ночи руководил политзанятием в селе. Это говорит о том, какое важное значение он придает повышению идейной сознательности трудящихся.

На эту работу он мобилизовал партийные организации и организации трудящихся, а также все средства идейного воспитания и возможности культурных учреждений. Покончив с неграмотностью, трудящиеся пробуждались и в смысле классового самосознания, что помогало им стать более культурными и более сильными. Образно говоря, завладев сокровищами жизни, народ получил факел, освещающий мир и путь вперед.

Народ, окруженный любовью великого вождя и прозревший в культурном и идеологическом плане, ждет только победа. Теперь никакому коварному врагу не обмануть и не поставить его на колени.

4

Северная Корея, богатая горами и бедная землей, всегда испытывала нехватку продовольствия, но после проведения земельной реформы она всего лишь за несколько лет превратилась в район, где в основном разрешили проблему продовольствия собственными силами. Однако жизненный уровень народа все еще был низок. В частности, в жизни крестьян горно-равнинных и горных местностей пока еще давала себя знать вековая нищета.

На основе успехов демократических преобразований уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен выдвинул в качестве одной из задач борьбу за стабилизацию и повышение народного благосостояния. Он, движимый стремлением как можно скорее улучшить народную жизнь, часто навещал крестьян, беседовал с ними о путях улучшения жизни и разрешал все наболевшие вопросы.

Вождь побывал везде — от равнинных местностей до отдаленных горных захолустий.

Шесть овсянок

12 января 1948 года вождь-отец Президент Ким Ир Сен посетил заброшенное в горах село Анчхан волости Сичжун уезда Канге провинции Северный Пхеньан.

Приехав утром в село, чтобы познакомиться с жизнью крестьян этого далекого селения, вождь вместе с сопровождающими его товарищами постучался в избушку на краю села. Хозяин был очень смущен от того, что комнаты его дома были еще не убраны, но вождь не обращал внимания на это и, войдя в комнату, сел на место, которое ему указал хозяин дома. Хозяин не знал, что перед ним — великий

вождь Президент Ким Ир Сен, и принял его за одного из руководящих работников провинции.

Вождь спросил крестьянина, как живут односельчане по сравнению с периодом до освобождения страны? Тот ответил:

— Хлеборобам, подобным нам, теперь стало жить хорошо.

— А в чем же?

— Во многом. В первую очередь пашем свою землю и собираем свой урожай, да не видим противную рожу помещика. Сгинули помещики, которые нас обирали. Мы стали жить богаче — вот и хорошо. Теперь и еда идет впрок и можно спать со спокойной душой.

С удовлетворением выслушав ответ, вождь-отец снова обратился к нему с вопросом: хватает ли продуктов, есть ли одежда, постельные принадлежности.

Хозяин на это ответил, что вопрос с продуктами их больше не беспокоит, но они испытывают еще недостаток в одежде и одеяле. В самом деле, одежда членов его семьи была очень ветхой, это тяжелое наследие длительного господства японского империализма.

Глядя на изношенную юбку хозяйки и выцветшую одежду детей, как бы сдерживая боль сердца, вождь некоторое время молчал, а потом перевел разговор на другую тему, убеждая их в том, что теперь у нас новый мир, значит, если хорошенько работать и лучше вести земледелие, то жизнь непременно улучшится.

С минуту вождь-отец сидел в глубокой задумчивости, а потом перевел взгляд на овсянок, которые прыгали в клетке в углу комнаты, и спросил:

— Как вы их поймали? Какие красивые пташки!

Хозяин ответил, что поймали их дети.

Вождь полюбовался немного птицами и попросил у хозяина несколько овсянок.

— Пожалуйста, возьмите, сколько хотите, здесь их хоть пруд пруди, — с удовольствием сказал хозяин и тут же хотел отдать их вождю. Но вождь встал, говоря, что зайдет за

ними на обратном пути, а сейчас надо съездить в нижнее село.

Выйдя из дома, вождь пошел к председателю партячейки, беседовал с крестьянами и ознакомился с их жизнью. У крестьян вождь провел много времени, давал указания о строительстве ирригационных сооружений и о том, как увеличить урожай зерновых. Он отметил, что необходимо увеличить посевные площади под масличные культуры, такие, как кунжут и перилла, что надо развивать животноводство и лучше использовать несметные природные ресурсы гор.

Перед отъездом вождь-отец снова зашел в дом на краю села, но хозяина не было дома: он оставил корзинку с птицами и ушел в село.

Взяв корзинку с птицами от хозяйки, вождь-отец подозвал сына хозяина этого дома, погладил его по голове, отдал толстый конверт и уехал.

От сельчан крестьянин узнал, что утренний гость его был всегда почитаемый им Полководец Ким Ир Сен. Он упрекал себя, что не узнал вождя, во весь дух бежал домой. Но вождь уже уехал, а взволнованная жена отдала ему белый конверт. В нем оказались деньги, их было достаточно, чтобы купить новое теплое одеяло и несколько комплектов одежды. Вождь оставил им эту солидную сумму денег как бы «за красноухих овсянок».

Крестьянин не мог выразить словами нахлынувшие чувства благодарности и, выбежав на дорогу, долго смотрел в ту сторону, куда уехал вождь, все время повторяя: «Полководец! Дорогой Полководец». Догадываясь о глубоком смысле слов вождя о том, что он хочет иметь горных птиц, крестьянин проливал слезы умиления, от которых промок весь подол одежды.

Когда ему шел пятый год, отец его умер. Он вырос в жестокой нищете, коротая жизнь в шалаше, трудясь, не разгибая спины на помещика. Но как бы ни широк был этот мир, не было в нем ни одного сочувствующего ему. Только дорогой вождь дал ему землю и принес новую жизнь, ему, поги-

бавшему от голода вместе с женой и детьми. Эта забота и любовь вождя вполне заслуживают, чтобы передавать ее из поколения в поколение. И вождь, увидев у них рваное одеяло и потертую одежду, не смог уехать, не оказав им помощь. Взяв у них ненужных ему горных птиц, он оставил деньги как будто за них, чтобы они не ощущали угрызений совести за эти деньги.

Дорогой Полководец! Я прожил полжизни и не встретил к себе человеческого обращения. Побывав в нашем бедном доме, Вы, Полководец, даете нам одеяло и одежду так, чтобы мы не испытывали душевных переживаний!

Крестьянин, безгранично счастливый от большой заботы великого вождя, еще долго не мог оторвать от груди конверт, в который была вложена любовь вождя.

Вождь лично сажает рисовую рассаду

Среди крестьян нашей страны, бывших долгое время под жестоким феодальным игом и в тисках колониальной эксплуатации, передавалась из уст в уста следующая народная песня:

Плачет птичка — просит каши,
Плачет птичка — просит одежду.
То не птицы плачут,
То — душа моей матери,
Умершей цветущей весной.

Эта песня, зовущая душу умершей от голода матери, олицетворяет собой тот жестокий мир, в котором тысячелетия томился корейский народ. Нельзя было найти миску риса, чтобы сварить поминальную ему по покойным родителям, умершим от голода и болезней. И богатый на выдумку народ придумал так называемую «пирамиду из риса». Она приготовлялась из разных круп, и лишь сверху тонким слоем клали вареный рис: положенные друг на друга вареные крупы напоминали собой пирамиду. Такой ужасной была бедность, что не могли сварить миску риса.

Конечно, это только крохотный факт из прошлой печальной крестьянской жизни, но вековечной мечтой крестьян было — жить в доме с черепичной крышей, есть белую рисовую кашу и мясной суп.

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен прилагал всевозможные усилия к реализации этой извечной мечты корейских крестьян.

Вождь вынашивал грандиозные планы освоения горных районов страны и создания сети оросительных каналов, которые пройдут по всем полям в соответствии с природно-климатическими особенностями нашей страны, с ее весенними засухами и летними проливными дождями.

Эта величественная работа по преобразованию природы началась еще 21 мая 1946 года, когда вождь первым взялся за лопату, участвуя в работе по изменению русла реки Потхон.

Река Потхон была рекой бедствий, она ежегодно выходила из берегов, причиняя ущерб жителям и сельскому хозяйству района Западного Пхеньяна. В прошлом японские империалисты тоже намеревались обуздать эту реку, но после девятилетнего строительства забросили работу, не выполнив и половины предусмотренного планом. Однако под руководством вождя, вдохновлявшего народные массы на трудовые подвиги, это строительство было блестяще завершено всего за 55 дней. Это была замечательная победа, она доказала, что народ — покоритель природы, а не раб ее. Постройка канала на реке Потхон положила начало исторической грандиозной работе по преобразованию природы, которая впоследствии приняла всеобщий размах.

После достижения крупной победы в демократических преобразованиях вождь непрерывно ставил одну за другой новые задачи по преобразованию природы. Он не только сам высоко поднял первый факел в этой работе, но и энергично осуществлял руководство на селе, неся в село силу и знание.

Весной 1947 года и жители села Чунхек уезда Кэчхон вступили в борьбу за преобразование природы согласно указаниям вождя. Крестьяне тысячелетиями мечтали о воде, но

никто не осмеливался даже заикнуться об этом. Но теперь они решили превратить суходольные земли в заливные рисовые поля, перебросив воду из реки Чхончхон через «ущелье Пхиат». На стройке кипела работа, крушили горы, пробивая канал.

Это было ранним утром во второй декаде апреля. Великий вождь прибыл на стройку. Он был одет в скромную рабочую одежду и обувь, испачканные грязью, без устали работал среди крестьян, то помогая при земляных работах, то изучая вместе с ними чертежи; он всюду успевал, и никто из крестьян не узнавал в нем вождя.

В тени у подножия горы вождь увидел узелки с крестьянскими обедами и развязал один из них. Там оказалась совсем бедная еда.

Лицо вождя помрачнело. В эти длинные весенние дни крестьяне были заняты на тяжелых земляных работах и так плохо питались. Это обеспокоило любящее сердце вождя. В этой местности, где были тощие почвы и всегда не хватало воды, люди обходились в основном пайзой и чумизой, никогда не сея у себя риса. А весной иссякали запасы и этих круп, и крестьяне жили впроголодь. Они были счастливы от того, что жизнь улучшалась изо дня в день после освобождения страны, но вождя огорчал тот факт, что крестьяне еще не питаются рисом; это заставил его надолго задуматься. Он понимал, что от того, что им дали землю, жизнь крестьян не стала лучше. Он не раз говорил руководителям стройки: надо перебросить воду до начала пересадки рисовой рассады и уже в этом году получить хороший урожай риса.

Вождь уехал, тут же вскоре подошли секретарь партячейки и председатель сельского народного комитета и сообщили крестьянам, что тот, кто сейчас уехал, был уважаемый вождь Полководец Ким Ир Сен. Крестьяне были крайне удивлены и побежали на горку, за которой только что скрылась машина вождя. Они громко кричали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Взволновали крестьян события следующего дня. На стройку под звуки военного оркестра прибыли курсанты

Кэчхонской школы безопасности. Они просили поставить их на самые трудные участки стройки, ибо они прибыли по приказу вождя. Согласно указаниям вождя приехали также в помощь местным жителям из провинции Северный Пхеньан инженерно-технические работники и рабочие с насосами и другим оборудованием. Прибывали добровольцы и с других предприятий для оказания трудовой помощи. Таким образом постройка канала была успешно завершена до начала пересадки рисовой рассады. 100 га вновь созданных заливных полей были готовы для посадки рисовой рассады. А осенью крестьяне села Чунхек в «ущелье Пхиат» собрали с каждого га по 60 мешков риса, и это там, где раньше снимали урожай всего лишь по нескольку мешков пайзы.

Соорудив горы из мешков риса, сельчане вспоминали вождя, который не мог успокоиться при виде скудной пищи крестьян, они были полны решимости вечно носить в своих сердцах образ вождя, который помог превратить их засушливые земли в заливные, пригодные для выращивания риса.

Спустя некоторое время, в начале июня вождь посетил село Мирим и там вместе с крестьянами также высаживал рисовую рассаду.

Уважаемый вождь, окидывая любящим взглядом широкое рисовое поле, на котором кипела работа, говорил:

— Давайте все вместе дружно высадим рисовую рассаду на наделенной земле. После возвращения на Родину я первый раз высаживаю рисовую рассаду.

Вождь расчувствовался, высаживая рисовую рассаду вместе с крестьянами впервые после триумфального возвращения на Родину. В те тяжелые дни антияпонской войны он так тосковал по родной земле. Во время похода или у бивачного костра он с бойцами долго вел разговоры о земледелии. И вот теперь он на поле освобожденной Родины плечом к плечу с крестьянами аккуратно высаживает рассаду, обещающую обильный урожай. Ему все было мило: и полевой ветерок, и пение жаворонка.

Сопровождающие вождя работники не раз предлага-

ли ему передохнуть, но он не разгибаясь все ускорял темп пересадки. Мутное от ила поле заливного участка земли постепенно зазеленело и покрылось ровным весенним шелком. Каждый стебелек рассады, посаженный дорогим вождем, был стебельком, обещающим принести в жизнь крестьян радость, вечную весну на этой земле и давать ежегодно богатый урожай.

Крестьяне села Мирим бережно хранят в сердцах, как колыбель счастья, квадрат рисового поля, на котором вождь высадил первую, после освобождения страны, рисовую рассаду, и передают, словно прекрасную легенду, волнующие события того дня из поколения в поколение.

День, проведенный в горном селении

Претворив в жизнь мероприятия по улучшению жизни крестьян равнинных местностей и предгорий, вождь-отец все чаще обращал свой взор на районы крутых гор. Его беспокоила жизнь крестьян горных районов. И вот ранней осенью 1947 года он посетил отдаленное село Ынха уезда Яндок. Долго шел он по крутым горным тропинкам, где нельзя было проехать на машине, и наконец пришел в селение у ущелья Кучжи. Сюда лишь изредка захаживали охотники на тигров, иногда добирались торговцы солью, звеня бубенчиками, привязанными на шеи осликов.

Вождь остановился, огляделся кругом: в глаза ему бросились лоскутки вскопанной земли да глинобитные ветхие хибарки. Он подошел к одиноко стоящему домику и позвал хозяина. Вышел хозяин — старик лет семидесяти.

Вождь снял шляпу и тепло поздоровался с ним.

— Здравствуйте, дедушка.

— Здравствуйте. Наверное, из уездного центра? Вроде бы где-то видел вас...

Старик, наклонив голову, внимательно рассматривал его. Услышав разговор во дворе, повыскакивали из дома малыши. На всех была ветхая одежонка.

Глядя на них, вождь почувствовал острую боль в сердце. Он решил переночевать у старика и велел сопровождающим

его работникам приготовить ужин из риса и приправ на всех, включая и членов семьи старика, а детей угостить конфетами.

Великий вождь, сидя на соломенном мате в бедной крестьянской комнате, беседовал со стариком. Он подробно расспрашивал о жизни семьи старика, о здешнем земледелии. А потом в доступной форме разъяснил пути повышения жизненного уровня крестьян этой местности. Вождь рассказал ему, как надо внедрять передовые методы обработки земли в горных районах, и о том, как за счет посевов табака, который здесь хорошо родится, можно повысить денежные доходы.

Узнав, какие в этих местах растут съедобные и лекарственные травы и плоды, вождь на конкретных примерах пояснил, что если умело использовать дары гор, то можно улучшать жизнь без особых денежных затрат.

— Хм, здорово! На самом деле, получается, что все наши горы — деньги... Но, любезный, попрошу вас, чтобы вы рассказали все об этом нашим селянам. Уверен, что все будут слушать, навострив уши... — сказал старик, пораженный рассказом вождя. Вождь, смеясь, согласился.

Тем временем настала пора ужина. Вождь ужинал за одним столом со стариком, сидя напротив него и продолжая беседу. Старику было неудобно за то, что не он угощает гостей, а гости приготовили и подали еду сами.

— Пожалуйста, извините! Что-то получилось не то, вместо того, чтобы хозяин угощал гостя, все наоборот гость угощает хозяина. Право, мне стыдно... — пробормотал он извиняющимся голосом.

— Что вы, дедушка...

В это самое время к ним вбежал председатель волостного народного комитета, узнав о приезде дорогого вождя, и приветствовал его. Только тогда старик, узнав, наконец, вождя, захлопал глазами и посмотрел на его портрет, который висел на стене, повторяя про себя: «Старый, ослеп совсем...»

Великий вождь, понимая смущение старика, предложил

продолжить ужин, говоря, что, мол, и у него есть такой же дед, как он. Взволнованный старик совсем растерялся.

После ужина старик, беседовавший с вождем, вытащил из кармана потрепанную записную книжку и огрызок карандаша и с усердием записывал что-то. Потом он обратился к вождю:

— Дорогой Полководец, здесь я написал, что наш дом посетил Полководец Ким Ир Сен. Я передам эту книжку вот этим малышам.

Тут вождь, смеясь, сказал многозначительно:

— Лучше уж вы, дедушка, запишите: «Соберите с этих гор золото» и передайте потомкам.

Старик опустил седую голову, запоминая скромные и сердечные слова вождя, а затем посмотрел на окрашенные осенними красками горы.

В ту ночь вождь подробно рассказал крестьянам селения, как надо использовать несметные горные ресурсы, как надо обрабатывать землю, он говорил, что если делать это умело, то можно и в горах жить так, что не будешь завидовать жителям равнин. А после ухода селян вождь еще долго при свете лампы размышлял о жизни крестьян горных районов. Вождь и в прошлом в бревенчатом домике в тайге Пэкту много думал о строительстве новой жизни на освобожденной родной земле, разрабатывая великую программу возрождения Родины. А сегодня при свете лампы в горной захолустной хибарке на уже освобожденной Родине вынашивает планы лучезарного завтра наших деревень в горных районах страны.

На рассвете следующего дня великий вождь, сопровождаемый председателем волостного народного комитета, поднялся в горы. Он уже знал, какие деревья здесь растут, какие встречаются съедобные растения и лекарственные травы, и лично подсчитал, сколько можно их собрать. Добравшись до солнечной ровной площадки на возвышенности, он посоветовал устроить там пастбище и заняться животноводством, выращивая домашних животных.

Беспокоясь, чтобы вождь не устал, председатель воло-

стного народного комитета предложил спуститься. Но вождь-отец шел все выше в горы Кирин, находящиеся в 10 ли от дома старика, и говорил при этом:

— Давайте заберемся повыше. Ради того, чтобы как можно быстрее улучшить народную жизнь, нам надо побывать и под холодной предрассветной росой и первыми пройти сквозь колючий кустарник.

Спустившись в селение после осмотра местности, вождь еще раз сказал:

— Хорошо используйте богатства гор, создавайте крупные подсобные хозяйства, которые не потребуют вложения дополнительного капитала. В этих горах — несметное количество «золота».

Горы надо умело использовать. Если вы будете максимально использовать горы, то вы вскоре начнете жить богато, не завидуя жителям, которые сеют рис. Сейчас вы живете хуже, чем жители равнин, но в будущем хорошо станут жить все люди как в равнинных, так и в горных районах.

Уважаемый вождь окружал крестьян горных районов теплой заботой и указывал им путь улучшения жизни. После того, как вождь навестил эту местность, в жизни горных районов произошли большие перемены. Потомственные жители горных районов считали свою нищету непреодолимой предопределенной судьбой и, проклиная крутые, мрачные горы, тосковали по равнинам, а теперь они, благодаря мудрому руководству вождя, увидели, какие ценности и несметные богатства таятся в горах. Они как бы заново прозрели и почувствовали прилив новых сил. Не было конца радости крестьян горных районов, которые, разбудив горы, погруженные в крепкий, непробудный сон, своим трудом и песней превратили их в «золотые» горы.

Ныне все горы Кореи стали «золотоносными», они обогатили народную жизнь. Жители гор стали гордиться их высотой, начали их любовно воспевать, их не покидало теперь чувство гордости за то, что они являются хозяевами золотых гор. Эта славная история о золотых горах на-

чалась именно в ущелье Кучжи, в этом затерявшемся в горах захолустье уезда Яндок через два года после освобождения страны.

5

Американские империалистические агрессоры, захватившие в свои руки в Южной Корее всю реальную власть, чиня произвол, отчаянно пытались создать непреодолимую пропасть между Севером и Югом Кореи.

Империалисты США, напуганные растущим могуществом Северной Кореи и натолкнувшись на мощное сопротивление южнокорейского населения, в ноябре 1947 года несправедливо вынесли корейский вопрос на рассмотрение ООН, сфабриковали послушную им «Временную комиссию ООН по Корее» и вступили на путь создания в Южной Корее сепаратного «правительства». Империалисты США, собрав прояпонские элементы и национальных предателей из корейцев, готовили из них своих верных ставленников, неистовствовали, крепко держа Южную Корею в качестве колонии, фабрикуя марионеточную власть, возглавляемую их матерым приспешником Ли Сын Маном.

Коварные происки сменялись жестокими репрессиями. Палачи арестовывали, бросали в тюрьмы и убивали патриотов, борющихся за независимость Родины. Всякий раз, когда выступали отряды сопротивления, на них обрушивался огонь, как на войне. Каждый день лилась кровь, улицы городов и сел оглашали вопли измученного народа.

На юге страны сгущалась гнетущая атмосфера. Разделена на две части территория Родины, население ее южной половины оказалось в трагическом положении — на него надели тяжкое ярмо колониального рабства.

В сложившейся обстановке великий вождь Президент

Ким Ир Сен понял как величайшую национальную задачу предотвращение кризиса национального раскола и достижение объединения Родины, эту задачу следовало решать прежде всего. Вся его работа была проникнута горячим стремлением к объединению Родины.

Только великий вождь революции Президент Ким Ир Сен сможет преодолеть кризис, который грозил нации непоправимыми в истории последствиями.

В дни Совместного совещания представителей Севера и Юга

Великий вождь Президент Ким Ир Сен резко осудил гнусные происки американских империалистов, которые сфабриковали «сепаратные выборы» и «сепаратное правительство», и выдвинул четкий курс, направленный на достижение объединения и независимости на основе монолитного сплочения всего корейского народа.

«Я обращаюсь с призывом ко всему корейскому народу и всем демократическим силам, а также ко всем патриотам, жаждущим свободы и независимости нашей Родины, сделать все, чтобы сорвать коварный заговор врага, пытающегося расчленить нашу страну и снова поработить наш народ».

Призыв великого вождя заронил искру борьбы в сердца населения Южной Кореи. «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», «Сорвем заговор по сколачиванию сепаратного правительства!», «Корейский вопрос вправе решать только корейцы!» — скандируя во весь голос эти лозунги, народ Южной Кореи поднялся на борьбу, невзирая на вражеские репрессии.

С подъемом революционного духа народных масс промежуточные политические силы, которые колебались, наблюдая со стороны за изменением ситуации, переходили на сторону революции, и в стане правого крыла произошел серьезный раскол и обнаружились колебания.

Точно проанализировав обстановку и соотношение сил, великий вождь выступил с инициативой созвать Совмест-

ное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи ради достижения самостоятельного объединения и независимости Родины.

19 апреля 1948 года в Моранбонском театре в Пхеньяне открылось историческое Совместное совещание представителей Севера и Юга, вся нация возлагала на него большие надежды. В совещании участвовали представители от 56 политических и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Среди представителей Южной Кореи были не только делегаты рабочих и крестьян, но и люди без твердых политических убеждений, с голым патриотизмом и даже представители правых сил, враждебно относившиеся к революции.

Делегат Ким Воль Сон — седой старик, ему давно перевалило за семьдесят, а делегат Ким Чхан Сук — конфуцианец-ученый, которого принесли на руках товарищи. Он стал калекой (паралич обеих ног) вследствие 10-летнего тюремного заключения.

Солнце нации Президент Ким Ир Сен обращал особое внимание на таких делегатов. К 38-й параллели были посланы люди, чтобы тепло встретить южнокорейских соотечественников, окружить их заботой, обеспечить транспорт до Пхеньяна, позаботиться об их питании и отдыхе в гостиницах. Особое внимание было проявлено в отношении правых политических деятелей, которые должны были до прибытия в Пхеньян преодолеть серьезные колебания и тревогу. Это внимание исходило от вождя, который смог верно оценить их мужество и искренность, сумел их вдохновить и повести прямой дорогой объединения всех корейцев, независимо от их политических убеждений и взглядов.

Это исходило из пламенного патриотизма вождя, который решил во что бы то ни стало предотвратить трагедию людей южной половины страны, которые страдали по вине внешних сил. Ему была дорога целостность государственной территории и было дорого единство нации. Правда, у

этих политических деятелей запятнанное прошлое, но вождь искренне желал, чтобы они свои последние годы прожили достойно, преодолевая трудности, переживаемые страной; он хотел спасти их и сделать каждого из них настоящим человеком.

В историческом докладе, сделанном с высокой трибуны Совместного совещания представителей Севера и Юга, дорогой вождь изложил патриотический план, направленный на предотвращение раскола нации, на срыв махинации американских империалистов и создание единого центрального правительства на демократических началах, и призвал:

«Все, кто искренне любит Родину, должны решительно бойкотировать гибельные для страны сепаратные выборы. В этой общенациональной борьбе все, кому дороги судьбы страны и нации, должны сплотиться в едином строю независимо от партийной принадлежности, вероисповедания и политических взглядов».

Доклад вождя, проникнутый великодушием и благородным патриотизмом, вызвал глубокое волнение у всех людей. Особое воздействие он произвел на правых политиков, которые ни слова не могли сказать, выражали свои чувства междометиями, словно люди, оказавшиеся в синем море после нестерпимого зноя.

Они впервые в своей жизни были на совещании, где политика не подверглась осквернению властолюбием и где царил лишь хрустально чистый патриотический дух. Раньше на собраниях они наблюдали лишь беспорядок и хаос. На словах они ратовали за страну, а на деле с головой уходили в фракционную грызню или преследовали личные интересы. Они пренебрегали интересами народа, зато довольно часто возводили свои эгоистические утверждения в ранги «закона» или «приказа» с помощью власти и денег. Однако это совещание, направляемое несравненным патриотом и великим вождем, проходило в духе стремления к объединению и возвеличиванию страны, в духе ненависти к агрессорам.

И после окончания совещания великий вождь приглашал делегатов на различные мероприятия, горячо поддерживал их.

Торжественный массовый митинг жителей города Пхеньяна, устроенный 25 апреля в честь Совместного совещания, и последовавшая за ним грандиозная первомайская демонстрация были для них незабываемым на всю жизнь праздничным событием. Вождь выдвинул Ким Гу и других представителей правых сил в президиум, куда были устремлены взоры всех ликующих участников митинга. Отсюда они видели бушующее море радости счастливого народа, освобожденного и вступившего в новый демократический мир благодаря солнцу нации Полководцу Ким Ир Сену, им был виден и великий вождь, который со светлой улыбкой на лице посылал народу горячий привет. Благополучие народа, созданное благодаря его руководству, сплоченность, рождение великой силы, способной сдвигать горы и усмирять море, — все это для них было неожиданным и трогательным зрелищем. Они проливали слезы от гордости за сплоченность нации вокруг вождя и от благодарности за любовь человека, который дал им возможность быть в центре внимания ликующих людей. Это были для них первые слезы счастья.

Вождь разрешил гостям из Южной Кореи свободно посещать разные места Северной Кореи. Он хотел, чтобы они больше увидели, больше учились, побольше узнали и прониклись твердой верой в могущество Родины и нации.

Таким образом, они осмотрели культурные учреждения Пхеньяна, промышленные предприятия и деревни Севера. Они стали очевидцами сказочного мира, где народ, изнывавший тысячелетиями в тисках рабства, взяв в свои руки власть, создает новую жизнь, воспевая свой строй. Никто не остался равнодушным к увиденному. Ким Гю Сик на банкете, устроенном вождем, выразил чувства всех следующими словами: «Жизнь Юга напоминает обанкротившееся хозяйство, а здешняя — новое, процветающее».

Один из гостей, который в годы антияпонской революю-

ционной борьбы, учительствуя в уезде Фусун Китая, ознакомился с развернутой вождем великой борьбой, сказал: «То, что жизнь нашей страны направляет такой выдающийся руководитель, как уважаемый Полководец, счастье и величайшая слава нашей нации» и подтвердил свою решимость бороться, поддерживая высокий замысел дорогого вождя.

Ким Гу нашел новый путь на закате жизни

Не был исключением и случай с Ким Гу. Он в свое время в мутном политическом омуте Сеула ушел с головой в грызню-поединок с Ли Сын Маном за гегемонию. Он был главой группы правого крыла. После пребывания в Пхеньяне по приглашению великого вождя Президента Ким Ир Сена, он решил резко изменить свою жизнь. Он всеми силами души отстаивал так называемое «Шанхайское временное правительство». В дни господства японского империализма оно существовало лишь номинально, но националисты видели в нем будущее Кореи. Ким Гу долгое время был самозванным «антикоммунистическим борцом». Таким он прибыл в Пхеньян. Стало быть, сильные колебания и душевную борьбу он пережил уже до этого посещения.

Одчако его тревоги развеялись после того, как, прибыв в специальный дом для гостей в Пхеньяне, он распаковал дорожный чемодан, шел в зал заседания, на Совместное совещание Севера и Юга, и встретился с великим вождем Президентом Ким Ир Сеном.

Великий вождь искренне и горячо приветствовал его и оценил его участие в Совместном совещании Севера и Юга как патриотический поступок. Ким Гу был сильно тронут. Он привык всегда молчаливо оглядывать все вокруг и стоять на своем, изображая из себя важную персону. Но в этот раз он открыто выражал свою радость и удивление. Глядя на молодого вождя, символизирующего блестящее будущее нации, на его доброе и светлое лицо, сияющее благородством и незаурядным умом в сочетании с народ-

ной простотой, Ким Гу с чувством благодарности и волнения поклонился вождю, тепло приветствующему его. Он долго не мог поднять склоненную голову, как бы раскаиваясь в своем неверном прошлом.

Из-за обструкционистских происков американских империалистов и реакционеров Ким Гу и Ким Гю Сик пришли на совещание с опозданием. Заметив их, вождь даже объявил перерыв и устроил горячие овации по их адресу.

Видя, как на совещании вождь энергично разрабатывает меры по преодолению серьезных трудностей, создавшихся в стране, Ким Гу был восхищен его пламенной любовью к нации и незаурядным умом, признался, что он чувствовал себя в положении ученика, который не решил задачу и стоит перед учителем. Так что, когда вождь предоставил ему слово, Ким Гу, выразив полное одобрение его линии, не скрывал смущения и стыда, повторяя: «Я не мог учиться...»

После совещания в гостинице, будучи в приподнятом настроении, как всегда в минуты волнения по привычке то потирая руки, то теребя свой нос, Ким Гу говорил своему секретарю, с которым он приехал из Сеула:

— Нигде в этом мире не найдешь такого выдающегося руководителя, как Полководец Ким Ир Сен... Он учит, что как объединение Родины, так и процветание и развитие объединенной страны должны осуществиться самими корейцами без вмешательства иностранцев. Разве можно найти где-нибудь более ценные слова, чем эти!

Ким Гу всю жизнь по-своему отдал движению за независимость. Но живя в чужой стране, в чужом доме, за чужой счет и с постоянной оглядкой на других, он впервые познакомился с великими идеями чучхе.

Вождь-отец, несмотря на занятость, посетил гостиницу и допоздна откровенно беседовал с Ким Гу, а на массовом митинге лично познакомил его с ликующими участниками митинга, кроме того, он предоставил Ким Гу возможность осмотреть по желанию разные места и объекты.

Для Ким Гу знакомство с действительностью Севера

было подобно открытию нового мира. Народ, ставший хозяином страны и создавший все ценности, демонстрировал преимущества народно-демократического строя. Каждый раз, когда все увиденное завораживало его взор и волновало его холодное сердце, он не переставал восхищаться и в то же время страдал от самоунижения. «Антикоммунизм», который он долгое время проповедовал, как оказалось теперь, являлся всего лишь анахронизмом и бравадой, рожденной невежеством и предрассудками.

Ким Гу посетил также родной дом дорогого вождя в Мангендэ. В его представлении родной дом вождя должен был отличаться от домов простых людей, он должен был быть великолепным. Но посетив дом-музей, он был удивлен. Это — ветхая избушка, потемневшая от суровых житейских бурь на протяжении долгих лет. Но еще более удивило его то, что после освобождения страны дедушка уважаемого вождя, уже будучи в преклонном возрасте, по-прежнему работает. Горячий комок подступил к горлу, одно мгновение он посмотрел на огрубевшие от работы руки дедушки и спросил:

— Зачем Вам эта черная работа, у Вас внук — глава государства?

Тут же дедушка с теплой улыбкой на загорелом и покрытом морщинами лице ответил:

— На этом посту работает мой внук, а я — земледелец. Издревле говорят, что земледелие — основа основ вселенной. Так вот, лишь тогда, когда я буду старательно трудиться на земле, он сможет добиться успеха в политике.

Ким Гу не смог произнести ни одного слова. От дедушки он услышал самые мудрые слова за всю жизнь. Ему захотелось поклониться до земли благородству деда.

Скрестив руки на груди и согнув спину, он посмотрел на дедушку, занятого работой, и как бы постигнув великую истину, почувствовал прилив душевных сил.

Это было тогда, когда компания Ким Гу посетила революционное училище Мангендэ.

Учащиеся, построенные на спортивной площадке училища, приветствовали их звонкими голосами, напоминающими звук струй бьющего в ясное небо фонтана. У них всех одинаковая форма, одинаково светлые лица и одинаково счастливый блеск в глазах. Ни на одном из лиц не было ни следа печали сиротства или тени одиночества. Воспевая громко новый строй, они бодро маршировали перед гостями.

Ким Гу был очарован, как будто он стоит на пышно расцветшем цветнике. Но он так же, как и другие посетители, погрузился в глубокое раздумье.

Каких больших усилий вождю-отцу Президенту Ким Ир Сену стоило найти детей погибших революционеров и с какой заботой он растит их. Выслушав объяснение, Ким Гу не смог сдержать навернувшихся слез.

Какой это резкий контраст! Становилось больно от унижения его и его коллег в Южной Корее и от мысли о судьбе их детей, которых оставили в разных уголках Китая и не сумели до сих пор разыскать. Они подвергались не поддающимся описанию оскорблениям со стороны американцев и Ли Сын Мана, прозывавших их «нищими в Чунцине», а он сам даже не мог снять коллегам комнату. Но легендарный герой Полководец Ким Ир Сен, разослав людей во все концы света, разыскивает семьи и детей погибших борцов и окружает их теплой заботой. Ким Гу не мог выразить свои чувства иначе, как слезами умиления перед безмерной любовью вождя.

О тогдашнем Ким Гу его секретарь пишет:

«Заметив, что его лицо покраснело от волнения и часто стали моргать его влажные глаза, я знал, что он плачет в душе. Когда счастливые дети погибших революционеров своим бодрым маршем и веселыми, жизнерадостными танцами и песнями показали, как безмерно они гордятся тем, что растут в объятиях вождя-отца Полководца Ким Ир Сена, когда это заставило правых политиков, проживших уже большую часть жизни, задуматься над всем потерянным, господин Ким Гу тихо всхлипывал, как и

другие. Опустив голову, он не мог сдерживать слезы, падавшие капля за каплей».

Сила благотворного влияния дорогого вождя была так велика, что Ким Гу, находясь в Пхеньяне, казалось, день ото дня менялся.

Как-то ночью он не мог заснуть и вызвал к себе секретаря. Оглядывая вошедшего покрасневшими глазами, он заговорил, тяжело вздыхая.

— Признаюсь, я плохо прожил свою жизнь. Несколько ночей я раздумывал о прошлом и о своих делах и пришел к выводу, что жизнь прожита бессмысленно!..

Беспрерывно куря, он подошел к окну и, поглядев на ночное небо Пхеньяна, обернулся и продолжал:

— Послушай, я уже давно знал, что Полководец Ким Ир Сен достойный человек. Давно известно мне то, что он наделен исключительными военными способностями. Но не знал, до чего дошло его величие. Он не только окружает весь народ теплой заботой, но и четко видит общую ситуацию, им даже разработан конкретный план изгнания янки и объединения страны. Его действительно ниспослало небо!

— Господин, я решил отдать свою жизнь за дело, указанное Полководцем Ким Ир Сеном, — ответил его секретарь.

Тут Ким Гу, ударяя кулаком по колену, воскликнул:

— Верно, послушай, я собираюсь отдать Полководцу Ким Ир Сену печать нашего «Временного правительства»! Этот штамп был для меня и честью и жизнью. Отдам его с почтением уважаемому Полководцу!..

Грудь секретаря распирало от волнения. Он услышал горькое признание политика, который гордо держался в течение всей своей жизни.

Так называемая печать «Временного правительства» представляла собой ценность, которую Ким Гу и члены «Временного правительства» охраняли жизнью. Ким Гу твердо верил в то, что «Временное правительство» — это кровавый плод Первомартовского движения. Он хранил

печать, словно это был единственный символ «законной основы власти», ни на минуту не расставаясь с нею ни в Шанхае, ни во время эвакуации в Чунцин, ни тогда, когда он шел по дороге в десятки тысяч ли, возвращаясь в Сеул. Решение передать эту яшмовую печать субъективного «королевства», склонив голову, великому вождю — означало целиком отдать ему всего себя. У семидесятилетнего предводителя лагеря правого крыла Ким Гу, чьи убеждения и взгляды отличались непреклонностью и твердостью, произошел переворот в жизни — это редкое явление.

Итак, Ким Гу, который с раннего периода своей деятельности носил идею анахронического «антикоммунизма», запахнувшись в старое националистическое турумаги, и бродил во мгле, не чувствуя требований времени, возродился новым человеком, у которого открылись глаза и проснулась душа под лучами великих революционных идей и благородной личности любимого вождя Президента Ким Ир Сена.

После этого Ким Гу вернулся в Южную Корею, где искренне пропагандировал высокие политические убеждения и благородную мораль вождя, разоблачал перед всем миром агрессивную политику и продажные акты американских империалистов и клики Ли Сын Мана. Обеспокоенные высказываниями Ким Гу, отстаивающего самостоятельность нации и осуждающего предательские действия, американские империалисты в конце концов зверски убили его.

Таким образом, вождь-отец на апрельском Совместном совещании представителей Севера и Юга наметил новую линию, направленную на предотвращение раскола нации и достижение объединения и независимости Родины, помог многочисленным националистам, в том числе Ким Гу, и другим осознавшим положение людям влиться в поток грандиозной борьбы народа. И вот под напором сплоченной воедино общенациональной борьбы Северной и Южной Кореи полностью были сорваны результаты сепаратных «выборов», проведенных врагами 10 мая.

6

После апрельского Совместного совещания представителей Севера и Юга гибельные для государства сепаратные выборы, проводившиеся 10 мая американскими империалистами и южнокорейскими реакционерами, были полностью сорваны сплоченными демократическими силами Северной и Южной Кореи. Но враги путем различных махинаций добились проведения «выборов» и в конце концов сфабриковали марионеточную власть, главарем которой стал Ли Сын Ман. Это еще более усугубило опасность вечного разъединения нации.

Гений революции Президент Ким Ир Сен с целью немедленно исправить создавшееся трудное положение, желая дать народу Северной и Южной Кореи единую подлинную Родину, выдвинул безотлагательную задачу создать Корейскую Народно-Демократическую Республику. Таким образом, историческими всеобщими выборами на Севере и Юге он создал 9 сентября 1948 года Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Верховное Народное Собрание, которое провозгласило всему миру создание Корейской Народно-Демократической Республики, сформировало правительство Республики и избрало любимого вождя Председателем Кабинета Министров. Избрать его главой государства — было страстным желанием и выражением безграничного уважения и преданности всего народа Северной и Южной Кореи. Действительно, в результате образования Корейской Народно-Демократической Республики во главе с уважаемым вождем, наша Родина, которая долгое время не имела своего цвета на карте мира, стала достойным суверенным, не-

зависимым государством, сине-красный флаг которого реет над одним уголком Востока, а наш народ, который в прошлом, лишившись страны по вине иноземных империалистов, подвергался дискриминации, стал славным народом могучей, достойной чучхейской Родины.

Напуганные этим американские империалисты и клика их марионеток состряпали план по долговременному пребыванию войск США на территории Южной Кореи, увеличили агрессивные вооруженные силы и активизировали у 38-й параллели провокационные действия для развязывания войны.

В такой обстановке вождь, чтобы пресечь происки врагов, направленные на расчленение нации, на развязывание войны, чтобы открыть путь к объединению Родины, в июне 1949 года создал Единый демократический отечественный фронт, куда вошли патриотические и демократические силы различных слоев населения Северной и Южной Кореи, и призвал выдворить американских империалистов из Южной Кореи и осуществить мирное объединение Родины собственными силами самого корейского народа.

В это время вождь с целью дальнейшего укрепления революционной базы северной части Республики — прочного залога объединения Родины — энергично осуществлял руководство на месте работой многих заводов и деревень. Крестьяне с высоким энтузиазмом работали на земле, которую они получили по земельной реформе, и собирали богатые урожаи. Труд на своей земле принес свои плоды! Крестьяне стали строить себе дома под черепичной крышей, покупать в хозяйство волов. Но вождь, не удовлетворяясь этим, искал пути для дальнейшего улучшения жизни крестьян и лично руководил на месте форсированием строительства грандиозной Пхеннамской ирригационной системы, невзирая на ненастье. Он бывал повсюду: то посещал Пхеньянскую текстильную фабрику и строительные площадки будущих жилых домов, то навещал местные предприятия и деревни, прилагал все усилия для то-

го, чтобы развивать экономику и делать жизнь крестьян зажиточнее.

День, когда рыдала вся страна

21 сентября 1949 года была среда. Великий вождь отправился в путь для руководства на месте работой уезда Тхосан провинции Хванхэ. В этот день у уважаемой Ким Чжон Сук обострилась болезнь, которой она страдала уже давно, но она, преодолевая нестерпимую боль, улыбалась, чтобы не тревожить вождя, уезжавшего по важному делу. Как всегда, она проводила вождя, отправлявшегося в далекий путь до самых ворот.

Но кто мог знать, что это утро было последним ее утром.

Она уже давно тяжело болела. Вождь делал все возможное, чтобы вылечить ее. Год тому назад он пригласил к себе известного народного лекаря из Канге, который лечил ее больше 40 дней.

Врач сначала полагал, что у уважаемой Ким Чжон Сук болезнь легкая. Но в ходе осмотра он понял, что у нее запущенная, серьезная болезнь, и это не могло не тревожить. Врач не раз спрашивал о начале болезни, но она упорно молчала. Однажды она не охотно сказала:

«В годы антияпонской вооруженной борьбы нередко бывало, что во время трудных походов вдруг кончалось продовольствие, тогда мы варили кожаную обувь и кожаные пояса и утоляли этим варевом голод. Порой из-за «карательного отряда», бешено наседавшего на нас, мы не могли варить кашу, жевали сырую крупу, но шли дальше. Бывало, что зимой в метель из-за проклятого «карательного отряда» мы не смели разводить костры и подолгу лежали на снегу...»

Старик, понявший причину ее заболевания, о которой он не мог даже помыслить, был охвачен чувством почтения. Он пытался лечить ее, отдавая со всей искренностью свои медицинские знания, накопленные долголетним опытом и практикой. Но болезнь не поддавалась лечению, и

врач, о котором ходила слава как о человеке, способном вылечить от любой болезни, признал себя бессильным и в конце концов смущенный вернулся домой. Эта болезнь возникла и развилась в трудные дни антияпонской вооруженной борьбы.

Адъютант, узнав о серьезности ее состояния ночью того дня, когда вождь должен был отправиться в путь, хотел сообщить ему об этом, но она упросила его не говорить вождю ничего. Когда состояние больной стало критическим, адъютант снова попытался сообщить вождю об этом, но она, беспокоясь о работе вождя, сказала: «Если уж вы так хотите, то не говорите ему, что я серьезно больна, только узнайте, когда Полководец вернется». Как ей хотелось, чтобы вождь находился возле нее. Но она думала больше о его работе. Даже в болезни ее душа была полна преданности вождю. Она с тем же чувством, с каким поддерживала вождя, отдавая всю себя в годы суровейшей войны против японских империалистов, и теперь смотрела в окно, желая ему вечной славы и успехов на избранном им пути.

Великий вождь, получив сообщение о болезни жены, вернулся домой за полночь, но она была уже без сознания. Через несколько минут, придя в сознание, она узнала вождя, стоявшего у кровати. В глазах ее, смотревших на любимого вождя, блестели слезы, чистые, как росинки.

Она светло улыбнулась и сказала вождю:

«...Уже глубокая ночь. Обо мне не надо так беспокоиться. Идите и заканчивайте начатую работу. Я чувствую себя легче...»

Но состояние ее ухудшалось стремительно, и никакие лекарства не давали эффекта.

Ночью 22 сентября 1949 года в последний час своей жизни она ярким взором, который излучал свет, все искала и искала любимого вождя, которого она поддерживала пламенной страстью своей короткой жизни, преисполненной трудностями, подвигами и славой.

Вождь был для нее сама жизнь и надежда, любимый

родной край, Родина и вся вселенная. Поэтому она посвятила вождю всю себя до последнего биения сердца, до последнего дыхания и до последней мысли.

Она тихо закрыла глаза.

Кончина ее была для всего народа слишком большой утратой. Как же могло случиться такое? Что могло затуманить ее нежные глаза, полные теплой любви, способной устранять всякие трудности и подобно солнцу плавить снег и заставлять цвести даже камень, и что же могло омрачить ее яркое улыбчивое лицо, отражавшее кристально чистую и добрую душу! Неужели больше нельзя будет услышать ее нежные, сердечные и мудрые слова, ее звонкую песню!..

Товарищ Ким Чжон Сук ни на минуту не бросала работу, говоря: «Человек должен работать, лишь в работе смысл жизни».

Товарищ Ким Чжон Сук говорила: «В день, когда Родина будет объединена, революционеры будут вправе сказать, что они выполнили свой непосредственный долг», но она ушла во цвете лет, в 32 года, так и не дождавшись этого дня.

К покойной прибежали раньше всех женщины, боровшиеся вместе с ней. Сначала они не могли даже плакать от сильного потрясения. Но кто-то из них вдруг начал горько, как ребенок, плакать и все зарыдали.

Они стали искать в платяном шкафу, во что одеть покойную. Но у нее не было новой одежды, кроме одной юбки. И они плакали, обняв ее скромную одежду. Одна из женщин — участниц вооруженной борьбы, которая вернулась на Родину вместе с Ким Чжон Сук, на базаре, вспоминая тяжелое прошлое, попробовала вместе с ней лепешки из сосновой коры, и теперь снова заплакала, глядя на еду, которую готовят на поминальный стол.

И небо темнело от горя, и земля была залита слезами.

А какова была печаль и скорбь вождя!

Вождь, силой воли превозмогая боль невыносимого горя, говорил:

«Товарищ Ким Чжон Сук была беззаветно предана мне. Во время партизанской борьбы в горах она сушила для меня мокрое белье на своем теле, когда нельзя было разводить огонь из-за усиления «карательной операции» врагов.

Она делала все ради товарищей и никогда не заботилась о себе. Она была революционерка, которая все откладывала розыск своих родственников; она говорила, что хотя Родина и свободна, но все еще не объединены Север и Юг, ситуация по-прежнему сложная, поэтому ни на минуту нельзя покидать свой пост.

Если бы она в те тяжелые годы хоть раз как следует поела, если бы она тепло одевалась и жила спокойно, то я бы не говорил об этом.

Вся ее жизнь прошла в мытарствах, и она ушла раньше меня. Это доставляет мне непередаваемые душевные муки».

Все люди, слушавшие эти причитания вождя, вспоминали жизненный путь товарища Ким Чжон Сук, украшенный легендой, и ее благородный человеческий облик и снова не могли сдержать слезы горя от большой утраты, которую ничем нельзя восполнить.

Путь верности

Революционная жизнь уважаемой Ким Чжон Сук началась заботой великого вождя и кончилась на пути преданности ему.

Товарищ Ким Чжон Сук родилась в бедной патриотической семье, в раннем возрасте она лишилась родителей и братьев, которые были убиты японскими империалистами, и для нее не осталось ничего, кроме революционной борьбы. Она встала на путь революции и получала указания от великого вождя в партизанском районе Саньдаованъ. В незабываемых лесах Маньцзян она снова встретилась с великим вождем и со слезами на глазах рассказала ему о пережитой ею семейной трагедии, о которой она до того не поведала никому...

С этого момента она, находясь в непосредственной

близости от вождя, в любой обстановке надежно защищала его, готовила пищу и оказывала ему другие услуги, с честью выполняла она и революционные задания. В бою под Дашахэ в критический момент, когда находившиеся совсем близко враги прицелились в вождя, она, заслонив его своим телом, выстрелила во врага. Во время трудного похода бывало порой и так, что она была вынуждена на голове нести котел с горячей похлебкой, сушила на груди одежду и гетры вождя, которые стирала в ледяной воде. Когда вождь упрекал ее за это, она только улыбалась, опустив голову...

Выполнить порученную вождем революционную задачу доставляло ей безграничную радость, являлось для нее высшей честью. Поэтому во время подпольной работы ей вождь доверил хранить тайну организации, и в самой критической обстановке она сделала это, пренебрегая смертельной опасностью, и вернулась, блестяще выполнив революционную задачу.

Великий вождь смог триумфально вернуться на Родину, сохранив крепкое здоровье, после всех тягот антияпонской вооруженной борьбы, длившейся добрых 20 лет, благодаря искренней заботе таких настоящих и преданных товарищей по революции, как Ким Чжон Сук!

Путь преданности продолжался и после освобождения страны. Не успев отдохнуть после столь трудной борьбы, она охраняла великого вождя и прилагала все усилия к тому, чтобы помогать ему в великом революционном деле. Она с победой вернулась на родную землю и прямо приехала в Пхеньян, не заезжая в родной край — Хверен.

Каждый раз, когда борцы советовали поехать на родину разыскать родственников, уважаемая Ким Чжон Сук говорила:

«Разве я не хочу найти родственников?.. Но Полководец так занят работой по строительству государства, и как же я могу оставить дом? Японцы изгнаны, но теперь американские империалисты гнездятся в Южной Корее... Ситуация весьма сложная. В такой сложной об-

становке Полководец работает без сна. Я не буду разыскивать родственников до тех пор, пока не стабилизируется жизнь страны. На меня по-прежнему возложена важнейшая задача — охранять Полководца».

Сняв военную форму, она по-прежнему оставалась в личной охране, служила бессменным часовым и в то же время была заботливым, строгим начальником караула и защищала грудью любимого вождя.

Вот что было однажды в первые месяцы после освобождения страны, когда ситуация была еще очень сложная. Вечером вождь позвал товарища Ким Чжон Сук вместе с женщинами-работницами к себе и беседовал с ними. Неожиданно раздался выстрел недалеко от большой дороги. Погасло электричество. Время было тревожное, враги действовали за кулисами. Великий вождь подошел к парадному входу, чтобы узнать, в чем дело. В этот момент впереди что-то щелкнуло. Ким Чжон Сук заряжала пистолет. В темноте доносились голоса вождя и товарища Ким Чжон Сук.

— Нельзя. Идите в комнату.

— Ничего. Узнаем, в чем дело.

— Нельзя. Нельзя выходить на улицу. Это требует охрана.

Она была решительна. Вскоре зажегся свет. В этот миг женщины-работницы, находившиеся в комнате, увидели ее, она стояла, олицетворяя собой преданность в буквальном смысле слова. Облик уважаемой Ким Чжон Сук, которая подняла пистолет на уровень груди, держа палец на спусковом крючке, а левой рукой взялась за ручку парадной двери, готовая сейчас же броситься вперед со сверкающими огнем глазами, напоминал скульптурное изображение, олицетворяющее всю земную красоту и благородство.

Ее преданность вождю соединяется воедино с безграничной любовью к сыну. Это было глубокой ночью. Стояла поздняя осень 1948 года. Сын уже заснул, а она возле него довязывала рукав шерстяного свитера. Оказалось,

пришитый рукав был длиноват, и женщина, гостившая у нее, сказала об этом. Она, улыбаясь, ответила:

— Не только рукава, но и свитер еще велик. Вырос бы скорее, чтобы свитер стал зимой впору...

— С годами он все больше походит на Полководца! Совершенно похож!.. Одновременно он чем-то похож на Вас, — сказала гостья, восхищенная ее горячим материнским чувством.

Товарищ Ким Чжон Сук смотрела на сына полным любви взглядом и сказала:

— Зачем быть похожим на меня, надо быть похожим на отца...

Она была убеждена, что сын будет полностью овладевать всем величием вождя.

Как-то сын разобрал игрушку, но она не упрекала его, она увидела в этом его необыкновенный исследовательский пыл и радовалась. Однажды, когда сын, стоя возле часового с деревянной винтовкой в руке и делая строгое выражение, говорил: «И я буду защищать отца!», она представляла себе будущее Родины, ее сердце переполняло чувство доверия.

Уважаемая товарищ Ким Чжон Сук — непреклонная коммунистическая революционерка-борец, самая преданная великому вождю, она была олицетворением благородной любви. Она страстно поддерживала великое благородное дело вождя и вкладывала всю любовь в дело воспитания замечательного сына. Эта страсть, эта искренность, эта любовь были так горячи и благородны, что их нельзя ни с чем сравнить.

Белые абрикосы, которые будут вечно цвести

Встретив скорбную весть о кончине уважаемой Ким Чжон Сук, народ страны был охвачен безмерной печалью. Особенно велика была скорбь людей, которые были согреты теплой заботой и любовью товарища Ким Чжон Сук сразу после освобождения

страны. Они, вспоминая незабываемые минуты, плакали не переставая.

В один из декабрьских дней 1946 года работница, которая была в большой дружбе с Ким Чжон Сук, посетила резиденцию по ее приглашению. Ким Чжон Сук тепло встретила гостью и вытащила из платяного шкафа шелковый отрез желтовато-зеленого цвета на кофту и отрез шерстяной ткани черно-синего цвета на юбку и сказала:

— Мне достали эти отрезы. Идут ли они мне?

— Идут! Наденете такую кофту с юбкой, будете выглядеть на 5 лет моложе.

На эти слова подруги Ким Чжон Сук ответила веселым смехом.

— Хорошо! Если они подходят мне, то и вам, наверное, подойдут тоже...

Товарищ Ким Чжон Сук, глядя на подругу, смущенную от неожиданных слов, продолжала:

— Еще в начале нынешнего года, когда мы встретились впервые, я заметила, что вы всегда носите черный костюм или одежду темно-синего цвета. Это не очень хорошие ткани, но сшейте, пожалуйста, себе что-нибудь. Неудобно же ходить всегда в одежде темного цвета... Пока вы молоды, надо носить одежду из красивой ткани.

— Спасибо, но как же я возьму, когда это Вам... А мне подходит этот костюм.

Женщина-работница всячески отказывалась, но товарищ Ким Чжон Сук приложила ткань к ней и, довольная результатом, смеялась.

— Надо же мне знать, как вы достали эти отрезы. Вы покупали это специально для меня? — спросила работница, не смея больше отказываться.

Товарищ Ким Чжон Сук ответила:

— Нет, это просто были отрезы на платье.

Она отдала подруге ткань.

Позже женщина узнала, что из этих тканей хотели сшить уважаемой Ким Чжон Сук одежду по случаю дня

ее рождения 24 декабря. А сегодня эта одежда стала памятью, оставленной умершей!

Подруга горько плакала, прижав одежду к груди и орошая ее слезами.

В какой-то душный летний день беременная женщина с большим узлом на голове шла по многолюдной улице Пхеньяна. Товарищ Ким Чжон Сук взяла у нее вещи и, неся их на голове, шла до холма, который был далеко от трамвайных путей. Женщина была вынуждена следовать за ней с виноватым видом. Вспоминая это событие, она горько рыдала. Мотальщица-девушка Пхеньянской кокономотальной фабрики плакала, закрыв лицо руками, которые поглаживала уважаемая Ким Чжон Сук с жалостью, говоря, как они обожжены.

Когда шел дождь, товарищ Ким Чжон Сук покрыла дождевиком будку часового, чтобы не протекала крыша. Она, оставив поиски своих родственников, часто посещала детей павших революционеров, сама стирала им белье и готовила кимчхи. Дети, о которых она так тепло заботилась, горько плакали от печали, словно лишились родной матери.

Ким Чжэ Вон, крестьянин, живший в провинции Хванхэ, когда-то посетил резиденцию любимого вождя. Он пригнал повозку с рисом, который хотел пожертвовать государству. В тот день уважаемая Ким Чжон Сук в простом платье сердечно встретила крестьянина, который пришел издалека, и вместе с ним выгрузила тяжелые мешки с рисом.

Она обращалась с ним так скромно, что крестьянин и не узнал, кто эта женщина, которая стоит перед ним, и говорил, что в Пхеньяне сбылась наконец его мечта увидеться с Полководцем, но, к сожалению, ему еще не довелось встретиться с его супругой. Уважаемая Ким Чжон Сук сказала: «Я встретила вас и помогла разгрузить мешки с рисом, но, кажется, мне следует еще раз поприветствовать вас», — и улыбнулась. Крестьянин Ким Чжэ Вон вместе с сельчанами вспоминал скромный и благородный об-

лик уважаемой Ким Чжон Сук и плакал, стуча кулаком по полу. Тысячи и сотни тысяч корейцев плакали в тот день. Думая о ее горячей любви и благородстве, ее оплакивал весь народ.

Бабушка вождя больше всех горевала о том, что она так рано ушла. Бабушка Ли Бо Ик говорила в слезах людям, которые пришли выразить соболезнование.

«Как же ушла она от нас, такая сердечная и добрая... Она пришла вместе с нашим Полководцем после освобождения... Как она искренне заботилась о нас, стариках... Я вспоминала отца и мать нашего Полководца, но не говорила об этом, потому что все бы стали переживать...»

Бабушка, вытирая слезы носовым платком, продолжала:

«Им не довелось увидеть эту сноху... не пришлось испытать на себе ее необыкновенную почтительность... Кто знал, что случится такое? Должна была уйти я, старая, а не она, такая молодая и красивая...»

Она в юном возрасте смело прошла сквозь море огня жестоких сражений, но так рано ушла, оставив этот мир. Я думала, что жена внука, которая вернулась через столько лет после того, как ушли старший сын и его жена, будет оплакивать меня, но она, такая искренняя и такая молодая, ушла рано, оставив старую бабку своего мужа... Как же может быть такое, горько запричитала бабушка, поглаживая рукой порог двери.

Наступил новый год. Деревья распускали молодые ростки. Дни вождя были заполнены делами. Но печаль по товарищу Ким Чжон Сук наведывалась в любой момент. Печальные воспоминания приходили и тогда, когда он играл с родными детьми, и тогда, когда он один гулял в саду.

Во дворе пышно цвели белыми цветами абрикосы, это цветение напоминало ласковую улыбку теплой весны. Густо расцвели ослепительно белые цветы на всех ветках. Вождь, глядя на цветы, задумывался.

«В этом году так пышно расцвели белые абрикосы, но она, которая так любила их...»

Вождь, который долго и безмолвно ходил между абрикосовыми деревьями, позвонил в партком уезда Хверен провинции Северный Хамген.

— А у вас расцвели белые абрикосы? Сейчас в Пхеньяне они пышно цветут...

Председатель парткома уезда Хверен, с которым говорил вождь, не понимая смысла вопроса вождя, ответил, что у них тоже все в белом цвету. Если бы председатель знал, что во дворе родного дома уважаемой Ким Чжон Сук в уездном центре Хверен было старое белое абрикосовое дерево, он не мог бы ответить от волнения!

В весенний день, когда белые абрикосы стояли в цвету, резиденцию вождя посетила женщина, которая раньше работала здесь. Это было в воскресенье, вечером вождь читал книгу в саду. Уважаемый вождь вышел в задний двор вместе с женщиной, которая горевала по товарищу Ким Чжон Сук. Там стояли два глиняных чана для хранения жидкой сои. Из чана, нагретого солнцем, соя лилась через край.

Уважаемый вождь, увидев это, задумался и сказал:

«Товарищ Чжон Сук приготовила корейскую сою, которую я так люблю. Нет теперь хозяйки, и никто не вытирает льющуюся через край сою!»

Вождь попросил принести кухонное полотенце и все вытирал чан от сои, а печальное лицо его опускалось все ниже.

Ах! Уважаемый вождь, не надо так печалиться! «Надо перенести чаны в другое место, чтобы вождь не видел их!» — думала женщина, с трудом сдерживая нахлынувшие чувства тоски и жалости.

Вождь охрипшим от волнения голосом едва слышно сказал, что нет больше такого товарища, как Чжон Сук, что сотни других не заменят ее одну. Женщина не в состоянии была больше сдерживаться и после таких слов заплакала, обняв чан, который все еще хранил тепло руки уважаемой Ким Чжон Сук.

Уважаемая Ким Чжон Сук скончалась, но ее револю-

ционные заслуги будут вечно жить в памяти нашего народа. Ее образ будет вечно жить в великом революционном деле. которое осуществил и осуществляет великий вождь, в великом деле мудрого сына, которого она выращивала как опору будущей Кореи, в рядах и песнях народа, идущего вперед, в улыбках детей.

Пусть пройдут века и тысячелетия, но все грядущие поколения с теплотой в сердце будут открывать для себя на примере благородного жизненного пути уважаемой товарища Ким Чжон Сук — непоколебимой коммунистической революционерки-борца настоящий смысл дорогой и прекрасной жизни, который должен знать каждый челове

Глава пятая

ТЫСЯЧИ ЛИ ФРОНТОВОЙ ДОРОГИ, ОВЕЯННОЙ ЛЮБОВЬЮ

1

Взяв на себя ответственность за судьбы Родины . . . 222

Смерть агрессорам — освобождение Югу 226

Великая победа в Тэчжоне . . . 228

Навестив фронтовиков 230

2

Новый мир на освобожденной земле . 234

В одном крестьянском доме на Юге . . 239

3

Любовь, позволившая перенести испытания 244

«Песня о Полководце Ким Ир Сене», сотрясающая небо и землю 247

Новая легенда в Косанчжине . . 249

4

«Что мы дали этим детям?» . . . 253

Мальчик, растущий у оперативного стола 258

5

Когда умер боец, которого он больше всех берег и любил . . 263

Чтобы вписать в историю подвиги солдат 271

6

Тысяча ли по Восточному и тысяча ли по Западному побережьям . . . 274

Среди солдат . . 277

1

В июне 1950 года по вине империалистов США и их лакеев — лисынмановской марионеточной клики в Корее сложилась крайне опасная обстановка. Не прекращались провокационные действия на 38-й параллели, противник сконцентрировал силы марионеточной армии и активизировал вооруженные провокации против северной части Кореи. Атмосфера накалялась, в любой момент могло вспыхнуть пламя войны.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, зорко следя за агрессивными действиями врага, терпеливо проводил политику, направленную на преодоление опасного кризиса и достижения мирного объединения Родины.

Вождь не хотел войны. Корейский вопрос необходимо и можно решить силами самих корейцев, мирным путем, а не путем войны, — таково его незыблемое убеждение и неизменная позиция, об этом он не раз заявлял и в стране и за ее пределами. Исходя из этого, 7 июня того же года, когда янки и их приспешники прибегали к открытым военным провокациям, по его инициативе ЦК ЕДОФ выдвинул предложение о создании единого высшего законодательного органа на основе всеобщих выборов на Севере и Юге, а впоследствии Президиум ВНС КНДР предложил южнокорейскому «парламенту» осуществить мирное объединение Родины путем слияния Верховного Народного Собрания КНДР и «парламента» Южной Кореи в единый всекорейский законодательный орган.

Пламенная любовь великого вождя Президента Ким Ир Сена к соотечественникам, который стремился во что бы то ни стало предотвратить войну, сопровождающуюся кровопролитием, и добиться мирного объединения

страны, встретила единодушную поддержку не только корейского народа, но и всего прогрессивного человечества.

Однако американские империалисты и их ставленники, стремившиеся к агрессии, на рассвете 25 июня 1950 года на предложения нашей Республики о мирном объединении ответили внезапной преступной агрессивной войной против северной части Кореи.

Вероломное нападение противника вызвало гнев великого вождя Президента Ким Ир Сена. Он принял контрмеры и одновременно, желая предотвратить расширение войны, строго предупредил противника о немедленном прекращении преступного вооруженного вторжения. Но враги, продвинувшиеся вглубь территории на Север на 1 — 2 километра по всему району от 38-й параллели, все больше активизировали свои действия.

Наша Родина оказалась перед лицом высшей опасности, наш народ вынужден был временно прекратить мирное строительство.

Взяв на себя ответственность за судьбы Родины

Как известно, американский империализм, намеревавший проглотить нашу Республику, развязал войну против нее. Он является в глазах народа крупнейшим агрессором и грабителем, который уже провел более 110 захватнических войн и добился процветания за счет крови и жертв других наций и государств. Он — самый омерзительный и крупный захватчик, бахвалившийся «мифом» о своем непобедимом «могуществе» в мире.

Еще сто лет тому назад американский империализм, придавая стратегическое значение Корейскому полуострову, намеревался его захватить. А после второй мировой войны, пользуясь удобным случаем оккупации Южной Кореи, он планировал проглотить всю Корею и, используя ее в качестве трамплина, захватить Азиатский материк, уничтожить социалистические страны и установить господство над миром.

Северная часть Республики, цветущая, развивающая-

ся как мощная демократическая база корейской революции, была для американского империализма бельмом на глазу. Американский империализм спровоцировал агрессивную войну, чтобы уничтожить нашу молодую Республику и избавиться от все усугублявшегося в то время в США экономического кризиса и внутренних противоречий.

На долю КНДР, которой не было и двух лет, выпали суровейшие испытания. Корейский народ стоял на рубеже жизни и смерти.

Стальной полководец Верховный Главнокомандующий Корейской Народной Армии Маршал Ким Ир Сен, взяв на себя всю тяжесть ответственности за судьбы Родины и народа, смело пошел навстречу вызову американского империализма.

Народ, который на протяжении почти полувека вел горькую жизнь колониального раба под игом злостного японского империализма, стал хозяином страны и, сбросив одежду из мешковины и чипсин (соломенные лапти), ликвидировав горестную неграмотность, приступил к строительству новой Родины и новой жизни. И за эти пять лет народ Северной Кореи не замечал, как летит время от бившей через край радости созидания и строительства, которую он испытывал впервые в своей жизни. Рабочие, которые своими руками восстановили разрушенные японскими империалистами заводы и фабрики и выпускали продукцию, были опьянены радостью созидания, а крестьяне пели о счастье, выращивая богатые урожаи на полях, где в прошлом на их долю выпадала лишь «печаль». Эти дни были как праздник.

Американские империалисты и их приспешники вторглись в страну, где юноши и девушки осваивали знания и готовились к будущему труду в учебных заведениях всех ступеней, в страну, где по вечерам женщины деревни, взяв под мышки свертки с книгами, спешили в школу азбуки или в школу для взрослых.

Великий вождь, горя гневом к врагу, встал во главе

нации во имя защиты этой земли и ее народа, преисполненного радостей новой жизни. Вождь решил сорвать планы американских империалистов и их приспешников, которые были направлены на то, чтобы свергнуть установленный в северной части Республики народно-демократический строй и навязать эксплуататорский строй; в то же время он стремился превратить навязанную американцами агрессивную войну в освободительную войну за спасение южнокорейского народа, до сих пор изнывающего под гнетом.

Вождь больше всех болел душой из-за раскола государственной территории и нации по вине американских империалистов. Когда народ северной половины страны, имея свою народную власть, строил новую жизнь, ее южная половина, освобожденная в один и тот же день, вновь стала жертвой колониальной политики порабощения, проводимой американскими империалистами, которые пришли на смену японским империалистам. Плодородная земля была превращена в военные базы американских империалистов, население изнывало в тисках нищеты и бесправия, над Югом не стихал жалобный стон людей, жаждущих свободы, демократии и объединения.

Агрессор господствовал, выдавая себя за «спасителя», предатели, рядившиеся в тогу «патриотов», распоясались, а изменники, которые выдавали в руки самураев истинных патриотов, под защитой и при покровительстве янки сгоняли патриотов в тюрьмы. В течение пяти лет после освобождения страны 15 августа на юге страны неоднократно можно было наблюдать трагическую картину — старики несли трупы молодых сыновей, погибших от вражеских пуль.

Вождь освободил Родину в кровопролитной 15-летней антияпонской вооруженной борьбе не для того, чтобы видеть эту трагедию, разыгрывающуюся в южной половине Родины.

Стенание соотечественников Юга, не прекращающееся со времени антияпонской вооруженной борьбы по сегодня-

шний день, их печальная мольба, взывающая о спасении, ни на день не давали покоя вождю. Он всегда испытывал отеческое чувство ко всем соотечественникам, проживающим в принципиально различающихся обществах. Вождь, решивший спасти сынов и дочерей Юга, возглавил передний край антиимпериалистического и антиамериканского фронта, чтобы сорвать агрессивные планы американских империалистов, пытающихся установить господство над Азиатским материком и над миром, раздувая пожар войны в Корее, чтобы отстоять мир и безопасность во всем мире.

Таким образом, война между американскими империалистами и корейским народом явилась противоборством между агрессией и защитой Отечества, между колониальным порабощением и национальным освобождением, между человеконенавистничеством и защитой человека, между несправедливостью и справедливостью, борьбой за созидание и жизнь, против разрушения и смерти, преследуемых врагами, великой борьбой за защиту мира, против новой войны.

Но американский империализм был сильным врагом. Он возглавлял мировой империализм, располагающий огромным военным потенциалом, вооруженный новейшей боевой техникой и имеющий опыт по истреблению и разрушению. В самом деле до того времени было принято считать, что нельзя противостоять «всемогуществу» американского империализма. Мир был встревожен судьбой Кореи.

Стальной полководец, Маршал Ким Ир Сен твердо верил в победу корейского народа над американским империализмом, каким бы сильным врагом он ни был. Будучи твердо убежденным в том, что решающим фактором победы в войне является мощь народа, вождь решил противопоставить численному и техническому преимуществу противника идейно-политическое и тактическое превосходство. Если американский империализм полагался на огромную разрушительную силу новейшей военной техни-

ки, то вождь верил в несгибаемую революционную волю и неиссякаемую силу рабочего класса и крестьянства, всего народа Кореи, который, взяв в свои руки власть, стал хозяином заводов, фабрик и всей земли с ее богатствами.

Утром 26 июня великий вождь Президент Ким Ир Сен обратился ко всему корейскому народу с горячим призывом грудью защитить КНДР, освободить южную часть страны от колониального господства американского империализма и завершить великое дело объединения Родины под знаменем Республики.

«История человечества показывает, что народ, решительно поднявшийся на борьбу за свою свободу и независимость, всегда добивается победы. Наша борьба справедлива. Победа непременно будет за нашим народом. Я глубоко уверен в том, что наша справедливая борьба за Родину и народ непременно увенчается победой.

Настало время для объединения нашей Родины. Смело пойдем вперед с твердой верой в победу!»

Речь вождя разожгла мощное пламя в сердцах всех воинов Корейской Народной Армии и корейского народа, поднявшихся на смертный бой с врагом.

Смерть агрессорам — освобождение Югу

Части героической Корейской Народной Армии, отбив вооруженное вторжение врага, неудержимой лавиной наступали на юг, преследуя противника, обратившегося в бегство.

Вождь, который получил у оперативной карты рапорт о первой победе, рисовал в воображении облик освобожденного народа южной части и вызвал к себе министра национальной обороны.

Вождь говорил ему, что наши воины должны охранять жизнь и имущество жителей южной части страны и влиять на них положительно с политической точки зрения. Он учил, что воины Народной Армии должны глубоко осознать, что они являются первыми политработника-

ми, устанавливающими контакты с южнокорейским народом.

Министр национальной обороны склонил голову перед горячей любовью к нации вождя, желающего прежде всего защищать жизнь и имущество народа даже в вихре войны, сопровождающейся, как правило, разрушением и смертью.

И когда освобождение Сеула стало вопросом времени, вождь отдал бойцам-участникам битвы за освобождение Сеула приказ: охранять жизнь и имущество жителей Сеула и не допускать разрушения культурных памятников. Народная Армия была верна этим указаниям. 28 июня, наконец, был освобожден Сеул. Сеул, где в прошлом в течение 36 лет гнездилось «генерал-губернаторство» японского империализма, Сеул, ставший впоследствии логовищем агрессивного и репрессивного аппарата американских империалистов и их приспешников, в то же время был городом, где развернулась славная борьба патриотически настроенного народа. Первые возгласы раздались у ворот Содэ, где была Содэмунская тюрьма. Воины Народной Армии, ворвавшиеся в Сеул, смяли танками ворота Содэмунской тюрьмы и освободили патриотов. Освобожденные патриоты, обняв бойцов Народной Армии, кричали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» — и дали слезам волю. Вместе с ними проливали слезы волнения жители Сеула.

Когда был освобожден Сеул, любимый вождь Президент Ким Ир Сен горячо приветствовал всех соотечественников, личный состав Народной Армии и жителей Сеула. Он захотел увидеться с сеульцами и, невзирая на бушевавшее пламя войны, выехал в Сеул.

Прибыв в Сеул, он направился не на площадь с роскошной трибуной, откуда раздавались возгласы жителей, а в квартал, где жили бедные соотечественники.

Он то останавливался перед дощатой лачугой в трущобах пригорода, то долго стоял на берегу реки Чхонге, в водах которой отчетливо отражалось лицо ветхого Сеула, то осматривал различные места, чтобы узнать условия жизни сеульцев.

Вождь узнал, что сеульцы ощущают нехватку дров, и тут же дал ответственным работникам департамента лесного хозяйства указание снабдить их дровами.

С криками «ура» фронтовики шли на юг неудержимой лавиной, словно бушующие волны, громя врага шквальным огнем. В тылу раздавались горячие возгласы народа, освобожденного от цепей угнетения, извещая о приходе нового, свободного мира, границы которого расширялись с каждой минутой. Наступление Народной Армии на юг — это был путь любви вождя-отца к народу.

Великая победа в Тэчжоне

Враги, разглагольствовавшие, что будут завтракать в Хэчжу, обедать в Пхеньяне и ужинать в Синичжу, еле успели унести ноги на юг, не успев даже позавтракать. Дорога между Сеулом и Пусаном была забита остатками разбитых марионеточных войск, солдаты в панике бежали, неся на плече винтовки прикладами вверх.

Когда лисынмановская клика и марионеточная армия, лишившись всего своего «геройства», бежали на юг, им встретился по дороге между Сеулом и Пусаном большой отряд, который двинулся на север. Это была 24-я американская дивизия. Эта группировка янки, известная своими злодеяниями, была названа американцами «победоносной дивизией».

Когда главные силы марионеточной армии были разбиты в пух и прах, американские империалисты 1 июля перебросили для участия в корейской войне свою 24-ю дивизию, а 7 июля, открыв заседание Совета Безопасности ООН, мошенническим методом вынудили принять несправедливую резолюцию о создании «войск ООН» и засылке их на корейский фронт. Корейская война принимала новый характер.

Американские империалисты, отступившие до рубежа реки Кым, сосредоточили большие вооруженные силы, в том числе 24-ю американскую дивизию, в районе Тэчжона и хвастливо назвали его «неприступной линией», «последней линией обороны».

Однако, непобедимый стальной полководец Маршал Ким Ир Сен решил нанести сокрушительный удар по американским извергам, поджигателям войны, которые подвергали бомбардировке мирные населенные пункты Кореи и совершали там варварские акты. Великий вождь, всем сердцем ощущая страдания и негодование всей Кореи, с пламенной любовью к героическому народу, борющемуся в море огня, еще и еще раз укреплял в народе волю разгромить врага. Так, Тэчжон был определен как место ожесточенной битвы, где будет развеян миф о «могуществе» надменных янки, где народ отомстит врагу за кровную обиду.

Чтобы непосредственно руководить на месте операцией за освобождение Тэчжона, к которой приковано внимание всего мира, вождь прибыл на командный пункт штаба фронта и показал блестящий пример проведения операции по окружению. Разработав никем не предполагаемый маневр, он сделал так, чтобы части западного участка фронта, которые наступали в сторону обширного района равнины Хонам, незаметно быстро обошли Тэчжон в юго-восточном направлении, полностью перерезал путь к отступлению противника и заблокировал все пути для его подкрепления. Так было создано железное кольцо окружения, и 24-я американская дивизия оказалась в положении мыши, попавшей в чан. Врагам осталось одно: погибнуть. Массированный удар Народной Армии, напоминавший мощный раскат грома, полностью разгромил 24-ю дивизию агрессивных войск американского империализма, горькая участь командующего обороной тэчжонского района и командира 24-й дивизии Дина, который был взят в плен юным солдатом Народной Армии в момент, когда, переодевшись в солдатскую форму, метался в поисках выхода, — все это подтвердило, что расширение войны американскими империалистами не принесло им победы.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, обеспечив победу в битве под Тэчжоном, разбил наголову американских империалистов и сбил спесь с янки, считавших себя «сильнейшими» в мире, тем самым ясно показал корейскому народу и передовому человечеству, что эти вояки только счи-

таются непобедимыми. Эта блестящая победа также продемонстрировала всему миру великую волю вождя, готового уничтожить любого врага, отстоять Родину и во что бы то ни стало спасти южнокорейский народ от цепей насилия.

Навестив фронтовиков

Президент Ким Ир Сен, победоносно завершив операцию за освобождение Тэчжона, снова отправился на далекий фронт, не дав себе отдохнуть.

Ехать на машине по прифронтовой дороге, которая подвергалась непрерывной бомбардировке вражеских стервятников, было очень опасно. Но он никогда не думал об опасности, угрожавшей его жизни. Ведь еще со времени антияпонской вооруженной борьбы он всегда находился среди бойцов, считал своим долгом во время боя быть в самых опасных и трудных местах.

И в тот раз с наступлением темноты американские воздушные пираты, освещая местность осветительными бомбами, обрушили на землю поток огня. Но вождь не обращал внимания на ожесточенную бомбардировку и все думал только о воинах, сражающихся на фронте. Пробиваясь сквозь огонь, вождь добрался до реки Римчжин. Вражеские самолеты взорвали мост через реку. Для его восстановления требовалось много времени.

Встревоженный адъютант вождя, не знал, как быть. Вождь стоял у моста, на который бомбы могли посыпаться градом в любой момент.

Он молча смотрел в южное небо, задумавшись о чем-то, а потом, обернувшись к адъютанту, сказал:

— Где-то поблизости наверняка есть железнодорожный мост. Надо найти его. Давайте переедем по нему.

Как он сказал, вблизи был железнодорожный мост. К счастью, он уцелел. Но, взглянув на мост, адъютант разволновался еще больше. Как на тяжелой машине переехать большую реку по железнодорожному мосту, уложенному шпалами, в кромешной тьме, и когда вражеские самолеты могут налетать в любое время. Если из множества шпал хоть одна сломается при переезде, то что будет дальше. Ведь эти шпа-

лы уже не один год лежали под снегом, дождем, а теперь они днем и ночью подвергаются обстрелам вражеской авиации. Разве можно надеяться на их прочность и вести машину, в которой едет вождь.

Однако вождь тут же велел водителю гнать машину в сторону железнодорожного моста. У адъютанта потемнело в глазах. От предчувствия опасности екнуло сердце. Набравшись смелости, он преградил путь вождю.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! По железнодорожному мосту нельзя проехать. Опасно. Только когда Вы, товарищ Верховный Главнокомандующий, будете живы и здоровы, будет существовать и наша страна, и наш народ, и будет обеспечена наша победа на фронте.

Адъютант произнес эти слова искренно.

Вождь спокойно выслушал слова адъютанта. Он хорошо понял его опасения. Он был благодарен за искренность адъютанта, который делил с ним горе и радость. Но держа адъютанта за плечи, вождь мягко сказал:

«Нас ждут товарищи на фронте. Там идет бой, даже в этот миг наши товарищи сражаются, проливая кровь, так зачем же нам здесь колебаться. Давайте поскорее переедем!»

В небе кружились вражеские самолеты, недалеко от моста трещали пулеметные очереди, но машина, на которой ехал вождь, была уже на мосту. Внизу с шумом текла глубокая река. Не было видно ни зги.

Минуя опасные места одно за другим, машина ехала по мосту. Следовало громыхание. Каждый раз, когда этот грохот отдавался в груди, сопровождающие вождя лица, покрываясь потом, глотая слезы, желали и желали ему благополучия. Водитель, сосредоточив внимание на редукторе, осторожно вел машину метр за метром с таким напряжением, с каким преодолевают минное поле. Но вождь спокойно смотрел на противоположный, южный берег. В этот опасный момент он думал только о бойцах, сражающихся на фронте, и о народе Юга.

Когда железнодорожный мост был позади, адъютант облегченно вздохнул. Но в голове все еще стоял грохот колес,

едущих через мост по шпалам. Когда машина мчалась, пересекая поля, объезжая склоны и ущелья, сердце адъютанта билось в такт мотору. Ему слышался в шуме мотора стон Родины, страдающей во имя лучезарного будущего, звук шагов суровой истории, преодолевающей дни национальных мучений. Это было выражением пламенной любви, с какой вождь облегчает страдания и бедствия народа Юга. Чем глубже поймешь большую мысль вождя, никогда не останавливающегося на пути к югу ни при какой опасности, тем отчетливее слышишь заполняющий небо и землю торжественный грохот на железнодорожном мосту, оставшемся уже далеко позади.

Дорога на фронт, где доблестные сыны Республики, не щадя жизни, сражаются с врагом, дорога на фронт, соединяющая с землей юга, где живут пока еще под чужестранным игом несчастные соотечественники, — эта дорога освещалась теплой любовью вождя-отца.

Вождь прибыл в Суанбо провинции Северный Чхунчхон, где находился штаб фронта, пренебрегая опасностью, тут же, не давая себе ни минуты отдыха, ознакомился с положением на фронте.

На следующий день рано утром великий вождь пришел на передовую. Бойцы, которым выпало счастье увидеться с никогда незабываемым вождем-отцом в окопах, где свистят пули и снаряды, были очень взволнованы и обрадованы.

Со словами, что его успокаивает здоровый вид бойцов, вождь то стряхивал пыль и пороховую гарь с их формы, то поправлял их обмундирование. Бойцы, охваченные сильным волнением, уткнулись лицом ему в грудь.

В окопе, вырытом у сосны, вождь столкнулся с солдатом, который выглядел моложе всех. Гладя его по голове, он спросил, сколько ему лет.

— 18 лет, товарищ Верховный Главнокомандующий!

Удивительно звонким был его голос. Вождь снова спросил, где он поступил в армию.

— Учился я в Сеуле, сам зарабатывал деньги на плату за учебу и добровольно вступил в армию, — ответил солдат

с гордостью. Он тосковал по вождю-отцу, с которым ему до сих пор не довелось увидеться, а теперь встретился с ним в рядах Народной Армии, и это сильно взволновало его. Вождь, широко улыбаясь, гладил солдата по плечу и спрашивал, здоров ли он, не трудно ли ему в боях, в каких боях он участвовал.

— Откуда родом?

— Родом из Тэгу провинции Северный Кенсан, товарищ Верховный Главнокомандующий. Я вступил в армию, чтобы освободить родину.

— Верно. Надо освободить родину. Кто у тебя остался там на родине?

— Отец рано умер, на родине живут мать и двое младших братьев.

— Мать и двое братьев...

Повторил вождь, а потом молча поглядел на южное небо. Вождь обнял молодого бойца за плечи и долго смотрел на юг. Словно он хотел отыскать старую мать и младших братьев солдата, которые проливают кровавые слезы под бичом врага. Канонада затихала.

Вождь, оглядывая бойцов, говорил:

— Люди не забывают свою родину, где бы они ни находились. Всегда тоскуют они по ней.

Но сейчас родина этого бойца растоптана врагом, его мать и двое братьев изнывают под сапогом врага.

Враги топчут не только его родину, но и значительную часть нашей родной земли и безжалостно убивают там наших родителей и братьев.

Разве мы можем терпеть это!

Мы должны утопить в Южном море всех до одного американских агрессоров, полностью освободить нашу родную землю и спасти изнывающих там родителей и братьев!

Его слова тронули до глубины души не только бойца — уроженца Тэгу, но и всех воинов.

Перед их глазами живо вставал родной дом, с которым связаны незабываемые воспоминания детства, лицо матери,

изборожденное глубокими морщинами, облик дорогой сестры, несущей на голове кувшин с водой, и младших братьев, которые цеплялись за рукава. Это — никогда незабываемый родной край, и они, стоя вместе с вождем на высоте Родины, еще сильнее тосковали по нему. А американские агрессоры топчут эту любимую родину, попирают любимых родителей и братьев коваными сапогами, колят их штыками и бросают в огонь. Бойцы испытывали жгучую ненависть к этим двуногим хищникам.

Бойцы крепче сжали ружья. Они стиснули зубы, впиваясь взглядом в огневые точки противника. Они поклялись быть смелыми и беспощадными в смертном бою с американцами во имя родного дома, разрушенного ими до основания, во имя младших братьев, погибших в крови от их рук, во имя неосуществленной мечты сестры, во имя любимого колодца родного села, не иссякающего в ожидании освободителей.

Вождь внимательно следил за позициями противника. Бойцы также следили за действиями врага. Ничто не может сломить силу вождя и бойцов, которые, всем сердцем ощущая боль за поруганную родную землю, идут вперед, сплотившись воедино.

2

Новый мир на освобожденной земле

Благодаря выдающейся стратегии и тактике непревзойденного военного стратега, Маршала Ким Ир Сена и под его мудрым руководством героическая Народная Армия, нанеся смертельные удары по врагу, за полтора месяца с начала войны освободила свыше 90 процентов общей территории южной части страны и бо-

лее 92 процентов всего ее населения. Освобожденная земля юга страны ликовала.

Вождь дал светлую, свободную, новую жизнь корейцам в южной части страны, которые долгое время подвергались нечеловечному унижению при колониальном господстве японского и американского империализма.

В освобожденных районах были восстановлены народные комитеты — подлинно народная власть, были созданы революционные организации, были проведены демократические преобразования, в том числе земельная реформа. Крестьяне-бедняки и батраки, безвозмездно получив пахотную землю, плясали, радуясь тому, что сбылась их сокровенная мечта. Рабочие и служащие стали полными хозяевами заводов, избавились от гнета, они воспевали благодеяние вождя-отца, крича «мансэ!»

Американские захватчики и лисынмановская клика под предлогом «мобилизации военного времени» и «реквизиции военного времени» до последнего дня насильственно вербовали молодежь, мужчин средних лет и даже женщин, забирали их имущество и скот. А родной вождь, ведя войну с превосходящим по силам врагом, дал освобожденному народу землю, заводы, новый строй, новую жизнь, радость и песни. Это освобождение означало воплощение горячего стремления народа к настоящей жизни, исполнение многолетней мечты его, к нему пришло новое небо и новая земля, о которых этот народ тосковал и во сне и наяву. В адрес вождя-отца поступили десятки тысяч писем с благодарностью от южнокорейских жителей. Один крестьянин из Поына провинции Северный Чхунчхон, получивший землю, в своем письме писал:

«Многоуважаемый Председатель Кабинета Министров Ким Ир Сен, как Ваше здоровье? Знаю, что Вы заняты важными государственными делами, одновременно возглавляете освободительную войну, но пишу Вам это письмо, тронутый Вашей безмерной заботой. И я, и мой отец, и мой старший брат, и двое младших братьев — все батраки. Я работал на помещика, мной помыкали, как рабочим скотом, еще тогда,

когда я был небольшим мальчиком. Помещик подзывал меня не иначе, как кивком, кнутом заставлял меня работать, а ел я вместе с собакой. Мы, пятеро — отец и братья собирали в год не меньше 200 сок риса, но вся семья пухала с голоду, кожа у нас почернела. Даже в новогодний и осенний праздники мы не могли поднести усопшим предкам на помин их души даже миску белого риса. Вот какому человеку дали Вы, вождь, землю. Вы дали мне такую щедрую, плодородную землю около дома. Я, бывало в прошлом, проходя мимо нее, глотал слюнки, как при виде спелых фруктов. Не знаю: сон это или явь! Нам сейчас кажется, что мы сыты без еды, бодры без сна. Моя старая мать, как песню, воспевает Вас и говорит, что она не будет считать меня сыном, если я не сумею оправдать Вашу заботу своей жизнью. «Я родила вас батраками, а вождь сделал из вас настоящих людей», — повторяя эти слова, она утром и вечером отбивает земные поклоны перед Вашим портретом, который висит высоко на стене. Но разве тысячами, миллионами поклонов можно отблагодарить Вас за Вашу безмерную заботу. Хотел было сказать Вам о многом, но на этом заканчиваю свое письмо, желая Вам доброго здоровья и долгих лет жизни».

Один из рабочих города Сеула в связи с введением Закона о труде написал вождю такое письмо:

«Уважаемый Председатель Кабинета Министров Ким Ир Сен! Вы дали нам радость освобождения, освободили нас от положения наемных рабочих, сверх того учредили Закон о труде, гарантирующий рабочим священные права. Мы испытываем безмерное счастье, словно из тьмы вышли на яркий свет... С сегодняшнего дня мы, освободившись от двойного и тройного гнета, станем полноправными хозяевами заводов, будем без устали трудиться во имя страны и революции. Мы будем новыми работниками нового дня».

В этих письмах, пронизанных искренностью, люди простыми словами рассказали, как согревает вождь-отец своей любовью сердца южнокорейского народа. Рабочие и крестьяне Южной Кореи классовым чутьем сразу поняли, что Народная Армия выступает против помещиков и капитали-

стов и защищает интересы рабочих и крестьян, они горячо приветствовали ее, но были и такие, кто воспринимал ее иначе. Это те, кого обманула лживая «антикоммунистическая» пропаганда, раздуваемая американскими империалистами, заменившими японских, и их приспешниками, или те, кто служил у врага, чтобы заработать средства для существования. Среди них были и такие, кто растерялся, когда Народная Армия перешла в контрнаступление и освобождала южную часть страны и продолжала наступление.

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен глубоко понимал их чувства и настроение, поэтому он относился ко всем очень чутко. Он проявлял большую заботу обо всех, независимо от их вероисповедания и политических убеждений. Он сделал все, чтобы если они хотели работать на стороне народа, то они могли работать в соответствии со своим желанием.

Горячая любовь вождя, обращенная на каждого простого человека, успокаивала тех, кто временно впал в тревогу и беспокойство, она дала им новую жизнь, влила новую силу. В страхе скрывавшиеся люди теперь со смеющимися лицами выходили на улицу. Часть интеллигенции, замкнувшейся в кабинетах, стоявшей в стороне от событий, теперь раскаялась и выражала свою готовность работать ради победы в войне в меру своих возможностей, поскольку у нее высок дух патриотизма и она горела гневом и ненавистью к американским империалистам и их приспешникам, которые обманули ее лживой пропагандой. Так, все освобожденные жители южной части страны поднялись как один на борьбу, чтобы достойно ответить на заботу вождя-отца, давшего им свет, свободу и новую жизнь. Во главе этого движения стояли рабочие.

Рабочий класс Сеула принимал активное участие вместе с Народной Армией в восстановлении моста через реку Хан. Рабочие Хвасунской, Неньвольской и других шахт восстанавливали шахты, затопленные врагом. Им не уступали и крестьяне. Даже в условиях ожесточенных бомбардировок они восстанавливали разрушенные мосты и дороги, доставляли на фронт боеприпасы, продовольствие и военные

материалы, ухаживали за ранеными бойцами Народной Армии, как за родными детьми. Патриотически настроенная молодежь и учащиеся добровольно вступали в ряды Народной Армии и с оружием в руках сражались на фронтах войны. Всего за несколько недель после освобождения Сеула в ряды Народной Армии вступило добровольно свыше 400 тысяч юношей и девушек.

Они были беспредельно преданны вождю. Среди добровольцев был и такой боец.

В одной женской средней школе, расположенной в окрестности города Сунчхон провинции Южный Чолла, была учительница по имени О Ген Сим, она встретила освобождение в Содэмунской тюрьме в Сеуле 28 июня. До войны она потеряла мужа. Он погиб в борьбе против американских империалистов и их приспешников. Она заменила мужа, взяв в руки оружие, переданное мужем, мужественно боролась, но была схвачена врагом и брошена в тюрьму и была приговорена к смертной казни. Освободившись из тюрьмы, О Ген Сим не стала разыскивать детей, о месте нахождения которых было неизвестно; она снова встала на путь борьбы, по которому шел ее муж. Добровольно вступив в ряды Народной Армии, она взяла в руки оружие. В одной из наступательных операций она случайно встретила своих любимых детей. После смерти отца, когда мать бросили в тюрьму, ее дети просили милостыню. Дети не узнали родную мать. Они думали, что мать погибла.

— Я ваша мать! Полководец Ким Ир Сен спас меня от смерти!.. Я продолжаю борьбу. Я действительно ваша мать!

Через некоторое время дети узнали свою мать, бросились к ней на грудь и закричали:

— Мама! Теперь ты будешь жить вместе с нами?

Мать терлась своим лицом о щеки детей и говорила:

— Ваша мать обязательно вернется к вам после того, как изгоним янки! Ждите меня, уже не долго осталось... Мама скоро вернется!

О Ген Сим, глотая слезы, отдала детей на попечение местной организации и с оружием в руках снова отправилась на

фронт. Она знала, что у ее любимых детей, у всех матерей и их детей будет счастливое, светлое будущее только тогда, когда враги будут разгромлены.

Эта учительница, хорошая певица, чудесная мать двух детей была смелым бойцом. С «Песней о Полководце Ким Ир Сене», которую часто пел ее муж, она мужественно боролась против американских агрессоров.

Так южнокорейский народ встал на борьбу за защиту народной власти, установленной вождем, и за победное достижение демократических преобразований, за свободную жизнь, которая впервые была установлена на этой земле.

В одном крестьянском доме на Юге

Шла ожесточенная война. Вождь, взяв на себя ответственность за судьбы страны, возглавил армию, флот и авиацию и громил американских империалистов, считавших себя «сильнейшими» в мире. В такой обстановке можно было не обращать внимание на встречи с отдельными крестьянами. Однако любимый вождь народа, Президент Ким Ир Сен, каким бы важным делом ни был занят, никогда не откладывал на потом заботу о народе. В те трудные дни, когда вождь должен был знать о положении на восточном и на западном участках фронта, руководить строительством линии береговой обороны в тысячи ли и заняться передислокацией корпусов и дивизий, он лично принимал много людей из освобожденных районов и заботился о них.

Вот что было на берегу одной реки. Небольшой паром перевозил людей через реку. Вождь вместе с адъютантами прибыл к реке, чтобы переправиться на другой берег. Тут был паром. На носу парома, опираясь на шест, стоял старый паромщик с красивой бородой, на пароме уже заняли место несколько крестьян, внешне похожих на возвращающихся домой беженцев.

Вид у крестьян был жалкий. Лица изможденны, затянуты глубокими морщинами, черная, огрубевшая кожа, одеты они были в лохмотья. Женщина с ребенком на спине чуть не теряла сознание от голода, и ребенок на спине плакал: он хо-

тел есть. Был среди них человек, на лице которого выступали темносиние пятна, похожие на кровоподтеки. Вождь молча смотрел на них, он не мог отвести глаз.

Адъютант пошел по берегу, чтобы в первую очередь устроить переправу вождя. Вождь остановил адъютанта и сказал:

«Ничего. Пусть сначала перевезут этих людей. Видимо, это беженцы, им нужно скорее домой, чтобы начать строить новую жизнь».

Тогда один старик, сойдя с парома, предложил:

— Лучше вы, воины Народной Армии, переправляйтесь первыми, мы же подождем... Быстрее садитесь, пожалуйста, на паром.

Старик, конечно, не мог знать вождя, но уступил место, уверенный, что все бойцы Народной Армии спешат.

Вождь подошел к старику и много раз повторил просьбу, чтобы тот первым поднялся на паром, но старик не соглашался. Он говорил, хоть он и крестьянин, но неужели он не знает того, что когда кругом все горит, то сначала надо переправить военных.

— Тогда переправимся вместе. Вам тоже надо возвращаться скорее домой и начинать строить новую жизнь.

С этими словами вождь вместе со стариком поднялся на паром.

Вскоре паром тронулся. Вождь непринужденно сидел на маленьком пароме рядом с крестьянами, в руках которых были котомки, чипсины и т. д., и, качаясь из стороны в сторону, расспрашивал, какие трудности они перенесли и где их родные села. Затем он сказал, что жизнь крестьян Южной Кореи тоже станет хорошей и светлой, когда они вместе с Народной Армией изгонят янки до последнего, и подробно говорил о том, по какому пути они должны идти.

Крестьяне внимательно слушали вождя. В этой кровопролитной войне слова вождя давали им новую силу, и они были так тронуты, словно возродились, находя в них путь к новой подлинной жизни. И паромщик греб, стараясь не шуметь, и прислушивался к его простым и ясным словам.

Таким образом, великий вождь революции, беседуя с бедными крестьянами Юга, глубоко ощущал испытываемую ими боль и в простых и теплых словах рисовал им будущее.

Если бы эти крестьяне знали, что они беседуют с Полководцем Ким Ир Сеном, имя которого они не забывали и во сне, то они не смогли бы сдержать восторг и радость. Женщины вытирали бы слезы тесемками, не успев поприветствовать вождя, молодежь приветствовала бы его радостными возгласами, дети плясали бы, а седые старики, склонив голову перед Полководцем, пожелали бы ему крепкого здоровья и долгих лет жизни во имя светлого будущего страны. И старый паромщик возгордился бы, что он перевозил на своем пароме великое солнце нации, до глубины души испытывал бы радость и счастье за свою профессию, глядя на свое отражение в чистой водной глади.

Однажды вождь-отец зашел в один крестьянский дом в местности Ычжонбу провинции Кенги.

Адъютант вошел во двор и кликнул хозяина. Из дому вышла пожилая женщина, вытирая платком только что вымытые волосы. Когда она спустилась с порога, вождь уже был во дворе, он поздоровался с хозяйкой и спрашивал, каково ей жить после освобождения родного села. Она не знала, кто этот гость, но пригласила его в комнату, сказав, что благодаря Полководцу Ким Ир Сену наступило хорошее время.

Вдруг она остановилась, как вкопанная, и о чем-то подумала, затем, слегка качая головой, внимательно посмотрела на вождя. Ей казалось, что где-то она встретила этого человека. Женщина вбежала в комнату и посмотрела на портрет вождя, который она повесила на стену в тот день, когда крестьяне получали наделы по земельной реформе. Потом она снова взглянула на вождя и удивленно заговорила:

— Дорогой вождь! Я еще...

На глаза навернулись слезы, она не знала, что делать, и, низко опустив голову, поклонилась ему и дрожащим голосом произнесла:

— Родной вождь! Большое Вам спасибо.

Так женщина выразила безмерную благодарность вождю, который лично посетил ее ветхий дом, дал ей землю и новый мир, но разве так можно отблагодарить за новую жизнь.

Вождь, который навестил бедную крестьянку, идя по трудным военным дорогам, не только интересовался жизнью семьи, но он внимательно разглядывал ее лицо, на котором остались следы горькой жизни, и мирно разговаривал с ней.

Осторожно, будто ощупывая еще не зажившие раны, он расспрашивал о том, сколько женщина собирала урожая при японцах, что выпало на ее долю при деспотизме янки, говорил, что Народная Армия сражается, проливая кровь, чтобы навсегда покончить с этим жестоким миром.

Вождь не преминул расспросить и о земельной реформе: сколько земли она получила, нравится ли ей земля, о чем она думала в день распределения земли, что чувствует при встрече с Народной Армией, учатся ли ее дети в новой школе, — вождь ничего не упускал из жизни крестьянки.

— Разгромим янки, победим в войне, вот тогда мы и заживем счастливой жизнью, не завидуя никому на свете.

Хозяйка как ни старалась, никак не смогла сдержать слезы перед вождем-отцом, который вселял уверенность в приход новой полнокровной жизни. Это были слезы безграничной радости и благодарности.

Женщина, истерзанная, ограбленная, истоптанная, всю жизнь прожила в горьких слезах при господстве янки и их приспешников, а сейчас, окруженная теплой заботой вождя-отца, впервые лила слезы радости. То были слезы радости и надежды всех соотечественников южной половины страны, испытывавших подлинное счастье, претворение в жизнь сокровенной мечты под лучами великой любви вождя-отца Полководца Ким Ир Сена, который дарил им новый мир.

3

В сентябре 1950 года на фронте сложилась крайне напряженная ситуация. Американские агрессоры, припертые в узкий участок в провинции Северный и Южный Кенсан, оказавшись в безвыходном положении, прибегли к крайним мерам. В стремлении любой ценой добиться своих агрессивных целей они мобилизовали все силы: наземные, морские и воздушные из бассейна Тихого океана и частичные силы Средиземноморского флота, а также корабли из резервов многих районов мира и перебросили на корейский фронт большие контингенты войск стран-сателлитов.

Такими большими силами враги прорвались в районе реки Рактон и развернули крупную операцию по высадке войск в районе Инчхона. Они пытались, перейдя 38-ю параллель, «окружить и уничтожить» главные силы Народной Армии, захватить всю Корею.

Временно соотношение силы между нами и противником было неравное, ситуация на фронте сложилась неблагоприятно для нас. Наступило время суровых испытаний для корейского народа и Народной Армии.

Началось временное отступление. Однако отступление КНА, превосходно организованное великим военным стратегом Маршалом Ким Ир Сеном в соответствии с серьезной ситуацией, было невиданным в мировой истории войн, особым стратегическим отступлением. Отступление, как правило, сопровождается паникой и беспорядком. Особенно в армиях, цель которых агрессия и грабеж, когда захлебнется наступление и начинается отступление, с этого момента действуют пораженческие настроения, такие армии разваливаются словно пропитанная водой глинобитная стена. Но Народная Армия даже в ходе тяжелого отступления соблюдала

военную дисциплину, не теряла боевой дух, проявляла невиданную силу воли, возможную только при высокой сознательности.

Конечно, суровые испытания в известной мере сказались на людях. Временная растерянность при жестокой бомбардировке и перед маневренностью противника имела место.

Но вождь-отец своевременно вселял в людей твердую веру в победу.

Любовь, позволившая перенести испытания

Это было в один из дней накануне отступления. Великий вождь заметил уставное нарушение в одежде бойцов охранной роты, возвращающихся со службы, и остановил их:

— Почему у вас грязная одежда? Приведите себя в порядок, видимо, заранее испугались отступления, раз за собой не следите...

Вождь мягко упрекал их, точно мать любимого сына, его слова были исполнены любви. Он с доброй улыбкой поправил гимнастерку бойца, стоявшего в переднем ряду. Бойцы сгорали со стыда. Впервые на их долю пришлось отступление, мысль о нем рождала уныние, оно-то и было проявлением слабости, недостойной бойцов. Вождь, заметив эту слабость, своевременно начал с нею бороться, исправляя даже малейшие изъяны.

В тот же день вечером вождь вместе с бойцами ходил по берегу реки перед оперативным командным пунктом. На свежем воздухе он сидел с бойцами и рассказывал о цели стратегического отступления и о стремительном контрнаступлении, которое непременно последует, говорил о победе, которая ждет впереди. А когда враг стоял у предместий Пхеньяна, он организовал парад охранных частей. Они могучей поступью шли по улицам под звуки военного оркестра. Под начищенными до блеска сапогами гудела земля, крепкая поступь и стань бойцов демонстрировали их стойкий дух. Ослепительно сверкали трубы под лучами солнца, гремел оркестр, оповещая о героическом подвиге, звучали победные

песни... Это вдохновляло пхеньянцев, придавало им новые силы. Это тоже было выражением горячей любви вождя, который желал, чтобы воины, участвующие в параде, и жители Пхеньяна мужественно и уверенно преодолели любые испытания. Люди были спокойны и хладнокровны при приближающейся канонаде; они выполняли свой священный долг перед Родиной, справлялись с порученными заданиями.

Обстановка накалялась с каждой минутой, но вождь без всякой нервозности командовал фронтом и организовывал отступление. Его помощники беспокоились о безопасности вождя, все хотели, чтобы он скорее эвакуировался, но вождь был непреклонен, он дожидался прихода руководящих работников и воинских частей. Вождь оставил Пхеньян только тогда, когда туда прибыли все, с кем он должен был увидеться, в Пхеньяне состоялась трогательная встреча.

Тронутые благородной любовью вождя, все они плакали, гордясь, что они его солдаты.

Любовь, проявленная вождем в дни суровых испытаний, была неизменной до конца эвакуации.

В конце октября как-то утром вождь зашел в казарму охранной роты, чтобы познакомиться с жизнью солдат. Здесь он увидел несколько кур, привязанных за ноги, и спросил, откуда эти куры.

Комроты ответил, что купили у местных крестьян для кухни. Вождь, помрачнев, сказал:

— И здесь остались одни старики, молодые эвакуировались, предполагая, что скоро здесь будет враг. Разве можно брать кур у них? Не следует у них покупать даже за деньги.

...Сейчас населению трудно живется. Идет эвакуация, многие люди живут впроголодь. Можем ли мы позволить себе, чтобы есть кур. Категорически запрещаю подобное. Чем сложнее складывается положение, тем скромнее надо жить.

После такого строгого выговора вождь, дружески положив руку на плечо комроты, который испытывал угрызения совести, велел вернуть кур хозяевам-крестьянам.

Бойцам было больно сознаться в своих проступках, в то же время они были счастливы, что являются солдатами

вождя, который и в трудных условиях последовательно защищал народ.

Вождь учил, что военные должны сами готовить пищу, останавливаясь на ночлег у местных жителей, а уходя возвращать хозяевам взятые посуду и инструменты, если же что-то было потеряно или сломано, то непременно возмещать стоимость вещей.

Сам вождь жил скромно, он сердечно заботился о фронтовиках и кадрах, отдавая им даже вещи, нужные ему самому.

Это было в то время, когда он командировал одного из работников Министерства национальной обороны к перевалу Хванчхо, где складывалась напряженная ситуация.

Вождь, беспокоясь, что тот не сумеет ничего поесть по пути следования, где градом сыпятся пули, завернул свой обед и передал его через адъютанта.

Работник министерства узнал об этом позже и выговорил своему адъютанту за то, что он взял у вождя обед. Он не мог идти дальше при мысли, что вождь остался без обеда. И он велел адъютанту передать пакет не вождю, а его адъютанту и отослал его назад с обедом.

Вскоре адъютант догнал его, но уже с большим пакетом. Он доложил: я вручил пакет адъютанту вождя и хотел было идти, но вождь, каким-то образом узнав об этом, позвал меня и сказал, что впереди долгий и трудный путь и поэтому надо иметь побольше пищи и собственноручно вложил в пакет еще несколько банок консервов.

Взяв в руки большой сверток с обедом, работник безмолвно смотрел повлажневшими глазами в сторону гор, где находился вождь.

«Ведь я должен позаботиться о Вас, дорогой вождь, а Вы, наоборот, заботитесь обо мне. Как мне быть! Если бы не Ваш приказ, я от души хоть раз приготовил бы Вам еду. Знаете ли Вы об этом моем горячем желании? Уважаемый вождь!..»

Убеленный сединой ветеран антияпонской вооруженной борьбы долго еще прикладывал платок к глазам, на-

конец, решившись, мужественно пошел к назначенному месту.

На трудном пути вождь проявлял горячую любовь к генералам и рядовым бойцам, ко всему народу. Эта любовь стала неиссякаемым родником, вселявшим уверенность и отвагу в людей, которые помогали им преодолеть любые трудности и лишения.

«Песня о Полководце Ким Ир Сене», сотрясающая небо и землю

Одна из колонн отступающих шла в сторону Косанчжина уезда Манпхо провинции Чаган. Горные ущелья были запружены отступающими на север — войсками Народной Армии, партийными работниками и работниками органов власти, рабочими, крестьянами.

Среди них были и молодые рабочие и крестьяне, и седые ученые, и деятели искусства с детьми на спине, посаженными в вещмешки. Люди шли из далекой Южной Кореи с чувством почтения к вождю.

Любимый вождь проявлял особую заботу о тех, кто, оставив родные края, шел на север.

Однажды, около двух часов ночи вождь видел бойцов Народной Армии, бодро идущих с громкой «Песней о Полководце Ким Ир Сене».

Вождь остановил машину. Выйдя из машины, подозвал командира части и спросил, откуда эта часть. Командир, остановив часть и вытянувшись по швам, доложил ему, что часть, громя врагов, прошла две тысячи ли от реки Ракгон.

Вождь рукопожатием поблагодарил командира за подвиг и сказал, что у бойцов очень высок боевой дух, затем он внимательно всмотрелся в лица бойцов. Он заметил молоденького бойца за командиром и, похлопывая его по плечу, спросил, как его зовут и сколько ему лет. Боец звонким голосом отчеканил, что он связной батальона Со Сын Рер, 16 лет.

Вождь подробно осведомился, откуда родом, живы ли родители, не трудно ли ему, а затем спросил:

— А куда вы, товарищи, идете?

— Мы идем туда, где находится Верховное Главнокомандование.

— Зачем?

Со Сын Рер, собравшись с духом, громким голосом ответил:

— Мы идем к товарищу Верховному Главнокомандующему за новым боевым приказом.

Вождь задумался, глядя на падающий снег, и обратился к воинам Народной Армии:

— А вы, товарищи, сможете разбить янки, если будет приказ?

— Сможем!

Ночную тишину разбил их громкий ответ.

Великий вождь, глядя на бодрый вид бойцов, взволнованно говорил:

«...Мы должны скорее обрести полную боевую готовность и разгромить одним ударом врагов на нашей родной земле. Сейчас вы не отступаете, а контрнаступаете! Этот поход — путь к победе, ведущей к вашему родному краю!»

Он повернулся к сопровождавшим лицам и с уверенностью произнес:

«Вот видите! Не погибла молодежь Кореи! Корейский народ непременно победит, непременно победит!»

«Корейский народ непременно победит!»

Бойцы КНА повторяли про себя эти вдохновляющие слова вождя, который твердо верит в силы народа, и продолжали путь с удесятеренным мужеством.

Так в период суровых испытаний воины Народной Армии черпали твердую веру в победу в словах вождя, а вождь в свою очередь — неизмеримую силу и уверенность в их бодрости.

Наконец забрезжил восток. Воины Народной Армии, проникнутые преданностью вождю, бодро шли с «Песней о Полководце Ким Ир Сене», встречая новый рассвет.

Песня сотрясала небо и землю, отдавалась эхом в утреннем воздухе.

Когда началось отступление Народной Армии, американский генерал-убийца Макартур, обнажая свое разбойничье нутро, громко заявил: корейская война кончится до рождества, и вы, солдаты, рождество отметите в родном доме... Но вскоре он вынужден был схватиться за голову. Тост, провозглашенный главарями американского империализма за победу, был преждевременным.

Новая легенда в Косанчжине

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, который руководил стратегическим отступлением, прибыв в Косанчжин, остановился в одном доме. Это был простой, низкий крестьянский дом, обнесенный низким забором, которых немало в горной глуши.

Хозяин дома, старик Чон Сын Ха, предоставив свой дом вождю, сам с семьей пошел к соседу. Однажды он зашел во двор, чтобы забрать и увести свиней и кур, которые беспокоили и пачкали. Вождь сказал старику, что он не долго останется у него и что не надо беспокоить животных. Вождь добавил, что присмотрит за ними. Старик ушел.

В другой раз старик снова пришел с намерением угостить вождя курятиной, думая, что этим исполнит свой долг хозяина.

Старик пошел в курятник и стал осторожно ловить кур, но куры, хлопая крыльями, закудахтали. Тут раскрылась дверь верхней комнаты и послышался строгий голос:

— Кто там хватает кур? — Это был вождь.

Старик растерянно стоял.

— Хозяин говорит, что ему нужны куры, — сказал охранник.

Но вождь покачал головой.

— Зачем хозяину нужны куры ночью, не вы ли просили об этом старика? Если хозяину нужны куры, то пусть он возьмет на кухне наших кур, а своих отпустит.

Охранник передал слова вождя старику. Старик не отказался от своего намерения и потихоньку поймал не-

скольких кур и, передавая адъютанту вождя, попросил угостить его и ушел.

Спустя несколько дней старик обнаружил, что те куры, которых он передал тогда адъютанту, клюют во дворе вместе с другими. Он несколько раз пересчитал их, но сомнения не могло быть — восемнадцать. Позже старик узнал, что тогда охранник взял этих кур, чтобы его не обидеть, но по указанию вождя тут же после его ухода отнес их обратно в курятник. Огорченный старик почем зря ругал в душе охранника за то, что тот не понял его искреннего желания.

А однажды охранник принес старику только что снесенные его курами яйца и сказал, что за курами присматривает вождь, и добавил, что принес их по велению вождя, который наказал отнести их, пока они теплые. Приняв яйца обеими руками, старик укоризненно посмотрел на охранника. Старик надеялся, что вождь будет есть хоть яйца, раз не удалось угостить его курятиной, но вождь присылает и их. Как тут быть, старик не знал.

Вот как вождь-отец дорожил имуществом народа. Эти благородные качества великого вождя воспринимали все руководящие работники и воины Народной Армии и делали незыблемым принципом своего поведения. Поэтому, когда бойцы Народной Армии останавливались у крестьян, то обычно, хозяйки терялись от того, что бойцы натаскивали слишком много воды, а между хозяином и командиром разгоралась «ссора» из-за уборки двора. Повар и хозяйка соревновались в приготовлении вкусной пищи и угощали друг друга и старались каждый больше работать на кухне. Эти благородные качества присущи только нашей Народной Армии — наследнице блестящих революционных традиций, заложенных вождем в годы антияпонской революционной борьбы. Эти качества образовывали яркий контраст омерзительным деяниям марионеточной южнокорейской армии и американских империалистических агрессоров. При паническом бегстве на юг агрессоры полностью обнажили свое звериное нутро, применяя

штыки только для грабежа. Куда ни ступала их нога — всюду следы грабежа и насилия. В этих варварских злодеяниях полностью обнажился страх обреченных на гибель поработителей народа — захватчиков.

И в те дни, когда вождь-отец был так занят подготовкой к генеральному контрнаступлению по всему фронту, он находил время для заботы о жизни местных жителей и собственноручно помогал им в хозяйстве. Однажды утром он, знакомясь с условиями жизни сельчан, зашел к крестьянину, где шла молотьба гаоляна.

«В такой холодный день, как сегодня, лучше бы молотить бобы, а не гаолян?»

Восхищенный словами вождя, который так хорошо, как опытный хлебороб, знает крестьянское дело, хозяин дома ответил, что молотит гаолян, чтобы сдать вовремя натурналог.

Вождь, узнав это, посмотрел, как его сын молотит цепом, и похвалил его:

— Э, ученик, ты хорошо работаешь цепом.

Потом вождь, улыбаясь, попросил у него цеп. Он, приняв цеп от растерявшегося мальчика, вместе с крестьянами некоторое время молотил. От сильного удара цепа сотрясалась земля и отделялись гаоляновые зернышки. Хозяин почувствовал себя неловко и попросил вождя уже остановить работу, ведь цепом трудно молотить, но вождь не послушался хозяина до тех пор, пока не закончил молотьбу.

При виде вождя сельчане испытывали большое счастье за то, что они живут под руководством такого великого человека, вышедшего из народа, они готовы идти в огонь и в воду ради дорогого и любимого Полководца.

В то время как вождь молотил вместе с крестьянами гаолян, враги, рассчитывая на скорую победу, отчаянно напирали со всех сторон, а их главари, выкатив глаза, орали, чертя на оперативной карте стрелы, обозначающие направление атаки. Если бы они знали, что вождь спокойно

работал с крестьянами, то они задрожали бы от страха, как собака.

Правда, вождь уже завершил составление плана сокрушительного удара по агрессорам.

Высокие моральные качества и мужество, проявленные вождем в трудные дни отступления, обладали огромной притягательной силой и благодаря ей вся Народная Армия и народ пошли по верному пути победы.

4

В последней декаде ноября 1950 года Верховный Главнокомандующий Маршал Ким Ир Сен отдал приказ всем частям КНА о решительном генеральном контрнаступлении по всему фронту.

Проникшие на территории северной части Республики агрессивные американские войска и их наемники получили сокрушительный удар на всех фронтах — от реки Чхончхон до озера Чанчжин и др. Их настигала смерть: от пуль, от осколков, от ударов штыков, они замерзали, зарывшись в сугробы.

Чудом оставшиеся в живых враги в панике бежали на юг. Но там ожидала их неминуемая гибель. Их встречал второй фронт, сформированный вождем в тылу врага, и эта встреча означала смерть. Весь командный состав 8-й американской армии — более 80 человек во главе с ее командующим Уоркером — был полностью уничтожен, в результате чего штаб этой армии напоминал чудовище без головы.

К концу 1950 года враги были полностью изгнаны южнее 38-й параллели, были освобождены все районы, находившиеся под временной оккупацией противника.

Однако в только что освобожденных городах и селах

сохранились глубокие раны — следы варварских злодеяний врага, содеянных во время оккупации.

«Что мы дали этим детям?»

В один из декабрьских вечеров 1950 года великий вождь Президент Ким Ир Сен отправился из Канге в освобожденный Пхеньян.

При виде городов и сел, превращенных в руины беспощадными бомбардировками и варварскими действиями противника, сердце вождя разрывалось от боли.

Американские империалисты — кровопийцы, живущие за счет людской крови. На нашей корейской земле янки, которые уже давно уничтожили коренных жителей североамериканского континента и, заковав в цепи негров, завезенных из Африки, превратили их в своих рабов, еще раз обнажили свою жестокую, звериную природу. Вторгшийся в северную часть Республики американский генерал-убийца издал приказ, в котором говорилось: «Ваши руки не должны дрожать, если даже перед вами стоят старики и дети. Убивайте! Тем самым вы спасете себя от смерти и выполните долг солдата войск ООН». Даже дьявол отвернулся бы от этого приказа, но солдаты выполняли его беспрекословно. Агрессивные американские войска совершали на корейской земле такие зверские злодеяния, которые не поддаются человеческому воображению. Они расстреливали невинных женщин, штыками убивали младенцев, плачущих на груди мертвых матерей, за ноги бросали детей в реку, соревнуясь, кто дальше бросит. Они таскали людей по улицам, выколов им глаза и продев проволоку через язык, вырезали у девушек груди, ломали кости, загоняли людей в склады и, облив бензином, сжигали их или живьем закапывали в одной яме всех жителей какого-нибудь селения. Там, куда достигали щупальца американских убийц, оставалась сожженная земля, пожухлые травы и деревья, даже реки истекали кровавыми слезами.

Вождь смотрел на жестокие раны земли, истерзанной

врагами, его глаза горели жгучей ненавистью и в то же время в них отражалась душевная боль человека, разделяющего горе с народом этой земли.

Вождь, который не знал усталости, о котором говорили, что он сокращает расстояния, на этот раз проезжая мимо деревни, окутанной тьмой, испытывал душевную и физическую боль. Казалось, огромные страдания, пережитые народом, таятся в густой пелене тумана в ночном мраке.

Вождь добрался до села Сапхен волости Нэнам, где лежала равнина Сунчхон. Он здесь велел остановить машину за околицей. В этой местности враг лютовал особенно жестоко.

Вождь, выйдя из машины, некоторое время глядел на равнину Сунчхон, лежащую в ночной тьме, затем направился к крестьянскому дому. В нем жили пожилая женщина и трое детей — восьмилетняя девочка, пятилетний мальчик и грудной ребенок. Дети крепко спали.

Сняв сапоги у порога, вождь вошел в комнату и обратился к хозяйке:

— Здравствуйте. Вам, наверно, очень плохо живется в годы тяжелой войны.

Была темная ночь. Хозяйка, приняв его за простого военного, ответила:

— Вам, военным, тяжелее.

В это время адъютант зажег свечу. Она узнала вождя и крайне удивилась.

— Полководец, это Вы к нам...

Она не успела ничего сказать и опустила голову. По ее щекам потекли слезы. Это были слезы, которые она сдерживала, стиснув зубы, невзирая на все трудности и лишения, которые обрушил на нее беспощадный враг. Вождь успокаивал ее и подробно расспрашивал о пережитом. Всхлипывая, женщина рассказывала.

Захватив село, враги убивали всех подряд без разбору, поджигали дома и забирали птицу и скот. Они зверски убили

ее мужа за то, что он был председателем партячейки. Женщине большого труда стоило рассказать о том, что ее мужа избили до полусмерти, а потом казнили, связав руки. Убит был не только ее муж, но и многие другие сельчане.

Враги, которым было мало пролитой крови, уничтожали все, что попадалось в домах и во дворах. Они грабили зерно и забирали даже щенят, разбивали чаны с кимчхи и даже кувшины с канчжан (жидкая соя). Забирали даже одежду и одеяла. Им, этим разбойникам и извергам, были ненавистны и страшны и живые люди, и все предметы.

Слушая печальный рассказ женщины, вождь ощущал нестерпимую душевную боль, он молча смотрел полным горести взглядом в угол комнаты. Может быть, он, гладя по глубоким ранам страны и народа, думает о том, как обрушить меч возмездия на душегубов? Чем дальше, тем глубже его охватывало негодование. И он только гладил по головкам легко одетых детей, спящих свернувшись калачиком. Сильно дрожала рука вождя, охваченного гневом, когда он растегивал верхнюю пуговицу рубашки и поглаживал спящего мальчика по взъерошенной голове.

При виде страдающего вождя женщина чувствовала себя виноватой за лишние слова и ощущала, что сердце ее разрывается на части. Вождь испытывал всем существом обиду за поруганную страну, он был охвачен бурей гнева. Как ему тяжело видеть все это, если так помрачнело его лицо и дрожали руки, поглаживающие ребенка по голове! Она, закусив губу, еле сдерживала слезы.

Девочка проснулась от горячей ласки, вслед за ней проснулись двое мальчиков. Вождь крепко обнял пятилетнего мальчугана и, застегивая раскрытые полы его рубашки, говорил женщине:

«...Нам надо вырастить этих детей не хуже, чем дети, у которых есть отец. Это наш долг».

Вождь, как бы желая облегчить душевные переживания женщины, мягким голосом говорил о счастливом будущем, которое он обеспечит этим детям. Он сказал,

что в дальнейшем государство будет заботиться о семьях погибших патриотов и их детях и потому матери должны не падать духом, сохранять всю свою волю, вырастить детей.

Вождь дал девочке печенье, а в руки ребенка, которого он обнимал, сунул булочку, говоря: «На, эта самая большая». Попеременно поглаживая по головкам, с аппетитом жующих детей, он глядел на них с улыбкой.

Время текло, приближалась полночь, но вождь не мог уйти от них.

Воцарилось молчание. Молчали и вождь, и женщина.

Спустя некоторое время вождь встал и еще раз сказал женщине, что она должна быть мужественной, и вышел на улицу. Женщина, провожая вождя, не раз повторяла:

— Вы, дорогой Полководец, не обошли своей заботой мой дом, а я не подчевала Вас даже ужином...

Эти слова исходили из глубины ее души. Полководец, по которому она столько тосковала, Полководец, в знак благодарности которому кричала вместе с мужем «мансэ!» в день, когда они получили землю, Полководец, которого звала она и в радостное и в трудное время. Очень досадно и тяжело было на душе у женщины, которая ненароком огорчила Полководца Ким Ир Сена печальным рассказом о своих невзгодах и не успела угостить его хоть какой-нибудь горячей едой.

Вождь, повторяя слова утешения, вышел на улицу, тяжело ступая, словно на его плечах лежал огромный груз, подошел к машине и сел в нее.

Машина вождя снова взяла курс в Пхеньян. Он по-прежнему молчал, погрузившись в тяжелые думы. Когда машина проехала десятки ли, он, обернувшись к адъютанту, спросил:

— Что мы дали этим детям?

До адъютанта не дошел смысл сказанного, он не знал, что ответить, и молчал некоторое время.

Ведь вождь отдал детям этого дома свой ужин — булочки и печенье, так о чем же он говорит?.,

Адъютант почувствовал волнение. Он понял смысл слов вождя, который жалеет, что не может обеспечить этим детям, у которых враги отняли так много, светлую счастливую жизнь и веселые песни, ведь это не заменят булочки и утешительные слова.

За окнами машины мелькали сгоревшие селения и изуродованные поля. Вождь глядел в темноту, больше он ничего не сказал. Адъютант и другие сопровождающие его лица от сильного волнения не могли выговорить ни слова.

По возвращении в Пхеньян любимый вождь Президент Ким Ир Сен, несмотря на большую занятость сложными делами на фронтах и в тылу, не забыл о семье погибшего патриота, с которой он встретился в крестьянском доме в Сунчхоне, и лично направил ей отрезы на одежду, детскую обувь и домашнюю утварь.

Вождь подробно разузнал о положении семей погибших патриотов и сирот военных лет во всей стране и созвал совещание Политического Комитета ЦК партии, где обсуждался вопрос о стабилизации жизни семей павших патриотов и воспитании сирот войны за счет государства. Вслед за этим в середине января 1951 года он созвал пленарное заседание Кабинета Министров, на котором было принято постановление о воспитании всех детей, лишившихся родителей, за счет государства, что явилось историческим шагом в деле стабилизации жизни пострадавшего от войны населения.

Во многих районах страны были учреждены приюты, детские дома, начальные школы-интернаты для воспитания сирот и революционные училища. В результате все сироты получили возможность жить счастливо в объятиях вождя, не зная печали сиротства.

Так вождь-отец, ведя работу по преодолению ущерба, причиненного американскими агрессорами, первым долгом одарил своей любовью и заботой детей, спасенных из пламени.

Вместе с тем он непрерывно наносил мощные удары по американским империалистам-душегубам и их най-

митам. Его удары напоминали тайфун, разбивший пиратское судно вдребезги и поглотивший его остатки.

Сеул и другие районы Южной Кореи снова были освобождены. Командующий «ооновской армией» Макартур, сначала превозносимый американскими империалистами, а затем обвиненный в жестоком поражении, был снят со службы и исключен из списка личного состава армии.

Мальчик, растущий у оперативного стола

Ранней весной 1951 года, когда шли истребительные бои против обратившегося в бегство противника на всем фронте, в одной из комнат Верховного Главнокомандования резвился трехлетний мальчик. Это был ребенок, которого вождь-отец Президент Ким Ир Сен привел из какого-то приюта и лично воспитывал после принятия Кабинетом Министров постановления о воспитании сирот за счет государства.

Все были удивлены, как в штабе Верховного Главнокомандования, руководящего боями, от которых зависят судьбы страны, растет ребенок, Верховный Главнокомандующий, посадив ребенка на колени, разрабатывает оперативный план. Человечество с его многовековой историей вело много войн, но история этих войн не знала такого факта.

Когда впервые привели этого ребенка, он чуждался людей. Вокруг были только одни офицеры в сапогах, мальчик озирался вокруг и плакал. Вождь, отложив дела, быстро подошел к ребенку, стал его успокаивать, говоря: «Ты умник, не надо плакать» и поднял его на руки. Но мальчик не переставал плакать. Вождю было неловко, он поискал глазами какую-нибудь игрушку. Но в ставке Верховного Главнокомандования не было никаких детских игрушек. Вождь порылся в карманах и нашел красный карандаш.

— Ничего нет. Возьми хотя бы это! — сказал он и дал карандаш ребенку. Мальчик обратил на красный карандаш внимание и перестал плакать. Потом он тихонько

припал на грудь вождя и обнял его. Лицо вождя засияло, словно мягкий весенний день.

Вождь-отец не раз просил офицеров при Верховном Главнокомандовании как следует ухаживать за ребенком и сам устроил ему спальню, определил для него время еды и сна. Он укачивал ребенка и укладывал его в постель, порой даже просиживал у его изголовья до полночи.

Однажды вождь, до поздней ночи находившийся у оперативного стола, вошел в комнату ребенка. Вождь, как обычно, положил руку на его лоб и нахмурился. Он спросил, поужинал ли ребенок. Адъютант ответил, что он ел меньше, чем обычно, он вовремя заснул и температура у него не очень высокая.

Выслушав эти слова, вождь строго сказал, что если ребенок плохо ест, значит, он нездоров.

«Кажется, у вас не хватает теплоты в отношении ребенка. Если бы вы были его родным отцом, то вы не относились бы к нему так равнодушно.

Ведь родители сразу определяют даже несерьезную болезнь у грудного ребенка, не умеющего говорить. Так получается только тогда, когда велика забота и любовь к детям».

Вождь, запахнув одеяло ребенка, говорил, что нужно всегда иметь медикаменты для оказания первой медицинской помощи, и некоторое время тревожно всматривался в лицо ребенка.

В этот день вождь позвал к себе работников министерства просвещения и работников здравоохранения и поинтересовался положением медицинского обслуживания во всех приютах и школах-интернатах для детей павших патриотов, а затем распорядился усовершенствовать профилактико-лечебную работу, чтобы предупреждать заболевания детей, и запастись достаточным количеством неприкосновенных медикаментов для своевременного лечения в случае заболевания детей.

Благодаря теплой заботе вождя-отца ребенок в ста-

вке Главнокомандования рос бодрым, крепким, словно бутон, растущий под яркими солнечными лучами. Называя вождя «папой», ребенок, уцепившись за его костюм, то ходил вслед за ним, направляясь к оперативной карте, то резвился, сидя на его коленях.

Проводя время вместе с ребенком, вождь забывал об усталости. Уча его говорить и тихо напевая колыбельные песни, он часто улыбался, рисуя себе новый, счастливый день, который наступит на родной земле после изгнания американских империалистических агрессоров. Таким образом, у оперативного стола Верховного Главнокомандования, где разрабатывался план по нанесению сокрушительного удара врагу, вождь растил ребенка, олицетворяющего беспредельно счастливое завтра Кореи и резерв революции.

Бойкий, милый ребенок, резвившийся под столом в ставке Верховного Главнокомандования, был своего рода блестящим символом, свидетельствующим о справедливости священной войны, проводимой корейским народом. Этот ребенок был также неумолимым свидетелем, который осуждает американских империалистов-агрессоров как душегубов, постоянно напоминая сгоревший родной дом, убитых родителей и многих, многих детей, которые родились, чтобы так же счастливо жить, как он, но были убиты американскими агрессорами, не познав жизни, еще и не успев научиться стать на своих ногах. А для агрессоров, обогащающихся на муках и кровавых слезах населения, было «ратным подвигом» и «гордостью» разрушение, совершаемое ими, они с гордостью приводили числа истребленных безоружных людей и сирот, лишенных родителей.

Однако этот «ратный подвиг» на самом деле был самым позорным поражением. Это было поражение, доказывающее, что они не люди, а самые отвратительные хищники.

Чтобы спасти человека — самое ценное существо от варварских злодеяний этих зверей, чтобы сохранить его творения и светлое будущее, вождь вел эту войну. Милый

ребенок, резвящийся у его оперативного стола, был безмолвным красноречивым свидетелем его страстности, проявляемой им без остатка во имя защиты корейского народа и человечества в этой войне.

Вождь-отец вырастил не только этого сироту, он искренно заботился о всех сиротах. Он сделал так, чтобы сироты навсегда забыли слезы и росли в радости и счастье.

В условиях, когда во всем ощущалась нехватка, вождь, желая дать самое лучшее детям, лично следил за снабжением всех школ-интернатов и приютов. Был такой случай. Когда соответствующие работники составили рацион питания сирот, он, непосредственно познакомившись с ним, позаботился, чтобы дополнительно снабжали детей яблоками, молоком, тубу, сахаром и т. д. Он лично записал в меню название этих продуктов.

Тогда в стране жизненные условия не везде были одинаковы, цены на товары были тоже разными. В таких условиях вождь уделял большое внимание определению объема поставляемых товаров, он сделал все, чтобы питомцы одинаково питались и одевались.

Благодаря этому в Корее, где шла жестокая, многолетняя война, не было таких сирот, которые страдали бы от голода и бродяжничали. Члены комиссии Международной демократической федерации женщин, ездившие по районам нашей Республики во время войны, удивились, что нет бродящих по улице беспризорных детей, нет нищих, и часто спрашивали, каким путем удалось добиться этого. Действительность нашей страны, переживающей суровую войну, никак не укладывалась в их сознании.

Но когда они узнали, что это результат мудрого руководства великого вождя нашего народа Президента Ким Ир Сена и его безмерно горячей отеческой любви, все они не могли сдержать восхищения и безграничной зависти нашему народу, который живет и борется под руководством такого заботливого и мудрого вождя.

Среди питомцев школ-интернатов, растущих в окружении любви и заботы вождя, родилась такая песня:

Облака высоко в синем небе плывут,
Над землей зеленой плывут.
Веселей, веселей играй, гармонь.
Мы землю родную воспоем.
Наш отец дорогой — Маршал Ким Ир Сен,
Шлем Вам сердечный привет.
Как кровные братья мы живем,
Не завидуем никому.

Хотя эта песня родилась среди воспитанников приюта, но до сегодняшнего дня ее поют громко и весело все дети и взрослые северной части страны.

Забота вождя о детях-сиротах — это была лишь часть его большой заботы о семьях патриотов, погибших во время войны. Вождь проявлял большую заботу о семьях патриотов, подвергавшихся бедствиям во время вражеской оккупации, и о всех пострадавших от войны. Вождь создал Комитет помощи населению, пострадавшему от войны, и принял государственные меры по обеспечению их продовольствием и предметами первой необходимости, построил для них жилье, освободил их от уплаты части сельскохозяйственного натурналога и возвращения зерновых ссуд. Система бесплатного медицинского обслуживания, которой гордится наша Республика, была введена именно в это время.

Мощь и прочность нашего тыла, продемонстрированные в смертельной войне с американским империализмом, сильным врагом, хвастявшим своим неиссякаемым военным потенциалом, — это был результат отцовской любви, проявленной Президентом Ким Ир Сеном.

5

В революционной борьбе неизбежны жертвы. Особенно много жертв в войне, эти жертвы вызывают у людей душевную боль. Корейская война была самой ожесточенной тотальной войной, где не было ни фронта, ни тыла, к тому же стратегия американских агрессоров была направлена на беспощадное варварское истребление и разрушение, поэтому корейскому народу пришлось пролить много крови.

Каждый раз, когда гибли люди, уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен, где бы он ни находился, с глубокой скорбью провожал их в последний путь, как он делал это во время антияпонской революционной борьбы. В любых обстоятельствах он делал все возможное для того, чтобы должным образом отдать все почести погибшему бойцу. Был такой случай, когда он, задержавшись даже в пути во время стратегического отступления, лично похоронил безымянного солдата.

В тех случаях, когда в боях с врагом люди гибли, вождь воспитывал солдат и народ на примерах их героических подвигов и ставил на место павших новый отряд мстителей, тем самым показывал, что у человека самое ценное — это политическая жизнь и жизнь человека приобретает значение в борьбе за революцию, за народ.

Когда умер боец, которого он больше всех берег и любил

Это было однажды утром, когда части Народной Армии изгнали врага с территории северной части Республики и по всему фронту продолжали наступать на юг, нанося ему сокрушительные удары.

В тот день любимый вождь Президент Ким Ир Сен

получил печальное известие о безвременной кончине товарища Ким Чака. Ведь он еще несколько часов назад заходил в Верховное Главнокомандование. Вождь не верил своим ушам, тут же начал звонить:

«Умер товарищ Ким Чак? Нет, он не умер, не умер...»

Но это было так. Он умер от паралича сердца. Когда третий раз позвонили вождю, что подтверждена его смерть, вождь закрыл лицо обеими руками, не в состоянии сдержать свое горе. В полдень, когда не прекращались налеты вражеской авиации, он выехал туда, где в то время находился Кабинет Министров.

Он с великой печалью молча смотрел на покойного товарища Ким Чака. Покойник выглядел так, словно он спит, не зная, что около него стоит любимый вождь, которому он был предан всю жизнь.

Тяжело переживая случившееся несчастье, вождь обнял покойного. Он все еще не верил его смерти, поглаживал его по лбу и щекам, брал его руку и щупал пульс. Но тело уже застыло. Перестало биться горячее сердце бойца, который на протяжении десятков лет после вступления на путь революции неуклонно шел по этому тернистому пути, где его встречали горести и невзгоды. Боец закрыл глаза, не увидев полной победы революции, которой он так жаждал, и оставив в живых агрессоров, которых он так ненавидел при жизни?! Вождь тряс товарища Ким Чака за плечи.

«Зачем ты один ушел от нас. Ведь ты говорил: будем жить и умирать вместе. Зачем ты, Ким Чак, так рано ушел *от нас, оставив так много дел, Ким Чак! Ким Чак!»*

Вождь, испытывая непередаваемую боль в сердце, звал и звал любимого бойца. Но боец ничего не отвечал.

Чем сильнее вождь ощущал душевную боль из-за утраты любимейшего солдата революции, тем ярче становились в памяти эпизоды их совместной борьбы.

Товарищ Ким Чак стойко защищал и осуществлял революционную линию, намеченную вождем в период трудной антияпонской вооруженной борьбы, и преданно, до

конца поддерживал вождя, когда он развертывал великую работу по строительству партии, государства и армии после освобождения страны. Он, заняв ответственный пост заместителя Председателя Кабинета Министров и командующего фронтом, целиком отдавал всего себя во имя победы в революционной войне, которой руководил вождь, и боролся, не зная сна и отдыха.

Накануне он посетил ставку Верховного Главнокомандования, доложил великому вождю о проделанной работе и получил новое задание. Ким Чака никогда не покидала мысль, что его долг делить вместе с вождем горе и радость во всех делах — и в больших, и в малых. И сегодня он, сидя рядом с вождем, до полуночи вспоминал о незабываемых событиях прошлых лет.

Когда он собрался уходить, вождь заметил, что у него старые носки. Вождю очень тяжело было видеть революционного солдата, который проводит дни в заботах и хлопотах, не находя даже времени, чтобы надеть новые носки. Вождь молчал некоторое время, потом тихо позвал к себе адъютанта и распорядился принести свои носки и предложил товарищу Ким Чаку, чтобы он надел их при нем. Вождь молча наблюдал, как переобувается Ким Чак, и, заметив, что он переутомлен и голоден, уговаривал поесть хотя бы куксу, приготовленное в столовой, и переночевать у него, но тот отказался под предлогом занятости и вскоре ушел.

Вернувшись к себе в Кабинет Министров, он продолжал работать, но почему-то долго не выходил из кабинета. Адъютант заглянул в кабинет, а он мертв.

Выслушав это, вождь укорял себя, что не накормил куксу переутомленного и голодного борца.

Товарищ Ким Чак даже в смерти своей был борцом революции, человеком сильной воли. Он был одним из любимых революционных солдат вождя, славным сыном народа, беспредельно преданным вождю.

Исключительно велико было доверие и любовь вождя к товарищу Ким Чаку.

Вот что было во время временного отступления Народной Армии.

Справившись со всеми сложными делами, связанными с эвакуацией, перед отъездом из Пхеньяна вождь позвал к себе товарища Ким Чака, командовавшего трудными оборонительными боями на передовой линии фронта на рубеже Чунхва, беспокоясь о нем. Но тот не покинул пост на переднем крае, он был полон решимости ценой жизни защитить Пхеньян, где находится вождь, и надежно обеспечить стратегическое передвижение Верховного Главнокомандования. Не дождавшись товарища Ким Чака, вождь снова послал к нему адъютанта и велел ему сказать:

«Если товарищ Ким Чак не придет, то и я тоже не уйду отсюда...»

Товарищ Ким Чак не мог сдержать слезы от волнения, выслушав горячие слова вождя, который в любых условиях готов делить участь с любимыми революционными солдатами.

Как-то раз товарищ Ким Чак, которого так берег и любил вождь, один без адъютанта навестил вождя. Заметив это, вождь велел своему адъютанту сопровождать товарища Ким Чака, когда он уходил к себе. Увидев адъютанта вождя, следующего за ним, товарищ Ким Чак строго упрекнул его.

— Почему ты идешь за мной? Ведь ты должен охранять вождя, не ослабляя бдительности ни на минуту. В своем ли ты уме? Скорее назад!

Адъютант вождя растерялся. Ведь он пошел по распоряжению вождя, а его заставляют вернуться назад. Товарищ Ким Чак так торопил адъютанта, что тот был вынужден вернуться назад.

Но вождь, увидя вернувшегося адъютанта, сказал, что он обязан выполнять распоряжение Председателя Кабинета Министров, а не его заместителя, и велел побыстрее догнать и надежно охранять товарища Ким Чака.

Адъютант стремглав помчался за товарищем Ким Чаком и догнал его.

Такой горячей была любовь вождя-отца к товарищу Ким Чаку, преданность последнего вождю была безмерной.

Он был борцом, который сочетал верность великому вождю Президенту Ким Ир Сену с революционной страстью, с любовью к народу.

Это было вскоре после освобождения страны. Как-то раз ему пришлось выступать на массовом митинге. Когда собравшиеся приветствовали его громкими возгласами, он тут же во весь голос воскликнул: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» — и вмиг весь зал огласили здравицы в честь вождя. Отказаться от любой чести в свой адрес и воздать славу вождю — это был его жизненный принцип.

И когда он слег от переутомления, то просил членов своей семьи обязательно сообщать ему, если позвонит вождь, говоря, что он сам примет его распоряжения. Когда вождь звонил ему, он всегда слушал стоя. Во всех делах, больших или малых, он всегда следовал за вождем и всю жизнь до последней минуты отдавал претворению в жизнь революционных идей вождя.

И теперь это чувство преданности застыло на его лице, погрузившемся в вечный сон!

Вождь, который с глубокой скорбью глядел на покойного, вдруг вспомнил те дни, когда тот ликуя вошел в его комнату, ведя своего сына, которого нашел через 20 лет разлуки.

Это было 1 мая 1946 года. В тот день вождь после первомайских торжеств, обсуждал важные дела вместе с несколькими руководящими работниками в своем рабочем кабинете. В это время товарищ Ким Чак ввел туда парня с взлохмаченными волосами и сказал, что это его сын, с которым он расстался в Маньчжурии, когда ему было три года, и о котором он до сих пор ничего не знал.

Товарищ Ким Чак рассказывал о том, как он нашел своего сына.

В тот день товарищ Ким Чак тоже принял участие в первомайском торжестве. Когда он собирался вернуться в Нампхо, где тогда работал, ему сообщили, что какой-то молодой человек пришел к нему, этот юноша называет его отцом. Товарищ Ким Чак покачал головой и подумал: «У меня нет такого сына...»

Жена товарища Ким Чака уже давно умерла, и у него остались старший сын, с которым он расстался, когда ребенку было три года, и второй сын, которого ни разу не пришлось увидеть. Уже позже, во время антияпонской вооруженной борьбы он слышал от людей, что они растут у дяди по материнской линии на Северо-Востоке Китая. Более 20 лет горькой разлуки! В эти суровые годы, когда всюду бушевало пламя, он не мог узнать, живы ли они. Если остались живы сыновья, все равно они не могли бы прибыть сюда, через государственную границу. Но ему передали, что сын пришел к отцу, узнав из газеты, что отец вернулся в Корею. Товарищ Ким Чак, успокаивая трепещущее от волнения сердце, встретил посетителя. Перед ним был парень с взлохмаченными волосами в изношенной бумажной одежде, в чипсинах (соломенные лапти). Он стоял у ворот, под мышкой держа коробку, видимо, с обедом, завернутую в бумажный сверток. Увидев товарища Ким Чака, парень поклонился ему. По его загоревшим и потрескавшимся от солнца щекам текли ручьями слезы и падали на ноги в чипсинах. Хотя парень расстался с отцом, будучи трехлетним несмышленышем, теперь встретившись с ним спустя 20 лет, он узнал отца.

Товарищ Ким Чак тоже, глотая горячий комок, пристально всматривался в лицо всхлипывающего парня. Тут товарищ Ким Чак заметил, что у парня такие же глаза, как у его покойной жены. Он, ощущая острую боль в сердце, дрожащим голосом спросил:

— Как тебя зовут?.. Где ты вырос?!

Парень назвал свое имя и имена дяди по материнс-

кой линии и младшего брата. Это, несомненно, был его сын. Товарищ Ким Чак пристально посмотрел на него. Но слишком трудно было воспроизвести в памяти события 20-летней давности, тех лет, когда он расстался с трехлетним ребенком. Товарищ Ким Чак хриплым голосом спросил:

— Где мать?

Хотя он сам знал о ее смерти, но из его уст в момент свидания с сыном неожиданно вырвался этот вопрос.

Сын не мог ответить и, только опустив голову, заплакал еще горче.

— Ты тоже плачешь, услышав слово «мать»...

Товарищ Ким Чак, вытирая слезы сыну, проговорил:

— Давай скорее пойдем к Полководцу Ким Ир Сену и поклонимся ему.

Товарищ Ким Чак вошел в ворота, чтобы оттуда прямо повести его в кабинет вождя.

Товарищ Ким Чак поднимался по лестнице вперед, но остановился и повернулся, потому что не слышал шагов сына. Сын не шел за ним, а стоял, как истукан, у входа.

Сын, который сначала шел было за отцом, колебался, не решаясь идти в чипсинах по чистому ковру красного цвета, разостланному на ступеньках. Он, сняв чипсины, прошел еще немного за отцом, а потом повернулся, увидел грязные следы от своих ног, оставленные на ковре. Парень смутился и начал вытирать их бумажным свертком, в котором была завернута коробка с обедом. Потом он отошел в сторону к подоконнику и не знал, как быть, глядя то на свои запыленные чипсины, то на чистый ковер.

Видя сына в этом состоянии, товарищ Ким Чак с трудом сдерживал нахлынувшие слезы. Сын волнуется у двери вождя, его плечи выдержали тяжкие испытания от страшной обездоленной жизни в прошлом, и отец захотел выплакать свою печаль, крепко обняв его. Но, подумав, что если он так поступит, то и сын не сможет сдержать

свою печаль, поэтому товарищ Ким Чак медленно подошел к сыну и сказал:

— Надень чипсины скорее. Надо же отдать поклон Полководцу.

Отец чувствовал, как тряслись его руки, лежавшие на плечах сына, и с болью в сердце говорил:

— Наверно, Полководец обрадуется, если увидит тебя в таких чипсинах. Если бы ты пришел сюда в ботинках и в европейском костюме, то Полководцу было бы досадно, мне тоже было бы неприятно. Пыль-то можно стереть. Надень скорее чипсины и пойдем.

Так он привел сына в кабинет вождя и представил его, рассказывая о том, как сын стеснялся чипсин.

Вождь-отец горячо приветствовал сына соратника, крепко обнял его и тепло приласкал. Товарищ Ким Чак от большого счастья не мог оторвать платок от глаз.

Отец гордился сыном, который пришел к нему в бедной одежде из бумажной ткани и чипсинах, а не в шикарном наряде — в европейском костюме и ботинках. Он был известным бойцом, прошедшим сквозь огонь антияпонской революционной борьбы, оставив свой дом и семью, революционером, сделавшим большой вклад в строительство новой Родины и в священную войну за разгром агрессоров.

Чем ярче вставал благородный облик товарища Ким Чака из множества воспоминаний, тем острее ощущал вождь боль утраты.

Вождь не покидал покойного с той ночи до его похорон. Три дня подряд вождь как следует не спал, почти ничего не брал в рот, встречал членов семьи покойного и утешал их.

Это было в день, когда гроб с телом покойного несли на гору Тэсон. Вождь сам нес на плече гроб и шел впереди.

Захоронили Ким Чака, в его честь прозвучал оружейный залп. Вождь вместе с сопровождающими его лицами начал спускаться с холма, но, сделав несколько шагов, остановился и сказал им:

— Идите вперед.

Он пошел назад по дороге, желая поговорить наедине с покойным или скрыть свои слезы от спутников.

Вождь не мог сдержать горячих слез при лунном свете, поглаживая надгробный памятник товарищу Ким Чаку. Он крепил и крепил решимость именем павших в бою солдат обрушить на американских империалистических агрессоров шквал огня. Этот шквал вскоре превратился в грозную канонаду, заставившую трепетать врагов.

Чтобы вписать в историю подвиги солдат

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен высоко оценил подвиги, совершенные павшими в бою революционными солдатами, и делал все возможное для того, чтобы память о них передавалась из поколения в поколение.

Чтобы увековечить память о революционной жизни и великом боевом подвиге товарища Ким Чака, вождь посмертно присвоил ему звание Героя. По предложению вождя, уезд Хаксон провинции Северный Хамген, его родина, переименован в уезд Ким Чак, а промышленный город Сончжин и Чхончжинский металлургический завод были названы именем Ким Чака, его имя стали носить подразделения Народной Армии, военное училище и политехнический институт. На родине товарища Ким Чака был воздвигнут бронзовый бюст. Отцовская любовь вождя, желающего навеки сохранить подвиги революционных соратников, не знала границ.

Вот что было, когда отмечали годовщину со дня гибели товарища Кан Гона. По случаю этой даты один из военных журналистов должен был поместить статью, посвященную его боевым подвигам. Вождь лично пригласил редактора журнала и подробно рассказал ему о блестящих подвигах, совершенных товарищем Кан Гоном, и подсказал структуру статьи о его славных боевых подвигах.

Товарищ Кан Гон — беззаветно преданный вождю пламенный революционный борец — родился в провинции Северный Кенсан Южной Кореи. В ходе первой наступате-

льной операции эта местность была освобождена. Покинув любимую родину в далеком детстве, он смог побывать там только сейчас, пройдя тернистый путь длительной антияпонской вооруженной борьбы. Однажды, возвращаясь с фронта, он навестил родные места, где жила старая бабушка. Но к несчастью, по дороге товарищ Кан Гон погиб.

Вождь очень скорбел, получив эту печальную весть.

Вождь с жгучей ненавистью и жаждой мести к злейшему врагу, вырвавшему у него любимого солдата, собственноручно написал некролог и приказал сообщить воинам Народной Армии о его гибели в бою и беспощадно отомстить врагу.

Однако никакое возмездие не могло унять боль, причиненную вождю, потерявшему любимого революционного солдата, которого он сам воспитал.

Вождь посмертно присвоил товарищу Кан Гону звание Героя КНДР и приказал воспитывать личный состав Народной Армии и народ на примерах его боевых подвигов. Впоследствии он с целью увековечить его имя и революционные заслуги присвоил подразделению Народной Армии и военному училищу имя товарища Кан Гона. По инициативе вождя было принято решение о сооружении памятника товарищу Кан Гону на его родине после ее освобождения, а по случаю 20-й годовщины основания Республики в городе Саривон был воздвигнут в память о нем бронзовый бюст.

Кроме того, вождь при случае называл имена революционных солдат, которые боролись до последней капли крови за революцию и отстояли честь Родины, и настоятельно просил создавать революционные романы и кинофильмы, где прототипом героев являлись они. Горячо поддержав указания вождя, писатели и деятели искусства КНДР создали много художественных произведений об этих борцах, все эти произведения пользуются горячей любовью народа.

Таким образом, солдаты революции, хотя и умерли

физически, но навсегда остались жить в блестящей политической жизни. В подразделениях Народной Армии, учебных заведениях и на промышленных предприятиях многочисленные представители молодежи, вступив в революционные ряды, продолжая их дело, растут революционными, беззаветно преданными вождю солдатами и подобно погибшим героям становятся опорой Родины.

Действительно благодаря заботе Президента Ким Ир Сена выросли многочисленные революционные солдаты, прославляя жизнь и бессмертную славу.

6

В северной части Республики по американским империалистическим агрессорам был нанесен смертельный удар, и янки были изгнаны южнее 37-й параллели, тут они не могли не ощутить, что в этой войне их противником стала могучая армия и народ, которые вступили в противоборство под руководством великого вождя. Американский империализм, считавший себя «сильнейшим» и «непобедимым», теперь уже стал объектом насмешек народов мира. Враги в агонии прибегали к последним средствам. Американские империалисты в стремлении выправить военную ситуацию, которая сложилась явно не в их пользу, с начала 1951 года, с одной стороны, предприняли контрнаступление на всем фронте, мобилизовав всю военную технику и живую силу, с другой стороны, тщательно готовились к высадке десанта на восточном и западном побережьях.

Фронт становился напряженнее, и война затягивалась на неопределенный срок. Вот в такой обстановке великий вождь разработал курс, направленный на усиление обороны на главных направлениях и на восточном и запад-

ном побережьях, на переход к активной обороне и на нанесение контрудара с целью уничтожить большое количество живой силы и боевой техники противника. Чтобы поднять боевой дух воинов, он сам лично часто бывал на фронте.

Тысяча ли по Восточному и тысяча ли по Западному побережьям

Это произошло в середине марта 1951 года, когда агрессивные американские войска активно пытались высадить десант.

И в этот день Верховный Главнокомандующий Маршал Ким Ир Сен только за полночь покинул рабочий кабинет. Сопровождавшие его обрадовались, думая, что он, проведя не одну ночь за работой, наконец собирается в спальню.

Но вождь направился в расположение частей береговой обороны.

Недавно на рассвете он ездил к бойцам, вернувшимся с рубежа реки Рактон, а сегодня, глухой ночью, при непрекращающихся бомбардировках вражеских самолетов поехал к солдатам, сражающимся на западном побережье.

Машина, в которой он был, на большой скорости помчалась к району западного побережья. Когда машина подъехала к небольшому перевалу, вождь велел притормозить, при свете карманного фонаря посмотрел на часы и сказал сопровождающим:

«Есть еще время. Если сейчас заедем, то разбудим солдат, подождем здесь».

Вождь вышел из машины и медленно пошел к перевалу, окутанному мраком. Спутники оставались на месте, отсюда им невозможно было разглядеть вождя, лишь при мерцании то исчезающих, то появляющихся созвездий они улавливали его силуэт.

Все как-то внутренне подтянулись. Вождь, который никогда не давал себе времени для спокойного сна, решая тысячи и тысячи вопросов, касающихся фронта и тыла, теперь гулял по холодной росе, ожидая рассвета, чтобы

дать бойцам поспать подольше. Разве его любовь можно сравнить с любовью матери, дрожащей над единственным сыном?

Еще со времен антияпонской революционной борьбы вождь урезывал свой сон, чтобы бойцы могли поспать подольше, высыпал в кастрюлю партизана, уходящего на разведку, свою долю толокна, а сам глотал лед, ожидая рассвета. Метельной ночью на севере вождь накрывал спящего ординарца своим единственным одеялом, а сам согревал озябшие руки дыханием, ночи напролет думая о родной земле, оставленной далеко на краю света. Его любовь подобна могучей реке, которая течет, разливаясь по земле на тысячи притоков. Все мы, солдаты, — счастливые сыны и дочери, которые живут, борются и создают, утоляя жажду из этой реки! Все мы — воины, рабочие, крестьяне — согреты любовью вождя и в бою, и на привале. Окруженные этой любовью, мы могучи, как одно великое целое, скрепленное кровной связью.

Время шло. Забрезжил восток. Вождь стоял на холме, его силуэт отчетливо был виден на фоне предрассветного неба, он смотрел на предрассветное прекрасное Западное море на горизонте и говорил:

«Товарищи, как прекрасна наша страна, омываемая с трех сторон морями. Мы должны надежно защищать эту родную землю, где так хорошо жить».

При этих словах сопровождающие посмотрели туда, где утренняя заря освещала берег родной земли, где чувствуется дыхание многовековой истории, созданной потом, кровью и умом народа.

Великий вождь уверенно продолжал:

«Сейчас американские агрессоры мечтают занять восточное и западное побережье, но это бредовая мечта».

С этими словами вождь поехал, торопясь к солдатам.

Дежурный офицер части береговой обороны, услышав шум приближающегося автомобиля, выбежал на улицу и остановился, словно пригвожденный. Из машины вы-

ходил вождь, о котором так мечтал и которого он так любил. Проснувшиеся солдаты, протирая заспанные глаза, выбежали на улицу.

Раздались бурные возгласы:

«Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Возгласы раскатились многоголосным эхом далеко по синим волнам Западного моря.

Вождь, широко улыбаясь, отвечал на приветствие, подняв руку, и ласково поглаживал молодого солдата по лицу, словно отец встретил сына после долгой разлуки, тепло обнимал бойцов. Все громче раздавались возгласы. Это была трогательная встреча, она возможна только между великим Верховным Главнокомандующим и беззаветно преданными ему бойцами, так как вождь видит в каждом бойце поток широкого фронта.

Вождь, прежде чем идти в штаб, встретился с солдатами, внимательно осмотрел казармы, где они живут, поинтересовался их боевой готовностью, дал ей высокую оценку, не уставал повторять, что все отлично... Только к вечеру он прибыл в штаб части.

В штабе части вождь беседовал с командирами допоздна, ему доложили о положении в части, затем он указал на недостатки.

Вождь, бывая на переднем крае, заботился о бойцах не потому, что недостаточно были подготовлены командиры. Вождь целиком верил в волю к борьбе и способности командиров. Он не ограничивался одними командными средствами Верховной ставки, потому что считал командиров и солдат, исполняющих приказы на каждой тактико-стратегической единице своей кровью и потом, ничем не заменимыми ценными революционными товарищами, потому что для него встреча с ними была самой большой радостью и счастьем. Вот почему он так часто выезжал на фронт, сквозь пороховой дым и град пуль. И для воинов встреча с вождем прямо на переднем крае была неоценимой честью и наградой, они были счастливы слышать его и

видеть его добрую улыбку. Именно это чувство счастья вызывало у бойцов, воспитанных в духе высокого долга, безграничную жажду к подвигам.

Среди солдат

Когда любимый вождь прибыл в другое подразделение береговой обороны, там произошло следующее.

Вождь здоровался с каждым бойцом за руку, справлялся о здоровье каждого, но вдруг он остановился перед одним молодым бойцом. Дружески положив ему на плечо руку, вождь расспрашивал: тот откуда родом, часто ли пишет письма родителям, давно ли воюет. Он похвалил бойца и спросил, зачем чистят орудие.

Боец, который бахвалился, что не знает сколько волос на голове, но знает все об орудии, бойко щелкнув каблуками, вытянувшись по стойке «смирно», громко отчеканил:

— Чистим мы орудие, чтобы, во-первых, сохранить его техническую характеристику, во-вторых, быть в полной боевой готовности и уничтожать до последнего американских империалистических агрессоров.

Вождь, внимательно выслушав бодрый ответ солдата, удовлетворенно улыбаясь, похвалил его:

«Верно. Всегда нужно быть готовым. Только тогда можно надежно защитить нашу береговую линию. Вы, товарищи, хорошо провели боевую подготовку».

Бойцы засияли от радости и счастья.

Вождь окинул добрым взглядом светлые лица бойцов и сказал:

«Я хочу быть всегда с вами. Мне это очень приятно».

Вождь и бойцы улыбнулись, переглядываясь. Потом все радостно рассмеялись. От чрезмерного счастья глаза бойцов повлажнели.

И у вождя глаза стали влажными. В эту минуту даже ожесточенная война казалась им всего лишь приключением. Бойцы хотели, чтобы час тянулся без конца, хотели быть всегда рядом с вождем.

Вот что было, когда вождь покидал артиллерийскую позицию.

Если вождь шагнет, бойцы тоже делали один шаг, два шага — бойцы повторяли, все шли за ним, ибо бойцам не хотелось расставаться с вождем-отцом. Ему тоже было нелегко покидать их. Их горячие чувства слились воедино, и они некоторое время так и стояли на месте.

Вождь, покидая артиллерийскую позицию, оставлял бойцов, которые не хотели расставаться с ним, но наконец, прощаясь с бойцами, он поднял руку и подбодрил их, говоря:

«Будьте здоровы, товарищи».

Бойцы хором скандировали: «Да здравствует вождь!» до тех пор, пока не скрылась машина, на которой он уехал.

А вот что было, когда вождь посетил другое подразделение. В этой воинской части были не только ветераны, которые пробивались с боями с рубежа реки Рактон, но и юнцы, не успевшие понюхать пороха.

Вождь, узнав о состоянии оружия, снаряжения, боеприпасов, о наличии провианта, велел бойцам одного из взводов снять обувь и показать: не развалилась ли обувь, не натерты ли ноги, чисты ли портянки. Потом он приказал им обуться и внимательно следил за тем, как они заматывают портянки.

Заметив, что один молодой боец не научился заматывать портянки, вождь подошел к нему и, нагнувшись, показал, как нужно обращаться с портянками, внимательно следя при этом за движением солдата. Переобувшись, боец потопал ногами и радостно улыбнулся.

В прошлом, в годы антияпонской революции, вождь в походе на Северную Маньчжурию собственноручно готовил тороги (обувь на меху) и обувал в них молодых партизан, а когда партизаны собирались в дальний трудный путь, он, подбадривая их, собирал в их вещмешки все, что было им нужно. Бойцам Народной Армии, согретым этой отцовской любовью вождя, было нечего бояться на свете, для них не было ничего неосуществимого. Бойцы, всегда

ощущающие теплую руку вождя на своем плече, готовы пробиваться сквозь любой огонь, как бессмертные фениксы.

Когда американское командование готовило к высадке десант, имея в распоряжении большое количество военных кораблей и самолетов, располагая техническим превосходством и превосходством в огневой силе, вождь видел лица бойцов Народной Армии, прежде чем смотреть на их оружие, и горячо вселял в них чувство священного долга перед Родиной, зажигал их на боевые подвиги, и это было сильнее любого оружия из арсенала американских империалистов.

Действительно, наша береговая оборона на западном и восточном побережье была крепка, как железная стена. Напуганные этим враги тщетно прибегали к новым авантюрам. Они совершили воздушную десантную операцию в надежде взять реванш за поражение в сражении с моря. Однако эта операция тоже была тут же сорвана доблестными воинами Народной Армии.

Никакие отчаянные усилия не помогли врагам сломить несгибаемую волю к борьбе мужественных воинов героической Народной Армии, полных решимости до последней капли крови сражаться во имя вождя, во имя Родины. Бойцы Народной Армии, шире развернув «движение за мою высоту», инициатором которого был Герой КНДР Хан Ге Рер, грудью отстаивали каждую высоту Родины. Герой КНДР Кан Хо Ен, тяжело раненный в ноги и руки, бросился на вражескую позицию с гранатой в зубах и уничтожил множество вражеских солдат. Многие бойцы проявляли невиданный героизм. Сердца этих воинов горели беззаветной преданностью вождю, который так бережет и любит их.

Они полностью сорвали планы агрессоров на суше и на восточном и западном побережье.

Глава шестая

НАЧАЛО ЗАКАТА АМЕРИКАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

1

На возвышенности Чандэ, окутанной пороховым дымом 283

Еще в огне войны вождь работал над составлением плана послевоенного восстановления и строительства . . . 285

Будущее, зовущее к подвигам . . . 290

2

Вождь поет песню вместе с бойцами . 294

У героев — защитников высоты 1211 . 299

3

Подземный дворец культуры . . . 307

Песни и танцы даже в окопах . . . 310

Революционная песня, сотрясавшая вражеский стан . . 316

4

Незабываемая партийка из Рагвона . . 319

Засевая поле вместе с крестьянами . . 324

5

Дети читали, заглушая взрывы бомб . . 329

В «университете в горах» 332

Оберегая ученых и в огне войны . . . 336

6

Письмо солдата . . 340

Солдат, возродившийся благодаря отцовской любви вождя . . 343

Последний удар. Великая победа . . 345

1

На возвышенности Чандэ, окутанной пороховым дымом

Это было в один из январских дней 1951 года. Прошло несколько дней после того, как воздушные пираты американского империализма подвергли Пхеньян варварской бомбардировке. В тот день великий вождь Президент Ким Ир Сен медленно шел по жестоко разрушенной улице Пхеньяна.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло. Вождь, пройдя мимо Каругэ, шел к центру Пхеньяна. В лицо дул холодный ветер, а он все шел по обезображенной улице, с исковерканными трамвайными линиями, с грудами битого кирпича. Вождь с грустью смотрел на разрушенные бомбежкой жилые дома и общественные здания. Адъютанта очень беспокоило, что вождь идет пешком и слишком подолгу останавливается в местах, над которыми кружились воздушные пираты американских агрессоров, но вождь не обращал на них никакого внимания. Порой он поглаживал срезанный осколками бомб ствол дерева, порой глубоко задумавшись, осматривал руины от яслей. Дом, где совсем недавно счастливые женщины весело играли с детьми; счастливые матери уходили на работу, а дети радостно провожали их; красивые улицы, откуда лились песни о кипучей жизни и созидательном труде, — все это больше не существовало. Деревья по обочинам дороги искалечены, а там, где были ясли, лежат маленькие разноцветные тапочки, напоминая о счастливой прошлой жизни.

Вождь шел, тяжело ступая по развалинам. Каждый шаг увеличивал боль и гнев. Вождь всем существом чувствовал страдания всего народа, и с каждым шагом в нем росла решимость.

Он прошел так километра четыре и очутился перед развалинами двухэтажного кирпичного здания на холме Чандэ. Это было недостроенное здание Детского дворца. После освобождения страны по инициативе вождя здесь, на живописном холме Чандэ, начали строить Дворец для детей. Если бы не война, он был бы выстроен, там в кружках занималась бы детвора — сокровище страны.

Какие чувства вызвало в душе вождя, который исключительно любит детей — будущее, бутоны страны — и всегда отдавал им самое лучшее, самое прекрасное, как бы ни было трудно стране, это страшное зрелище.

Вождь молча вошел в здание, поднялся по железной лестнице наверх, оттуда он смотрел на улицы Пхеньяна, контуры которых становились все четче в лучах восходящего солнца. Разбитая черепица и обломки кирпича казались грязными в ярком свете солнца. Время от времени ветер разносил пепел от оставшихся труб, с рассветом на разрушенных улицах то и дело стали появляться люди: кто с лопатой в руке, кто с коромыслом на плече, они хотели очистить улицы от обломков. Они шли твердо. Как бы враги ни бомбили, пхеньянцы мужественно сопротивлялись, отстаивали свое право на новую жизнь.

Вождь, как бы ощущая большую уверенность, светло улыбаясь, смотрел на них.

Корейская война, развязанная американскими империалистами, была противоборством между созиданием и разрушением, между цивилизацией и варварством. Американские империалисты обнажили свое звериное нутро. Но они не знали, да и не могли знать, что делается в стране и с какой мощной силой растет сопротивление в городах и деревнях Кореи, в горах и полях, которые они жестоко разрушали и жгли. Великий вождь после глубокого раздумья обратился к сопровождающим его:

«Когда кончится война, надо заново построить Пхеньян. Вы, товарищи, выскажитесь, пожалуйста, если у вас есть *какие-либо соображения на этот счет*».

Спутники были озадачены неожиданными словами

вождя. Никто не сообразил, что и ответить. Война еще шла, поэтому у них и не было никаких планов.

Через некоторое время любимый вождь продолжал:

«После победы в войне поздно будет готовиться к послевоенному восстановлению и строительству. Коммунисты так не работают.

Сейчас уже надо готовить город Пхеньян к восстановлению».

Он горячо говорил, что бывшие улицы Пхеньяна были уродливыми, лишенными удобств, но и они разрушены бомбами воздушных пиратов американского империализма, поэтому на месте руин надо построить новый Пхеньян — самый цивилизованный, самый прекрасный большой город. Потом он, показывая рукой на реку Тэдон, сказал, что нужно расположить улицы вдоль реки, по обеим сторонам выстроить многоэтажные благоустроенные жилые дома для трудящихся и возвести несколько мостов через реку. Затем вождь дал конкретное указание, как и где нужно построить промышленные предприятия, где разбить зоны отдыха, высадить деревья. Далее он говорил, что война не должна остановить развитие нашей нации, нашего рабочего класса по пути цивилизации. Еще в огне войны вождь рисовал себе облик народа, идущего к цивилизованному миру, к миру, где процветает созидательный труд.

Благодаря величайшему революционному оптимизму вождя и его горячей любви к народу еще в огне войны был создан план великолепного и величественного Пхеньяна с его жилыми кварталами, парками и садами.

Еще в огне войны вождь работал над составлением плана послевоенного восстановления и строительства

Это было 21 января 1951 года. Вождь узнал, что один проектировщик получил образование за рубежом, затем вернулся на Родину и теперь просится добровольцем на фронт.

Вождь вызвал его в ставку Верховного Главнокомандования.

Проектировщик был рад, что его вызывал товарищ Верховный Главнокомандующий. Он, прибыв к нему, не мог скрыть свое удивление.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен радушно встретил его, говоря, что конечно, на фронте нужны люди, но не менее важно составить сейчас план строительства на победившей родной земле. Вождь попросил его с другими разработать проект восстановления и строительства города Пхеньяна. Сюда уже было вызвано несколько специалистов.

В начале проектировщик растерялся, получив такое неожиданное задание, но слова вождя взволновали и восхитили его.

С приближением дня победы корейского народа вождь, стоя у оперативной карты, наметил направление генерального плана восстановления и строительства города Пхеньяна, проводя линии и начертая круги на бумаге. При этом он не преминул заметить, что восстановленный Пхеньян должен быть лучше прежнего, красивее и удобнее, нужно показать способности корейцев и в деле восстановления и строительства.

Познакомившись с перспективами застройки столицы после победы, нарисованными вождем, проектировщики не могли удержаться от нахлынувших чувств. Они остро ощутили, что станут первыми проектировщиками, что им предстоит составить план послевоенного восстановления и строительства еще в самый разгар войны. Такого еще не знала ни военная история, ни история градостроительства стран Востока и Запада.

Взволнованные проектировщики, получив задание от вождя, все дружно и энергично приступили к работе, чтобы перенести на бумагу его замыслы по восстановлению и строительству города Пхеньяна. В дни ожесточенных боев на фронте проектировщики создавали новые кварталы городов на своих чертежах.

Они, не считаясь со временем, работая дни и ночи, наносили на чертежи линии, ведущие к победе под руко-

водством вождя. Прошло несколько месяцев упорных трудов — составление общего плана восстановления и строительства города Пхеньяна было завершено. Это была победа, достигнутая коллективным умом и творческим энтузиазмом.

Великому вождю доложили о завершении плана в середине мая 1951 года. Он вызвал проектировщиков в ставку Верховного Главнокомандования.

К тому времени героическая Народная Армия развернула операцию по окружению врага в горных районах на восточном участке фронта. Враг, очутившись в крайне тяжелом положении, готовился к так называемому решительному «летнему наступлению».

Именно в такое время проектировщики повторно были приглашены вождем в ставку Верховного Главнокомандования. Они развернули готовый проект на его письменном столе.

Выслушав разъяснения проектировщиков, вождь высоко оценил их труд и отметил, что они проделали большую работу, несмотря на трудные условия. Но составленный проект не удовлетворил вождя.

Вождь внимательно изучил проект, а потом улыбаясь говорил: — Ваши мысли заняты войной, вы видите только разрушения и, видимо, поэтому ваш проект получился слишком пассивным. Проектировщики думали, что они проявили максимум смелости, а вождь заметил, что в их проекте нет размаха и перспективы. Проектировщики осознали, что вождь требовал от проекта широчайшего размаха и революционного оптимизма.

Вождь учил, что проектировщики должны уметь видеть мощь нашего народа, которая закаляется в огне войны. Если они будут исходить из позиции: «Мы одержали победу в войне» — вот тогда они и смогут разработать хороший проект для народа и проявить смелость в проектировании.

Именно в это время раздалась сирена, объявили воздушную тревогу, вслед за ней затрещал телефон — док-

ладывали из какого-то армейского корпуса о положении на фронте.

Верховный Главнокомандующий Президент Ким Ир Сен дал по телефону указания по всем вопросам, относящимся к боевой обстановке, затем, вернувшись к проектировщикам, продолжал начатый разговор:

«Если американские империалистические агрессоры разрушат одно здание, вместо него мы должны построить десять, сто».

Эти слова вождя по-особому зазвучали в ушах проектировщиков. Им казалось, что от этих слов испарились малодушие и пассивность, которые водили их рукой при проектировании.

Великий вождь красным карандашом, которым он делал пометки на оперативной карте, делал отметки на проекте и говорил, что необходимо проектировать город Пхеньян светлым, величественным, современным городом, подчеркивая при этом его национальный колорит.

«В Пхеньяне, — продолжал он, — **много прекрасных гор, такие как, Тэсон, Моран, Мансу, Нам, Чхангван и Хэбан. Здесь надо предусмотреть зоны отдыха для трудящихся.**

Конкретнее составьте план использования района «Тхосонран» у побережья Потхон, как зоны отдыха...»

Затем вождь некоторое время молча всматривался в карту Кореи, которая висела на стене. Казалось, вождь видит вновь возрождающиеся промышленные центры, счастливые села, дома отдыха и детские игровые площадки на месте родных гор и рек, сейчас окутанных пороховым дымом, городов и сел, превращенных в развалины.

Вождь с доброй улыбкой обратился к проектировщикам, говоря, что они должны хорошо проектировать школы и детские сады, чтобы наши дети могли громко петь и учиться в светлых классах и резвиться на широких спортплощадках. Говоря так, вождь, казалось, видит милых малышей в детских садах, бегущих в парк с громким сме-

хом, и веселых ребят в красных галстуках, стройными рядами идущих в школу.

Ни охваченная пожаром ночь, ни орудийная канонада, ни пороховой дым, ни ожесточенные бои, ни сгоревшие села, ни превращенные в пепелище города не остановили его смелую мысль. Яркие, смелые картины, которые рисовало его воображение, были устремлены ко дню победы, когда умолкнет канонада и с танков слетит пыль, к созиданию. О будущем Кореи, о ее застройке, о ее процветании, о прекрасном будущем Пхеньяна — столицы могучей Кореи — вот о чем думал вождь, отправляя оружие на фронт в дивизии, отдавая новые приказы командованию фронтом, размышляя над оперативной картой глубокой ночью, навещая на рассвете мирных жителей.

Проектировщики поклялись, что составят проект, полностью отражающий то самое светлое и прекрасное завтра, о котором можно было прочесть на лице вождя. Их сердца были наполнены прекрасным сиянием лучезарного завтра.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, вставая, сказал: — У нас достаточно сил. Мы построим величественные города своими силами, из своих материалов, используя свои знания.

Как велик патриотизм и его любовь к народу! Не сковывая себя ни при каких условиях, он раскрывает двери в будущее. С какой необыкновенной прозорливостью он смотрит на синее небо и ослепительное солнце сквозь разрываемые молниями свинцовые тучи! Восхищенные всем этим, проектировщики уверенно ответили:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, начнем все сызнова.

Таким образом после исправления завершенный проект вписал блестящую страницу в историю грандиозного строительства Кореи — страны чучхе.

После того как был закончен план восстановления и строительства города Пхеньяна, вождь дал им новое

задание по завершению планов восстановления и строительства всех провинциальных центров. Проектировщики с революционным энтузиазмом и верой в победу, которые вселил в них вождь, с честью решили эту задачу.

Будущее, зовущее к подвигам

Этим же летом, когда на фронте все усиливались бои, в Моранбонском подземном театре открылась Выставка проектных работ, показывающих перспективы восстановления и строительства города Пхеньяна и провинциальных центров. Выставка, открывшаяся в суровые дни, в дни ожесточенных боев за каждую пядь земли, демонстрировала великолепные и широкие улицы и архитектурные комплексы застройки городов, как будто и не было войны.

На выставке посетители увидели не только будущую величественную столицу и другие прекрасные города, но и новый облик Кореи, закаленной в огне войны. Они уже мысленно видели и приближали этот день, воодушевленные прекрасными перспективами. Умножали производство военного времени, восстанавливали, строили.

Через газеты, радио, письма доблестным воинам Народной Армии, сражающимся на фронте, передавалась весть о том, что великий вождь Президент Ким Ир Сен начертал грандиозный план восстановления и строительства. Встретив эту весть, бойцы Народной Армии рисовали себе будущий облик грандиозной столицы, облик обновленного родного края.

— Говорят, проектируют строительство города Пхеньяна!

— Говорят, открылась Выставка проектных работ по послевоенному восстановлению и строительству.

В окопах и траншеях на высоте, охваченных огнем, — повсюду шла речь об этом. Бойцы поднимали головы из каждого окопа, окутанного пороховым дымом и огнем. Их глаза блестели ярче, а упавшие на землю раненые бойцы поднимали головы и искали винтовки.

— Вперед в атаку за восстановление города Пхеньяна!

— Вперед в атаку за воздвигнутые заводы, за домны, которые дают металл, во имя светлого будущего!

Это был крик сердца каждого бойца.

В возгласах воинов КНА и народа, громящих врага, отчетливо слышался голос людей, жаждущих созидания, строительства и защиты их. Это снова воодушевляло их на борьбу за победу.

Американские империалисты, прибегавшие к стратегии разрушения, натолкнувшись на такой боевой дух и могущество, вынуждены были пересмотреть свою военную философию и не могли не трепетать перед этим.

В 1952 году в Варшаве, столице Польши состоялась Международная встреча архитекторов. Архитекторам многих стран доводилось увидеть план восстановления и строительства победившей в войне Кореи, начертанный Президентом Ким Ир Сеном в огне войны.

Члены нашей делегации продемонстрировали диафильмы, показывающие Пхеньян, разрушенный американскими империалистическими варварами, и план грандиозного строительства города Пхеньяна, который поднимется из руин, перед архитекторами, съехавшимися из многих стран мира.

На экране мелькали мирные улицы, взрывы бомб, пепелища, а затем план грандиозного и великолепного города — будущего Пхеньяна.

Город-герой Пхеньян, поднимающийся на месте пепелища, — это символ победы и славы и олицетворение несгибаемого духа корейского народа. Это также удар железного кулака великого корейского народа по голове жестоких американских империалистических агрессоров, с пеной у рта стремящихся навсегда превратить Корею в руины, и яркая демонстрация, показывающая всему миру, что никакие разрушения не осилят созидание и строительство.

После осмотра плана строительства Пхеньяна архитекторы мира горячо аплодировали ему, раздавались во-

схищенные возгласы потому, что они глубоко поняли справедливый характер и мировое значение Отечественной освободительной войны корейского народа против американских империалистов. Они поняли и то, что великий вождь революции Президент Ким Ир Сен разработал величественный план в огне войны.

Бразильский архитектор взволнованным голосом выкрикнул:

«Пожалуй, история не знает более героического и оптимистичного народа, чем корейский. У этого народа гремела симфоническая музыка победы в войне в условиях бомбардировок американских империалистов, он проектировал прекрасную картину, предвидя победу, даже в обстановке, когда черный пороховой дым окутывал города и села, небо и землю. Вряд ли кто-либо усомнится в его победе, в победе народа, в сердце которого великий вождь вселяет боевой дух феникса и веру в победу, на земле этого народа поднимутся прекрасные города и села».

Действительно дорогое имя великого вождя Президента Ким Ир Сена стало не только символом суровой кары империалистическим агрессорам, символом победы, оно громко прозвучало во всем мире как нарицательное слово созидания, строительства и мира.

Во многих городах мира на видном месте были установлены большие портреты вождя, обрамленные цветами; на любом международном форуме, осуждающем американский империализм, его участники громко скандировали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует Корея!» и горячо приветствовали корейских делегатов.

Пламенные приветствия народов мира в адрес вождя были выражением глубочайшей благодарности ему за то, что он отрубил в одном уголке Востока щупальца убийцы и разрушителя, этих варваров — американских империалистов, которые в любое время могут вторгнуться в другие страны, и с честью отстоял путь созидания и строительства, цивилизации и прогресса.

2

С начала войны год прошел. За первый год войны американские империалисты-агрессоры потерпели серьезное поражение в военном и морально-политическом отношении. На их мерзких лицах ярче отражались страх и тревога. За это время они понесли огромные потери в живой силе и боевой технике — это составило большую часть потерь, которые они понесли за весь период второй мировой войны. Враг был вынужден топтаться на рубеже 38-й параллели, откуда он начал свою агрессию.

К середине июня 1951 года фронт в основном закрепился на 38-й параллели.

Исходя из создавшейся обстановки, великий вождь Президент Ким Ир Сен разработал новую стратегию: создал мощные оборонительные линии, осуществил активную позиционную оборону, удерживая при этом занятые рубежи, непрерывно истребляя и ослабляя врага, в то же время выигрывая время, значительно усиливая боеспособность Народной Армии, чтобы добиться окончательной победы в войне. Народная Армия создала мощные оборонительные укрепления при помощи туннелей и перешла в активную позиционную войну на восточном и западном участках фронта.

В этот период великий вождь Президент Ким Ир Сен лично вызвал в ставку Верховного Главнокомандования героев и образцовых бойцов, желая повидаться с ними, радуясь тому, что за год войны молодая Народная Армия окрепла и стала непобедимой революционной вооруженной силой.

Вождь поет песню вместе с бойцами

28 июня 1951 года, вскоре после перехода к активной позиционной войне, по вызову вождя 7 героев и образцовых бойцов с переднего края явились в ставку Верховного Главнокомандования.

Во второй половине этого же дня Верховный Главнокомандующий Маршал Ким Ир Сен встретил их и, широко улыбаясь, сказал:

— Приехали наши герои! Рад вас видеть.

Не успели они доложить вождю о своем приезде, как он уже тепло пожимал им руки, похлопывал по плечу, радуясь их приезду.

Встретившись с вождем, бойцы не знали, что делать от радости и волнения, но он, взяв их под руки, повел к ближайшему каштану и усадил их на стулья и сам придвинулся к ним.

Вождь относился к ним, как к своим детям, с которыми встретился после долгой разлуки, поэтому бойцы чувствовали себя совершенно свободно. Вождь, довольный встречей, разглядывал каждого бойца и говорил:

— Вот вы настоящие богатыри! А здоровы ли бойцы на фронте?

Один из приглашенных встал и ответил, что все бойцы переднего края, окруженные горячей любовью и искренней заботой товарища Верховного Главнокомандующего, здоровы, они мужественно борются с врагом, и передал вождю письмо от бойцов подразделений. В этом письме бойцы клялись, что будут преданными ему, что они готовы претворить в жизнь новую стратегию вождя, и желали ему крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Вождь очень радовался письму, долго не мог оторваться от него. Прочитав его, он ласково разглядывал бойцов. Это были бойцы, которые за годы войны в суровых испытаниях боев стали доблестными воинами, готовыми сражаться с врагом один против ста. Они уже умели искусно вести и наступательные бои, и отступатель-

ные операции, и рейды в тыл противника, а когда самолеты янки назойливо летали над ними, метко сбивали их из стрелкового оружия как надоедливых мух. Сегодня они стали героями, демонстрирующими свою мощь в активных позиционных оборонительных боях.

В облике этих героев и образцовых бойцов вождь видел всех доблестных и славных воинов героической Народной Армии. Среди них находился боец, который вступил в армию после освобождения южной части страны и стал таким доблестным воином.

Начиная солдатскую жизнь, они не умели обматывать портянки, давно ли это было. Не эти ли молодые бойцы, встретившиеся ему по дороге отступления ночью, заверяли товарища Верховного Главнокомандующего, что они идут с реки Рактон за приказом! А какими доблестными воинами стали они сегодня.

Сам вождь превратил молодую Народную Армию в непобедимых стальных солдат, и от чрезмерной гордости и радости он не мог оторвать глаз от лиц бойцов. Вождь спрашивал, как их зовут, где родились, и наставлял их, чтобы они чаще писали родителям, попросил рассказать, как они окружили врага и разгромили его. Вряд ли Верховный Главнокомандующий не знал об их ратных подвигах, но он хотел услышать от них, от любимых бойцов эпизоды их боевых действий.

Когда герои и образцовые бойцы поочередно рассказывали о боях, в которых они участвовали, вождь внимательно слушал их рассказы. Один из них рассказал о бое, развернувшемся в тылу врага, в котором он участвовал вместе с товарищем по оружию, выполняя боевое задание.

— В этом бою мы опередили врага и заняли благоприятную позицию. Когда враг оказался перед самым носом, мы дали очередь из пулемета, чтобы прижать его к земле, и, внезапно появившись перед ним, неожиданно крикнули: «Вы окружены. Хотите жить, сдавайтесь, подняв руки вверх» и взяли их в плен.

Вождь, слушавший его рассказ, повернулся к работни-

кам Верховного Главнокомандования и улыбнулся, как бы говоря: «Видите! Какие орлы!» Вождь похвалил его: «Очень хорошо воевал, очень смело поступил», но потом уже серьезно сказал, что бывают и различные неожиданные ситуации, и добавил, что нельзя заменить одного нашего бойца сотней вражеских солдат.

Товарищ Верховный Главнокомандующий в окружении внимательно слушающих его бойцов живо напоминал отца, беседующего с детьми.

Великий вождь снова расспрашивал о быте фронтовиков и подробно интересовался тем, как проводится партийная и политическая жизнь, как часто их информируют о текущем положении, сколько экземпляров газет и брошюр они получают, читают ли они их регулярно?

Вождь, предугадав возможные вопросы, которые еще даже не успели созреть в их голове, разъяснил им все, а затем снова спросил:

— Нет ли у вас каких-либо трудных вопросов, может быть, еще остались... — Он предложил без стеснения говорить все. Тут один из бойцов высказал ему просьбу своих боевых товарищей:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! Мы обеспечены всем необходимым. Мы, фронтовики, всегда желаем Вам доброго здоровья и долгих лет жизни. Когда мы уходили с фронта сюда, товарищи по оружию, все как один, просили нас передать Вам свои пожелания.

Вождь замолчал, потом по-дружески ответил:

«Прошу вас передать бойцам по возвращении на фронт мой привет и все то, что я сказал вам.

Мне доложили, что сражающиеся на фронте бойцы желают Верховному Главнокомандующему доброго здоровья и долгих лет жизни. Если наши солдаты-фронтовики здоровы и дерутся хорошо, то и я буду здоров. В свою очередь я желаю всем фронтовикам доброго здоровья и еще большей смелости в сражениях во имя партии, Родины, народа».

На лице вождя отражались большое доверие и безгра-

ничная гордость за тех, от имени кого ему передали приветствия, за тех, кто разбил миф о «непобедимости» американского империализма и положил начало его закату. В этот день он вручил бойцам подарки. Это были именные автоматы с высеченной надписью: «Громите американских империалистических агрессоров!»

Вручая каждому подарок, вождь говорил:

«Это оружие пропитано священной кровью революционеров-предшественников и потом народа. Это оружие несет в себе также требование партии и народа разгромить врага, защитить Родину, освободить южнокорейский народ, страдающий под сапогом американских империалистических агрессоров. Этим оружием вы должны уничтожить их всех до единого. Держите его в руках до тех пор, пока не будет освобождена южная часть страны и не будет объединена Родина».

— Служим Родине!

Они, крепко прижимая оружие, клялись вождю в преданности.

Вождь смотрел полным доверия взором на них, как бы желая накрепко запечатлеть в памяти их молодость, отвагу и преданность. Их лица сияли счастьем, будто цель их жизни и вся надежда заключена в теплой улыбке вождя-отца.

Как же не быть мужественными и не одерживать победы этой армии, этим бойцам, если Верховный Главнокомандующий так горячо любит и бережет их, как своих детей, и имеет с ними кровную связь! Гибель одного бойца вызывает гнев и скорбь у вождя и бойцов, каждый воин горд сознанием, что его ратный труд служит великому революционному делу вождя, — как же такой армии не быть могучей! Как же не будет пользоваться горячей любовью прогрессивного человечества эта армия, которая черпает силу и мужество и испытывает неисчерпаемую любовь вождя и в трудных походах под проливным дождем и под градом пуль и которая считает счастьем порадовать вождя своими подвигами и испытывает большую радость

в самоотверженной борьбе ради родителей и братьев на родине, во имя всего народа! Армия, с которой столкнулись агрессивные войска американского империализма, это непобедимая Корейская Народная Армия.

Было ясно, что мужественные и доблестные герои несомненно одержат победу над американскими империалистическими агрессорами — двуногими зверями, воплощающими зло, подлость и лицемерие.

Вечером вождь, выкроив время, поужинал вместе с бойцами.

— Извините. Если бы вы дома были, то ваши матери приготовили бы вам вами любимые блюда, радуясь вашему возвращению с фронта, а здесь... — сказал он, глядя на накрытый стол и, пододвинув блюда поближе к бойцам, пожелал им приятного аппетита.

От такой теплоты, исходящей от вождя-отца, бойцы почувствовали, как что-то поднимается к горлу, и не смогли взяться за ложки.

— Ешьте, — говорил вождь-отец, — если бы будете плохо есть, то я не буду спокойным.

На этот раз он придвинул им миску с лапшой. Затем он поднял тост за их здоровье, пожелал послушать песни фронтовиков.

Они во весь голос запели «Песню о Полководце Ким Ир Сене» — бессмертный гимн, всегда придающий им силу и мужество. Потом каждый спел свою любимую песню. Каждый раз, когда бойцы заканчивали свою песню, вождь первым аплодировал им, он был очень доволен. Когда каждый из них спел по одной песне, он сказал: «Теперь моя очередь!» и поднялся улыбаясь. Бойцы аплодировали ему с возгласами от чрезмерной радости.

Уважаемый вождь тихо запел ту песню, которая полюбилась ему еще со времени антияпонской вооруженной борьбы.

Бойцы глубоко расчувствовались. Бойцы, слушая эту песню, представляли себе его светлый образ в период антияпонской революционной борьбы, они невольно ощутили,

что Родина, которую он вернул им в жестокой кровопролитной борьбе, стала еще дороже. Все поклялись, что не оставят оружия, полученного от вождя до тех пор, пока не будет завершено великое революционное дело, начатое им.

Вождь оберегал и любил бойцов как своих революционных товарищей, стремящихся к достижению общего идеала и общей цели, делил с ними горе и радость, а бойцы относились к вождю, как к высшему мозгу революции, отцу, учителю. Именно в этом — источник неиссякаемой силы корейского народа и Народной Армии. Бойцы вернулись на позицию с непреклонной верой, которую вселил в них вождь.

У героев — защитников высоты 1211

Американские империалисты, пришедшие в отчаяние от непрерывных военных и политических поражений, 30 июня 1951 года предложили нашей стороне начать переговоры о перемирии. Так в Пханмунчжоме были начаты переговоры о перемирии, но коварный враг намеревался на переговорах достичь своих агрессивных целей, которых он не достиг в войне, одновременно он, прикрываясь переговорами, готовил крупное «летне-осеннее наступление».

В середине 1951 года американские империалистические агрессоры начали «летнее наступление» на восточном участке фронта протяженностью до 50 км, центром этого участка являлась стратегически очень важная высота 1211. Враг бросил только на этот участок живую силу численностью до 130 тыс. человек, более тысячи самолетов, большое количество танков, орудий, несколько десятков военных кораблей. Враг обрушил на оборонительные позиции КНА десятки тысяч снарядов и бомб, превратив ее в море огня, и при поддержке танков бросился в атаку методом волны. После разгрома первого эшелона он бросал на смерть второй и третий. Враг пытался занять высоту 1211, имеющую важное стратегическое значение, тем самым отодвинуть фронт к северу и вступить в взаимодействие с десантом, который должен был высадиться на восточном побережье.

Беспрерывно шли сильные дожди, в этом году было та-

кое, каких не было уже лет 30, наводнение плюс не прекращающийся орудийно-артиллерийский огонь. От артобстрела горели скалы, кипели реки. Ситуация была очень напряженная, шли тяжелые бои.

Однако героические воины Народной Армии, выпестованные и закаленные великим вождем, преодолевая множество преград и трудностей, проявляли невиданное мужество и массовый героизм. Они ни на минуту не забывали о том, что ведут ожесточенные бои, чтобы защитить вождя и наш народно-демократический строй.

Они отбивали противника, одновременно рыли траншеи и ни на шаг не отступали. На восточном участке фронта днем и ночью не прекращались жаркие схватки. После ожесточенных наступательных и оборонительных боев, длившихся более месяца, председатель Комитета объединенных штабов США Брэдли завопил: «Для летнего наступления было неудачно выбрано время, неудачно было избрано место, неудачно был избран противник и это вообще была неудачная война». За это время враг потерял более 78 тысяч человек и огромное количество боевой техники.

Но противник вместо того, чтобы извлечь должный урок из жестокого поражения, возобновил крупное «осеннее наступление». Враг вновь нацелился на восточный участок фронта, особенно на высоту 1211 и ее окрестности. Враг стремился любой ценой занять эту высоту, пусть даже ценой сотен и тысяч своих солдат, так как он считал эту высоту опорным пунктом для продвижения в северную часть Республики.

Непобедимый стальной полководец Маршал Ким Ир Сен решил нанести врагу сокрушительный удар и тем самым показать, на что способен корейский народ.

Он, укрепляя всю систему обороны по всему фронту, особенно усилил мощную оборонительную полосу вокруг высоты 1211. С другой стороны, он наметил курс, нацеленный на то, чтобы уничтожить врага на оборонительной полосе, в море и на протяжении береговой линии путем укрепления обороны береговой линии и окончательно расстроить

«осеннее наступление» противника. Всеми операциями осуществлял руководство сам.

29 сентября враг бросил 15 дивизий и несколько дивизий из резерва, перебросил также самолеты из Японии и начал лихорадочное «осеннее наступление» на высоты 1211 и 1052.

Высота 1211 и ее окрестности превратились в огненное море. От взрывов бомб и снарядов крошились скалы. Деревья, скалы, вся гора превратились в огненное море. В этом огненном аду мужественные воины Народной Армии сражались, словно фениксы, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего товарища Ким Ир Сена — **«Ни пяди земли врагу!»**

Однажды, когда шли ожесточенные бои за высоту 1211, великий вождь связался по телефону с командиром одной из частей. Это было глубокой ночью. Как только командир взял телефонную трубку, оттуда донесся знакомый баритон вождя. Голос, как и всегда, был звучным и спокойным.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен дал высокую оценку ратным подвигам защитников высоты 1211, уничтожающих противника, и подробно расспрашивал о состоянии здоровья, о быте бойцов и снабжении, затем с любовью, тепло говорил:

«Каждый боец — драгоценное сокровище, которого ничем не заменишь. Каждый боец — дорогой соратник по революции.

В прошлом, когда мы сражались с японской армией и полицейскими, как мы досадовали на то, что у нас было мало соратников по революции.

Мы должны как можно больше заботиться об этом драгоценном сокровище... Кажется, уже похолодало, позаботитесь, чтобы им дали теплую рисовую кашу и горячий суп, и о том, чтобы им не было холодно спать. Следите, чтобы они не простудились».

Командир части почувствовал что-то горячее в сердце, его глаза заволокло слезами. Какая это горячая любовь! Сражающиеся на высоте бойцы и командиры не ощущали, что

уже прошло лето, наступила осень и похолодало, но вождь-отец, почувствовав утреннее и вечернее похолодание, проявил такую заботу, чтобы бойцы питались горячей пищей, чтобы они не простудились.

Вождь продолжал:

«Бойцы лучше будут драться, если они глубоко осознают: ни пяди священной родной земли врагу — это наказ их родителей и требование партии. Доводите это до каждого бойца».

Командир части, слушавший вождя, который говорил бесконечно доверчиво и любовно, глотая набегавший горячий комок, стоял, как вкопанный. Ибо он реально чувствовал всю силу любви вождя, скрепленного кровной связью с родной землей и бойцами.

На другой день, когда защитникам высоты 1211 передавали слова вождя, все они были тронуты до слез его горячей любовью.

Они единодушно поклялись:

«Мы не пожалеем ничего ради любимого вождя Полководца Ким Ир Сена, окружающего нас величайшей заботой и любовью!»

«Пусть нас сотрут в порошок, но высоту не отдадим, если это приказ вождя, если таков наказ наших родителей».

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, несмотря на большую занятость и пренебрегая опасностью, бывал на передовой и командовал боями, вдохновлял бойцов на достижение победы в боях.

Накануне «осеннего наступления» врага, несмотря на беспрерывные налеты вражеских стервятников, 23 сентября вождь, преодолев крутой перевал Чхоль, поднялся на высоту, где находился наблюдательный пункт корпуса, откуда как на ладони видна высота 1211, где шли ожесточенные бои. Вокруг высоты, на которой находился вождь, непрерывно взрывались вражеские снаряды 155-го калибра, но вождь, ведя за собой командира корпуса и его помощников, поднялся на вершину, где лично ознакомился с оперативным

планом и весь день руководил боями за высоту 1211. Вождь мог бы осуществить руководство операцией, не выезжая на передний край, но подумав о солдатах, которые ведут изо дня в день бой не на жизнь, а на смерть, он провел весь день рядом с ними. Вот почему только с наступлением сумерек вождь покинул НП корпуса и собирался без отдыха, тут же отправляться в дальний путь.

Командир части предложил поужинать. Но вождь, который даже не обедал, вышел из блиндажа и, глядя на высоту 1211, откуда доносилась канонада, сказал:

«Когда солдаты дерутся без обеда, как же я могу есть... Есть у меня, я взял с собой, перекушу в машине».

Командир убедительно просил, но он был неумолим и уехал. Смотря ему вслед, камандир части и его спутники, воевавшие под руководством вождя еще в период антияпонской вооруженной борьбы, ощущали боль в груди и не находили себе места, чувствуя себя виноватыми от того, что они не сумели уговорить поесть вождя, который так и уехал голодным в путь, окутанный дымом и погружающийся во мрак. Их сердца согревались любовью и вниманием вождя, который неизменно, как в прошлом, так и сейчас делил с бойцами горе и радость. Им ничего не оставалось, кроме как пожелать вождю хоть что-то поесть в дороге. Но они не могли знать, что в машине вождя были всего только две черствые булочки. Об этом знал лишь адъютант. Каково было ему! Ему было не с кем поделиться о своих переживаниях. Он только украдкой кулаком вытирал слезы. Он чуточку успокоился бы, если бы вождь съел хотя бы эти булочки, но вождь думал о фронтовиках, он велел ехать без остановок. Адъютант все ждал, когда вождь захочет есть и остановит машину, но адъютант так и не дождался этой минуты.

И после великий вождь Президент Ким Ир Сен по телефону или от прибывавших в ставку офицеров узнавал о положении на фронте и осведомлялся о здоровье бойцов. И каждый раз фронтовые офицеры и бойцы в его заботе и внимании черпали новые силы и отвагу и, как львы, шли на разгром врага.

Мудрое руководство и сердечная любовь вождя были для всех бойцов неиссякаемым родником мужества и силы, источником воли к победе, которая была сильнее смерти.

Враг, ведя «максимальную бомбардировку, максимальную артподготовку», в одном только 1951 году обрушил на каждый квадратный километр в районе высоты 1211 свыше 6520 тыс. снарядов и 4160 бомб, десятки раз в сутки его солдаты карабкались на высоту. На этой высоте и скалы дробились, превращаясь в пыль, многовековые деревья были вырваны с корнями. Попрятавшиеся было белки лезли за пазуху бойцам, а столбы дыма и пыли застилали солнце. Горы от всех разрушений становились ниже, но огненный смерч не запугает воинов Народной Армии. В дыму и огне бойцы писали письмо вождю.

Уважаемый вождь Полководец Ким Ир Сен!

Здесь окопы на высоте 1211. Сегодня после отражения трех атак врага мы собрались здесь. Стены окопа развалились, в воздухе еще чувствуется терпкий запах дыма и пороха. Дым не успеет рассеяться, как враги снова полезут. Полезут на нас, будут поливать десятками тысяч снарядов и бомб...

Мы выполним приказ любимого вождя нашего народа, который приказал: защищать грудью каждую пядь родной земли, ни шагу назад, кровью защитим высоту.

Рядом с нашими пулеметами уже образовалась небольшая горка из гильз. Мы будем драться до тех пор, пока не вырастет огромная гора из гильз.

Мы, солдаты нашего отделения, перенимая высокий дух антияпонских революционеров старшего поколения, которые были безгранично преданны любимому вождю, мы, сильные волей, будем беспощадно мстить врагу, отдадим последнюю каплю крови в борьбе с врагом и до конца отстоим высоту Родины.

Если кончатся патроны, то будем драться гранатами, а если кончатся гранаты, то со штыками пойдем навстречу не-

навистному врагу и воткнем штык возмездия в грудь врага, но непременно одержим победу.

... ...

Уважаемый вождь Полководец Ким Ир Сен!

Пока живы мы, ваши сыны, высота 1211 будет высотой Корейской Народно-Демократической Республики.

Да здравствует любимый вождь Полководец Ким Ир Сен, ведущий нас от победы к победе!

1-е отделение 1-го взвода пулеметной роты 2-го батальона Н-ского полка 2-й пехотной дивизии Корейской Народной Армии

Так от души, от всего сердца писали воины Народной Армии. Такова была воля защитников высоты 1211. Они оставались до конца верны клятве.

У воинов Народной Армии не было места для отступления. За ними был вождь, были заводы и земли, подаренные им, счастливая жизнь, которую народ познал впервые. Там — отцы и матери, братья и сестры, которые под вражеской бомбежкой жили и боролись с верой в победу. Бойцы слышали призыв вождя, идущий из земли, частицей этой земли была высота, которую они защищали.

«Ни шагу назад!»

Они накрепко запомнили это. Они хорошо знали, что только через трупы побежденных агрессоров смогут увидеть вождя-отца и вернуться на родину. Как антияпонские партизаны, они верили в конечную победу и, как подобает солдату вождя, проявляли невиданное мужество. Когда один боец горячим сердцем закрывал вражеский дзот, другой со связкой гранат, как снаряд, врывался в гущу врага. Когда связист из артиллерийской части своим телом соединял концы разорванного телефонного провода, смертельно раненый артиллерист зарядил, умирая, из последних сил снаряд и выкрикнул: смерть американским империалистическим агрессорам! Если на одной высоте бойцы, перехватив летящую гранату, бросали ее обратно в сторону противника, то на другой — скатывали глыбы, а на третьей — каждый должен был

в течение двух-трех часов бросать по 150 — 200 гранат по врагу, а когда кончались гранаты, бросались на врага и отнимали у него оружие и им же разили врага. Когда высота оказывалась в опасности, бросались на врага и повара, и санитары с винтовками наперевес. На полях ожесточенного сражения, недоступного человеческому воображению, героическая Народная Армия продемонстрировала всему миру, что такое воины великого вождя Полководца Ким Ир Сена.

А народ помогал им всем, чем мог. Местные жители таскали на спине и на голове снаряды, патроны и провиант, поднимались на высоту, где шла смертельная схватка. Порою они всю ночь простаивали в воде, поддерживая мост плечами, чтобы обеспечивать бесперебойное движение машин. Мать отказывала ребенку в вареной кукурузе, уговаривая его, что дяди из Народной Армии должны кушать, чтобы уничтожить ненавистных янки, а ты подожди до следующего раза, и она все до единого початки кукурузы отправляла воинам, а ребенок, послушав мать, отдавал даже начатый початок.

Полководец Ким Ир Сен велик уже одним тем, что вырастил такую армию и такой народ. Наша Родина непобедима потому, что у нее есть такая армия и такой народ.

В последних числах ноября 1951 года героическая Народная Армия уничтожила около 80 тысяч вражеских солдат и полностью сорвала «осеннее наступление» противника.

Потерпев жестокое поражение, американские империалисты завыли по-волчьи. Они завопили: «На восточном участке фронта самое современное оружие превратилось в бессильное!» — и, поглядывая на высоту 1211, покрытую трупами своих солдат, называли ее «горой тоски». А ущелья в окрестностях высоты, куда входили и откуда не выходили живыми, они с трепетом называли «ловушками».

Победа в боях на высоте 1211 была победой чучхейской военной стратегии и военного искусства непобедимого стального полководца Маршала Ким Ир Сена, победой великой любви, которой он окружал народ и Народную Армию.

Вождь не только дал народу Родину и новую жизнь, но и воспитал его в духе пламенного патриотизма, вырастил революционных борцов, любящих и грудью защищающих нашу Республику — страну рабочих и крестьян. Защитники высоты отчетливо осознавали, что отдать высоту — значит потерять Родину, землю и жизнь, подаренные вождем. В то же время они отдавали себе ясный отчет в том, что у них есть силы, позволяющие защитить все это, и в едином порыве сражались, чтобы достойно ответить на любовь вождя, который дал им жизнь и счастье.

Горячая любовь и радость к счастливой жизни, к Родине непобедимы. Вождь обещает им полнокровную жизнь не только сегодня, но и в будущем, когда жизнь станет еще лучше. Благодарность и преданность вождю, именно они помогли воинам Народной Армии пройти огонь, в котором плавятся камни и металл. Да, именно такое стремление к жизни и борьбе, любовь и преданность великий вождь Полководец Ким Ир Сен выковывал в народе.

Высота 1211 не покорилась агрессорам, она возвышается величаво. На ней, отшлифованной дымом и огнем, торжественно и гордо реет знамя победы. При виде его грядущее поколение будет помнить немеркнущий героический эпос, сочиненный кровью воинов, которых вождь окружал безграничной любовью. Это знамя будет реять навсегда!

3

Подземный дворец культуры

В то время как на фронте шла кровавая битва между нами и врагами за каждую пядь земли, за каждый ручеек, в Моранбонском подземном театре ежедневно раздавались боевые песни. Этот театр строился еще весной 1951

года. Под землей, над которой лежали руины Моранбонского театра Пхеньяна — революционной столицы, шла большая проходческая работа. Когда люди увидели строительство впервые, то, судя по масштабам и темпам работы, полагали, что строят туннель срочного и очень важного военного назначения. Но спустя немного, ступеньки, ведущие в подземелье, начали облицовывать гранитными плитами. Люди, спускавшись по ним вниз, приходили в удивление, завидев роскошную сцену, зрительный зал и блестящие люстры — огромный подземный дворец. Это был Моранбонский подземный театр, построенный под тем театром, который был разрушен врагом.

В дни, когда с неба падали бомбы, с моря летели снаряды, великий вождь Президент Ким Ир Сен позаботился о строительстве подземного театра, чтобы дать артистам сцену, а народу — искусство.

Вождь — великий мыслитель и теоретик в области революционной литературы и искусства, в то же время автор немеркнущих классических произведений — образцов мирового революционного искусства, продемонстрировавших свою красоту. Еще в начальный период революционной деятельности он говорил об исключительной роли литературы и искусства в революции.

Во время антияпонской вооруженной борьбы он, возвращаясь с северного похода, попал во вражеское окружение, сильно простудился, с высокой температурой, весь горя, он сочинял даже в этот критический для здоровья момент боевые песни и ободрял бойцов. То во вражеском окружении, то на рассвете после жаркого боя, то во вьюжной тайге в походе, где большой камень заменял ему стол, вождь сочинил немеркнущие классические произведения. Глубокая идеологическая и художественная правдивость и революционный оптимизм, которыми проникнуты его творения, стали основой отечественной литературы и искусства после освобождения страны, они внесли великий вклад в формирование героического духа корейского народа. В огне ожесточенной войны наш народ всегда самозабвенно пел революционные

песни, подаренные вождем, шел на боевые подвиги и на труд, с твердой верой в победу боролся без колебания.

Великий вождь безгранично был рад, когда блестящие плоды революционного искусства становились достоянием народа.

Как-то, невзирая на вражеские бомбежки, вождь заехал в одно село провинции Северный Пхеньан. Вечером он ознакомился с положением дел в селе, и вдруг из комнаты демократической пропаганды, окна которой были затемнены маскировочными шторами, донеслись звуки органа.

Вождь прислушался. Под аккомпанемент органа женщины пели звонкими голосами. Ответственные работники села смутились, боясь, как бы орган и песни не помешали вождю сосредоточиться. Обеспокоенные этим, они хотели пойти и приостановить пение, но вождь, поняв их намерения, усадил их обратно. Поневоле и они вместе с вождем стали слушать.

Орган пел долго. Спокойная улыбка не сходила с лица вождя, пока не прекратились песни.

Хотя за окном вражеские стервятники прорезали небо, но из-за зашторенных окон комнаты демократической пропаганды доносилась песня, которую вождь слушал улыбаясь. В этой улыбке отражена глубина духовной жизни героической Кореи, которая не пасует перед тяжелой войной и которая живет и борется, преисполненная революционным оптимизмом.

Вождь воспитывает народ справедливостью дела, которое осуществляет сам, и верой в победу, он слышит и чувствует в пении органа через край выплескивающийся революционный оптимизм народа.

Благодаря вождю, несмотря на тяжелую военную годину, строится подземный дворец из мрамора. Со сцены, подаренной вождем, звучат песни, на ней танцуют артисты, передавая мужественный образ воинов и народа тыла, ставятся драмы, демонстрируются фильмы. Здесь регулярно дают большие концерты.

Все отдающий фронту, народ все-таки находил время

посещать подземный театр, чтобы послушать музыку, посмотреть новое представление, почерпнуть свежую силу и воодушевление.

В то время как в театре шли концерты или пьесы, в воздухе над театром разгорались воздушные бои, наши истребители не позволяли приближаться к цели вражьим штурмовикам, которые хотели сорвать представление в театре, так порою наши соколы охраняли от американских империалистических разбойников отдых нашего народа.

Один иностранец, которому довелось побывать на большом концерте в Моранбонском подземном театре, сказал:

«...Слишком велик революционный оптимизм корейского народа и Народной Армии. В пороховом дыму они построили крупный подземный театр, в нем непрерывно идут большие концерты и представления. Благодаря такому духу, такому боевому моральному качеству корейский народ побеждает хваленый, как сильнейший в мире, американский империализм».

Революционный романтизм, являющийся одним из героических качеств корейского народа, и боевой оптимистический характер корейского искусства как его отражение немыслимы в отрыве от идей чучхе, великих революционных идей и всеохватывающей заботы любимого вождя Президента Ким Ир Сена. Этот революционный романтизм — заслуга вождя, который заявил, что человек — это самое дорогое и самое сильное существо в мире, и повел корейский народ как первооткрывателя самостоятельной и творческой жизни и истории, в бою он выражался беспримерным героизмом, в искусстве — революционными и оптимистическими танцами и песнями.

Песни и танцы даже в окопах

Великий вождь, чтобы дать воинам Народной Армии и народу замечательные произведения литературы и искусства, которые бы стали для них оружием борьбы и учебником жизни, создал отряд писателей и деятелей искусства и позаботился об их работе и жизни.

Это было, когда Ансамбль Народной Армии вернулся после фронтовых гастролей. Вождь лично навестил артистов и заметил, что они загорели. Он высоко оценил их работу, говорил о том, что хорошо, когда они закаляются на фронте, в дыму и огне. Он рассказывал им о художественной самодеятельности партизан, созданной в огне боев в годы антияпонской борьбы, и о том, что артисты, находясь среди солдат, приобретают их любовь и уважение.

Впоследствии Ансамбль Народной Армии получил от него новую одежду и новые музыкальные инструменты. Артисты Ансамбля давали концерты в Косанчжине в период временного отступления, во время совещаний военных и политических руководителей, и тут вождь заметил, что некоторые выступают в старой форме и играют на изношенных инструментах. Он об этом не забыл, поэтому сейчас и преподнес им новые.

Получая подарки от вождя, артисты вспоминали о днях отступления и растрогались. Тогда они прошли тысячи ли по горным грядам Тхэбэк, добрались до Косанчжина, где находился вождь, который был предельно занят подготовкой к великому повороту в военной ситуации в стране, но выкроил время, чтобы побыть на вечернем концерте и воодушевить артистов. Тогда концерт состоялся в классной комнате сельской школы, где не было ни занавеса, там и смотрел этот концерт вождь, который от души аплодировал артистам. На трудном пути отступления, преодолевая крутые горы и широкие долины, сохраняя образ вождя в сердце, артисты вкладывали всю свою преданность и непреклонную волю в песни и танцы. Проникнутый преданностью и несгибаемой решимостью, хор вдохновенно пел песню «Сражаться, сражаться, до конца сражаться». Повернувшись к сопровождавшим, вождь разволновавшись заметил:

— Очень хорошо! Как прекрасно, что они готовы защищать родную землю, используя музыкальные инструменты как оружие. Поистине прекрасно! Молодцы! Живет корейское искусство, — вождь был очень благодарен артистам.

Этот концерт запал в память вождя.

30 июня 1951 года вождь лично посетил писателей и деятелей искусства и посоветовал им, что и как надо создать для сражающейся армии и народа.

Здесь, вдохновляя писателей и деятелей искусства, которые достойно сражаются в тяжелой военной обстановке, вождь указал на ряд недостатков, допущенных ими в творчестве, и учил, что писатели и деятели искусства должны стать инженерами человеческих душ. Далее он отметил, что человек, если он не патриот, не сможет написать патриотическое произведение. Если деятели искусства не любят народ, то они и не могут ничего создать ради народа. Героический корейский народ, достойно выступающий на мировой арене, требует великих художественных произведений, не уступающих мировому уровню.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен сердечно говорил:

«Я твердо уверен в том, что вы, писатели и деятели искусства, принадлежащие к числу лучших сынов и дочерей героического нашего народа, выступите на мировой арене с великими художественными произведениями и прославите нашу славную эпоху на вечные времена».

В эти слова вождя вложено его огромное доверие к писателям и деятелям искусства и горячее желание дать прекрасную духовную пищу доблестным солдатам на фронте и народу в тылу. В этих словах — искреннее стремление показать всему миру и оставить в наследие потомкам невиданные подвиги, совершенные корейским народом в истории нашей страны.

Внимание и любовь вождя к солдатам и народу, сражающимся под градом пуль и снарядов, растрогали всех писателей и деятелей искусства.

В следующем году великий вождь навестил дом Союза литературы на берегу озера в окрестностях Пхеньяна. Он приехал сюда в военной форме на белом коне. Он здесь беседовал с писателями и обменивался мнениями относительно характеров героев произведений, интересовался новыми художественными замыслами, спрашивал их о здоровье и

жизни. Позже, несмотря на трудные военные условия, вождь выделил им кирпич и цемент для строительства домов, а также теплые ватники и белье.

Писатели и деятели искусства в условиях высокого доверия, окруженные заботой вождя, неукоснительно выполняли его пожелания, они бывали на фронтах у солдат и знакомились с жизнью народа в тылу.

Артисты Ансамбля Народной Армии выступали среди солдат, сражающихся на передовой линии. Они выступали на высоте 1211, где лился не переставая свинцовый дождь, куда беспрерывно падали десятки тысяч бомб и снарядов. Порою им приходилось проскакивать участки, подвергавшиеся массированному артиллерийскому обстрелу. На пути к воюющим солдатам опасность подстерегала их на каждом шагу, нужно было пользоваться единственным ходом сообщения или минутной передышкой — пока враг перезаряжал пушки. Нередки были случаи ранений и даже смерти. Но артисты преодолевали все опасности, чтобы донести до солдат эти песни, их вела вперед любовь вождя.

Для них сценой служили окопы и ходы сообщения, окутанные столбами порохового дыма, они же были и декорацией. Бывало, на заснеженной линии фронта, при свете автомобильных фар они пели песни для солдат, которым предстояло штурмовать врага, бывало и так, что бодро танцевали под аккомпанемент мощной канонады гаубиц. Артисты поспевали всюду: на огневые позиции над облаками, в солдатские окопы, в землянки разведчиков и на передовые перевязочные пункты. А в непредвиденных ситуациях они брали оружие вместо музыкальных инструментов и рядом с солдатами бросались в атаку с криками «ура». Искусство — это бои, и в боях рождалось новое искусство.

Когда солдаты слушали любимые народные и революционные песни и видели танцы, исполняемые артистами с риском для жизни, в их сердцах яростно кипела кровь, они с благодарностью думали о вожде-отце, приславшем к ним таких замечательных артистов, и крепили решимость еще смелее драться с врагом.

Артисты не только выступали с концертами в окопах и траншеях, но и организовывали солдатские хоры и проводили часы досуга с солдатами, разучивали новые песни для них. Новые революционные песни распространялись за считанные дни по всему фронту, и бойцы сочиняли сами новые песни.

В короткие минуты между боями бойцы мастерили музыкальные инструменты из березы, павлонии и бамбука. В кузницах ковали из металлолома гвозди, из телефонных проводов и из сбитых нашими зенитчиками парашютов вытягивали шнурки и использовали в качестве струн для каягыма и хэгыма. Они делали свирели, мандолины, скрипки, барабаны и даже гонги. Вот так впервые в мировой истории войн, в истории искусств появились фронтовые музыкальные инструменты.

На каягыме, струнами которого служили шнурки из парашюта, прозвучала мелодия солдатской песни:

Ты улетай в края родные,
Песня, что в окопе пою.
Взял я ружье свое недаром,
Защищая Родину свою.
И в краю, краю далеком,
И в бою, бою жестоком
Нашу клятву свято помню —
Беспощадно бью врагов.
... ...

Взрывы и грохот вражеских бомб и снарядов за окопами не могли заглушить оптимистические песни и смех бойцов Народной Армии. Таким же был народ в тылу. Пели песни рабочие, ночи напролет стоявшие у станков, и крестьяне, ведя за собой волов по проселочным дорогам.

Неизмеримо величие Президента Ким Ир Сена, вырастившего такой народ, который на поле битвы, где шло сражение на смерть и жизнь, не унывая, поет песню, такую армию и народ, которые мастерили из артиллерийских патро-

нов гонги, из сломанного дерева и трофейных военных материалов — музыкальные инструменты и могут играть на них. Не случайно, что под руководством вождя в народе расцветало боевое, оптимистическое, тонкое и изящное искусство, изумившее мир. Народ, который умеет мастерить хитрые музыкальные инструменты с помощью простых инструментов и играть на них, такой народ обладает революционным духом и таким тонким чувством, какого не имеет никто, о каком никто не имел представления.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен привил народу и деятелям искусства сильную волю и сделал корейское искусство настоящим учебником жизни, мощным орудием борьбы и создал такое искусство, которое способно своей тонкостью и изяществом волновать сердца людей.

Чтобы показать миру это прекрасное искусство, вождь в апреле 1953 года отправил Ансамбль Народной Армии в гастрольную поездку по европейским странам народной демократии.

Искусство Кореи, показанное в различных странах примерно в течение двух месяцев Ансамблем Народной Армии, всюду встречали горячо и радушно. Знакомясь с песнями, танцами, созданными корейскими деятелями искусства, люди мира могли познакомиться с подлинной жизнью и борьбой корейского народа. Они увидели источник силы, благодаря которому молодая Корейская Народная Армия не только не спасовала перед союзом международной реакции с ее главарем — американскими империалистическими агрессорами, агрессивная история которых исчисляется сотнями лет, но и победила. Они выразили глубочайшее уважение и восхищение великим вождем Президентом Ким Ир Сеном, стоящим во главе народа, который создал такое замечательное искусство. Везде, где демонстрировались произведения корейского искусства, люди с восхищением провозглашали «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует героический корейский народ!», «Корея непременно победит!» и скандировали: «Американские империалисты, руки прочь от Кореи!» Это был голос восхищения и поддержки

прекрасного чучхейского искусства Кореи. Не было случая, чтобы чье-то искусство вызывало такое же всеобщее восхищение, такую же высокую оценку.

Революционная песня, сотрясавшая вражеский стан

Корейский народ шел к конечной победе, высоко, как и штык, подняв знамя искусства. Империалисты боялись не только штыков героической Народной Армии. Они трепетали и не могли скрыть страх перед искусством Кореи. Они боялись песен, раздававшихся с нашего фронтового радиоузла. Чтобы не слышали этих песен наемные солдаты, враги всячески пытались преградить им путь. Они пронюхали, что наемные солдаты, которые знали только песни, проникнутые тоской, безысходностью, или, наоборот, «песни», восхваляющие безумства, услышав наши прекрасные песни, сначала относились к ним неприязненно, но с течением времени они, сами не сознавая этого, втайне ожидали часа передач. Поэтому враги не жалели снарядов, чтобы уничтожить фронтовой радиоузел, откуда доносились наши песни. Но они не добились своей цели вплоть до дня своего полного разгрома.

Был такой случай в одном из лагерей для военнопленных.

Там было несколько военнослужащих марионеточной армии из среды интеллигенции, которые силой были отправлены на фронт, а затем попали в плен к Народной Армии. Каждый раз, когда по горным тропам, проходившим недалеко от того лагеря, маршировали на фронт части Народной Армии, они пытались приблизиться к ним. Это привлекло внимание сотрудников лагеря. Их сомнительное поведение нельзя было объяснить иначе как попыткой разведать военную тайну или подготовить побег. А оказалось совсем другое: их влекли бодрые и оптимистические песни солдат Народной Армии, уходящих на фронт, каждый раз, когда доносились до них эти песни, их тянуло к певшим как магнитом.

Они сравнивали оптимистические песни, преисполнен-

ные революционного задора, с теми, которые сами пели или слышали раньше при капитализме, в казармах наемных солдат. У них были только песни, вызывающие тоску, безразличие и печаль, или песни, поощряющие буйство и разгул. Для них «военные марши» и другие песни были средствами, помогающими забыться от страха бесславной смерти.

Но песни Народной Армии резко отличались от всех известных им «песенок». В них звучали непоколебимая вера в победу в войне, революционный оптимизм и бесстрашие, они были очень мелодичными, в них отражалось богатство духовной жизни человека. Эти песни были так удивительны и новы для военнопленных, которым было знакомо только упадочническое и вырожденческое искусство. Они начали завидовать солдатам КНА. Не случайно, когда до их слуха доносились мелодии бодрых песен, они не находили себе места и тянулись туда, где с песнями шли воины Народной Армии, на лицах которых отражалось бесстрашие и жизнерадостность. В эти минуты военнопленные теряли присутствие духа.

Однако военнопленным не дано было знать, каковы жизненные истоки этих песен.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен дал народу возможность осознать значение жизни и борьбы, указал ему ясную цель и пути достижения этой цели, вселял в народ уверенность. Это был период антияпонской революционной войны, дни мирного строительства и Отечественной освободительной войны, пережитые корейским народом под его руководством. На этом далеком и славном пути народ постиг диалектику жизни, неизбежность гибели старого и победы прогрессивного, нового. Народ убедился в том, что его, руководимого вождем, ждет только победа и слава. Именно в этом и ни в чем другом — источник его героизма и оптимизма.

Вождь осветил путь чучхейской литературы и искусства, одним из важных атрибутов которых являются революционный оптимизм, любовь к жизни и вера в победу в борьбе. Он продемонстрировал резкий контраст между на-

стоящим искусством и прогнившим буржуазным «искусством», отражающим преступление и моральное падение империалистов и наемных солдат. На этом контрасте он показал мир победы и светлое будущее. Итак, военнопленные, ставшие на колени перед грозным штыком героической Народной Армии, вынуждены были еще раз признать себя побежденными нашим искусством.

Война — это не только схватка двух армий. Это — противоборство человеческого духа. Закономерно, что империалистические изверги побеждены доблестным народом и армией, имеющими в своем распоряжении прекрасное искусство.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен готовил народ к роли хозяина жизни, умеющего с революционным оптимизмом и улыбкой пройти любой тяжелый и длинный путь, и вел его к конечной победе.

4

Из-за непрекращающихся происков американских империалистов война становилась все ожесточеннее и приобретала длительный характер. Враги отчаянно пытались прорвать оборону Народной Армии, яростно бомбили города и села КНДР, применяли разные виды химического оружия и сбрасывали даже бактериологические бомбы.

В такой обстановке, согласно указаниям великого вождя Президента Ким Ир Сена, на всех участках фронта еще более совершенствовали систему позиционной обороны, основу которой составляли туннели, вели активные оборонительные бои и в то же время принимали меры к надежному укреплению тыла.

В деле укрепления тыла вождь особое внимание обратил на упрочение партийных и административных органов,

на этой основе мобилизовал весь народ на производство военного времени, на создание единства фронта и тыла. Здесь важным было исправление устарелого стиля работы, прежде всего бюрократизма, сохранившегося еще у работников партии и административных органов. Вождь направлял их в гущу народа с тем, чтобы они делили с ним горе и радость, вместе обеспечивали производство военного времени и оказывали помощь фронту. Сам вождь выезжал к массам и показывал блестящие примеры. На заводах он подбадривал рабочих и обменивался с ними мнениями по вопросам производства, в деревнях вместе с крестьянами трудился в поле и заботился о развитии земледелия.

Ободренный заботой вождя, народ проявлял удесятеренную энергию.

На заводах, построенных под землей, рабочие денно и нощно выпускали снаряды и оружие, а крестьяне пахали землю, замаскировав ветками волов, и обеспечивали фронт продовольствием.

Незабываемая партийка из Рагвона

Это было однажды летом, когда вождь-отец выехал в провинцию, чтобы осуществить руководство работой по упрочению тыла.

Американские империалисты-разбойники сбросили на пограничный город Синичжу сотни тонн бомб, в результате чего все улицы за день превратились в сплошные руины, погибло ни в чем неповинное мирное население. В такое время приехал вождь, чтобы руководить на месте.

Трагедия, развернувшаяся перед глазами вождя, жгла его душу. Стенания раненых разрывали сердце. Еще недавно здесь стояли уютные дома и красовались школы, в которых играли и пели дети, но теперь все это сравнялось с землей — на все это вождь не в силах был смотреть. Из-за горя, настигшего этот город, вождь лишился спокойствия и сна.

Но он не мог жить горем. Нужно было дать людям му-

жество и силу, чтобы на этой земле, превратившейся в пепелище, снова ключом стала бить жизнь. Надо было срочно созвать собрание и принять необходимые меры.

Предельно занятый великий вождь все-таки выкроил время, чтобы посетить Рагвонский машиностроительный завод, расположенный в окрестностях Синичжу. Была ночь. Опасаясь воздушного налета, рабочие затемнили цехи, на территории завода не было видно ни зги. Знакомясь с заводом, он узнал, что в литейном цехе идет собрание партячейки. Вождю захотелось повидаться с рабочими, членами партии, обсуждающими что-то в тревожное время, и он направился в комнату демократической пропаганды, где шло собрание партячейки цеха.

На восстановленной после бомбежки вагранке литейщики плавили металл. Никакая бомбежка не могла напугать рабочих: они ни на один день не прекращали работу. «На фронте идут суровые бои за каждую пядь земли, солдаты Народной Армии стоят на смерть за Родину и народ. Наш долг — фронту больше снарядов». Такая мысль руководила рабочими. На повестке дня стоял один вопрос: как улучшить производство военного времени.

Тихо, чтобы не привлечь ничье внимание, великий вождь вошел в комнату и сел в самом заднем ряду. Никто не заметил его. Собрание шло своим чередом. Кто-то призывал товарищей развернуть упорную трудовую борьбу, беря пример с героической Народной Армии, кто-то подчеркивал необходимость укрепления трудовой дисциплины и рационализации производственного процесса. Короткие, но энергичные речи походили на клятву верности. Вот кончились прения и был объявлен короткий перерыв. Только тогда участники собрания заметили, что среди них — дорогой вождь. Они были и рады, и удивлены. Кто бы мог предположить, что вождь, возглавляя Народную Армию в ожесточенной войне и заботясь о всех делах страны, навестит их, литейщиков, обслуживающих небольшую вагранку. Партийцы поразились приезду вождя еще и потому, что не прекращались массированные бомбардировки противника.

Когда возобновилось собрание, вождь, пройдя вперед, сел за стол президиума и просто сказал:

«Сегодня вечером я участвовал в собрании партийной ячейки вашего чугунно-литейного цеха. Теперь, когда закончилось собрание, я выскажу свое мнение по некоторым вопросам».

Вождь говорил по повестке дня, старался вникнуть во все детали жизни рабочих и разрешал все наболевшие вопросы. Затем он перевел разговор на другую тему, тему послевоенного восстановления и строительства. Перед его глазами стояли развалины улиц Синичжу, в ушах звенели стенания отцов и матерей, лишившихся детей, и плач сирот. В речи вождя звучало горячее желание — скорее восстановить разрушенное, покончить навсегда со слезами и горем. Он сказал:

«Они развязали войну в нашей стране в тот момент, когда наш народ, восстановив разрушенные японскими империалистами заводы, создал условия для зажиточной жизни...

Империализм США — агрессор, имеющий более чем 100-летнюю историю ведения захватнических войн. Молода наша страна, поднявшаяся на борьбу против этих агрессоров, но мы непременно победим, ибо ведем справедливую войну.

Наши силы неисчерпаемы. Весь народ и Народная Армия, тесно сплотившись вокруг партии, встали на священную войну против империалистических агрессоров США и ведут самоотверженную борьбу. Наша доблестная Народная Армия все более крепнет. В частности, быстро растут и укрепляются военно-воздушные силы. Ныне они множатся, как грибы после дождя.

Народы стран народной демократии и многих других стран мира активно поддерживают справедливую борьбу нашего народа. Поэтому предопределено, что Отечественная освободительная война кончится победой нашего народа.

После войны нам суждено восстановить разрушенные заводы, города, деревни и построить новые. В этом деле встретится еще немало трудностей. Будет нехватать рабо-

чей силы, трудно нам будет и с техникой. Но мы должны во что бы то ни стало восстановить разрушенные города и села».

Рабочие серьезно и внимательно слушали эти весомые слова вождя. Велико было причиненное войной разрушение, так что они представляли себе очень трудное послевоенное восстановление.

Вдруг, поправляя на себе одежду, встала молодая работница, это была член партии Син Пхо Хян. Несмотря на военное время, она была одета опрятно. Ее чистое лицо, озаренное светлой и радостной улыбкой, отличалось умом.

Спокойным голосом она заговорила:

«Уважаемый Председатель Кабинета Министров! Только бы нам победить врага, а за восстановлением и строительством дело не станет, ведь мы совсем неплохо жили, восстановив за какие-нибудь два-три года все, что так безжалостно разрушили при своем бегстве японские империалисты; мы сможем снова восстановить хозяйство и вернуть зажиточную жизнь, когда кончится война. Не очень-то беспокойтесь».

Удивленно смотрел великий вождь Президент Ким Ир Сен на партийку. В ее словах звучал оптимизм, ощущалась и сила рабочего класса. Чувство духовного превосходства, заключающееся в том, что она хоть и обеспокоена варварскими разрушениями, причиненными агрессорами, но уверенность в воле и созидательной силе всего рабочего класса преобладает. Смысл ее высказывания сводился к тому, что если разрушено, то надо построить все заново еще масштабнее, еще красивее! Какая сила воли! Рабочие эвакуировались, неся на себе технику, проводили на фронт много товарищей и теперь под бомбежкой работают каждый за двоих, за троих, плавят металл и приводят в действие станки. Но на их лицах — улыбки, утверждающие силу, в их голосах звучит вера в победу. Какие надежные люди!

Великому вождю подумалось, что эту непоколебимую волю и оптимистическую уверенность рабочих ничем не заменить и что это и есть наше сокровище.

Когда вождь узнал все подробности жизни выступавшей

женщины, то он еще больше стал ее уважать. Под бомбежкой кровопийц-янки погибли все ее родные и близкие: родная мать, свекровь и любимые дети. Теперь для нее завод стал родным домом, в труде она обрела смысл жизни. Собрав всю силу воли, она молча переживала огромное несчастье, которое не всякой женщине удалось бы вынести, да еще старается не обременять вождя новыми заботами и чистым и звонким голосом уверяет, что рабочие решительно возьмутся за восстановление и строительство.

Ее звонкий голос как бы снял с плеч вождя огромную тяжесть. Рабочие, молча сидевшие под тусклой керосиновой лампой, предстали перед его мысленным взором в образе всемогущих богатырей. Сплачивай и мобилизуй силы такого рабочего класса и народа, и вполне под силу будет осуществить послевоенное восстановление и строительство социализма и коммунизма. Для таких людей нет никаких неприступных бастионов. Вождь с благодарностью посмотрел ей в лицо, затем оглядел всех присутствующих.

В обществе вождя рисовать светлое будущее восстановления и строительства было большим удовольствием и счастьем. Члены партии не замечали времени, слушая указания вождя и раскрывая ему все, что у них накопилось в душе за это время.

Великому вождю было жаль расстаться с рабочими. Обращаясь к той партийке, он наказывал крепиться, превозмочь горе и идти в первом ряду производственного фронта. А всем членам партии дал мудрый совет — при участившихся вражеских бомбежках следует перевести оборудование в более безопасное место и принять меры к тому, чтобы никто не пострадал.

Великий вождь не в силах был забыть слова, высказанные партийкой на собрании партячейки литейного цеха. Думая над ее ценными словами, он не мог заснуть.

Она сказала: раз с нами вождь и партия, то восстановление и строительство не представляют трудностей. А он — вождь, сталкиваясь с трудностями, всегда советуется с наро-

дом о том, как их преодолеть, считается с его мнением и преклоняется перед его всемогущей волей. Вождь глубоко вдумывался в простые слова партийки и находил в них источник силы и радости.

Партийка с Рагвонского машиностроительного завода, затронувшая струны сердца родного вождя, осталась верна наставлениям вождя и стояла на переднем крае восстановления и строительства, но, к нашей скорби, на следующий год после перемирия заболела и безвременно ушла от нас.

Позже, встретив весть о ее смерти, вождь не мог успокоиться, до боли в пальцах сжимал угол стола и сокрушался, что у него слишком рано отняли хорошего товарища. Простую работницу, с которой встретился раз, и то во время ожесточенной войны, он считает давнишним другом и горюет о ее смерти. Имея в его лице вождя, рабочие и народ Кореи считают, что никого нет счастливее их.

Среди нас нет члена партии Син Пхо Хян. Но светлый образ ее, в котором воплотился оптимизм рабочего класса, и ее замечательные слова живут и будут жить в сердце вождя. Прошли месяцы, годы. Как-то вождь вспоминал ее следующими словами:

«Всю жизнь я не могу забыть эти слова. На обратном пути в машине я думал, что эта женщина совершенно права, и проникся твердой верой в то, что наша партия непременно победит, потому что у нас есть рабочий класс с такой сильной волей».

В этих словах отражается великий образ народного вождя. Он всегда черпает силу в народе, чувствует себя счастливым только среди народа и руководит всеми делами страны — политикой, экономикой и культурой, выполняя волю народа.

Засевая поле вместе с крестьянами

Стояли майские дни 1952 года. Однажды любимый вождь Президент Ким Ир Сен заехал в село Вонхва уезда Тэдон провинции Южный Пхеньан. Деревня насчитывала

70 домов. В деревне жили бедные крестьяне, арендовавшие землю в период господства японского империализма. Конечно, после освобождения страны благодаря земельной реформе их жизнь стала гораздо лучше, однако война причинила им новые лишения.

Когда вождь въехал в село, на небе еще не погасла утренняя звезда. Хотя стоял май, но ветер дул холодный. Казалось, что деревья вдоль дороги дрожат в темноте.

Вождь пошел к председателю сельской организации женского союза, с которой был знаком. Низкая калитка была приоткрыта, но окна еще не светились.

Адъютант хотел пройти в дом через двор, но вождь остановил его:

«...Не надо будить хозяйку. Разбудишь спящую, она будет не в духе. Скоро утро. Мы посидим и отдохнем во дворе, пока хозяйка не встанет».

От неожиданных слов вождя адъютант не находил себе места и только спустя немного высказал свои соображения: предрассветный воздух такой холодный и надо согреться в доме. А ждать до утра на воздухе не следует.

— Наоборот. Лучше сидеть во дворе и дышать свежим воздухом... Принеси-ка, если можно, охапку соломы, — с улыбкой мягким голосом возразил вождь.

Адъютанту ничего не оставалось. Он осмотрелся вокруг в надежде найти солому. Но в темноте нельзя было ничего разглядеть. Солому принес сам вождь и предложил всем сесть.

Стараясь не разбудить семью, вождь шепотом подозвал всех и сам первый сел на солому. Спутники почувствовали неловкость, но все-таки по очереди сели, подстелив солому. Дул сырой холодный ветер, который, наваливаясь на изгородь из гаоляновых стеблей, жалобно стонал и поднимал труху в воздух. Холод проникал сквозь одежду.

Облик родного вождя, неподвижно сидевшего в полутьме, напоминал любящую мать, вглядывающуюся в лицо спящего младенца. Он словно вслушивается в ровное дыха-

ние мирно заснувшего народа. Он словно поправляет одеяло и напевает колыбельную, желая дать этим людям, которым с рассвета предстоит кипучий трудовой день, побольше отдохнуть.

С того времени как вождь встал на тернистый путь революции, у него вошло в привычку не замечать собственных невзгод, думать только о нуждах солдат. Каким он был, таким и остался, сегодня он охранял сладкий сон крестьян.

Спрашивается, сколько бессонных ночей провел родной вождь для того, чтобы народ спал мирным сном. Именно благодаря отеческой любви вождя весь народ и при свирепых вихрях, и под градом вражеских пуль может спокойно ложиться спать и погружаться в сладкий сон!..

Все село сладко спит, не зная, какая любовь окружает его. Все — и поле перед селом, и сопки за ним — погружено в сон.

Вот заалело небо на востоке. Постепенно проступает силуэт дома. Стала четко видна изгородь из гаоляновых стеблей и окна. Наконец, потирая заспанные глаза, выходит хозяйка и неожиданно видит направляющегося навстречу ей вождя.

— Ах, родной вождь... — женщина не успевает как следует поприветствовать дорогого гостя.

— Ну как, дома все здоровы? — ласково спрашивает вождь и подробно узнает о житье-бытье, после чего предлагает пройти в поле и там продолжить разговор.

Под ослепительными лучами утреннего солнца вождь стоит на краю поля в сопровождении председателя сельской организации женского союза. Он отказывается от предложения присесть на коврик, который председатель взяла с собой, а садится на траву на насыпь, за которой — густая тутовая роща. Один за другим выходят в поле крестьяне и за ними замаскированные волы. Вождь просит их подойти к нему и спрашивает: как идет пахота, сколько засеяно, какие семена приготовлены, какие меры предприняты, чтобы преодолеть нехватку рабочей силы. Он беседует с крестьянами о земледелии.

Целый день великий вождь вместе с крестьянами работал в поле. Работая, он доступным языком говорил, что только сытые солдаты могут хорошо воевать и что богатый урожай в тылу очень поможет победе в войне. Его интересовали вопросы: организованы ли группы по совместному использованию рабочего скота и группы трудовой взаимопомощи и как идут у них дела. Он разъяснял, что в будущем деревня должна идти по пути кооперирования и нужно хорошенько подготовиться к нему уже сейчас.

До заката солнца вождь помогал крестьянам засевать поле.

Он умело нарезал борозды и удобрял землю навозом, но не показывал виду, что устал, чему удивились даже бывалые хлеборобы.

Среди сопровождавших его были и неопытные. Перед работой вождь подозвал их и сказал:

«Сеять надо аккуратно. Чтобы семена падали не густо и не редко. Тем более нельзя рассыпать ценные зерна. Борозду проводите чуть глубже. Это поможет растению осилить засуху и быстро приняться».

Вождь-отец был и Верховным Главнокомандующим, руководящим сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, и главой государства, и опытным крестьянином, знавшим все тонкости земледелия.

«Как он сеет! Как он обращается с землей!» Крестьяне не переставали восхищаться сноровкой вождя.

Работать вместе с крестьянами было одно удовольствие для вождя. Сам выходец из бедной крестьянской семьи, он всегда обращался с крестьянами, как с родными. Ему доставляло огромное удовольствие трудиться вместе с крестьянами из села Вонхва, переживающими тяжелую войну, и убедиться в жизнерадостности и энтузиазме крестьян, работающих в поле с твердой верой в победу.

Все село облетела весть о том, что сам вождь удобряет землю навозом, и прибежали в поле даже престарелые с разными орудиями.

«Пусть мы и старые, но тоже должны работать. Беско-

нечная радость для нас, что вождь лично приехал к нам. А виданное ли дело, чтобы вождь даже удобрял землю?.. Он заботится о нас, сам испачкал руки навозом...»

Вытирая слезы, старики неслись в поле, как на крыльях. Им навстречу шел вождь и уговаривал отдохнуть. Но они стояли на своем. Раз вождь с нами, говорили они, какая тут может быть разница между молодыми и старыми. Будто помолодев, они начали рыхлить землю и закапывать семена.

В небе, как обычно, кружили вражеские стервятники. Недалеко взрывались бомбы. Ни на минуту не прекращались преступные действия кровожадных хищников. Однако в присутствии родного вождя крестьянам вражеские стервятники казались беспомощными. Они с уверенностью продолжали разрезать борозды и сеять. Засевая поле семенами, они последовательно ковали победу.

Война была суровая. Мировой агрессивный империализм во главе с американским и реакционные вооруженные силы Южной Кореи яростно нападали на молодую Республику, пустив в ход всевозможные средства войны. Однако как бы ни грозен был огневой шквал агрессоров, он оказался бессильным перед силой великой любви родного вождя, живущего с народом.

Семена, брошенные в землю вождем, были и семенами веры в победу, внедряемыми в сердца народа. Рядом с мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, зарывая семена, шагает вождь. Шагая, вождь превращает неиссякаемую силу народа в свою собственную, видит под ногами всех агрессоров. В этом были величие и достоинство вождя.

5

Подобно тому как подо льдом все равно течет вода, так и в огне войны жизнь безостановочно шла своим чередом.

В дни ожесточенной войны любимый вождь Президент Ким Ир Сен давал народу все, что нужно для жизни. Давал и песни, и танцы, и грандиозные проекты послевоенного строительства, и революционный оптимизм.

Подхваченные величественным потоком жизни, учащиеся с сумками ходили в школу, а ученые отдавались науке.

Чтобы народ сильной волей к светлому завтра жил и боролся, преодолевая лишения и невзгоды, вождь, несмотря на тяжелую военную годину, отдавал много сил делу воспитания подрастающего поколения и подготовки кадров.

Постоянно переживая суровые испытания войны, народ все-таки смог в своих сердцах сберечь гордость за приближение лучезарного будущего. Этим счастьем он обязан заботе любимого вождя Президента Ким Ир Сена.

Дети читали, заглушая взрывы бомб

Даже в дни самых варварских бомбардировок американских империалистических стервятников в Корее всюду шли занятия в школах. Как бы ни были громки звуки взрывающихся бомб, сброшенных американскими воздушными пиратами, они не могли забить звонкие голоса читающих детей. В конце 1951 года, когда вся страна была охвачена пожаром войны, насчитывалось свыше миллиона учащихся.

Благодаря заботе родного вождя об обучении детей, еще в апреле 1951 года было принято постановление Кабинета Министров о возобновлении занятий по всей стране в учебных заведениях всех ступеней, а в июне того же года был издан приказ Военного Комитета об отзыве с фронта бывших студентов, преподавателей и ученых.

Это был крайне тяжелый период для страны. Враг, временно оккупировав северную половину страны, безжалостно все разрушал и предавал огню; что осталось, он крушил каждодневными варварскими бомбардировками. В такой обстановке, чтобы восстановить и поддержать один разру-

шенный мост или одну дорогу, потребовалось бы много сил.

Вождь лучше, чем кто-либо, знал и глубоко понимал тяжелое положение страны, но он считал, что одним из самых важных дел является обучение детей — будущего страны.

Пока на земле существует жизнь, нельзя прекращать или откладывать дело воспитания подрастающего поколения. Поддерживая эту благородную волю вождя и желая не причинять ему беспокойства из-за воспитания детей, народ не жалел ни труда, ни материалов, ни средств ради строительства школ.

Так в тылу вновь были созданы учебные заведения — от начальных школ до вузов: в горных ущельях, густых лесах и спрятанных в долинах селах. Большинство классных комнат и аудиторий размещались в землянках, но они были уютны и чисты, в них были созданы все условия для занятий. В каждой классной комнате висел портрет родного вождя, расставлены новые парты и скамейки, от чего в комнатах стоял запах смолы, висела классная доска — черная, как лак, были и наглядные пособия.

Вузы размещались в безопасных местах в глубоком тылу, в них в соответствии со специальностью учились студенты — завтрашние национальные кадры, в которых будет нуждаться страна после войны. Все институты, начиная от политического, педагогического, технического, музыкального и кончая институтом изобразительного искусства, принимали студентов. Большинство из них — вчерашние воины, которые были срочно отозваны с фронта и сменили винтовку на перо. Поэтому они и занимались по-боевому.

Среди студентов было и немало южнокорейцев, которые воевали добровольцами в рядах Народной Армии. При колониальном господстве американского империализма они были лишены всех прав, не говоря уже об учебе, и жизнь была сплошным, беспросветным ужасом, но здесь, благодаря заботе вождя, неожиданно им выпало счастье —

учиться. Для них все было ново, все удивляло, но учились они с огромным энтузиазмом и желанием.

В начальных и средних школах мальчики и девочки, как птенцы, сверкая глазами, тянули руки и отвечали на вопросы учителя. Даже во время сильных бомбежек малыши ходили в школу, гремя пеналами в сумках. Когда падали бомбы, они бросались в лес или прятались в траве, а потом, построившись, шли в школу.

В стране отовсюду слышались звонкие голоса учащихся. То были песни подрастающей Кореи, с любовью взлелеянной любимым вождем Президентом Ким Ир Сеном. Ободренный детскими песнями, народ не обращал внимания на взрывы бомб. Взрывы бомб — вой варваров, которые живут только один сезон, взрывы — это последний рык издыхающего зверя, это уже не страшно. А голоса читающих детей были песней еще не распустившихся цветов могущественной Кореи, взращиваемых стальной волей родного вождя, и песней светлой надежды, хранимой во глубине сердца народа, который по воле истории непрерывно устремляется вперед. В них слышался смех творца и победителя в лице корейского народа и прогрессивных народов всего мира, приводящих в трепет американских империалистов и их вассалов, шарящих налитыми кровью глазами по оперативной карте в поисках новых жертв разрушения и грабежа.

Когда все силы сосредоточены на ожесточенной войне, то мирные повседневные дела, такие, как, например, общее образование, могли быть отодвинуты на задний план и это было бы не удивительно. Особенно для Кореи, где вся территория была охвачена пламенем войны. Но великий вождь Президент Ким Ир Сен позаботился о том, чтобы даже в тяжелых военных условиях дети радовались по случаю поступления в школу и перехода в старшие классы, для них были организованы церемонии по случаю поступления и окончания школы, чтобы все увлеченно учились, занимались своим любимым делом, кто работал над этюдами, кто по нотам разучивал песни.

В «университете в горах»

Вождь после отзыва с фронта студентов, даже создав для них все условия для учебы в безопасных местах, не мог успокоиться и, несмотря на огромную занятость, объезжал все вузы.

Вечером 12 апреля 1952 года, проделав нелегкий путь, родной вождь приехал в село Пэксон уезда Сунчхон, где был временно расположен Университет имени Ким Ир Сена. Встретив вождя, университетское село превратилось в ликующее море.

И ему было очень радостно снова увидеться с вернувшимися с фронта преподавателями и студентами, он с улыбкой отвечал на их приветствия.

До поздней ночи вождь беседовал с преподавателями. Хотя комната была небольшая с низким потолком, но в присутствии великого человека она производила впечатление огромного, просторного помещения. И старые профессора, убеленные сединами, посвятившие всю жизнь науке, и пожилые преподаватели, считающие просвещение революционной задачей, и молодые преподаватели, ушедшие вместе со студентами на фронт воевать с врагом и только что вернувшиеся, — все были дружными братьями перед родным вождем. Счастливые тем, что им выпала честь увидеть родного вождя здоровым в такое суровое и трудное время, они радостно смотрели друг на друга.

Поблагодарив преподавателей и ученых за то, что они, преодолевая лишения, отдают много сил делу воспитания студентов, вождь расспрашивал их о делах и трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. Он остановился на направлении дальнейшей работы:

— Теперь не за горами день победы. С осуществлением перемирия нас ждет грандиозная работа по послевоенному восстановлению и строительству. Предвидя прекращение огня, мы уже сегодня должны работать над вопросами послевоенного восстановления и строительства народного хо-

зяйства в нашей стране. Надеюсь, вы, собравшиеся здесь, займетесь этими вопросами и окажете помощь государству.

Вера вождя в победу и его огромное доверие профессорам и ученым будто живительным светом осветили всю комнату.

Великий вождь подробно остановился на многих вопросах: об активных исследованиях всех природных богатств страны, о создании мощной тяжелой индустрии, стержнем которой должно быть машиностроение, и закладке прочной базы самостоятельной национальной экономики, об исследованиях, связанных с освоением солончаков на западном побережье и плоскогорий в северных районах, о преобразовании природы, о массовой подготовке национальных кадров, призванных взять на себя послевоенное восстановление и строительство. Он предложил присутствующим высказать свои соображения, так как ему необходимо было знать их мнения и пожелания для успешного разрешения этих сложных вопросов.

Завязалась оживленная беседа. Планы, предложенные учеными, в большинстве своем были еще не зрелыми, но вождь внимательно прислушивался ко всем замечаниям и дал целый ряд научнообоснованных советов.

Вождь указал, какими исследованиями надо заняться, по каким темам следовало бы написать статьи.

Собственноручно регулируя фитиль в керосиновой лампе, вождь поблагодарил всех за ценные высказывания и дал сердечный наказ — воспитать из студентов — будущих национальных кадров — людей со стойким духом самостоятельности и с высокими деловыми качествами, так как они — опора страны. Каждое слово вождя запало в сердца профессоров и ученых и стало девизом их жизни.

На следующий день вождь-отец осмотрел студенческое общежитие. После того, как в безопасном горном ущелье он обеспечил все для жизни и учебы, он все же не мог успокоиться, не прикоснувшись к столам и одеялам студентов.

Когда он вошел в одну из комнат студентов, хозяева,

выстроившись в ряд, бурными аплодисментами приветствовали вождя. Среди них один студент стоял с угрюмым видом: он не мог аплодировать.

Вождь сразу заметил, что он с одной рукой, инвалид войны. С озабоченным лицом он подошел к нему и, трогая пустой рукав, сочувственно спросил:

— Не болит?

Причинив лишнюю заботу вождю, студент почувствовал себя виноватым и, став по стойке смирно, бодро ответил:

— Нет, не больно!

По лицу вождя пробежала тень. После минутного молчания он усадил студента и стал расспрашивать: как его лечили в госпитале, из какой он части, когда демобилизовался, откуда родом, о родителях и делах семьи. Внимательно прислушиваясь к ответам, вождь осматривал комнату и, вдруг лицо стало суровым, он спросил:

— Где твое одеяло?

Прошло только два дня, как прибыл студент, и он еще не успел получить одеяло.

Увидя, что парень явно замешкался, вождь дал распоряжение работникам университета:

«Пожалуйста, выдайте этому товарищу новое одеяло. Чтобы товарищ инвалид войны не чувствовал никаких неудобств».

Он предложил студентам говорить обо всем, в чем они нуждаются, не стесняться. Обещал им, что они будут обеспечены всем необходимым, начиная от студенческой формы и кончая бумагой.

Перед тем, как прийти в общежитие, вождь ходил в столовую. Было время завтрака. Студенты вскочили с мест и горячо приветствовали вождя. Он сделал знак — сесть и продолжать завтрак.

Добравшись до низкого проема для подачи еды, пригнувшись, вождь попросил повара подать ему завтрак, который получает каждый студент. Собственноручно приняв поднос, вождь попробовал суп и закуски. После этого он посоветовал работникам столовой постараться повкуснее

готовить пищу, ведь это зависит только от их мастерства. Он обещал прислать побольше соевых бобов, чтобы почаще угощать студентов творогом. Он распорядился, чтобы всегда было в запасе масло, чтобы студентам давали больше мясного. Затем обращаясь к молоденькой студентке, стоявшей рядом с ним, нежно спросил: не голодна ли она и что бы ей хотелось съесть? От теплых отеческих слов вождя заволновались сердца студентов, присутствовавших в столовой, к горлу подступил горячий ком.

Вождь предлагал скорее есть, пока еда не остыла, но студенты глотали слезы радости и умиления, а каша стыла на столах.

В присутствии вождя университет напоминал счастливую дружную семью. В этот день нелюдимая гора Чамо с глубокими ущельями казалась такой родной, какой должна была быть она, в соответствии с названием (по-корейски Чамо означает — любящая мать). Через два дня наступает 15 апреля — день рождения вождя. Трава и деревья оделись в праздничный весенний наряд. Выражая восторг, пережитый в тот знаменательный день, который преподаватели и студенты университета провели в обществе родного вождя, и чувство преданности, они посвятили ему стихотворение.

Над историей пятитысячелетней
Встало солнце, разгоняя мрак и тлен,
Это — знамя нашей Родины победной,
Это солнце — Полководец Ким Ир Сен.

Солнце вспыхнуло над прошлого ночами,
Напоило счастьем юные сердца,
Расскажи, гора ласковая Чамо,
О приезде к нам любимого отца.

В этот день, в канун его сорокалетья,
Он поведал нам о будущем страны,
И рассказ его мы слушали, как дети,
Позабыв о горьких тяготах войны.

Здесь во имя революции дрались мы,
Победили ненавистного врага,
Здесь теперь построим зданье коммунизма
И прославим Полководца на века!

Оберегая ученых и в огне войны

27 апреля, спустя полмесяца после посещения села Пэксон, великий вождь в Моранбонском подземном театре созвал Всереспубликанский слет научных работников, на нем он указал направления развития чучхейской науки, которых должны придерживаться научные работники, и принял меры по учреждению Академии Наук. Так, в декабре 1952 года в огне ожесточенной войны родилась Академия Наук. Это было выражение большой и глубокой любви, которой родной вождь окружал научных работников.

После освобождения страны вождь разыскал всех ученых, которые при колониальном режиме японского империализма, не имея средств для научных исследований, бродили по всей стране, теперь им дал возможность служить науке. И в дни ожесточенной войны вождь не забывал об ученых — заботился об их жизни и помогал им выбрать верный путь.

Война, конечно, не обходится без горьких потерь. Но гибель каждого ученого при бомбежке отдавался в его душе, причиняя огромную боль. Был и такой случай, когда он лично предпринял меры, чтобы помочь раненому в ногу ученому вылечиться. Напряженное положение на фронте не могло помешать ему обеспечивать ученых книгами, лабораториями и прочими материалами, нужными для опытов. А сегодня вождь подарил им и этот храм науки.

Окруженные вниманием вождя и осознавшие свою роль на научном фронте, ученые то, подобно разведчикам науки, открывали в ней новое, то подобно ударникам, штурмовали новые научные высоты. Так они непрерывно пробивались вперед.

На север к вождю шли также южнокорейские ученые,

изнывавшие под гнетом американских империалистов. Ими двигало желание стать его бойцами.

Ниже следует один эпизод, взволновавший сердца тысяч и тысяч людей. Была середина октября 1950 года, когда части Народной Армии согласно стратегическому плану временно отступали.

Из Сеула на север вышла группа эвакуирующихся ученых и специалистов. Среди них был Ли Сын Ги, который впоследствии добился крупных успехов в исследовании виналона. На его попечении были жена на восьмом месяце беременности и пятеро детей мал мала меньше. Окруженные сердечной заботой партии, доктор Ли и его семья добрались до Енпхена уезда Синпха провинции Рянган. На следующее утро, когда они собрались в путь, к ним явился один из научных сотрудников, который выехал раньше их. С ним был крестьянин-возчик. Приветливо обменявшись крепким рукопожатием, он сообщил:

— Вождь прислал повозку.

В его голосе чувствовалось сильное волнение.

— Что?! — не понимая его и недоумевая, в чем дело, переспросил доктор.

И в ответ услышал следующее:

— Принимая доклад о том, как идет эвакуация ученых и специалистов из Южной Кореи, вождь узнал о трудностях, переживаемых доктором, и велел послать за вами повозку, поскольку на ней с детьми безопаснее пробираться по горным тропам, чем на машине по шоссейной дороге, ведь не исключена и бомбежка.

Растроганный доктор не мог сказать ни слова и невидящими глазами смотрел на жену. Ее глаза наполнились слезами. Отвернувшись, она тихо всхлипывала.

Вместе со всем народом вождь, должно быть, переживал самые суровые испытания. И он еще находил время, чтобы проявить заботу об одном ученом. Он говорил, что шоссейная дорога не лишена опасностей, поэтому удобнее пробираться по горным тропам на повозке, посадив на нее детей. Его любовь теплее родительской любви! Доктор, который до войны

жил в Сеуле в нужде и унижении, молился, глядя на север, и дрожащим голосом повторял: «Родной вождь! Родной вождь!..» Опершись на оглобли, он плакал. Ни сказочная золотая коляска, ни цветочный экипаж счастливцев не могли бы сравниться с этой скромной деревянной повозкой, присланной вождем.

И впоследствии вождь тепло заботился о Ли Сын Ги, перешедшем из Южной Кореи. Несмотря на трудные условия военного времени, он обеспечивал его лабораторией и всем, что требовалось для проведения всестороннего исследования виналона.

Это было в первых числах июня 1952 года. К зданию лаборатории, где работал доктор, подъехал грузовик, нагруженный до верха аппаратурой и реактивами. За ними вождь специально командировал человека далеко за границу, чтобы помочь доктору в его исследовательской работе.

Оказавшись в лаборатории, заставленной аппаратурой и реактивами, доктор погрузился в глубокое размышление.

Перед его взором чередовались трогательные моменты: волнение того незабываемого дня, когда он впервые в жизни был принят глубокопочитаемым на протяжении долгих лет родным вождем, обаяние вождя, который на недавнем Всереспубликанском слете научных работников посадил его в президиуме и во время перерыва даже подозвал его, чтобы справиться о здоровье последнего.

Еще во время господства японского империализма доктор имел крупные научные открытия. Однако это не исключало, чтобы он испытывал нестерпимые национальные оскорбления и унижения, потому что он кореец. И позже, после освобождения страны, живя в Южной Корее, оккупированной американскими империалистами, он чувствовал себя сиротой, вынужденной прекратить научно-исследовательскую работу из-за нужды. Он бедствовал до такой степени, что был лишен возможности приобрести кусок льда для проведения опытов.

Лишь после того как оказался в объятиях родного вождя, он испытал чувство законной гордости и чести научного ра-

ботника. Теперь, обеспеченный всеми необходимыми условиями, бесконечно счастливый, он расправил крылья научной фантазии и отдает всего себя науке. Какая большая разница, как он может сохранить успокоение души!

Доктор молча гладил аппаратуру и пакеты с реактивами. И вдруг встав, он быстро накинул на себя халат и приступил к делу. То, что родной вождь сделал для него, не позволяло зря тратить хотя бы минуту.

6

Накануне последней схватки, которая решила бы исход войны, фронт ощетинился.

Главари американского империализма, взвалив на Трумэна ответственность за позорное поражение в корейской войне, сняли его с поста президента, поставили на это место Эйзенхауэра, на которого они, считая его «богом войны», возлагали последнюю надежду.

Эйзенхауэр, разглагольствуя, что «лучше действовать, чем вести переговоры», непосредственно прилетел на корейский фронт и планировал «новое наступление». Это «новое наступление» предусматривало крупную десантную операцию агрессивных войск американского империализма на восточном и западном побережьях и открытие второго фронта на рубеже, соединяющем Ханчхон, Пхеньян и Вонсан, одновременно с усилением наступления на главном участке фронта, окружением и атаками против Народной Армии и «победоносное» завершение войны. Для этого авантюристского «нового наступления» Эйзенхауэр перебросил огромное количество военных кораблей, самолетов и вооруженных сил, резко увеличил численность лисынмановской марионеточной армии, попытался привлечь даже японские и чанкайшистские войска.

Непобедимый стальной полководец Маршал Ким Ир Сен видел в этих отчаянных попытках американских империалистов предсмертную агонию шайки, обреченной на гибель. Он проводил последовательную подготовку к тому, чтобы нанести решительный удар по противнику, сокрушить его волю к сопротивлению.

Перед решительной битвой, от которой зависел исход войны, великий вождь считал необходимым еще более укрепить революционные ряды. В декабре 1952 года он созвал V пленум ЦК партии с целью развернуть борьбу за идейно-организационное упрочение партии. Так ликвидирована клика Пак Хон Ена и Ли Сын Оба, пробравшаяся в партию. Эта шайка наемных шпионов американского империализма и контрреволюционных элементов ультралевыми фразами и действиями в пользу врага причинила огромный ущерб делу революции в Южной Корее, а, перебравшись в Северную Корею, она всячески клеветала на партию и замыслила даже вооруженное восстание в поддержку «нового наступления» американских империалистов. Были полностью разоблачены преступления этой шайки и были устранены последствия их подрывной деятельности, в результате чего еще больше укрепилось единство идей и воли партийных рядов.

В январе 1953 года вождь послал всем парторганизациям и членам партии Письмо ЦК партии, поднял всех партийцев и население фронта и тыла, бойцов и командиров Народной Армии на последний, смертный бой с американскими империалистическими захватчиками, призывал их защитить от врага каждую пядь родной земли.

Благодаря всем этим мерам все воины Народной Армии и жители тыла, проникнувшись горячей преданностью вождю, поднялись на последнее решительное сражение, словно волны бушующего океана.

Письмо солдата

Фронт кипел новым боевым духом и революционной страстью. Сердце каждого бойца горело жаждой разгромить как можно быстрее американских империалистов-людоедов. Призыв вождя не дать

противнику ни пяди родной земли вселял во всех бойцов Народной Армии несгибаемый боевой дух.

Перед смертным боем они писали вождю письма. Писали, положив бумагу на приклад или охлаждая пулемет после жарких непрекращавшихся целый день схваток с наседавшими на них врагами. В этих письмах они выражали непреклонную решимость отдать жизнь во имя Родины, просили вождя не беспокоиться о высоте Родины, которую они защищают грудью, писали о положении на фронте и о своей жизни, высказывали и ценные замечания.

На столе в кабинете вождя горой лежали письма с фронта. Он читал их с большой радостью, как ценнейшие документы. У вождя, который командовал тремя видами вооруженных сил и поднимал всю страну на решительный бой, каждая минута была на счету, но он читал письма бойцов ночами и иногда писал тут же ответы.

Однажды великий вождь получил письмо от одного артиллериста. Боец дал клятву быть до конца преданным вождю и просил прислать на фронт побольше пушек и снарядов для массового уничтожения противника. Он долго смотрел на это письмо. Он читал в нем страстное желание фронта, срочную просьбу бесчисленных героев и революционных бойцов, защищающих высоту, без страха ринувшихся в атаку на вражескую позицию.

Для вождя бойцы Народной Армии были не просто механическими исполнителями приказа начальства, а товарищами по революции, борющимися за общую цель. Поэтому он считал своей неотложной задачей, священным долгом удовлетворять их просьбы. Он высоко оценил письмо безымянного артиллериста и решил направить больше сил на военное производство.

Вождь, планируя нанести по врагу сокрушительный удар, так увеличивал военное производство и принимал конкретные меры по снабжению фронта большим количеством боеприпасов, но, прочитав это письмо, он лично направился на военные заводы, чтобы уточнить разработанный план и скорее удовлетворить просьбу бойцов.

На рассвете в один из февральских дней 1953 года вождь, преодолев крутой заснеженный перевал, посетил рабочих военного завода, расположенного в глубоких горах.

Люди еще не вставали. Адъютант собирался сообщить руководящим работникам завода о приезде вождя, но тот говорил, что не надо будить людей, отдающих все силы для удовлетворения военных нужд, которые сладко спят после трудной работы, продолжавшейся скорее всего до позней ночи, и предложил подождать в помещении, сооруженном в туннеле. Сам вождь не спал всю ночь, преодолевая крутые горы, покрытые снегом поля. Но он совсем не думал об усталости. В помещении, сооруженном в туннеле, было холодно и сыро, с потолка капала вода. Вождь сидел здесь до тех пор, пока рабочие не проснулись.

Наконец вышли в цех руководящие работники и рабочие завода. Гудели моторы, вращались машины. Вождь направился прямо в цех. Руководящие работники заспешили к вождю и предлагали ему побеседовать с рабочими в кабинете, а не в цеху в туннеле, где с потолка капала подпочвенная вода, а иногда даже сыпались камешки. Но вождь ответил: **«Надо идти туда, где рабочие»** и первым вошел в цех. Рабочие ликовали. Их глаза так сверкали от гордости, будто на заводе в мрачном туннеле вдруг сияло солнце.

Вождь пожал каждому из рабочих запачканные маслом руки и сердечно вдохновлял их на трудовые подвиги.

Он говорил, что можно бить врагов на фронте только пушками, изготовленными руками рабочих, и поэтому они должны в поте лица как можно больше стараться, чтобы увеличить мощность пушек, чтобы бойцы Народной Армии проливали меньше крови.

В тот день вождь рассказывал рабочим этого завода о героической борьбе бойцов Народной Армии, о страстном желании артиллериста обрушить на головы противника шквальный огонь, не жалея снарядов.

Вождь обвел рабочих добрым, умным взглядом и сказал, что именно они призваны удовлетворять эту страстную просьбу воинов Народной Армии.

Вождь говорил тихо, но его слова тронули сердца всех присутствующих. Все силы на победу в войне! Встать за станок, как боец с винтовкой в руке! Уменьшить заботы вождя! — Решимость рабочих дала сразу результаты в увеличении производства для военных нужд. Вдвое, втрое возрос выпуск снарядов и оружия в глубоком туннеле, где с потолка сочились струйки подпочвенных вод.

Солдат, возродившийся благодаря отцовской любви вождя

Чтобы сорвать крупное наступление американских агрессоров и нанести им сокрушительный удар, воины Народной Армии на фронте и на восточном и западном побережье предпринимали мощное контрнаступление и активно проводили штурм высоты, имевшей большое тактическое значение.

На восточном участке фронта они вели штурм высоты 565,7. Рядовой Ким Сон Чжин, участвовавший в этом бою, закрыл грудью амбразуру вражеского дзота, преграждавшего путь вперед нашим войскам. Он был смертельно ранен. Он открыл бойцам путь к атаке, но его плечо и грудь пробили одиннадцать пуль станкового пулемета противника. Он упал, истекая кровью.

Получив донесение об этом, вождь-отец лично позвонил командирам и военным врачам части и велел во что бы то ни стало спасти ему жизнь. Он распорядился немедленно эвакуировать раненого в тыловой госпиталь и лечить его, призвав все силы коллектива опытных военврачей. Он интересовался состоянием бойца каждый час по телефону.

Современная медицина не знала примера спасения раненого, которому одиннадцать пулеметных пуль пробили грудь. Но вождь-отец верил и силе нашей медицины, и несгибаемому героическому боевому духу и воле к жизни воина Народной Армии.

Вождь твердо знал, что храбрый борец не погибнет. Он думал, что герой, который любит Родину больше, чем свою собственную жизнь, непременно должен жить на победившей земле и видеть, как поднимаются из руин города и как расц-

ветает новая жизнь. Он был глубоко уверен, что стальная воля доблестного воина Народной Армии непременно победит смерть.

Эта твердая вера вождя передавалась военным врачам, командирам и самому раненому бойцу, лежавшему на операционном столе.

«Товарищ! Товарищ Верховный Главнокомандующий говорил, что вы должны жить!»

Боец слышал эти слова. Он осознал, что на него смотрит товарищ Верховный Главнокомандующий, и понял порученное ему новое боевое задание. Боец ясно понял, что он не вправе умирать и должен жить, во что бы то ни стало вырвавшись из когтей смерти. Раненому дала силу преодолеть смерть горячая преданность, сознание того, что он должен жить и радовать вождя, а не огорчать его своей смертью.

Вождь, который так беспокоился о бойце, лежавшем без сознания, получил поздней ночью донесение о том, что тот пришел в сознание, и радовался этому сообщению больше, чем докладу с фронта о боевых успехах.

И после этого вождь часто справлялся о состоянии здоровья бойца и послал ему различные медикаменты и даже инсам.

Боец, окруженный горячей любовью вождя-отца, постепенно выздоравливал.

Получив донесение о том, что боец выписывается из госпиталя, вождь пригласил его в ставку Верховного Главнокомандования и послал за ним машину.

Когда боец переступил порог кабинета, вождь быстро пошел ему навстречу и крепко обнял его.

— ...Молодец! Вы боролись мужественно! Очень рад видеть вас! — дрожащим голосом говорил он, гладя бойца по плечу и спине.

— Наверно, пока вам больно, когда так трогают рукой? И тяжело дышать?..

Вождь просунул руку под левый локоть бойца и с отцовской теплотой поглаживал шрамы от ран. Боец уткнулся головой в грудь вождя и проливал горячие слезы.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий!..

— Хорошо, очень хорошо... — нежно говорил вождь, слегка хлопая бойца по вздрагивающим плечам, и утешал его.

Вождь посадил бойца на стул и внимательно смотрел на него, потом заговорил с беспокойством.

— Вижу, что вы пока не полностью выздоровели...

Он говорил стоявшему рядом офицеру:

— Разве мы не можем вылечить Сон Чжина... — Он тихо прошелся по комнате, на сердце у него было тяжело. Силой пламенной любви он спас этого бойца от верной смерти, но все равно горевал, видя его осунувшееся лицо и беспокоясь, как бы опять не открылись его раны.

Вождь остановился, опять подошел к бойцу и, положив руку на его плечо, тепло сказал, что революция не завершится за один день, что надо скорее выздоравливать, чтобы больше работать. Он обещал бойцу, что увидится с ним после его полного выздоровления. Позже, когда этот боец совсем выздоровел, вождь вновь пригласил его к себе, он всегда тепло заботился об этом бойце.

Безмерной была любовь вождя к фронтовикам. Вчера он находился среди солдат в окутанных пороховым дымом окопах, а сегодня посещал бойцов береговой артиллерии и моряков, окружал их отцовской любовью.

Вождь встретился и с командиром саперного отделения, который был ранен, обезвреживая бомбы замедленного действия, и одарил его теплом и заботой. Узнав, что выздоровевший командир отделения потерял аппетит, вождь отправил его на квартиру своего дяди, чтобы там для него готовили специальные блюда.

Такая любовь вождя к бойцам придавала им силу и мужество, вдохновляла их на героические подвиги.

Последний удар. Великая победа

Американские агрессоры спешили с операцией по высадке десанта, пригнав к восточным и западным морским берегам Кореи большую часть своего 7-го флота. Они

предпринимали отчаянные атаки, непрерывно бомбили, обстреливали с кораблей, пускали в ход артиллерию.

В ответ на это наша Народная Армия укрепила оборонительные позиции и беспощадно била бешено атакующего противника. Враг нес большие потери в небе, на суше и море. Численное и техническое превосходство американских агрессивных войск оказалось бессильно перед беспримерным героизмом и непобедимой мощью КНА.

Так был полностью сорван план «нового наступления», о котором так шумели империалисты США и на который они делали последнюю ставку.

Это была великая победа. Враг, не успев приступить к действию, был полностью разбит.

Великий вождь решил сразу же после разгрома вражеского плана «нового наступления» нанести янки последний, решительный удар и поставить их на колени. Он приказал частям КНА занимать высоты противника и уничтожать его живую силу.

Храбрые воины КНА, верные приказу вождя, со второй декады мая нанесли врагам три раза мощные сокрушительные контрудары и заняли все намеченные высоты.

В частности, они взяли за 15 минут высоту 351, которую враг хвастливо называл «неприступной крепостью». Мощная ударная сила, проявленная в этом бою КНА, ошеломила главарей противника.

Когда на высотах 351, 811,7 и 854,1 восточного участка фронта развернулись ожесточенные бои, части КНА, действовавшие на другом рубеже, в соответствии со стратегическим планом вождя продолжали наступать на юг, уничтожая одну за другой вражеские позиции. Их действия напоминали могучую руку великана, затягивающую горло американских империалистов. Янки трепетали. С опозданием главари американского империализма поняли, что продолжение войны в Корее приведет их к полному краху.

Они потерпели не только морально-политическое поражение. Они к тому же потеряли 1 567 128 солдат и офицеров, в том числе 405 498 американских, 12 224 самолета, 564

военных корабля и огромное количество боевой техники. Это в 2,3 раза превышает ущерб, который они понесли в Тихоокеанской войне во время второй мировой войны. Оглядываясь на трехлетнюю корейскую войну, в ходе которой они терпели одно позорное поражение за другим, империалисты США трепетали от страха.

У них больше не на что было делать ставку. Не внимая даже престижу «великой державы», американские империалистические агрессоры были вынуждены выползти на место переговоров и 27 июля 1953 года подписать соглашение о перемирии, став на колени перед флагом КНДР.

Корейская война кончилась славной победой корейского народа.

Это была историческая победа революционной, чучхейской военной стратегии непобедимого стального полководца Маршала Ким Ир Сена над буржуазной стратегией американского империализма, в арсенале которого были зверства и численное и техническое превосходство, победа революционной армии и революционного народа над разбойническими агрессивными войсками и силами империалистической реакции.

В то время как империалисты США были уверены в том, что новейшее оружие и техника огромной разрушительной силы обеспечат им победу в войне, великий вождь революции Президент Ким Ир Сен был непоколебимо уверен в революционной воле и неиссякаемой силе народных масс, вступивших на историческую арену за самостоятельную и творческую жизнь, и еще раз успешно продемонстрировал, что решающим фактором победы в войне является не оружие, а народные массы.

Победа корейского народа явилась также великой победой пламенного патриотизма, который он проявил под руководством вождя в борьбе с империализмом, совершающим убийства и агрессии против других стран и наций, это была блестящая победа духа творчества, строительства и человеколюбия. Корейская война показала, что ни одна сильная империалистическая коалиция никакими варварскими злодея-

ниями не сможет победить пробужденный к новой жизни народ, вставший на борьбу за честь своей Родины и свободную счастливую жизнь.

Историческая победа, одержанная корейским народом в Отечественной освободительной войне, явилась победой мудрого руководства и чучхейского военного искусства великого вождя Президента Ким Ир Сена, посвящающего всего себя во имя свободы и счастья народа, победой его безграничной любви к народу.

С первых дней войны вождь всегда находился среди бойцов фронта и жителей тыла, пренебрегая смертельной опасностью, делясь с ними радостями и горестями, окружая их отеческой любовью, закаляя их как непреклонных борцов и героев.

Вождь верил народу и безгранично любил его, а народ был предан вождю и следовал за ним. Вот в чем был источник неисчерпаемой силы, фактор победы. Незыблемая сплоченность народных масс вокруг вождя, прекрасные традиции единства армии и народа, единства бойцов и командиров основывались именно на этой любви, вере и преданности.

Американские империалисты — агрессоры не могли учесть эту великую силу Кореи, силу монолитной сплоченности, которую нельзя измерить даже самой точной электронной вычислительной машиной. Вот в чем причина их «трагедии», их жестокого поражения.

28 июля 1953 года в революционной столице Пхеньяне при участии великого вождя Президента Ким Ир Сена состоялся торжественный митинг жителей города в честь победы в Отечественной освободительной войне.

Народ восторженными возгласами, потрясающими землю, приветствовал храбрых воинов-победителей, которые с закопченным пороховым дымом боевым знаменем впереди чеканным шагом проходили мимо высокой трибуны, где стоял вождь, вслед за ними твердой поступью шли большие колонны победивших народных масс, скандируя во весь голос «ура!»

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, высоко подняв

руку, горячо приветствовал героическую Народную Армию и народ, которые положили начало закату американского империализма — главаря империализма, нанеся ему жесточайшее поражение, и твердо отстояли честь Родины и мир во всем мире.

Глава седьмая

ЧУЧХЕ В РЕВОЛЮЦИИ, ЧУЧХЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

1

Озаренный светом берег реки Тэдон . . 354

Показать, на что способны корейцы и в строительстве . . 356

Оживить и подземные сокровища . . 362

2

Чтобы не забыть дни в тайном лагере Пэкту 367

Переживая о босоногом мальчике . 369

Превратить торговый город в промышленный 371

3

И в день своего рождения среди крестьян 376

Столбовая дорога деревни к социализму 378

Новая легенда о селе Ранчхон . . . 381

Увидя рисовую кашу в коробке для обеда детей 384

4

Сжечь низкопоклонство и догму . . . 386

Корейская революция — наше чучхе 390

1

Окончилась война. Ветер унес пелену порохового дыма. Взору открылась истерзанная родимая земля. Города и заводы существовали лишь на карте, вся страна была превращена в руины. Среди руин возвышались редкие трубы, на которых успели свить гнезда птицы. Люди жили в сырых землянках. Не сохранилось ни одного светлого школьного здания для милых детей; крестьяне беспомощно стояли у разрушенных дамб и прорванных оросительных каналов. Квакали лягушки в воронках, наполненных дождевой водой.

О чем думал великий вождь Президент Ким Ир Сен при виде всего этого?

Он тяжело переживал из-за страданий любимого народа, который продолжает жить в землянках и после победы над американскими агрессорами в трехлетней кровопролитной войне. Ему хотелось, чтобы народ, отстоявший грудью новый строй и новую жизнь, полностью проявил свою мощь, чтобы вся земля звенела песнями счастья. Ему хотелось поскорее приблизить день, когда героический народ, который, мужественно заглушая боль утраты, обращает взоры к вождю, начнет жить полнокровной, радостной жизнью.

Американские империалисты болтали, что «и через сто лет Корея не сумеет подняться». Но вождь думал о том, что надо нанести хлесткую пощечину янки большими успехами в восстановлении и строительстве. Ему хотелось продемонстрировать перед всем миром гордо, как знамя, трудолюбие и несгибаемую волю корейского народа.

Так вождь развернул грандиозный и всесторонний план послевоенного восстановления и развития народного хозяйства. Это был новый проект построения Родины, разработан-

ный ночами под канонадой орудий и гулом самолетов противника.

Озаренный светом берег реки Тэдон

28 июля 1953 года в Пхеньяне состоялся митинг в честь победы в Отечественной освободительной войне.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен прямо с митинга поехал на Каннамский кирпичный завод. Он осуществлял руководство работой по достижению победы в ожесточенной крупной войне, но несмотря на это, даже в день победы не позволил себе отдохнуть, начал новую борьбу за восстановление и строительство.

Каннамский кирпичный завод уже выпускал продукцию. К концу войны вождь определил место и заложил завод, а рабочие проделали всю подготовительную работу, необходимую для начала строительства.

Кирпичные заводы строят обычно с высокой трубой, но у этого завода ее не было. Он был построен в соответствии с условиями войны: трубу заменило вытяжное устройство, этим был модернизирован производственный процесс.

Вождь был доволен творческой инициативой и стойкостью рабочего класса. Это отразилось на его лице, когда он оказался на территории завода.

Он тепло пожимал огрубевшие от глины и огня руки рабочих и все повторял: как бесценны эти руки, которые поднимут весь Пхеньян и всю страну.

От только что снятых кирпичей еще исходил жар. По-настоящему не было еще складов и цехов, поэтому кирпичи были сложены на открытом воздухе, где они остывали, мимо гор из кирпичей на тачках возили сырье и топливо. И даже в такой обстановке рабочие радовались встрече с вождем, а для вождя была желанна встреча с рабочими. Вмиг вокруг вождя собралось много народу.

Вождь потрогал рваную спецовку горнового, обратил внимание на развалившуюся обувь такелажника, тихо говорил, что мы, корейцы, наконец, разбили американских агрессоров, этого хищного зверя. Доступными словами он ра-

зъяснил, какое огромное значение имеет эта победа. Он отметил, что на этой земле, на которую янки денно и нощно обрушивали смертоносный груз, надо построить великолепные города, заводы и села и продемонстрировать непобедимую мощь в деле восстановления и строительства, так же, как проявляли беспримерное мужество в войне.

Вождь призывал прежде всего отстроить столицу Пхеньян — сердце страны.

Рядом с кирпичным заводом величественно несла свои воды река Тэдон, здесь стояли дамбы, словно высокая стена. С дамбы за рекой раскрывалась панорама Пхеньяна.

Великий вождь, стоя рядом с рабочими на дамбе, оглядев окрестности, сказал: **«Давайте здесь установим освещение. Будем работать, как при дневном свете»**, а ветер с реки рвал полы его одежды.

Потом он чуть взволнованно повторял: надо сделать так, чтобы пхеньянцы воодушевлялись этим светом и еще более укрепили уверенность в победе, надо осветить стройплощадку множеством электроламп большого накала.

Эти слова вождя, словно электрический ток, проникали в сердца рабочих. Они казались им приказом: вынести знамя в передовые отряды перед боем, служить маяком в бушующем море.

Точно получив важное боевое задание, рабочие кирпичного завода, проводив вождя, тут же начали ставить на берегу реки Тэдон столбы и прикрепляли к ним электролампы, которые должны были победить темноту. Яркий электрический свет разливался по дороге для тачек, освещая горы кирпича и гордые лица рабочих.

Пхеньянцы поражались яркому освещению тэдонганской набережной, которое пришло с перемирием. Им казалось, что перед ними пылающий факел, они слышали призывный звук труб, зовущих к наступлению. Еще вчера им приходилось маскировать даже слабый свет от налета вражеских самолетов, а сегодня, глядя на «бездну звезд на земле», так неожиданно открывшихся перед их глазами, говорили:

— Этот сигнал означает, что кирпичи будут падать, как

водопад. Эта лампа — сигнал о начале грандиозного строительства!

— Это море электросвета надо перенести в Пхеньян, создадим великолепную революционную столицу, чтобы видел весь мир!

Люди, укрепляя решимость, вставали во весь рост, чтобы залечить раны войны.

Зажженный вождем свет на берегу реки Тэдон озарил каждый уголок в душе людей. Слишком жестоки были разрушения, слишком велики были бедствия — это могло привести людей к отчаянию, к потере веры и мужества. Беспокоило вождя не столько наслоение трудностей, сколько потеря веры у людей. «Нужно вселить в народ светлую надежду и веру в победу! Народ, осознанно вступивший в революцию, может проявить неиссякаемую энергию!» — так думал вождь и велел передовым рабочим строительства зажечь свет.

Этот свет озарил не только землю Каннама и не только душу жителей Пхеньяна. Величавая река Тэдон понесла этот свет во все уголки страны.

Показать, на что способны корейцы и в строительстве

Вождь-отец, не зная отдыха и сна, продолжал руководить на местах, чтобы избавить народ от страданий и обеспечить ему счастливую жизнь. На следующий день после Каннамского кирпичного завода он поехал на Пхеньянскую текстильную фабрику, оттуда — на металлургический завод Хванхэ, не дав отдыха себе, посетил Кансонский сталелитейный завод и побывал на других объектах.

Когда великий вождь прибыл на Пхеньянскую текстильную фабрику, здесь не было ни одного уцелевшего здания, а оборудование и станки были переведены в подземелье. Директор и рабочие встретили вождя, но тут же почувствовали себя неловко, ибо не было приличного помещения, куда они могли бы пригласить его.

Вождь тепло поздоровался со всеми и первым делом

предложил поговорить о восстановлении фабрики. Он говорил, что война окончилась победой, но народ живет в нищете, а наши дорогие дети ходят в лохмотьях, старики не имеют теплой одежды. Его взволнованная речь западала в души рабочих.

«Вождю не давал покоя вопрос об одежде для народа, и потому он приехал к нам...»

С этой мыслью ткачихи молча столпились вокруг вождя.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен, выслушав доклад комиссии по обследованию степени разрушения фабрики, по выводам которой потребуется 5 лет для восстановления, задумчиво оглядел на рабочих, сказал:

— Говорят, чтобы восстановить эту фабрику, понадобится пять лет. Если на восстановление одной только фабрики нужны 5 лет, то, чтобы восстановить все разрушенное в войне, нужны будут десятки лет. Нет, не за 5 лет, а за два месяца мы должны восстановить и построить фабрику.

Вождь подчеркнул, что восстановление фабрики — тоже бой, поэтому мы должны осуществить его так же, как мы били врага, и затем подробно остановился на путях восстановления фабрики за два месяца.

После указаний вождя рабочие поднялись с решимостью избавить вождя от излишних забот. За ликвидацию нищеты в стране! Два месяца — это боевой приказ вождя! Таково было твердое решение рабочих. Все за лопаты, на восстановление все, как солдаты в строй! Восстановление тоже бой! — эти слова вождя подняли дух народа, они служили источником огромной силы, и народ встал на грандиозную борьбу в строительстве.

Враг разрушил свыше 8700 одних только заводов, если восстанавливать их обычным методом, то и за десятки лет страна не сможет встать на ноги, а народ еще долго не сможет избавиться от нищеты. Чтобы избавить народ от этих бед, вождь, твердо веря в боевой энтузиазм народа, выбрал путь свершения чудес в строительстве и сократил сроки до двух месяцев.

Указания вождя превратились в материальную силу, и

повсюду в стране развернулась грандиозная борьба за восстановление и строительство.

После руководства восстановительной работой Пхеньянской текстильной фабрики великий вождь поехал на металлургические заводы, призванные быть флагманами в восстановлении и строительстве. После металлургического завода Хванхэ он прибыл на Кансонский сталелитейный завод, который был также жестоко разрушен. Здесь вместо сталелитейного завода он увидел камышовые джунгли, где валялось более 30 тысяч искореженных машин, высились груды мертвого оборудования, зияли десятки тысяч воронок, словом, одни руины.

Железная дорога, по которой перевозили сырье и материалы, была исковеркана, шпалы торчали, как ежи, лежали покрытые гарью, скрюченные опоры высоковольтной линии. Валялись покореженные, сломанные, съеденные ржавчиной трубы, как вырванные корни деревьев, торчала арматура. Казалось, все пронизано гневом, истекает кровью и осуждает перед лицом всего мира жестокость и варварство американских империалистов.

Руководящие работники и рабочие сталелитейного завода не знали, что делать, увидев великого вождя здесь. Так заросло все камышом, что некуда было ступить ногой.

Один рабочий стал споро срезать серпом камыш, чтобы проложить путь. Увидев это, вождь, доверительно кладя руку на его плечо, произнес полные смысла слова:

«Рабочий класс должен прокладывать дорогу не серпом, его дело — стальная магистраль».

Пробираясь сквозь заросли камыша, переступая через валявшиеся столбы и обходя лужи, вождь долго осматривал места, где будут построены цех электропечей, блюминговый и ремонтно-механический цеха.

Всюду была безрадостная картина — только блюминговый цех обрадовал вождя, там работал мотор — сердце прокатного стана. Узнав, какой ценой рабочие спасли мотор, вождь, как бы оценивая их преданность, мягко улыбаясь,

погрузился в глубокое раздумье, проводя рукой по кожуху мотора. Затем он выразил желание повидаться с этими рабочими и пошел к землянке, где они жили. Он тепло поздоровался с ними, осмотрел землянку, вождю было больно видеть, как живут люди, и он сказал, что надо строить в первую очередь жилье для рабочих. Увидев болезненно осунувшегося рабочего, он тут же посоветовал, как и чем его лечить.

Глаза рабочих повлажнели. С тех пор как вождь пожал их огрубевшие руки и встретил их, безвестных солдат, как старых друзей, что-то горячее подступало к горлу и, когда вождь так глубоко переживал, знакомясь с их жизнью, рабочие дали волю молчаливым слезам, которые они сдерживали даже в огне войны, требовавшей от них огромных жертв. Люди со стальной волей кусали губы, старались не выдать слабость, но слезы текли безостановочно. Пусть впереди их ждут бесчисленные трудности, но если с ними вождь-отец, то нет на свете такого дела, с которым они бы не справились. От этой мысли их сердца наполнялись радостью, что они живут и борются как его солдаты. Один из рабочих, выражая чувства своих товарищей, сказал:

— Дорогой вождь, не принимайте все это так близко к сердцу. Мы вытерпим и преодолеем все трудности. Мы пережили жестокую войну... Исполняя Вашу волю, поднимем завод и начнем плавить сталь, тогда улучшится и наша жизнь!

До этой минуты мрачное лицо вождя просветлело, он, внимательно выслушав говорившего, и в свою очередь вдохновлял рабочих.

В этот день великий вождь, осмотрев всю территорию разрушенного завода, предложил рабочим вместе обсудить пути восстановления. Но какая досада. Завод был большой, однако он был настолько разрушен, что не могли найти приличного помещения, куда можно было бы пригласить вождя. Вождь подошел к полуобгоревшему тополю и присел на остаток разрушенной стены. Рабочие торопились со стулом, но он отказался, говоря, что ему так удобно. Он внимательно

выслушал мнения рабочих и обрисовал им путь восстановления и строительства.

До этого вождь побывал на металлургическом заводе Хванхэ, тоже превращенном в руины, и здесь он сказал рабочим:

— Товарищи! Мы не должны падать духом. Мы победили янки. Впереди нас ждет тоже победа.

Так он с первого слова вселил в них веру в победу. Хотя янки варварски разрушили все, но если есть героический народ, есть партия, есть народная власть и богатые природные ресурсы, можно успешно восстановить народное хозяйство, с силой подчеркивал вождь.

Рабочие и жители района, прилегающего к металлургическому заводу Хванхэ, глядели на вождя, высоко подняв голову. В их глазах светилась радость победы. Пусть борьба предстоит неимоверно тяжелая, но высота будет непременно взята, раз во главе корейцев стоит вождь-отец, раз он сказал: можно победить.

Вождь простыми, доходчивыми словами рассказал о положении страны.

— Чтобы восстановить разрушенное народное хозяйство и сделать страну богатой и сильной, нет иного пути, кроме пути развития тяжелой индустрии. На ее основе смогут успешно развиваться и легкая промышленность, и сельское хозяйство. Тогда мы сможем укрепить экономическую базу страны и быстро улучшить жизнь народа.

Причем в тяжелой индустрии первенство принадлежит сталелитейной и металлургической промышленности, значит, надо быстрее восстановить металлургический завод Хванхэ и выплавлять металл...

Говоря так, вождь внимательно всматривался в каждого рабочего. Рабочие, сдерживая сильное волнение, полным уверенности голосом ответил:

— Верьте, пожалуйста, нам! Мы будем в авангарде в восстановлении и строительстве, как и воины высоты 1211!

Эта твердая, как сталь, клятва обрадовала вождя. Он наметил широкие перспективы восстановления металлурги-

ческого завода Хванхэ. Это был тщательно разработанный, смелый и грандиозный план, который удивит весь мир. В этот план входил проект создания громадных доменных и мартеновских печей, которые будут непрерывно извергать железный поток, а также проект массового выпуска проката разных профилей и стальных рельсов для железной дороги. В проекте было предусмотрено строительство коксовых, агломерационных и нагревательных печей, сооружение подъездных путей и транспортного оборудования, которое будет протянуто далеко в море.

Проектный завод Хванхэ, намеченный вождем, будет не таким, каким был металлургический завод Хванхэ, разрушенный бомбами янки. Он решил построить полностью самостоятельную, современную, крупную металлургическую базу, которая будет демонстрировать всему миру мощь чучхейской промышленности Кореи.

Великий вождь указал конкретное направление не только восстановления завода, но и строительства жилых домов и школ, вплоть до производства кухонной утвари.

«На месте, — говорил он, — **малой мартеновской печи, разрушенной янки, надо построить более крупную, надо кирпичными домами заменить хибарки с соломенной крышей и тем самым показать янки, на что способны корейцы и в восстановлении и строительстве».**

Великий вождь, вселявший в сердца рабочих пламенное стремление к восстановлению и строительству, на основе разработанного в дни войны замысла, руководя на местах в первую же неделю после окончания войны, наметил программный курс на послевоенное восстановление и строительство народного хозяйства.

5 августа 1953 года с высокой трибуны VI пленума ЦК партии вождь конкретно осветил общие задачи по созданию основ социализма и главное направление предстоящего послевоенного восстановления и строительства и наметил самую революционную, самобытную генеральную линию на построение социалистической экономики, направленную на преимущественное развитие тяжелой индустрии при одно-

временном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства.

Это была стратегия, которую мог выдвинуть только великий вождь, который обладал незаурядным умом и горячим стремлением построить в кратчайший срок богатое и сильное цветущее государство для народа и стоял во главе героического народа, закаленного им в огне войны, превращенного в мужественных борцов.

Оживить и подземные сокровища

Выдвинув боевой лозунг «Все на послевоенное восстановление и строительство», великий вождь Президент Ким Ир Сен поднял всю страну на осуществление этого лозунга. Он, руководствуясь выработанным в горниле войны планом, находясь на посту Председателя Комитета по восстановлению и строительству города Пхеньяна, возглавлял борьбу за превращение жестоко разрушенного Пхеньяна в величественную революционную столицу и в то же время развернул строительство во всех городах и селах, на заводах и в рыбацких поселках страны.

Страна была превращена в стройплощадку, она нуждалась в большом количестве материалов. И великий вождь прилагал много усилий для расширения добычи полезных ископаемых.

Это было 1 сентября 1953 года. Один из руководящих работников Геологоразведочного управления при Министерстве тяжелой промышленности срочно отправился в Кабинет Министров, получив сообщение о том, что его вызывает вождь.

Радостно встретив его, вождь спросил, какова мощность Капсанского рудника. Тот ответил, что около 2000 тонн, а запасы рудника очень велики.

Вождь был очень доволен и сказал:

— Вот видите. Мы не просчитались. Капсанский рудник явится важным звеном в экономическом строительстве нашей страны.

Работник был глубоко тронут словами вождя, который

так радовался, говоря, что решен вопрос добычи меди, до зарезу необходимой для строительства экономики страны. Он невольно вспомнил событие в один из июльских дней прошлого года, когда еще шла война. И тогда он по вызову вождя поехал в ставку Верховного Главнокомандования.

— Садитесь вот здесь и изучайте эту карту, — сказал ему вождь, указывая на разостланную на столе карту Кореи.

Карта была исчерчена множеством синих и красных линий. Синие линии протянулись от Пхеньяна в сторону Синичжу, Рачжин и Саривон, а красные линии — от Супхунской и Чанчжинганской ГЭС в сторону Пхеньяна и Хамхына, откуда они разветвлялись в разные стороны. Синие линии обозначали железнодорожные пути, которые будут электрифицированы, красные — линии электропередачи.

Сердце заколотилось от волнения. Перед его взором была карта Родины, в которой все железнодорожные магистрали будут электрифицированы и которая будет покрыта густой сетью линий электропередачи. Будут воздвигнуты современные заводы везде, где будет проведено электричество, во всех деревнях будет гореть электрический свет, все сельскохозяйственные работы будут механизированы. А на электрифицированных железных дорогах будет высокая пропускная способность, и они соединят все эти заводы и села.

Какое светлое завтра!

Этот работник хорошо знал о важном значении разведки медной руды, но не знал, что в тяжелые дни войны вождь разработал такой грандиозный план электрификации с учетом запасов медной руды.

Ему живо вспомнились, как сыпалась земля с потолка бомбоубежища и как вода в стакане на столе плескалась от взрывов бомб, когда он смотрел на карту.

Тогда великий вождь, указывая на карту, сказал:

«Видите, все эти красные и синие линии требуют меди».

Измеряя линейкой длину этих линий, он продолжал:

«Когда кончится война, нашей стране потребуется 10 тыс. тонн медной проволоки только для восстановления линий электропередач, для электрификации железнодорожных

магистралей — еще 10 тыс. тонн. Мы не можем ввозить такое количество медной проволоки...

В таких условиях надо в первую очередь разработать медные рудники, чтобы получать медь, необходимую нам в мирное время.

Капсанский рудник эксплуатируется давно, еще со времен японцев, поэтому там наверняка есть медная руда. Не может быть, чтобы японские империалисты с их отсталой техникой вырыли все запасы медной руды».

Далее он подчеркнул, что не следует поддаваться вредной болтовне, мол, иссякла энергия, нет надежды и т. д., надо смело браться за дело.

Так в плане восстановления и строительства, который составлял вождь еще в период войны, разработка Капсанского рудника приобретала важное значение.

Но низкопоклонники всячески выступали против разработки этого рудника, разглагольствуя: «Как же нам найти рудную жилу, раз не смогли это сделать даже японцы, располагавшие высокой техникой геологоразведки».

Однако великий вождь, научно обосновав отсталость горнорудной техники японских империалистов, проанализировав состояние разработки ими Капсанского рудника, в частности, особенности пласта района перевала Тончжом, полагал, что там обязательно будет медная руда, и энергично руководил разработкой этого рудника, отразив все нападки обструкционистов.

Геологоразведчики верили только вождю и посвятили все свои знания и опыт делу осуществления его великого замысла. В результате была найдена наконец меденосная жила, и геолог мог доложить вождю об этом.

Вождь обрадовался докладу и спросил, сколько денег израсходовано на геологоразведку в районе Капсанского рудника и сколько еще понадобится.

Тот ответил, что израсходовано 20 млн. вон, а потребуются еще около 100 млн. вон.

«100 миллионов вон...» — прервав себя, вождь подумал немного и добавил: **«Я дам не 100, а 400 млн. вон».**

Это ошеломило геолога.

Он назвал 100 млн. вон, думая, что это уже много, но вождь назвал в четыре раза большую сумму. Геолог совсем не ожидал этого. Он с удивлением посмотрел на вождя и не мог выговорить ни одного слова. Руководящие работники, сидевшие рядом, тоже смотрели на излучавшие ум глаза вождя, они даже перестали записывать.

«Я дам 400 млн. вон. Истратив эту сумму, доложите мне. Если не добудете ни одной тонны медной руды, мы эту сумму не спросим с вас...»

Великий вождь встал, он какое-то время ходил по комнате, погрузившись в раздумье, а затем продолжил:

«Если мы не найдем медной руды, истратив 400 млн. вон на разведку Капсанского рудника, то поставим на вершине этого рудника памятник и напишем на нем: «Потомки, здесь нет меди и не ищите ее здесь». Тогда они не понесут напрасных трат, которые выпали на долю нашего поколения».

Вождь серьезно посмотрел на всех, присутствовавших при разговоре.

Молчание.

И геолог и руководящие работники были скованы каким-то неописуемым волнением. Вождь так старается найти и добыть сокровища, от которых зависит процветание страны. Горячо любя народ, он хочет быстрее осуществить электрификацию страны, проведение которой он наметил еще в годы войны. При этой мысли геолог чувствовал, как к горлу подступает горячий комок. Вождь полностью доверяет подчиненным и учит их, чтобы они мужественно и смело продвигали начатое дело и одерживали победы.

Как счастлив корейский народ, который борется и творит под руководством такого великого человека-вождя! Вождь твердо верит в успехи, но он предусмотрел возможную неудачу и думает даже о том, как избавить потомков от лишней затраты сил! Геолог, глядя на вождя, плакал в душе. Он сидел на стуле, но в душе он без конца отдавал вождю земные поклоны.

В тот день он, выходя из кабинета вождя, пережил еще одно радостное событие.

Когда он собирался уходить, вождь остановил его и спросил:

— Наверное, ваша машина, которую я дал вам во время войны, пришла в негодное состояние?

Вождь дал ему машину год назад, в июле 1952 года, и не забыл об этом.

У геолога вырвалось, что машина — стара.

Вождь тут же вызвал начальника Управления делами и велел выдать машину геологоразведочной партии. Начальник доложил ему, что в его распоряжении нет машины, так как не прибыли заказанные машины. Вождь приказал ему:

«Если так, выдайте мою машину».

И начальник Управления делами и геолог не знали, что делать. Пусть геологоразведка имеет большое значение, но нельзя отдать машину, нужную для охраны вождя.

Геолог, крайне растерявшись, сделал шаг вперед и сказал: хотя машина и стара, но она еще побегает.

Но вождь ответил, что ему не нужны две машины и велел забрать одну из них.

Геолог склонил голову перед глубочайшей заботой вождя, который, понимая, как трудна работа геологов в крутых горах, распорядился отдать им свою личную машину.

Геологи геологоразведочной партии капсанского района, используя посланную лично вождем машину, самоотверженно боролись за претворение в жизнь его великого замысла по изысканию руды на Капсанском руднике.

В результате в декабре 1953 года была найдена большая меденосная жила. Геологоразведчики плакали от радости, поглаживая эту блестящую жилу, и, крепко обнявшись, громко провозгласили здравицу в честь вождя.

2

Всюду грохотала стройка, но жизнь народа была по-прежнему трудна. Люди работали, затянув пояса. Хотя героический народ не разучился смеяться, оптимистически преодолевал всякие трудности, но вождь-отец знал, как утомлен народ, и всегда был с ним. Ему не давала покоя мысль о протекающих крышах времянок, скудном питании в рабочих общежитиях, нехватке форменной одежды для учеников, о жизни крестьян, которые восполняли отсутствие продуктов съедобными травами, и это заставляло его задумываться даже во время совещаний, все это лишало сна до рассвета.

Чтобы не забыть дни в тайном лагере Пэкту

Человек, кто бы он ни был, хочет жить зажиточно. Люди считают счастьем, если они обеспечены хорошим питанием и жильем, не испытывают ни в чем недостатка в повседневной жизни.

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен ждет наступления такого времени. Но он ждет этого времени не для себя лично, а для всей нации и всего человечества. Вождь чувствует всем сердцем страдания нации, делится с ней радостями и горестями, горит стремлением спасти всех несчастных людей до последнего и дать им возможность насладиться настоящим счастьем.

Может быть, счастье вождя в великой самоотверженности, которая выражается в том, что он отказывает себе даже в минутном отдыхе, отдает всю свою жизнь народу, но тем не менее всегда думает, что он чего-то недоделал, и жестоко терзается.

Однажды вождь, будучи в общежитии личной охраны, заметил в мусорном ящике съедобные листья капусты. Он позвал хозяйственника и выговорил ему, как можно быть спокойным, выбросив съестное, когда народ испытывает недостаток в питании, и велел сейчас же выбрать все съедобное из ящика. Вождь всегда думает о народе, и поэтому он не мог спокойно пройти даже мимо выброшенных листьев капусты.

Это было вскоре после войны, в самый разгар борьбы за восстановление разрушенного хозяйства. Как-то дядя вождя по материнской линии навестил его. Было время обеда.

Дядя присел к вождю, сидящему за обеденным столом, и присмотрелся к еде. В чашке было что-то желтоватого цвета, вроде каши из кукурузной крупы, неужто вождь будет питаться этакой едой — закралось в его думу сомнение. Вождь пригласил его вместе отобедать и подал дяде точно такую же еду. Дядя был крайне удивлен.

Вождь сказал удивленному дяде:

— Ничего особенного. Это хорошо отваренная каша из кукурузной крупы. Кушайте, пожалуйста.

Но дядя все же не поверил этому. Он думал, раз Полководец ест, значит, эта каша не такая, какую в прошлом ели бедные крестьяне, а какая-нибудь особая. И все же решил попробовать ее, черпнул несколько ложек, но никакого особого вкуса не почувствовал.

— Может, вам, Полководцу, нравится она, но мне не нравится! — сказал дядя, откладывая ложку и улыбаясь.

И вождь засмеялся. Затем он спокойно и тихо начал:

— Во время антияпонской вооруженной борьбы чего мы много съели, так именно такую кашу из кукурузной крупы. Тогда нам казалось, вкусней не может быть еды, сейчас иногда мы варим эту кашу. Как ни странно, все еще вкусная...

Только тогда дядя, кивая головой, снова присмотрелся к миске. Он был восхищен благородством вождя, который аппетитно ел кашу из кукурузной крупы, словно какое-то изысканное блюдо, и был охвачен чувством благодарности.

Да, жизнь народа еще не богата. Но ведь не настолько же трудно положение, чтобы вождь питался кашей из кукурузы. Но вождь, который попросил сварить ее и ел с аппетитом, вспоминал, оказывается, тяжелые дни антияпонской войны. Вождь, который занимает столь ответственный пост, на которого с уважением взирает весь мир, думая о трудном положении страны и народа, вновь ест кашу из кукурузной крупы, которой питался вместе с бойцами у костра. Это он делает, чтобы оживить дух тех дней — дней сражения в тайге Пэкту. Казалось, эта великая любовь вождя к народу озаряет небо и согревает землю.

Благодаря такой теплой заботе вождя-отца жизнь народа улучшалась день ото дня, расцветала, как цветок от теплого весеннего дождя.

Переживая о босоногом мальчике

В один из летних дней 1955 года вождь-отец, руководивший на месте работой уезда Чхансон в горной глуши, увидел у мостика около средней школы Яксу нескольких учеников начальной школы, возвращающихся домой. Школьники, увидев его, бросились к нему с радостным криком. Одни отдавали вождю салют Детского союза, другие низко кланялись, многие ребята висли на его руках, прыгая от радости. Все были в опрятной форме и в ученических фуражках. Но среди них один мальчик был босой. Видимо, стыдясь своих босых ног, он все крался за спины сверстников и пытался спрятать ноги. Вождь, опечалившись, взял мальчика за руку и стал расспрашивать о его семье.

Мальчик ответил, что дома престарелая бабушка, мать и младшие братья. Потом он резко опустил голову и, едва сдерживая слезы, выговорил, что отец погиб в войне с американцами. Отец его был крестьянином в глухой деревушке, потом ушел на фронт и не вернулся, к тому же их дом не раз бомбили американские воздушные пираты, с тех пор семья мальчика не смогла оправиться, поэтому ему не смогли купить обувь.

Вождь-отец крепко обнял мальчика и, остро переживая

за него, сказал сопровождающим его руководящим работникам:

«Посмотрите. Я не смог обуть этого мальчика, а он кланяется мне...»

При этом голос вождя дрожал. Никто не мог ему ответить. Он поднял голову и поглядел на небо над вершиной Саткат.

Страна подверглась такому жестокому разрушению, какого не знала история войн, а восстановление и строительство ведутся всего немногим более года. Поэтому не удивительно, если летом в горном селе кто-то ходит босиком, но вождь считает себя виновным в том, что по горным тропам ходит босоногий мальчик, он говорит с болью в душе: мальчик кланяется мне, хотя я не смог обуть его.

Вождь, отложив срочные дела, решил посетить дом мальчика и велел ему сесть в машину.

— У меня ноги в пыли... Пойду пешком, — ответил мальчик, глядя на покрытые пылью ноги. При этих словах снова защемило сердце у вождя, он обнял мальчика и усадил в машину.

«Сейчас купим обувь — и все дело... Ну, поехали! Небось, по камням-то ходить больно босиком? Поранишь ноги, худо будет, и в школу не сможешь ходить...»

Успокаивая мальчика, вождь непрестанно поглаживал его по голове. Вождь все говорил и говорил, будто успокаивал себя, пока машина не подкатила к дому мальчика.

Войдя в дом, вождь прежде всего успокоил старуху и поинтересовался питанием семьи, спрашивал об урожае, проявляя заботу о всех сторонах жизни вплоть до мелочей. Затем отослал адъютанта вместе с мальчиком и двумя младшими братьями в магазин за обувью. Вскоре вернулись радостные дети с новой обувью в руках. Вождь, широко улыбаясь, вышел во двор и обул детей. Он внимательно проверил, не жмет ли обувь, и аккуратно зашнуровал. Мать и бабушка не могли удержать слез, которые текли по щекам.

Вождь с его благородным сердцем не мог пройти мимо такой мелочи, как босые ноги мальчика.

Благодаря энергичному руководству и глубокой заботе вождя народ быстро преодолевал разруху, нанесенную войной. На стройках пелись песни, крестьяне выращивали на полях богатые урожаи, всюду росли благоустроенные жилые дома, большие школы, прокладывались новые дороги, появилось много клумб в палисадниках. Народ отдавал себе ясный отчет в том, что только быстрыми темпами в восстановлении и строительстве можно нанести новый удар по американским империалистам и уменьшить заботу вождя-отца.

Превратить торговый город в промышленный

После войны в деле подъема жизненного уровня народа предметом особого внимания вождя-отца Президента Ким Ир Сена стала жизнь населения вновь освобожденного района. Жители этого района были освобождены от японского господства в один и тот же день, что и вся страна, — 15 августа. Но в течение пяти лет они подвергались колониальному гнету и эксплуатации со стороны оккупировавших Южную Корею американцев, а во время войны пережили особо тяжелые испытания. Поэтому вождь стремился как можно быстрее принести им светлое завтра и обеспечить счастливую жизнь.

Забота вождя о жителях города Кэсона свидетельствует лишний раз о том, как сердечно он заботился о населении нового освобожденного района.

Кэсон был столицей государства Корё, просуществовавшего почти пятьсот лет, но в период династии Ли Кэсон и его жители в течение долгого времени были политически изолированы и занимались главным образом торговлей. Но этим не ограничивались их бедствия. В дни господства империалистов США в Кэсоне, расположенном у 38-й параллели, сосредоточились войска и отряды полицейские, они устраивали аресты, сажали в тюрьмы и убивали патриотически настроенных людей. Во время войны многих юношей и мужчин угнали на юг. В Кэсоне нет семьи, на долю которой не выпала бы трагедия.

Зная об этом, вождь долго думал, как спасти этот мно-

гострадальный город и направить его по пути прогресса и расцвета, как обеспечить жителям города полнокровную, счастливую жизнь.

Вождь разрабатывал план превращения этого торгового города в промышленный, преобразования его из города-потребителя в город-производитель. Он считал самым важным поднять честь рабочего класса и мощь строителей социализма, чтобы люди осознали, что труд — это священное и почетное дело, чтобы они жили достойно, став хозяевами производства и жизни, чтобы они жили полнокровно, а не прозябали, преследуя лишь личную выгоду.

В октябре 1956 года великий вождь Президент Ким Ир Сен вызвал к себе одного из руководящих работников Кэсона и сказал ему следующее:

— Мы должны построить в Кэсоне завод. Это необходимо для трудоустройства кэсонцев, которые отвыкли от труда и бродят по улицам без дела.

Сегодня весь народ северной части Республики, плодотворно трудясь, непрерывно продвигается вперед. Нельзя же допустить, чтобы кэсонцы оставались «торгашами», какими они были в прошлом. Пусть этот завод будет не рентабельным и нет условий для его работы, но надо обязательно построить завод.

Работник волнуясь выслушал вождя. Издревле Кэсон славился коробейниками, плантациями инсама, но не было ни одного завода по его обработке. Он подумал: как было бы здорово, если на кэсонской земле задымят высокие заводские трубы.

Однако руководящему работнику города была причина для беспокойства. Ему, уроженцу Кэсона, знавшему город лучше, чем кто-либо, казалось почти нереальным строительство завода. Чтобы завод работал, должны быть соответствующие условия. Например, богатая сырьевая база, источник топлива, развитый транспорт или какой-нибудь традиционный местный кустарный промысел, т. е. то, что дало бы возможность создать промышленную базу. Но Кэсон не располагал ни тем, ни другим. Ему думалось, что в такой обста-

новке невозможно построить столько предприятий, чтобы дать работу всем кэсонцам.

А вождь спросил, какие заводы можно построить в Кэсоне, чтобы обеспечить его жителям полнокровную жизнь социалистических тружеников.

Работник, никогда не задумавшийся над этим, запинался, не мог быстро ответить, но вождь выручил его: «Например, вот это», показывая на свои туфли, он посоветовал построить обувную фабрику.

Учитывая, что в кэсонском районе отсутствует источник сырья, а рабочая сила представлена главным образом женщинами и стариками, вождь предложил построить предприятия легкой промышленности, на которых требуется небольшое количество материалов, транспорт не очень загружен и труд требует меньшего физического напряжения. Он советовал построить текстильную и швейную фабрики и трудоустроить женщин, а также построить обрабатывающие заводы, которые будут работать на местном сырье, для трудоустройства стариков организовать производственные кооперативы, которые выпускали бы изделия кустарных промыслов из различного сырья.

Вождь хорошо знал не только историю, экономику, культуру, климатические и почвенные условия Кэсона, но и характер, традиции и обычаи его жителей, поэтому он мог конкретно указать, что и как надо делать. Воспринимая сердцем его указания, работник испытывал стыд и угрызения совести. Будучи уроженцем Кэсона, он слишком мало знал о нем. В то же время он был несказанно рад, что завтра кэсонцы станут социалистическими тружениками и гордо будут воспевать свой процветающий город, наслаждаясь счастьем.

Позже вождь посещал Кэсон пять раз, конкретно руководя на месте реализацией составленного им самим плана строительства Кэсона. Поднявшись на гору Чанам и глядя на панораму Кэсона, он наметил общее направление застройки города, лично определил места для заводов, побывал в рабочих семьях, которые впервые испытали настоящую ра-

дость труда, заботился об их жизни. Он конкретно учил, как сделать, чтобы Кэсон стал современным культурным городом, и в то же время указал на необходимость реставрации и бережного хранения памятников культуры, чтобы город не потерял свой облик как бывший культурный центр Корё. Вождь указал на необходимость строительства домов отдыха для трудящихся у водопада Паген, создания парков и зеленых зон в городе.

Благодаря конкретному руководству и огромной заботе вождя-отца в Кэсоне было построено много предприятий легкой промышленности, где получило работу все трудоспособное население города, вокруг фабрик и на окраинах города стройными рядами выстроились многоэтажные дома для рабочих, было открыто более 150 учебных заведений различных ступеней, в том числе 2 вуза, Дворец школьников и детей, театр и кинотеатр, станция телепередач и многие другие культурно-просветительные учреждения.

В результате Кэсон, вчера еще бескровный, мрачный город потребителей, превратился сегодня в культурный жизнерадостный город производителей, где людям хорошо живется и работается, в город развитой легкой промышленности, в социалистический современный город, а культурные памятники прошлого приобрели еще большую значимость.

Изменились и люди. Люди, которые раньше считали труд делом постыдным, а женщины, которые стеснялись сначала ходить на работу, теперь стали социалистическими труженицами, познавшими радость труда, — они гордятся и радуются труду и видят в процветании страны свое счастье. Вот почему кэсонцы выражают глубочайшую благодарность любимому вождю Президенту Ким Ир Сену, который дал им работу, воспитал их достойными социалистическими тружениками и открыл им путь к новой жизни.

3

Положение послевоенной деревни было крайне тяжелым. По разным причинам в годы войны сократилось число рабочих рук и рабочего скота, ухудшились пахотные земли, были разрушены ирригационные сооружения, к тому же ощущалась нехватка сельхозинвентаря. Да и в крестьянском быту нехватки было больше, чем достатка.

В этой обстановке было нелегко вырастить хороший урожай, который помог бы разрешить продовольственную проблему и повысить уровень жизни крестьян.

Обеспокоенный сложившимся положением в деревне, великий вождь Президент Ким Ир Сен выдвинул в качестве решительных мер курс на организацию на селе кооперативных хозяйств и вовлечение в них крестьян, т. е. социалистическое преобразование сельского хозяйства. Это могло бы разрешить все трудности. Это был совершенно новый и самобытный курс, который мог наметить только отец народа Президент Ким Ир Сен, считающий страдания крестьян своими собственными и не позволявший себе спать спокойно до тех пор, пока он не услышит счастливый смех крестьян.

Если исходить из опыта других стран и традиционного взгляда, то немыслимо социалистическое преобразование сельского хозяйства без высокоразвитой промышленности, способной поставить деревне в большом количестве сельскохозяйственные машины. В самом деле и у нас в стране были люди, которые утверждали, дескать, кооперация дело «преждевременное» и, мол, надо дожидаться индустриализации страны.

Но великий вождь решительно отверг подобные утверж-

дения. Нельзя было согласиться с теми, кто исходил только из чужого опыта и был сторонним наблюдателем бедствий крестьян. Разве вправе люди, развивающие революцию во имя народа, делать вид, что они не замечают, как крестьянин, как вол, тянет на себе плуг. Вождь безгранично любил и верил в закаленных и пробужденных в длительной революционной борьбе, особенно в войне, крестьян, поэтому он без колебания выдвинул идею кооперирования сельского хозяйства. Крестьяне понимали, что без объединения сил нельзя заниматься земледелием, поэтому они с радостью восприняли указания вождя на кооперирование сельского хозяйства.

Указанный вождем путь к кооперированию сельского хозяйства — это путь, позволивший единоличникам, замкнутым на ключках собственной земли, вступить в коллективную, общественную жизнь, это путь, который ведет к зажиточному, полноправному социалистическому труженику; этот путь стал великим путем перемен, который в кратчайший срок навсегда избавил от эксплуатации крестьян, освободившихся от феодального ярма благодаря земельной реформе.

И в день своего рождения среди крестьян

Великий вождь считал, что прежде всего надо довести до сознания крестьян преимущества кооперативного хозяйства. И это необходимо было показать на живом примере. Вождь экспериментально создал в каждом уезде по нескольку кооперативов из крестьян-бедняков и партийного актива, и государство оказывало этим хозяйствам помощь семенами, сельхозинвентарем и удобрениями, проявляя всестороннюю заботу, чтобы эти кооперативы могли успешно вести свое хозяйство. Не ограничиваясь этим, он бывал в сельхозкооперативах и уделял большое внимание жизни крестьян, только что вступивших в кооперативы, помогал им укрепить хозяйство.

15 апреля 1954 года великий вождь навестил сельхозкооператив села Самчжон уезда Чунхва.

Это был день рождения вождя — самый большой нацио-

нальный праздник в нашей стране. Утром работники аппарата, желая, чтобы вождь спокойно отдохнул в день своего рождения, накрыли стол. Однако вождь, несмотря на день своего рождения, утром поехал в сельхозкооператив. Было еще так рано, что в поле никто еще не работал, он шел по зеленому ячменному полю, где сверкала утренняя роса. Походя поднимал пропитанные сыростью комья земли, мял в руке, проводил рукой по молодым всходам ячменя, смотрел с широкой улыбкой на село, любовался природой.

Первыми узнали о приезде вождя руководители кооператива. Как же им не знать, что за день сегодня. Они полагали, что сегодня вождь должен проводить время за праздничным столом, но, к их удивлению, он уже в поле, он беспокоился об урожае больше, чем крестьяне. Они не могли найти себе оправдания, думали, что плохо работают и тем самым доставляют столько хлопот вождю.

С благоговением глядя на вождя, крестьяне чувствовали, как к горлу подступает горячий комок.

Вождь, сидя у ячменного поля на еще влажной от росы траве, долго попросту беседовал с работниками кооператива о земледелии. Из разговора он узнал, что в другом хозяйстве этого села сеют пшеницу машиной, и тут же пошел туда: до этого хозяйства нельзя было проехать на машине. Чтобы наладить земледелие в недавно организованных сельхозкооперативах, вождь неоднократно оказывал им финансовую помощь по линии государства и создал в уездном центре машинопрокатную станцию, благодаря которой и сельхозкооператив села Самчжон с первого года стал сеять ячмень и пшеницу машинами.

Вождь любовался дружной работой крестьян. Узнав, что поблизости есть хороший родник, он направился туда, чтобы выяснить, нельзя ли там соорудить водоем для разведения рыбы. Он закатал брюки и пошел прямо в болото. Сопровождавшие его работники кооператива испуганно закричали:

— Дорогой вождь, нельзя туда. Там топь.

Но вождь ответил, что в прошлом, во время борьбы с

самураями, ходил и по топкому болоту, и смело ходил по болоту.

Так великий вождь Президент Ким Ир Сен даже в день своего рождения с раннего утра находился среди крестьян, строящих новую жизнь, он ходил по полям, тропинкам, по болоту, детально разъяснял крестьянам, что и как надо делать, чтобы выращивать богатые урожаи. Он подробно объяснял, как можно собрать в этом году обильный урожай, советовал в будущем перебросить воду реки Тэдон и сеять рис на поливных полях, а на склоне Поньи разбить фруктовый сад, у родника построить водоем и разводить рыбу. Его слова, полные любви к крестьянам, придали им силу, прибавили знаний и уверенности.

Столбовая дорога деревни к социализму

Экспериментальные сельхозкооперативы пока еще молоды, но, уверенные в успехе, они стали проявлять свою могучую жизненную силу благодаря постоянной заботе вождя. У кооператоров неузнаваемо изменилось сознание и отношение к работе. Под руководством вождя кооператоры, окруженные его заботой, заглядывая в светлое завтра сельхозкооператива, общими силами с подъемом начали кооперативную жизнь. При единоличном хозяйстве, обрабатывая маленький клочок земли, крестьяне должны были постоянно заботиться об удобрениях и рабочем скоте, а теперь они избавились от этих забот. Раньше крестьянин не мог справиться даже с камнями, а теперь, объединив силу и опыт, они в состоянии сдвинуть горы, построить оросительные каналы. Да еще снесли межи, теперь поля стали просторными, их обрабатывают машины, на месте родника — рыбоводческий водоем, где разводят рыбу, выращивают овощи в таких количествах, о каких даже и не могли мечтать при единоличном крестьянском хозяйстве.

Таким образом, в первом же году кооперирования сельского хозяйства благодаря заботе вождя Самчжонский и другие сельхозкооперативы добились невиданно богатого урожая. Осмотрев с безграничной радостью тучные хлеба ко-

оперативов, вождь сказал с большим удовлетворением о переменах:

«В нынешнем году мы трижды выезжали в сельскохозяйственный кооператив Чунхва. Когда мы были там весной, некоторые крестьяне, опустив голову, смотрели на нас исподлобья, когда мы приехали летом и были хорошие всходы, крестьяне повеселели, а когда мы побывали у них осенью, то крестьяне были до того рады, что без конца улыбались. А один древний старик сказал нам: «Я занимаюсь земледелием давно, был крестьянином еще во времена старой Кореи, был и при японцах и вот сейчас, в эпоху нашей Республики, но такого урожая, как в нынешнем году, никогда не видывал».

В экспериментальных сельхозкооперативах, созданных во всех районах, собрали в том году риса в 1,1 — 1,5 раза с гектара больше, чем при единоличном хозяйстве, а денежные доходы — в 2 — 7 раз. Этот факт ошеломил крестьян-единоличников. Вчерашние крестьяне-единоличники, вступив в кооперативы, становятся во много раз сильнее. Кооператоры получили значительно большие урожаи и гораздо больше денежных доходов по сравнению с единоличниками, имея столько же рабочих рук. Более того, разрозненные единоличники не в состоянии были по желанию проводить мелиоративные работы, а коллективу кооператоров эти работы были под силу, кроме того, они упорядочивали земельные участки и даже применяли новые сельхозмашины. К тому же, если в прошлом они работали каждый на своем клочке без радости, то сегодня работают споро, соревнуясь в мастерстве, с веселой песней. Глядя на них, единоличники не могли не завидовать им.

Так, вначале колебавшиеся единоличники, прикинув все в уме, решили вступить в сельхозкооператив. В тех районах, где уже были созданы сельхозкооперативы, они вступали в них, а в других районах, где еще не было кооперативов, они горячо обсуждали вопрос о необходимости их создания. Однако часть середняков, желавших вступить в сельхозкооперативы, останавливала необходимость сдать в кооперативы

земельные участки, рабочий скот и сельхозинвентарь. Крестьяне, издревле прозябавшие в нищете, подвергавшиеся эксплуатации, а теперь благодаря земельной реформе ставшие середняками, все же обладали широтой мышления. А у середняков, которые обрабатывали свою собственную землю своим собственным сельхозинвентарем и рабочим скотом, были сильны частнособственнические воззрения, они придерживались консервативных взглядов. Поэтому они, подумывая о вступлении в сельхозкооперативы, прикидывали все «за» и «против», чтобы не понести ущерб.

Великий вождь не винил середняков из-за их нерешительности. Их поведение объяснялось укладом и привычками, сложившимися на протяжении многих лет; для преодоления всего этого нужны годы; пережитки можно преодолеть только в ходе идейного воспитания и при виде неоспоримых достоинств кооперирования. Вождь принимал во внимание их сомнения, требования и интересы, открыл им возможность создавать сельхозкооперативы, соответствующие их требованиям и интересам. Он рекомендовал создавать кооперативы либо в форме постоянных бригад трудовой взаимопомощи, где обобществляется только труд при сохранении частной собственности на землю, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, либо в полусоциалистической форме, при которой обобществляется земля и ведется совместное хозяйство, но распределение производится по труду и земельному паю, либо в подлинно социалистической форме, при которой обобществляются земля и основные средства производства и распределение производится только по труду.

Он сделал так, что обобществление тяглового скота, сельхозинвентаря и других средств производства кооперативов велось с учетом личных желаний членов кооператива, т. е. либо все это обобществляли, либо оставляли на определенное время в частной собственности владельцев и только использовали для совместного проведения работы. В случае же обобществления непременно производилась соответствующая оплата.

Эта забота исходит из любви отца, который хочет как можно скорее отправить всех крестьян, в том числе и середняков, в большое плавание кооперирования и предоставить всем им без исключения блага кооперативной жизни.

Таким образом, вождь создал в экспериментальном порядке сельхозкооперативы и доказал на практике их преимущества, а на этапе массового кооперативного движения, принимая во внимание требования крестьян и уважая их интересы, разработал соответствующий курс и повел их за собой — в результате все крестьяне, в том числе середняки, охотно вступали в сельхозкооперативы.

Новая легенда о селе Ранчхон

Великий вождь, мудро руководивший движением за кооперирование сельского хозяйства, записал в первую очередь себя в члены Вонхваского сельхозкооператива, которому он со времени войны уделял большое внимание, и как кооператор он содействовал развитию зачатков новой жизни сельхозкооперативов по всей стране, разраставшихся, как грибы после дождя.

Он внимательно вникал в жизнь кооператоров, изыскивал резервы для увеличения производства в горной и равнинной местностях, открывал кооператорам светлое будущее, вселял в них силу и смелость.

Это было в октябре 1954 года, когда вождь-отец Президент Ким Ир Сен осуществлял руководство на месте работой села Иаб уезда Чынсан провинции Южный Пхеньан.

Однажды вождь, после осмотра ряда поселков села Иаб, зашел в дом старика Пэ, который использовали под контору сельхозкооператива. Старик Пэ был председателем правления сельхозкооператива Ранчхон. Вождь, беседуя с ним, интересовался положением дел в кооперативе и жизнью кооператоров. Оказалось, что это село больше других пострадало от войны. Вождь спросил о последствиях злодеяний, нанесенных врагами населению в период временного отступления нашей армии, и попросил перечислить семьи, которые больше всех пострадали от врага.

Старик Пэ на все вопросы вождя отвечал подробно, но на последний вопрос он затруднялся ответить. Тогда сопровождавший вождя работник из уездного парткома сказал вождю о том, что у старика Пэ 33 человека — члены его семьи и родственники погибли от рук врага. Лицо вождя стало хмурым, он молча глядел во двор. В тесной комнате стояла гробовая тишина. Время шло...

Наконец, вождь энергично пожал крепкие мозолистые натруженные руки старика Пэ и нежно погладил их. У старика Пэ вырвался тяжелый вздох, он зарыдал. Глядя на опущенную голову старика, у которого вздрагивали плечи, вождь хотел ему сказать слова утешения. Но достал сигарету и чиркнул спичку. Однако прикурить сигарету не смог.

Адъютант, глядя то в окно, освещенное луной, которая висела уже над горой Мучжэ, то на часы, уже дважды напоминал ему, что пора ехать. Однако вождь не собирался ехать. Немного погодя, адъютант снова забеспокоился, начал торопить его. Тогда вождь, взглянув во двор, подсел к старику Пэ. Положив руку на колени старика, утешал его: успокойтесь, каково мне видеть вас в таком горе.

После этого он заставил себя подняться и вышел во двор. Сделав шаг, он вдруг остановился, посмотрел на ночное небо, потом взглянул на старика Пэ, стоявшего у ворот, через которые ему надо было пройти. Оглядывая дом, пустые комнаты, охваченные мертвой тишиной, он не мог сдвинуться с места.

(Если я уеду, то старик всю ночь будет горевать и не заснет. Как бы не торопила дорога, но побудем хоть одну ночь со стариком, разделим его печаль!)

С горячим чувством вождь вернулся в дом.

Так вождь-отец и старик вновь оказались вместе. Из-за этого дела, касавшегося одного человека, вождь отложил важные дела — от этой мысли старик Пэ не находил себе оправдания, обвиняя себя во всем, но вождь, желая успокоить взволнованного старика, велел адъютанту принести бутылку водки, если тот сумеет ее найти. Он лично откупорил бутылку, налил полную рюмку и поднес старику Пэ.

— Может, водка смягчит боль, выпейте, пожалуйста.

Водка, поднесенная собственноручно вождем, явилась чашей любви, облегчающей боль, застывшую в глубине сердца, эта любовь залечила глубокую рану старика Пэ. Старик закусил губы, решив больше не огорчать вождя своими слезами. Но от горячей любви и теплой заботы вождя он не в силах был сдержать слез, падающих в рюмку. Он поставил рюмку.

— Дорогой вождь, я не умею пить.

С трудом произнес старик Пэ. Тогда вождь собственноручно очистил яблоко и вложил его в руки старика. Когда старик отказался и от него, вождь, тепло беря его за руки, сказал:

— Это лично я угощаю вас, вы должны его съесть, чтобы я успокоился.

И адъютант и сопровождающие глотали горячие слезы умиления вместе со стариком Пэ.

Глубокая ночь. Село Ранчхон охвачено безграничной любовью великого вождя, отдающего всего себя народу и крестьянам. Старик Пэ, слушая от души идущие слова дорогого вождя, которые станут душевной опорой в его жизни, в дальнейшем отданной целиком кооперативу, про себя твердил:

(Дорогой вождь, обо мне больше не беспокойтесь. Нигде на свете нет более счастливого человека, чем я. Ведь меня окружает Ваша любовь!)

Вождь-отец переночевал у старика, но этого ему казалось мало и поэтому и на следующий день, а затем спустя пять дней опять приехал сюда. По утрам он вместе со стариком Пэ ходил вдоль безбрежного болота, заросшего камышом и кугой, по горам Мучжэ, которые окружали деревню, а днем, когда палило осеннее солнце, беседовал на краю поля с крестьянами села, забывая даже об обеде. Вечером он снова изучал топкие болота, на лодке пробираясь сквозь заросли камыша и куги.

Так изучая местность, вождь вынашивал замысел о пре-

вращении села Ранчхон в цветущий край для народа и открыл старику Пэ светлую перспективу кооператива.

Он говорил: если отвоевать у болота 100 тыс. пхен дамбой и занять их под рис, а в пруду развести уток, в горах создать пастбища, а на суходольном поле посеять кукурузу — тогда крестьяне села Ранчхон заживут зажиточно, они будут питаться рисовой кашей, мясом и яйцами.

Вождь, бывая в селе Ранчхон, проявлял к старику Пэ огромную любовь и заботу, не забывал он его и впоследствии, подарил ему хороший костюм и двуствольное охотничье ружье. Получив ружье, которое так любил сам вождь, ружье, которое, казалось, еще сохраняло тепло его рук, старик Пэ задумался. Во время беседы с крестьянами вождь узнал о том, что урожаю зерновых наносят значительный ущерб дикие утки и гуси, но ему казалось, что ружье прислано вождем не только для охоты на них. В это ружье была вложена забота вождя-отца, который надеется, что оно будет душевным другом старика на охоте и послужит утешением, когда волнами нахлынут горькие воспоминания. Поэтому старик Пэ, прижимая ценный подарок, твердо решил отдать всю жизнь во имя вождя-отца, во имя процветания кооперативного хозяйства.

Село Иаб благодаря заботе вождя превратилось в зажиточный край. Такая поразительная перемена происходила во всех районах и селах страны.

Увидя рисовую кашу в коробке для обеда детей

Прошло несколько лет с тех пор, как вождь навестил старика Пэ из села Иаб. Однажды, осуществляя руководство на месте работой ряда деревень провинции Южный Пхеньан, вождь-отец Президент Ким Ир Сен, проезжая мимо села Иаб, остановил детей, идущих в школу.

Дети сразу узнали уважаемого вождя, с радостными криками подбежали к нему и поздоровались с ним. Он весело поглядел на милых, как маленьких голубей, детей и спро-

сил, берут ли они обед в школу. Дети в один голос ответили: «Да!»

«Тогда посмотрим, что у вас за обед». Не успел вождь произнести вслух эти слова, как дети вытащили обед из портфелей, каждый стремился показать первым. У всех была вкусная рисовая каша. Вождь очень был доволен, улыбался и наконец весело рассмеялся. Все еще светло улыбаясь, он внимательно посмотрел на детей, показывающих ему свои коробки с обедом, и, обнимая детей, посмотрел на село Иаб, которое лежало, как на ладони. Еще недавно село было самым бедным в округе. Земля была не плодородной, поэтому можно было заниматься только богарным земледелием, теперь благодаря кооперативу и прилежному труду сельчане уже могут питаться рисом.

Вождю казалось, что в этой рисовой каше он видит улыбки и слышит песни крестьян, преодолевших трудности и пришедших к победе. Очень мило выглядели и дети, в руках которых были коробки с сытным обедом.

Большое поле с богатым урожаем, голубое небо и бесконечно тянущиеся водные артерии — все, казалось, вместилось в эти коробки, и оттуда лился аромат.

Сердце вождя переполнялось безмерной радостью от того, что социалистическое кооперирование в деревне дает свои плоды. Вождь бывал у крестьян на кооперативных полях и на рассвете, и вечером, и в дождь, и в снег — его усилия и любовь принесли свои обильные плоды.

Дети просто радовались от встречи с уважаемым вождем, но его мыслей знать они не могли. Они не могли предполагать, что для вождя их обед — результат больших перемен в деревне.

Социалистическое кооперирование в деревне — это поистине магистраль к социализму, проложенная вождем для крестьян. На этой магистрали расцвели радостный кооперированный труд и смех большой социалистической семьи, родились новые революционные идеи, по этой магистрали бегут современные машины! Идя по ней, крестьяне задумчиво

оглядываются на одинокую тропинку единоличного хозяйства, которой они шли раньше.

Всякий, предвидя безмерное счастье, прощаясь с полным лишений прошлым, смеялся. Смеясь, с подъемом работали люди, справляли новоселье в новых благоустроенных домах. Глядя на воздвигающиеся школы, детские сады и культурные учреждения, они думали одну общую думу. Они были безмерно благодарны и преданны вождю-отцу, ведущему их к счастью.

4

Сжечь низкопоклонство и догму

Это было летом 1955 года, когда в северной части КНДР, излечив тяжелые раны войны, народ полным ходом шел по пути социалистической революции и строительства социализма.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен бывал в селах, развивающихся по пути социалистического кооперирования. Однажды он остановился в доме демократической пропаганды одной из деревень. Там были витрины с фотоснимками, говорящими об успехах в строительстве, таблицы о перспективе строительства, но вождь при виде этих витрин вдруг омрачился.

Эти фотографии и таблицы были главным образом об успехах строительства в зарубежных странах, но материалов, относящихся к успехам строительства, которое широко развернулось в нашей стране, почти не было. Наглядные пособия для пропаганды, которые были подобраны в этом доме демократической пропаганды — одной из баз воспитания сельских жителей, не только не сочетались с назначением дома, но даже вызывали удивление.

Хотя уже произошли большие перемены в соответствии с последовательным курсом партии на прочное установление чучхе во всех областях, но нет-нет да в отдельных уголках наблюдалось пренебрежение собственным и превозношение чужого.

Как-то вождь был в начальной школе, в классах висели только портреты зарубежных знаменитостей, но не было портретов корейцев. В одном доме отдыха Народной Армии на стене висели картины с изображением пейзажей чужой страны, а не прекрасные пейзажи нашей страны, такие, например, как горы Кымган и Мёхян. Некоторые люди даже считали нормой выносить на иностранный манер оглавление на последнюю страницу книги, а иные составляли учебники из отрывков иностранных литературных произведений, а не из произведений наших авторов. Если в газете другой страны появилось заглавие «День Родины», то его копировала и наша газета.

Великий вождь строго предостерегал от слепого копирования чужого, от пренебрежения чучхе.

Это было непосредственно связано с вредительством твердолобых низкопоклонников, догматиков и антипартийных фракционеров в идеологической работе партии. Низкопоклонники и догматики не хотели изучать революционные традиции нашей страны и историю борьбы нашего народа и механически заучивали историю партии другой страны, копировали ее опыт, распространяли национал-нигилизм.

Целиком глотая чужое и повторяя его, как попугай, они препятствовали претворению в жизнь творческой линии партии и политики нашей партии и поднимали голову каждый раз, когда страна вступала в новый период в истории или на этап нового развития революции. Эти холуи открыто выступали тогда, когда социалистическая революция и строительство социализма по-настоящему продвигались по новому, самобытному пути, неизвестному другой стране. Как только в социалистическом кооперировании деревни социалистическое преобразование производственных отношений опережало технологическую реконструкцию, они всячески вредили,

говоря, что такого не было ни в одной социалистической стране. Позже, когда движение по кооперированию сельского хозяйства продвигалось быстрыми темпами, они тут же выступили против, говоря, что слишком быстро идет кооперирование.

Именно эти низкопоклонники и догматики, занимавшие посты в партийно-идеологической работе, заставили людей демонстрировать графики экономических достижений и создавать фотовитрины заводов чужой страны в домах демократической пропаганды в деревнях нашей страны, которая идет по пути социалистического кооперирования сельского хозяйства, открывая никем не изведанный путь. Для того чтобы самобытно разрешить много новых вопросов, возникающих в революции и строительстве в нашей стране, вступившей после войны на новый этап развития, нужно было покончить с низкопоклонством и догматизмом. Иначе нельзя было продвинуться ни на шаг вперед.

Из-за географического положения страны, окруженной большими странами, и из особенностей исторического развития нашему народу приходилось испытывать немало страданий от низкопоклонства, глубоко укоренившегося на протяжении истории.

Преклонение перед великими державами, насаждаемое прогнившей феодальной правящей верхушкой на протяжении веков после гибели Когурё, порождало множество бездарных людей в политическом и идеологическом отношениях, обычных духовных калек. Не говоря уже о далеком прошлом, династия Ли в феодальной Корее, приведшая страну к гибели, открыто выдвигала в качестве государственной политики «преклонение перед большой страной в дипломатии»; противников конфуцианства ссылали или убивали, заклеймив их «нарушителями конфуцианских догматов». Среди знающих распространялось веяние слепого превозношения большой страны под предлогом «того, что в ней сын неба», и укоренился вредный обычай считать всякое дело великой державы верным, образцовым, неприкосновенным совершенным фактом. Появилась даже пословица: «Прикры-

ваться именем Вэньсюаньвана (Конфуция)». Как гласит эта пословица, если люди выступают с конфуцианскими догмами, то они становятся всемогущими и перед ними преклоняются и повинуются без всяких оговорок. На протяжении истории низокопоклонники не только сами пресмыкались, но и навязывали такое поведение народу. А в последние годы династии Ли они с головой ушли в борьбу партий под эгидой больших стран, норовящих захватить Корею, тем самым ввергли страну в положение колонии японского империализма.

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен указывал:

«Исторический опыт показывает, что если человек заразился низкопоклонством — он становится болваном, если нация — гибнет страна, а если партия — идут насмарку революция и строительство».

Эти слова, постоянно подчеркиваемые вождем, концентрированно выражают горесть и негодование народа, переживавшего пороки низкопоклонства на протяжении многих веков, и отражают твердую решимость народа больше не попадать в такую пропасть.

Зная историческое прошлое народа, великий вождь Президент Ким Ир Сен с первых же дней вступления на путь революции во имя возрождения Родины, беря на себя ответственность за участь страны, высоко поднял знамя идей чучхе и развернул мощную борьбу не только против империализма, попиравшего достоинство и основные права человека, но и против низкопоклонства и догматизма.

Непримиримая борьба против низкопоклонства и догматизма, которую последовательно вел великий вождь с самого начала своей революционной деятельности, с создания бессмертных идей чучхе и руководства корейской революцией, была священной борьбой, призванной защищать народ от вредных язв, которые оставили позорное пятно в истории нашей страны после гибели государства Когурё и сделали людей духовными невеждами и калеками. Эта борьба также была процессом формирования собственных революционных

сил корейской революции, процессом великой борьбы за защиту самостоятельности человека.

Корейская революция — наше чучхе

Великий вождь Президент Ким Ир Сен в декабре того же года произнес перед партийными работниками пропаганды и агитации историческую речь **«Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе»**. Эта речь совершила новый поворот в идейной и духовной жизни нашего народа.

Великий вождь, полностью раскрыв вред низкопоклонства и догматизма, указывал:

«Что такое чучхе в идеологической работе нашей партии? Что мы делаем? Мы делаем революцию не какой-либо другой страны, а именно корейскую революцию. Эта корейская революция и есть чучхе в идеологической работе нашей партии.

Вот почему всю идеологическую работу следует подчинять интересам корейской революции».

Подчеркнув, что революционеры и народ Кореи должны хорошо знать прежде всего действительность и революцию своей страны, а не других стран, вождь указывал пути установления чучхе:

«Надо по-настоящему изучать и в совершенстве знать свое собственное. Иначе мы не сможем в соответствии с нашей действительностью творчески решать новые вопросы, с которыми будем постоянно сталкиваться в ходе практической деятельности».

Он вновь конкретно учил о том, что представляет из себя собственное и капитал корейской революции. Это — наши блестящие революционные традиции, линия и политика нашей партии. Это — история борьбы нашего народа, география и культура нашей страны. Это — быт и обычаи нашего народа, Корея и корейская революция, ответственность корейских коммунистов и народа за их судьбы.

Вождь осуждал низкопоклонников, пытавшихся меха-

нически копировать культуру и даже обычаи других стран, указал на необходимость широко пропагандировать достижения прогрессивной борьбы наших предков и творческие успехи народа в наши дни. Критикуя порочный образ мышления жалких низкопоклонников, которые считали, что слепое преклонение перед другими странами и есть интернационализм, вождь четко осветил взаимоотношения между социалистическим патриотизмом и пролетарским интернационализмом:

«...Патриотизм и интернационализм неотделимы друг от друга. Кто не любит свою родину, тот не может быть предан интернационализму, и кто не предан интернационализму, тот не может быть верен своей родине и своему народу. Истинный патриот — это интернационалист, а настоящий интернационалист — это патриот».

Эти указания вождя о взаимоотношениях патриотизма и пролетарского интернационализма нанесли низкопоклонникам и догматикам решительный удар, а для народа они стали руководством для понимания сущности патриотизма и низкопоклонства.

Видя в человеке самое ценное и сильное в мире существо и безмерно доверяя ему, вождь переживал за людей, которые, вместо того чтобы прокладывать себе путь собственными силами, полагались на других.

Вождь считал, что ценность и подлинное счастье человека — общественного существа — заключается в его самостоятельности, в умении мыслить и решать все вопросы своим умом и действовать по своей воле, и рассматривал воспитание в людях достоинства, самостоятельности и национальной гордости как одну из своих важнейших задач. Вот почему в период господства японского империализма он развернул антияпонскую революционную борьбу, призванную освободить народ от ига японского империализма, и в то же время вел борьбу против низкопоклонства, приковавшего людей двойными цепями рабства. А после освобождения страны он, ни на минуту не ослабляя борьбу против низкопоклонства и догматизма, чтобы избавить людей от всех пут

и обеспечить им самостоятельную и творческую жизнь, продолжал эту же линию. Для того, чтобы стать хозяином природы и общества, прежде всего необходимо утвердиться в сознании того, что ты сам хозяин, а для этого нужно было в первую очередь установить чучхе в идеологии.

Совершенно естественно, что вождь, который постоянно заботится о самостоятельной и творческой жизни народа и безмерно любит его как творца истории, испытывает лютую ненависть к низкопоклонству, парализующему самостоятельность человека и препятствующему проявлению его неисчерпаемых душевных сил, его способностей, и к насаждающим его подонкам.

Несмотря на критику, низкопоклонники и догматики снова подняли голову в послевоенное время, когда страна вступила в стадию нового развития — на путь самостоятельного и самобытного развития. Они выступали против творческой линии и политики партии, заменив Вэньсюаньвана новыми догмами и оппортунизмом, они пытались протащить современный ревизионизм, как только он появился в международном коммунистическом движении. Пляша под чужую дудку, они следовали то за догматиками, то за ревизионистами — словом, поддавались всякому веянию. Поэтому в трудных условиях послевоенного восстановления и строительства, когда снова подняли голову низкопоклонство и догматизм, пустившие глубокие корни в прошлое, вождь вновь подчеркнул, что хозяином корейской революции являются наша партия и наш народ, а решающим фактором ее победы — наши собственные силы. Он учил, что необходимо развернуть мощную борьбу с низкопоклонством и догматизмом, чтобы противостоять современному ревизионизму и защитить революционные принципы и чистоту революционных идей и теорий рабочего класса.

Указания вождя, всесторонне освещающие сущность и правоту великих идей чучхе, а также четкий путь установления чучхе, явились поистине великим событием, вызвавшим крутой поворот в идеологической жизни нашего народа.

Сердцем восприняв эти указания вождя, все члены партии и весь народ развернули стойкую борьбу за преодоление низкопоклонства и догматизма, уклоняющихся от ответственности за революцию и подрывающих самостоятельность и национальное достоинство. Процесс этой борьбы был процессом более глубокого познания ценности человека, процессом установления чучхе, позволяющим повысить у нашего народа ответственность, гордость и энтузиазм как хозяина Кореи, хозяина корейской революции.

Так великий вождь Президент Ким Ир Сен организовал борьбу за ликвидацию последствий низкопоклонства и догматизма, разъедавших и отравлявших души народа на протяжении истории, сделал корейский народ хозяином Кореи в подлинном смысле слова, поставил его в центр корейской революции. Нет таких слов, чтобы прославить его действенную любовь.

Глава восьмая

ОТКРЫЛ ЭПОХУ ЧХОЛЛИМА

1

Рождение движения Чхоллима . . 398
Старушка из села Тхэсон 402
Рассказ о монументе Чхоллима . . 405

2

Строить дома лучше и быстрее . . . 407
Прислушиваясь внимательно к совету домохозяйки . . 410
Превратить Пхеньян в образцовую народную столицу . . 414

3

И оросительные каналы воспевают благодеяние вождя . 418
Лично подняв факел 426

4

Чтобы дать машины крестьянам . . 433
Трактор марки «Чхоллима» 435

5

Искренняя любовь к человеку . . 440
Дороже миллионов тонн риса . . 445

6

Народу больше тканей 450
Рассказ о «виналоновых темпах» . . 454
Огрубевшие руки строителей . . 456

1

После завершения трехлетнего плана послевоенного восстановления было положено начало выполнению пятилетнего плана, направленного на создание основ социализма. Положение в стране было очень тяжелым и сложным.

Международная реакция во главе с американским империализмом подняла «антикоммунистическую» шумиху, а в Южной Корее американские империалисты-захватчики и клика Ли Сын Мана усиливали попытку спровоцировать «поход на Север».

В международном коммунистическом движении подняли голову современные ревизионисты, они стали на путь сговора с империалистами и, отвернувшись от революции, пытались назязать свою ошибочную линию партиям братских стран.

Экономическое положение в стране также было тяжелым. Не хватало денежных средств, материалов, рабочей силы. А грандиозные задачи пятилетнего плана надо было выполнить исключительно за счет внутренних ресурсов и накоплений. Не была стабилизована жизнь населения.

Антипартийные, контрреволюционные фракционные элементы, которые длительное время вели подрывную работу внутри партии, теперь под покровительством внешних сил предпринимали атаки против партии, используя трудную и сложную обстановку. «Машина не дает каши», «Следует ли развивать тяжелую промышленность, когда так трудна народная жизнь», — болтали они, выступая против основной линии нашей партии на экономическое строительство, и требовали пустить в потребление все имеющееся, все заработанное. Они организовали заговор с целью свержения нашей

партии и правительства. Так корейский народ столкнулся с неимоверными трудностями на многих участках, где враги и вредители всех мастей препятствовали продвижению революции.

Президент Ким Ир Сен с первых дней вступления на путь революции всегда преодолевал трудности, идя вперед и ведя за собой корейский народ от победы к победе, и в этот раз он разработал четкий план преодоления препятствий путем нанесения беспощадного удара по внутренним и внешним врагам и в декабре 1956 года созвал пленум ЦК партии. На пленуме он наметил новую высокую задачу борьбы: увеличить в 1957 году, в первом году пятилетки, промышленное производство на 21% против 1956 года — и выдвинул боевой лозунг: «За максимальное увеличение производства и экономию!»

Последующие эпизоды повествуют о событиях в самый трудный для страны период, рассказывают о связях между вождем, рабочими и народом.

Рождение движения Чхоллима

28 декабря 1956 гоад, через несколько дней после состоявшегося пленума ЦК, великий вождь, несмотря на сильную метель, посетил Кансонский сталелитейный завод. Вождь прежде всего пошел в цех и тепло поприветствовал рабочих, пожимая их промасленные руки. Глядя на шумящую пламенем электропечь, он сказал: «Это пламя придает силы! Для меня самое большое счастье — быть с вами».

Как в недавнем прошлом, вождь решил преодолеть возникшие трудности, опираясь на народ, и прежде всего на рабочий класс. В 1957 году, в первом году пятилетки, стране потребовалось много проката. Но тогда в нашей стране было всего лишь один блюминг. Он был в Кансоне и его номинальная мощность не превышала 60 тыс. тонн.

Это был больной вопрос. Чтобы совершить большой скачок в социалистическом строительстве и дать отпор провокациям внутренних и внешних врагов, нужно было выплавлять больше железа, нужно было, чтобы

этот блюминг дал проката больше его номинальной мощности. Другого выхода не было.

Но решение этой проблемы упиралось в установленную номинальную мощность. Люди считали этот рубеж неодолимым. Так было не только в отношении блюминга, но и всех других машин и оборудования. Чтобы добиться крутого подъема в социалистическом строительстве, необходимо было сломать этот невидимый барьер, ограничивающий возможности расширения производства, превратить производство и строительство в боевой объект и создать новые методы работы. Надо было максимально повысить революционный энтузиазм рабочего класса, хозяина производства, чтобы он не спасовал перед трудностями, а смело преодолевал их, чтобы он не цеплялся за устаревшие нормы производства, а обновлял их и непрерывно устремлялся к новым, более высоким целям. И вот, чтобы разрешить все эти вопросы, вождь посетил Кансон.

Осмотрев завод, вождь пригласил на совещание рабочих, он хотел посоветоваться с ними о путях максимального использования внутренних ресурсов.

Великий вождь доверчиво посмотрел на собравшихся рабочих и рассказал без утайки о тяжелом положении страны:

«Сейчас у нас сложилось очень тяжелое положение... люди из одной страны навязывают нам своих фракционеров, а люди из другой страны вкупе с первыми нажимают на нас. Фракционные элементы нашей страны каждый под покровительством своего хозяина выступают против партии, Ли Сын Ман намеревается напасть на нас, полагаясь на США».

Здесь он остановился и обвел присутствующих взглядом. Собравшиеся зашумели, лица людей, глубоко прочувствовавших озабоченность вождя и трудности страны, стали суровыми. Все задыхались, будто им не хватало воздуха. Их сердца наполнились гневом против тех, кто настроен против вождя и революции. Кто смеет мучить нашего любимого вождя! Кто против вождя, тот оскорбляет

наш рабочий класс, народ, революцию. Разве можно терпеть это. Пусть понюхают кулак рабочего класса! Их глаза метали гневные искры.

Вождь всмотрелся в каждого рабочего и продолжал:

«На кого же нам надеяться? Кроме как на вас, нам не на кого надеяться...»

От этих слов рабочие вскочили с мест и закричали:

«Да здравствует товарищ Ким Ир Сен!» Бесконечная вера в вождя и неудержимый гнев к врагам слились в этом крике. Это был крик, вырвавшийся из сердец, взволнованных безмерным доверием вождя, всегда считавшего рабочий класс старшим сыном страны.

Возгласы долго еще сотрясали зал. Глаза вождя, смотревшего на рабочих, повлажнели.

Безмерная радость и гордость охватила вождя при встрече с богатырским рабочим классом, который борется и идет вперед, не отступая перед врагом, когда революция переживает серьезные испытания.

Рабочие с поднятыми вверх кулаками выразили готовность выполнить любое задание и попросили направить к ним фракционеров, обещали бросить их в печь. Сила, готовая сдвинуть горы, горячий энтузиазм рабочего класса Кореи сродни кипящему металлу, были в деле строительства несметным богатством, а для врагов эта сила стала сверкающим мечом беспощадной кары.

Вождь воодушевлял этот боевой отряд, решив сделать из него образец творения новых чудес.

Великий вождь относился к рабочим с большим доверием, он призвал их выдать еще 10 тыс. тонн проката сверх плана, что позволит стране выпрямить спину.

Рабочие заявили, что они не будут достойны называться рабочим классом Кореи и революционными бойцами великого вождя, если не оправдают надежду и доверие вождя, брали боевые обязательства и вносили новаторские предложения, изыскивая новые резервы увеличения производства.

Совещание кончилось поздним вечером. Не переставая валил пушистый снег.

Так вождь провел еще один день руководства на месте. Распростившись с рабочими, он сел в машину. Но вдруг, немного проехав, машина остановилась. Вождь вышел из машины и под снегом возвратился к руководящим работникам и рабочим сталелитейного завода. Все подумали, что он забыл сказать что-нибудь важное, и побежали навстречу.

Уважаемый вождь, кладя руки на их плечи, сказал:

— Если вы дадите 10 тыс. тонн проката сверх плана, страна выпрямит спину. Я уезжаю с верой в вас.

Он вернулся, чтобы еще раз сказать эти слова. Вождь был так доволен и рад тому, что рабочие изыскали резервы увеличения производства и обязались повысить свою производительность, он остановил машину и вернулся, чтобы сказать еще раз эти слова! Его глубокое чувство передалось рабочим, и они глотали нахлынувшие слезы.

Провожая вождя-отца, они единодушно поклялись:

«Вождь! Будет сталь! Непременно оправдаем Ваше доверие, вождь!»

Так благодаря великому вождю Президенту Ким Ир Сену на кансонской земле разгорелось пламя движения Чхоллима, восхитившее весь мир.

Чтобы разжечь пламя новаторства по всей стране, вождь в январе 1957 года, на следующий день после новогоднего праздника, уже находился у рабочих металлургического завода Хванхэ. Пренебрегая всеми рассуждениями консерваторов, тормозящих прогресс, вождь дал рабочим боевое задание срочно ввести в строй доменную печь № 1 мощностью в 250 тыс. тонн и коксовую батарею мощностью в 300 тыс. тонн и воодушевлял их на трудовые подвиги. Рабочие поклялись выполнять задания вождя, чего бы это ни стоило.

Вождь осуществлял руководство на местах до Хэчжу и Хыннама, на всех заводах и во всех селах страны. Это

были исторические дни, когда вся страна создавала основы для скачка.

Старушка из села Тхэсон

Это было 27 августа 1957 года, когда пламя новаторства, зажженное вождем, разгоралось, сжигая низкопоклонство и консерватизм. Это был день выборов в Верховное Народное Собрание. Великий вождь, направляясь в Нампхо, заехал в село Тхэсон уезда Кансо.

Как раз в селе закончилось голосование и начались танцы. Когда вождь подъехал к избирательному участку, танцевавшие и зрители с возгласами подбежали к нему и поздоровались. Люди села Тхэсон были бесконечно рады встретить в столь знаменательный день уважаемого вождя в своем селе.

Когда вождь здоровался с сельчанами, расталкивая людей, к нему подошла старушка, у которой, как узнал вождь, сын, комполка Народной Армии, погиб на фронте.

Старушка сказала, что мечтала хоть разочек повидаться с вождем и наконец сбылась ее мечта, и теперь ей не жалко и умереть.

Ответив приветствием на теплое приветствие старушки, вождь сказал, что жизнь становится все лучше, поэтому надо жить долго, он подробно расспрашивал о жизни крестьян. Всматриваясь в лицо любимого вождя, старушка сказала:

— Уважаемый Председатель Кабинета Министров! Вы выглядите устало. Не надо так беспокоиться за нас. Что бы ни болтали фракционеры о жизни народа, теперь для всех настала хорошая жизнь. Неужели фракционеры нас одолеют, нет, мы одержим верх над ними. Не беспокойтесь, мы поддерживаем Председателя Кабинета Министров.

Пусть она была стара, но говорила уверенно и твердо.

Старушка, с которой вождь случайно встретился в пути, произвела на него глубокое впечатление.

Эта старушка, которая беспокоилась и вдохновляла

его на преодоление больших трудностей, для великого вождя олицетворяла людей, которых он вел за собой в течение длительного времени.

С первого дня вступления на путь революции, люди шли за ним по трудному пути борьбы. Они перенесли все беды и страдания, доставшиеся им от прошлого.

Вождь пробивался сквозь бури суровой эпохи, деля с народом радость и горе, воодушевляя народ, а народ придавал ему силу. Не задумываясь, он шел по тернистому пути ради народа; благодаря вождю народ смог перенести все испытания и трудности.

Сегодня, когда перед революцией встали новые трудности и испытания, разве старушка из народа не вдохновляла и не просила не беспокоиться!

Вождь не мог довольствоваться малыми успехами. Желая счастья народу, ради народа он не мог остановиться ни перед какими трудностями. Слушая этот голос простого человека из могучего людского потока, шедшего вместе с ним долгое время, ни с чем несравнимый по мощи голос поддержки, вождь почувствовал безграничную радость, почувствовал, как грудь его наполняется верой в победу.

С этим народом все по плечу. С таким народом осилишь любые трудности.

Вождь, воодушевленный новой верой, много раз вспоминал слова старушки.

И впоследствии он часто вспоминал о ней с искренней любовью. Это случилось в январе 1975 года, спустя 18 лет после встречи вождя со старушкой в селе Тхэсон.

В Пхеньяне открылся Всереспубликанский сельскохозяйственный съезд.

Присутствовавший на съезде великий вождь узнал, что выступающая — председатель сельхозкооператива Кочхан уезда Кансо провинции Южный Пхеньан — является снохой той старушки, с которой он встречался тогда. И еще узнал, что она перед смертью, собрав возле себя всю семью, наказала: в любых обстоятельствах быть верными только вождю, глубоко чтить его. Вождь, который

никогда не забывал эту старушку, глубоко задумался. Он подозвал к себе ее сноху, взял ее за руки и вместе с ней вспоминал старушку. Затем он, обращаясь к делегатам съезда, с глубоким волнением сказал, что в те трудные годы своей поддержкой старушка влила в него огромную духовную силу. У делегатов навернулись горячие слезы. То были слезы безграничной благодарности вождю, который вынес все невзгоды в те трудные дни и привел наш народ к сегодняшним победам, слезы глубокой благодарности старушке за ее простые и теплые слова, сказанные вождю в дни суровых испытаний, ибо люди поняли, что она говорила от их имени.

В трудные для страны дни испытаний рабочий класс поднялся с громкими возгласами: «Да здравствует товарищ Ким Ир Сен!», а народ поклялся в верности: «Мы поддерживаем Вас, вождь». Все они сдержали свою клятву.

После посещения вождем Кансона рабочий класс этой местности, мобилизовав все внутренние резервы, совершил новый скачок.

Если в прошлом кансонцы верили не себе, а машинам, то теперь они разбили старые взгляды, основанные на «номинальной мощности». Были поставлены новые цели борьбы, о каких не могли и думать в прошлом. Исчезла прежняя «номинальная мощность». Теперь их «номинальной мощностью» стало требование вождя, партии и революции. В 1957 году они на блюминге, который раньше давал всего 60 тыс. тонн проката, выпустили вдвое больше, т. е. 120 тыс. тонн. Рабочий класс и инженерно-технические работники металлургического завода Хванхэ, опираясь на свои силы и знания, блестяще восстановили доменную печь, а Первого мая выдали чугун, своими силами запустили коксовую батарею. По всей стране разгорелось пламя новаторства. Народ оседлал Чхоллима. С каждым днем расширялся гигантский поток народного энтузиазма.

Сколько пережил этот народ в отсталости и бедности по сравнению с другими народами, как долго попирались

мудрость и творческий пыл народа феодалами и милитаристами. Вождь вселил в этот народ непобедимую силу, научил шагать по-революционному: когда другие делают один шаг — делать десять и сто шагов; слепой беспомощный народ вырос под его руководством в свободного творца, строящего рай на земле, вождь посадил его на легендарного крылатого коня — Чхоллима!

Этот скачок, чудо, пламя новаторства, шествие Чхоллима, удивившие людей всего мира, разгромили болтовню американских империалистов об «антикоммунизме», шумиху лисынмановских марионеток о «походе на Север», а также махинации оппортунистов всех мастей, интриги антипартийных фракционеров, консерватизм, низкопоклонство, с их помощью были преодолены экономические затруднения. Так революция в нашей стране, преодолев все препятствия, уверенной поступью продвигалась вперед; в Корее началась великая эпоха Чхоллима — эпоха творения новых чудес.

Вызвав к жизни неиссякаемую творческую силу и ум веками угнетавшихся рабочих и крестьян, сделав их мастерами творчества и всадниками Чхоллима, полностью мобилизовав их силу и знания, вождь преодолел трудную ситуацию в революции. Ни высотой неба, ни глубиной океана не измерить благодеяния великого вождя Президента Ким Ир Сена, принесшего эпоху Чхоллима — эпоху творчества и новаторства.

Рассказ о монументе Чхоллима

В столице революции Пхеньяне, на холме Мансу возвышается величественный монумент рабочего и крестьянки, оседлавших крылатого коня Чхоллима, который олицетворяет дух Кореи, устремляющейся вперед бурными темпами.

Глядя на монумент, иностранцы не перестают восхищаться. Они видят впервые крылатого коня с рабочим и крестьянкой на нем, а ведь в мире немало скульптур, изображающих ту или иную знаменитость верхом на коне.

В дни, когда создавался монумент Чхоллима, был такой эпизод.

Вначале скульпторы задумали изобразить тройку с всадником на каждом коне, затем одного коня с одним всадником.

Увидев эти варианты, уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен посоветовал скульпторам посадить на Чхоллима двух человек и изобразить не простого коня, а скачущего крылатого Чхоллима с рабочим и крестьянкой, которые олицетворяли бы весь народ.

Скульпторы, вникнув в слова вождя, создали прекрасное изображение Чхоллима с двумя всадниками, рабочим и крестьянкой — хозяевами страны.

До тех пор в скульптурных портретах и монументах изображали коня с одним всадником. До тех пор довлело мнение о том, что несколько всадников своей тяжестью придают скульптуре скованность и лишают коня легкости.

Но вождь предложил создать скульптурное изображение легендарного коня Чхоллима, который парит в воздухе с необыкновенной силой и скоростью, неся на спине весь народ, не ощущая никакой тяжести. Так что речь идет не о простом отступлении от обычных правил. Здесь — высшее художественное выражение любви к народу, созданное впервые великим вождем Президентом Ким Ир Сеном — основателем бессмертных идей чучхе, являющихся воплощением революционной любви к народу.

Для вождя нет на свете ничего ценнее и дороже, чем народ, который живет, борется и творит чудеса на земле. Да! именно эта горячая любовь вождя дала народу Чхоллима, парящего в воздухе, озаренного ярким солнцем.

Чхоллима, устремляющийся стрелой в бескрайнее небо, к прекрасному коммунистическому будущему — идеалу человечества, со славным всадником — героическим народом. Пусть все грядущие поколения, стоя перед

этим монументом, всем сердцем осознают, с какой страстью великий вождь Президент Ким Ир Сен творил нашу героическую эпоху, и какая важная миссия возложена на них.

2

В одном из документальных фильмов, выпущенном в 1958 году, были запечатлены незабываемые кадры, показывающие перекресток на улице Чханчжон Центрального района города Пхеньяна. В центре этой площади стоит можжевельник, а вокруг него на клумбе растет цинния. От центра расходятся дороги в четыре стороны, а слева и справа от дорог экскаваторы роют землю под фундаменты домов — все это кажется пустырем. Но сменяются кадры — на клумбе красиво расцвела цинния, вдоль дорог выросли пяти- и шестиэтажные дома.

Эти кадры показывают «Пхеньянскую скорость», поразившую людей всего мира. Эта скорость строительства была рождена теплой заботой вождя-отца Президента Ким Ир Сена, желающего как можно быстрее обеспечить народ лучшим жильем.

Строить дома лучше и быстрее

В ходе выполнения послевоенного 3-летнего плана неузнаваемо преобразился Пхеньян. На месте землянок и времянок, слепленных во время войны, поднялись новые жилые дома, во дворах — клумбы, на которых цветут яркие цветы. Многие посадили виноград. На некоторых лозах уже висели гроздья. На первый взгляд казалось, что вопрос о жилье решен.

Но великий вождь Президент Ким Ир Сен указал на необходимость развернуть строительство города Пхеньяна

в еще большем масштабе и еще более быстрыми темпами, чтобы обеспечить народ лучшим жильем. Он предложил активно внедрять сборный метод строительства.

Однако консерваторы, оставшиеся в строительстве, воспротивились применению сборного метода, ссылаясь на то, что якобы в строительстве еще недостаточна техническая оснащенность и не хватает опыта строителей, а потому, мол, это нововведение преждевременно. По их утверждениям выходило, что народ должен был довольствоваться старыми жилищами еще долго.

Но вождь, хотевший как можно скорее обеспечить народ новыми современными домами, дал решительный отпор утверждениям консерваторов и сам лично часто бывал на стройках.

В середине января 1958 года любимый вождь, несмотря на занятость, целую неделю провел среди строителей, он дал им много ценных советов.

19 и 20 января, несмотря на лютый мороз, он побывал у строителей города и откровенно говорил с ними:

«Мы живем вместе в одном городе, а сегодня давайте побеседуем. Давайте подумаем вместе, что делать, чтобы строить сборные дома, как экономить строительные материалы и рабочую силу, насколько можно снизить себестоимость.

Сейчас перед строителями выдвигаются новые требования как в отношении качества, так и в отношении количества. Когда люди из землянок переселялись в наскоро построенные из старых кирпичей дома, они были довольны. Но сегодня эти дома их не могут удовлетворить, люди вправе требовать лучших жилищ. С развитием экономики страны и повышением уровня жизни необходимо строить лучше и больше. А для этого надо строить сборные дома».

Затем вождь расспросил об их опыте, накопленном в строительстве сборных домов.

Рабочие говорили о своем опыте. Один из рабочих сказал, что сборный метод позволяет удвоить темпы строи-

тельства по сравнению с прежним методом. Вождь немного подумал и сказал:

«Удвоить — это прекрасно. Но давайте подумаем, нет ли возможности поднять производительность еще выше.

Если крестьяне борются за повышение урожайности с каждого чонбо, то нам, строителям, надо бороться за снижение себестоимости каждого квадратного метра и повышение качества».

Рабочие начали вникать в каждый вопрос с новой точки зрения. Сколько людей надо закрепить за одним подъемным краном для операции, сколько минут можно сэкономить за один оборот крана и, обмениваясь мнениями, решали другие вопросы с карандашом в руке. Много было внесено рационализаторских предложений.

Каждое новое предложение вождь сам досконально изучал и производил расчеты. Подсчеты он делал в блокноте, иногда исправлял предложения строителей. Строители незаметно поправляли воротники, с уважением смотрели на вождя, который вот уже второй день на строительной площадке, где гуляет холодный ледяной ветер; он внимательно отнесся к внесенным предложениям, лично изыскивал рациональные пути решения и проводил конкретные расчеты. Казалось, что он живет одним лишь желанием — быстрее построить для народа удобные, благоустроенные дома и забывает и об отдыхе, и о сне.

Каждый рабочий про себя решил отдать все свои силы и знания, чтобы облегчить заботы вождя. Горячее желание вождя быстрее обеспечить народ современными домами и сделать Пхеньян величественней и краше, стало желанием самих строителей.

Строительные площадки Пхеньяна с 1958 года полностью преобразились. На стройках стало меньше людей, чем было при старом методе строительства. Без устали работали подъемные краны, сыпались искры при сварке деталей, подавались современные бетонные стены. Резко сократилось число строителей на каждой строительной площадке, что привело к одновременному строительству

на разных участках. Весь Пхеньян выглядел, как одна стройплощадка, строительные леса заменили леса подъемных кранов.

И после этого вождь-отец Президент Ким Ир Сен не раз бывал на стройке, где давал своевременные ценные указания, воодушевлял передовых рабочих, проявлял глубокую заботу об условиях их жизни. Не было такой стройки, где бы он не побывал. И всюду, где он был, разгоралось яркое пламя новаторства. Служащие и учащиеся столицы и даже домохозяйки помогали строителям.

Многоэтажные дома возводились так быстро, так быстро изменялись улицы, что одна молодая женщина, вернувшись от родителей, где она родила первенца, не узнала улицу и только после расспросов смогла найти свой дом.

Строители Пхеньяна в том же году сдали 20 тыс. современных квартир, затратив материалы и рабочую силу, предназначавшиеся на 7 тыс. квартир.

Так, благодаря большой любви вождя-отца, который ни на минуту не забывал о проблеме жилья, родилась известная всему миру «Пхеньянская скорость».

«Пхеньянская скорость» распространилась по всей стране; в провинциальных центрах, всех других городах и селах застраивались улицы и дома. Так народ смог переселиться из хибарок, которые были наследием старой эпохи, и из временных жилищ — следов военных лет в благоустроенные современные многоэтажные дома.

Прислушиваясь внимательно к совету домохозяйки

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен неустанно проявлял заботу не только о том, как быстрее строить жилье, но и о том, чтобы строить красиво, удобно и прочно.

Уважаемый вождь неоднократно отмечал:

«Что значит социалистическое содержание в архитектуре наших домов? Это — удобство для жителей, уют, красота и прочность. Это и есть такое качество строительства, которого мы требуем».

В самый разгар строительства жилья к председателю Народного комитета города Пхеньяна пришел адъютант вождя. Он положил на стол вырезку из какого-то журнала, там была фотография городского дома, и сказал, что вождь посоветовал использовать ее при строительстве жилых домов в Пхеньяне.

Так вождь-отец жил мыслями и заботами о том, чтобы строить народу жилые дома как можно красивее и удобнее, о том, чтобы сделать Пхеньян более величественным и красивым. Вождь обращал внимание не только на внешнее оформление городов и жилых домов, но и заботился о том, чтобы дома для народа были построены со всеми удобствами, чтобы они были комфортабельны. Об этом говорит следующий рассказ.

21 января 1958 года, на следующий день после того как он побывал у строителей Пхеньяна, вождь встретился с работниками Управления городского строительства Пхеньяна. Обсудив ряд проблем, вождь сказал, что есть вопросы, которые в кабинете не решаются, и пригласил всех на улицу.

Осмотрев пятиэтажный дом у моста через реку Тэдон и стройку жилого массива в квартале Синчхан, вождь вышел на Молодежный проспект и посетил одну из семей на втором этаже высотного дома.

От неожиданной встречи с уважаемым вождем хозяйка квартиры в первую минуту было растерялась, затем, низко склонив голову, скромно и вежливо поздоровалась.

— Дорогой вождь, входите, пожалуйста.

— Здравствуйте! Как поживаете? — просто спросил вождь, будто пришел к давно знакомым людям.

— Благодаря Вашей заботе, дорогой вождь, мы живем хорошо, ни на что не жалуемся.

Вождь вошел в комнату, куда его пригласила хозяйка. Разузнав, где работает хозяин, каков доход, сколько в семье детей, вождь спросил:

— Нравится вам этот дом?

— До этого мы жили в землянке. Благодаря глубокой заботе партии теперь мы живем в таком доме. Мы очень благодарны, что мы можем еще сказать.

Вождь своими руками потрогал деревянный пол и спросил:

— Как по сравнению с ондор? В старину наши деды, важно сидя на ондор, принимали от снохи столик с едой... и это считалось верхом блаженства...

После этих простых слов вождя хозяйка, которая была еще до этого растерянной и скованной, сказала просто, как своему отцу, то, о чем думала.

— Дорогой вождь. Да действительно. Для старых родителей и грудного ребенка лучше теплый пол-ондор. Как было бы хорошо, если бы строили дома с полом-ондор.

Вождь-отец выслушал эту хозяйку внимательнее, чем какого-либо проектировщика или специалиста, и, глядя на сопровождающих его людей, сказал:

«Ну как? Правильно говорит хозяйка?

Хозяйка высказала очень хорошее мнение. Хорошо все то, что нравится народу. Давайте подумаем, нельзя ли встроить пол-ондор в многоэтажные дома.

Такие дома, как эти, мы строили, когда мы не могли проектировать сами, а теперь незачем нам строить дома, которые не отвечают обычаям нашего народа. И в строительстве надо полностью изжить догматизм и установить чучхе».

Вождь смотрел на все глазами народа, решал все с позиции народа, безмерно дорожил вкусом и привычками народа. Когда народ счастлив, он радовался, а когда народ ощущал неудобства, то его душа была неспокойна.

Вождь осмотрел комнату, попросил рулетку и сам измерил комнату. Затем он повернулся к сопровождающим и сказал:

— Длина двадцать три ча (1 ча — 30, 2 см) и одно чхи (1 чхи — 3,03 см), ширина одиннадцать ча и пять чхи... Кажется, чересчур длинна... Не удобней ли будет, если поставить перегородку?

Вождь опередил мысли хозяйки, которая еще не успела ничего сказать, и даже предпринял меры, чтобы исправить недостатки. После этого он вышел на кухню, осмотрел посудомойку, посуду в буфете, чан с рисом и даже кладовку для угля, потом спросил ее:

— Не тесна кухня?

— Тесновата, но терпимо.

Вождь-отец повернулся к сопровождающим из Управления строительства и сказал:

— Кухни нужно строить попросторней, чтобы женщины свободно могли работать с ребенком на спине.

Выходя из дому, вождь снова спросил хозяйку:

— Не хотите ли вы сказать еще что-нибудь?

— Нет.

— Если у вас будет что сказать, без стеснения обращайтесь к партии или соответствующим работникам. Строим, совершаем революцию для народа, для его счастливой жизни. Поэтому для нас важно знать мнения о жизненных условиях народа. Руководящие работники должны идти в низы, а низы должны сблизиться с руководством и советоваться обо всем. Тогда наше дело пойдет на лад.

Так благодаря заботливым, деловым указаниям вождя в нашей стране стали строить многоэтажные дома с отопляемым полом-ондор. Никому в голову не приходила мысль об ондор в многоэтажном доме. Только благодаря великому вождю, который как никто дорожил традициями и привычками нашего народа, в десяти- и пятнадцатиэтажных домах делали пол-ондор, произошла большая перемена в стиле застройки многоэтажных жилых домов.

В улицы с деревьями и цветами вписываются грандиозные монументальные строения, государственные и культурные учреждения.

Пхеньян живет кипучей, здоровой и полнокровной жизнью, дарит всей стране надежду и свет. Вечером Пхеньян озаряется безбрежным морем огня и снятся ему еще большие победы. Столица революции — Пхеньян воспевает самую го-

рячую любовь вождя-отца, приближает еще более светлое будущее и расцветает.

Превратить Пхеньян в образцовую народную столицу

Пхеньян преобразился неузнаваемо. От Пхеньянского вокзала — ворот в Пхеньян идут улица Инмингун и многие другие, появились площади вдоль реки Тэдон. В восточной части Пхеньяна — на пустыре, где в прошлом проселочные дороги пересекали гаоляновые поля, выросли стройные ряды многоэтажных благоустроенных домов. Множество новых построек, которые радуют глаз своим архитектурным решением, появилось и вдоль реки Потхон, где в период господства японского империализма убогие хибарки лепились к земляному валу, это место было известно как трущобы — «Тхосонран».

В каждом населенном пункте есть густая сеть культурно-просветительных учреждений и различных учреждений бытового обслуживания, много зелени, парков, зон отдыха, все это создает красивый пейзаж. Прозрачные реки, невысокие чудные сопки еще более украшают Пхеньян с его широкими, удобными, густо озелененными улицами и роскошным метрополитеном. Весной, летом и осенью ветер приносит сюда аромат цветов, фруктов со стороны Чунхва, Сунан, Самсок и других окрестностей.

Пхеньян так быстро превратился в крупный город, в город-образец современной цивилизации благодаря горячей любви и глубокой заботе вождя-отца, который уделяет серьезное внимание постройке уютных, красивых домов в соответствии с потребностями народа и с учетом требований действительности.

Заботясь о строительстве более красивых улиц и жилых домов, он, несмотря на загруженность в связи с подготовкой к историческому V съезду Трудовой партии Кореи, разработал проект строительства проспекта Чхоллима и улицы Сосон в Пхеньяне. На местах он давал указания соответствующим работникам о направлении проектировки новых улиц и определял места застройки, касался даже вопросов архите-

ктуры, того, чего они еще не успели обдумать. С началом грандиозного строительства новых улиц он часто бывал у строителей.

Однажды в полдень, находясь на стройке проспекта Чхоллима, великий вождь подозвал проектировщиков. Через некоторое время явились проектировщики, и вождь извинился, что побеспокоил их в часы отдыха, и выразил озабоченность по поводу того, что они выглядят усталыми, наказал им не перегружаться работой, так как только здоровые могут работать много и хорошо.

Обходя с проектировщиками стройку, где работал лес кранов и летели искры сварочных аппаратов, вождь остановился у одного многоэтажного дома.

— Давайте войдем в этот дом.

Проектировщики растерялись. Этот дом был еще не достроен и всюду валялся строительный мусор. Войдя первым в дом, вождь зашел в туалетную одной из квартир и проделал движение умывающегося, он проверял, не задеваешь ли локтями стену, все ли там удобно, и только после этого похвалил, сказав, что туалетная получилась неплохой. Войдя в комнату, он провел рукой по побеленной известью стене и сказал, что наш народ предпочитает обои и посоветовал оклеить стены обоями. Затем он раскрыл дверцу стенного шкафа, потрогал окно и, заметив в одном углу еле заметную щель, сказал, что жильцы не должны увидеть ни одного изъяна в новом доме, куда они переселятся, дал указание повысить качество мебели.

Видя, как внимательно вождь относится к строительству каждого дома и даже к оборудованию в доме, что на все он смотрит глазами народа и проявляет заботу, проектировщики глубже поняли, как должна отразиться эта любовь к народу в проектировке. Благодаря именно такой горячей любви вождя к народу, ставшей незыблемым фундаментом, всего лишь за 10 лет Пхеньян превратился в крупнейший город, вопреки бреду американских империалистов, которые предсказывали, что и за 100 лет его не восстановить. Сегодня на

берегу реки Потхон строится еще одна великолепная, красивая улица, которая не только выделяется своей архитектурой, но и отличается удобствами, которые предназначены для жизни народа.

Бесконечная любовь вождя к народу ускорила строительство, и 8 — 15-этажные здания выстроились вдоль магистрали, образуя проспекты Чхоллима и Сосон, которые были отстроены за какие-то полгода с небольшим и подарены трудящимся столицы. В многоэтажных домах на этих улицах поселились рабочие, ученые, технические работники, работники культуры и искусства. Среди новоселов есть и дети бывших многострадальных «Тхосонрана», которые при японском империализме за 20 лет меняли квартиры 30 раз.

В то время, когда в новых, подаренных вождем-отцом домах на проспекте Чхоллима дети на коленях у родителей пели во весь голос песню о том, что ночью луна и звезды спускаются на подоконник и танцуют, — вождь вынашивал замысел строительства большого, красивого, современного строения в национальном стиле — Народного дворца культуры в центре этого проспекта.

Группа проектировщиков посчитала за высокую честь и гордость, что им поручили эту работу, они принялись за работу, но с самого начала натолкнулась на трудности. Хотя у них и был накоплен опыт по строительству Пхеньянского большого театра и многих других крупных зданий, но величественный Народный дворец культуры с двускатной вверху и четырехскатной снизу крышами был слишком крупным по масштабу и его внутренняя планировка была небывало сложной.

Узнав об этом, вождь, несмотря на занятость руководством на местах, вызвал к себе проектировщиков. Когда проектировщики прибыли к нему, вождь руководил собранием, но он прервал важное собрание и принял их.

Вождь подробно расспросил о работе над проектом и сказал, что он обдумывал со всех сторон этот вопрос, узнав о трудностях в проектировке крыши Народного дворца ку-

льтуры. Он вышел во двор и, показав на красивую крышу дома, в котором проходит собрание, сказал:

— Я позвал вас сюда, думая, что крыша этого дома поможет вам в работе над проектом крыши дворца.

Мягкие линии крыши, двускатной вверху и четырехскатной внизу, на которую указывал вождь, сообщали зданию гармоничность и красоту. Вождь подробно разъяснил, как проходит стреха в этом доме, и остановился на его общей композиции, вплоть до оконных переплет, он отметил, что творения нашей эпохи должны быть чучхейскими, красивее и содержательнее, чем здания прошлой эпохи. Он советовал проектировщикам внимательно изучить этот дом, а также тщательно ознакомиться со старинными строениями, оставшимися в разных уголках страны, и при проектировке использовать лучшее из наследия национальной архитектуры.

Благодаря неоднократным указаниям вождя группа проектировщиков наконец успешно закончила проектировку легкой и красивой крыши, похожей на крылья взлетающего журавля, завершила проект Народного дворца культуры, этого монументального сооружения. Народный дворец культуры состоит из более 500 больших и малых комнат, включая большой зал заседаний на 3000 с лишним мест, зал заседаний за круглым столом, залы для переговоров, читальный зал и кинотеатр в стиле современной архитектуры, с новейшим оборудованием и т. д., он был построен за год с небольшим по нашему проекту, с использованием нашей техники, нашего оборудования и материалов.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен 1 января в новом Народном дворце культуры выступил с новогодней речью и после провозглашения тоста подозвал к себе проектировщиков и строителей. Широко улыбаясь, вождь сказал, что после войны, когда еще не было ни одного кирпича, он думал: когда же мы сумеем построить такой дворец и подарить трудящимся, и похвалил их, говоря, что они осуществили его мечту. Затем он с гордостью представил проектировщиков собравшимся на торжество и сказал, что это преданные товари-

щи, с которыми он работал еще с войны. Он продолжил:

«Это и есть те товарищи, которые осуществили мой замысел строительства».

Еще раз высоко оценив работу проектировщиков, он поднял тост за их здоровье и предложил им поднять рюмки.

«Пейте до дна».

И поднимая рюмку, он сказал:

«Водка эта крепка, но за ваше здоровье и счастье, товарищи, выпью до дна».

Сдерживаемые до сих пор слезы волнения и благодарности потекли по щекам проектировщиков и присутствующих. Они подняли тост за доброе здоровье великого вождя.

Столица революции — Пхеньян процветает и развивается благодаря любви и заботе вождя-отца, отдающего всего себя ради счастья народа.

Так же живут все города и села в нашей стране, не составляют исключения Хамхын, Саривон, Вонсан, Синичжу, Чхончжин, Нампхо, с каждым днем преображаются под яркими лучами заботы вождя-отца, хорошеют изо дня в день вместе с Родиной, излучая свет.

3

И оросительные каналы воспевают благодеяние вождя

Апрель, май и первая половина июня бывают в нашей стране обычно сухими, что плохо влияет на земледелие на суходолах, а в рисосеянии нередко становилось причиной того, что упускали время высадки рисовой рассады из-за нехватки воды. Зато в июле и августе, в дождливый период, часто бывали наводнения, которые приводили к неурожаю.

Подобно тому, как люди в старину успокаивались, если

их дети благополучно переносили корь и оспу, так при японском империализме и крестьяне нашей страны с облегчением переводили дыхание после лишь благополучного конца периода весенней засухи и летних наводнений.

Крестьяне, подвергавшиеся постоянному произволу помещика, должны были терпеть немало бедствий и страданий из-за воды. Во время засухи недостаток воды, а во время больших дождей наводнения были причиной трагедий. Когда не хватало воды, люди часто ссорились из-за небольшой лужицы или слабенького источника воды, а после дождей, когда под водой скрывались и поля, и селения, приходилось людям скитаться в поисках крова и куска хлеба. С плачем уходили из родных мест проданные деревенские девушки, а парни убегали на чужбину — все это обычно бывало во время засухи, когда горели посевы, или в июле и в августе, во время наводнений. Крестьяне, веками терпевшие от засухи и наводнений, могли надеяться лишь на милость божью.

Родившись и проведя детство в бедной крестьянской семье, из поколения в поколение занимавшейся земледелием, вождь-отец слишком хорошо знал об этом. Отдав всего себя борьбе за счастье народа, он всегда относился к страданиям крестьян из-за воды, как к собственным страданиям. Вот почему разъезжая по деревням, ликующим после земельной реформы, он говорил:

«Чего бы это ни стоило, нам надо осуществить вековую мечту крестьян, страдающих от воды... Не дает покоя мысль о том, что крестьяне страдают из-за безводья».

Только благодаря такому вождю в тяжелое для страны послевоенное время широко развернулось строительство Пхеннамской ирригационной системы, которое было начато еще до войны и было включено в 3-летний план, было намечено завершить его за возможно короткий срок.

Строительство Пхеннамской ирригационной системы имело широкий размах: нужно было пробить несколько тунелей через горы, включая 4-километровую, поднять воду реки Тэдон и наполнить ею водохранилище Енпхун и отсю-

да через оросительные каналы общей протяженностью в свыше 3 тыс. *ли* (1 *ли* — *около* 400 м) напоить более 100 тыс. га земли.

В условиях послевоенной разрухи было трудно завершить за 1 год и 8 месяцев великое дело преобразования природы. Только непоколебимое желание вождя претворить в жизнь заветную мечту крестьян о воде и дух народа, поднявшегося по его зову и готового даже сдвинуть горы, позволили преодолеть эти трудности и подать воду реки Тэдон на равнину Ельтусамчхолли.

Сильная засуха стояла и весной 1956 года — в год завершения строительства. Пора пересадки рисовой рассады проходила, но во многих районах не могли высадить рассаду. Вождь, обеспокоенный затянувшейся засухой, вместе с председателем партийного комитета провинции Южный Пхеньан объезжал равнины Анчжу и Ельтусамчхолли — районы, входящие в Пхеннамскую ирригационную систему, чтобы познакомиться с положением в данном районе.

В этой местности на заполненных водой полях уже заканчивали пересадку, забыв о засухе.

Вождь хорошо знал, как страдали в прошлом крестьяне этой местности из-за засухи, и был очень доволен, увидев широкие зеленые поля.

Раньше крестьяне этой местности, по которой текла река Чхончхон, били кулаком по земле и рвали грудь от горечи, что не в состоянии использовать воду из реки, а теперь они стали вести земледелие, орошая поля водой не только реки Чхончхон, но и реки Тэдон.

Встречавшиеся на полях крестьяне, как один, благодарили вождя, радовались, уверенно заявляли, что в этом году обязательно вырастет богатый урожай. Вождь, увидев радующихся крестьян, облегченно вздохнул и поехал дальше.

Но когда вождь уже миновал равнину Ельтусамчхолли, проезжая равнину Чинчхан уезда Пхеньвон, он вдруг остановил машину и вышел из нее. Нахмурившись, он посмотрел на сухое поле, где еще не была высажена рисовая рас-

сада, и, обращаясь к председателю провинциального партийного комитета, ехавшему вместе с ним, сказал:

— Товарищ председатель, посмотрите.

Туда и сюда носились женщины с кувшинами воды на голове. На поле мужчины, на корточках, заостренными палками копали лунки и, заполнив их водой, сажали рисовую рассаду.

Зрелище было таким жалким, что вождь не смог проехать мимо.

— Пойдем, посмотрим.

Подойдя к старику, сажавшему рассаду в лунки, он спросил:

— Выживут?

— Будет дождь, выживут, — не глядя ответил старик, быстрыми движениями копая лунки и сажая рассаду.

— Когда, по-вашему, пойдут дожди?

— После летнего солнцестояния, думаю, пойдут.

— Разве можно в таких условиях заниматься земледелием?

— Что же поделаешь, сажать надо.

Пока они разговаривали, к ним подошли женщины с кувшинами с водой.

— Здравствуйте, — приветливо поздоровался вождь-отец.

— Здравствуйте, дорогой вождь, — ответили женщины, быстро опустив кувшины.

Только тогда поглощенный высадкой рассады старик, с круглыми от удивления глазами, выпрямился, он не знал, что делать.

— Ох, дорогой вождь...

Широко улыбаясь растерянному старику, вождь попросил его и женщин поближе подойти и сказал:

— Как тяжело таскать издалека воду в кувшинах в такой жаркий день.

Но женщины ответили, что они привыкли носить воду на голове и им не трудно.

— Почему не трудно? Трудно.

Сказав так, он обеспокоенно спросил, далеко ли вода, сколько кувшинов приносят за день, вовремя ли они обедают. Сначала женщины не могли ответить толком, стесняясь своей грязной одежды, но скоро они заговорили непринужденно. Вождь снова спросил:

— Часто ли вам приходится сажать рассаду в сухие лунки?

— В этой местности иначе не бывает, — буднично ответила одна женщина. А другая, успокаивая вождя, сказала:

— Не беспокойтесь. Ведь у нас теперь создан кооператив. Носить вот так вместе воду одно удовольствие.

За говорящими женщинами стояла женщина, которая непроизвольно то и дело подносила руку к голове. Вождь догадался, почему она все трогает одно и то же место.

— У вас рана на голове...

Так как разговор шел о том, как трудно носить воду на голове, эта женщина притрагивалась к голове, сама того не замечая. Она покраснела, не зная, что ответить.

— Насколько трудно носить воду на голове! Даже раны возникают на голове... — говорил вождь.

В его голосе звучала неописуемая боль.

Женщина, у которой на голове была рана, засмущалась еще пуще при мысли, что она огорчила вождя.

— Уважаемый Председатель Кабинета Министров, не беспокойтесь. Кончится пересадка рассады, рана сразу заживет. И раньше бывало так.

Но от этих слов лицо вождя становилось еще мрачнее.

Еще сильнее болела душа у него при виде того, как долго страдали крестьяне. Ему было очень горько, что этим трудолюбивым и простым женщинам, которые говорят, что им не трудно и ему не стоит беспокоиться, он не может сейчас сказать, что теперь они не будут носить воду на голове.

Вождь тревожно посмотрел на чеки, где земля потрескалась, на рисовую рассаду, высаженную в лунки, смотрел на поля, где всюду ощущалась заброшенность. Женщины, но-

сившие воду, глядели на него. Лица всех женщин, которые только что непринужденно говорили, посерьезнели. Они винили себя в том, что причинили вождю душевную боль.

С трудом передвигая ноги, повернувшись к стоявшим у кувшинов женщинам и старому крестьянину, сажавшему рассаду, он сказал:

— До свидания. Постараемся сделать все, чтобы облегчить ваш труд.

В машине вождь молча смотрел в окно. Он был серьезен, лицо его имело сердитое выражение. Машина мчалась. За окном исчезли фигуры женщин.

Болью отдавались в сердце вождя страдания этих женщин с ранами на голове, которым каждый год с приходом весны приходилось таскать издалека воду, и хлеборобов этой местности, которые с детства и до седых волос, согнувшись в три погибели, сажали рисовую рассаду в лунки, вырытые в твердом сухом грунте. Словно упрекая самого себя, он сказал:

— Пока не решили мы основательно вопрос с водой, этот наболевший вопрос для крестьян... и еще называемся коммунистами!

Он очень переживал и бичевал себя. Его голос дрожал.

Председатель провинциального парткома сидел тихо, опустив голову, не в силах сказать что-либо. Сильно стучало сердце.

Это говорил вождь, который дал землю крестьянам, осуществил их вековую мечту, направил столько сил страны, чтобы решить вопрос с водой.

Председатель провинциального парткома считал себя виноватым в том, что обеспокоил вождя делами своей провинции, у него перехватило в горле от слов вождя, который болел душой из-за страданий крестьян.

И шофер, боясь нарушить напряженную тишину, осторожно вел машину. Когда они въехали в пхеньвонский уездный центр, вождь приглушенным голосом приказал:

— Разверните, поехали в Чынсан.

Здесь дорога разветвлялась на Пхеньян и Чынсан. Адъютант сказал:

— Вождь, час обеда давно прошел.

— Пообедаем после объезда. И там, наверное, то же, что и здесь.

Как предполагал вождь, и там положение было не лучше, чем в Чинчхан. Много было не обработанных полей, над которыми вилась пыль. То тут, то там виднелись согнутые спины крестьян, высаживающих рассаду в лунки. Два раза вождь останавливал машину, выходил из нее и разговаривал с крестьянами и лишь в сумерках вернулся в Пхеньян. Уходя, вождь взял с собой кустик рисовой рассады, высаживаемой в лунки.

Вернувшись, вождь-отец созвал членов Кабинета Министров. Великий вождь, выслушав о результатах борьбы с засухой, проведенной в последнее время как массовое движение, сказал:

— Сейчас крестьяне без сна борются с засухой. Крестьяне в засушливых районах носят в кувшинах воду и в потрескавшуюся землю сажают кустик за кустиком рассаду в лунки, заполняя их водой. Смотрите. Вот это и есть рассада.

Он положил на стол пожелтевший, болезненный кустик, принесенный с поля, и подробно рассказал, в каком плачевном положении находятся поля из-за засухи, как трудно сажать рассаду в лунки, сделанные в сухом грунте, как женщины носят воду издалека, и о том, что у них даже возникают раны на голове.

В зале воцарилась гробовая тишина. В его горячих словах слышался призыв страдающих крестьян. Это был страстный голос крестьян, которые тысячелетиями мирились с произволом природы, а теперь обращались к первой в своей истории народной власти за помощью.

Члены Кабинета Министров не могли оторвать взгляда от кустика рассады, принесенного вождем, помня его постоянный наказ о том, что работники органов народной власти должны быть слугами народа. Пожухлая рисовая рассада, пустившая корни, выращенная в муках и надеждах кре-

стьян, из поколения в поколение занимающихся земледелием в полной зависимости от неба. Этот кустик на столе вновь вызвал у министров чувство чести и гордости за то, что они управляют хозяйством страны под руководством великого народного вождя, и в то же время заставил их почувствовать свою тяжелую ответственность.

Через три дня пошел дождь. Спустя несколько дней после дождя вождь снова вызвал председателя партийного комитета провинции Южный Пхеньан и пригласил осмотреть те районы, где они были раньше.

На равнине Ельтусамчхолли была в разгаре первая прополка на рисовых полях. На равнине Чинчхан вождь осматривал участок, где в прошлый раз старик сажал рассаду в лунки. Прошедший дождь не дал достаточного количества влаги. На поверхности не было видно воды. Дотрагиваясь до рассады, вождь все повторял про себя: «Выживут ли», словно разговаривал с больным ребенком.

Великий вождь, вернувшись с полей, созвал руководящих работников и велел им ускорить строительство ирригационных сооружений.

Узнав, что эти районы не охвачены Пхеннамской ирригационной системой, он предложил разработать план расширения строительства и протянуть систему до уездов Пхеньвон и Чынсан. Он сказал:

— Будет трудно, но мы должны это сделать. И вы и я едим рис. Когда крестьяне смогут без мук выращивать рис, то люди спокойно будут есть его. Чтобы облегчить страдания крестьян из-за безводья, мы должны произвести это строительство.

После этого совещания работа пошла быстрыми темпами. И уже на следующий год крестьяне уездов Пхеньвон и Чынсан, сажавшие рисовую рассаду в лунки, стали пользоваться благами оросительной системы, сбылась их мечта о воде. Одновременно продвигалось строительство Очжидонской ирригационной системы как массовое движение.

Оросительные каналы, сооруженные благодаря отече-

ской любви вождя, обводняли поля всей страны и приносили богатые урожаи.

Лично подняв факел

Поговорка гласит, что одинаково болят все пальцы, когда их кусаешь. Она говорит о том, что для родителей дороги все дети.

Именно такова любовь уважаемого вождя Президента Ким Ир Сена к нашему народу. Видя крестьян, ликующих от возможности собирать каждый год богатый урожай благодаря искусственному орошению, вождь, не удовлетворившись сделанным, с болью в сердце думает о мытарствах хлеборобов, которые пока что занимаются богарным земледелием, и он, преодолевая все трудности, еще больше расширяет орошаемые площади.

Небольшой Чансувонский сельскохозяйственный кооператив Самсокского района города Пхеньяна находится у подножия горы Тэсон, он состоит примерно из 60 дворов. Из 90 га пахотной земли, расположенной между горами Конобитхар и Танме, только 3 га, орошаемые дождями, заняты под рис, а остальная площадь тощая и каменистая. Здесь росло немного фруктовых деревьев. Земельная реформа избавила крестьян от нищеты, в результате кооперирования значительно улучшилась их жизнь. Но пока она не достигла уровня жизни крестьян плодородной равнины.

Вождь обращал на их жизнь особое внимание, подобно тому как родители больше заботятся о больном ребенке. Он часто посещал Чансувонский сельхозкооператив, вместе с кооператорами осматривал поля, советуя им, на каком участке какую культуру сеять. Тем не менее их жизнь не улучшалась так быстро, как хотел бы того вождь.

18 января 1957 года любимый вождь Президент Ким Ир Сен вновь приехал в Чансувонский сельскохозяйственный кооператив. В то время полным ходом шла работа по расширению Пхеннамской ирригационной системы, началось строительство Очжидонской ирригационной системы, завершалось осуществление проекта по созданию Киянской ирригационной системы, протяженность которой превысит

1600 км и которая обводнит свыше 50 тыс. га. В такой момент вождь-отец вновь посетил крестьян этой горной местности, где было очень мало поливных рисовых полей.

Сидя на циновке рядом с кооператорами в комнате демократической пропаганды, он обсуждал различные вопросы, связанные с жизнью крестьян. После небольшой паузы вождь сказал:

«...Каша вкуснее, если она сварена из риса, выращенного своими руками в своем краю. Думается, что нельзя лежать под сливой и ждать, чтобы она сама попала в рот».

Перед отъездом вождь задумчиво осматривал заснеженные поля. Кооператоры не знали, зачем он в мороз осматривает поля.

После того, как вождь покинул село, кооператоры стали принимать меры по претворению в жизнь его указаний. Но им и в голову не приходила мысль о превращении суходольного поля в поливное рисовое. Прежде всего не было воды. К тому же почва здесь каменистая, вода просто могла уйти, если залить поля. Люди полагали, что такие земли трудно орошать без достаточного количества воды.

Эта тема не сходила с языка уже третий день. Шел снег с дождем. День был ненастный. Крестьяне обменивались мнениями по предстоящим сельскохозяйственным работам, собравшись в комнате демократической пропаганды. На дворе послышался гул машины. Кооператор, сидевший у двери, вышел во двор, вдруг раздался его взволнованный голос: «Родной вождь!»

Все торопливо выбежали во двор. Вождь, стряхивая с себя снег, здоровался с растерявшимися крестьянами, которые не знали, что и делать.

Вождь вошел в комнату и сказал, что он хотел приехать раньше, но не смог из-за занятости, и спросил, думали ли крестьяне о превращении суходольных полей в заливные? Председатель правления подробно изложил, какие вопросы они обсуждали в эти дни. Вождь задумался о чем-то и обратился к сидящему рядом старику:

«Дедушка, давайте вспомним, как мы дома получаем

ростки соевых бобов. Если не ставить под решето лохань, то потребуется несколько десятков кувшинов воды. Но если ставить под решето лохань, то в ней накопится вытекающая из решета вода, и ее можно снова использовать. Так можно получить много ростков соевых бобов, затратив немного воды. Вполне можно было бы поливать поля, используя воду таким же способом».

Крестьяне легко поняли его слова, и сразу был решен вопрос, над которым они долго ломали голову и который считали неразрешимым. Уважаемый вождь всегда разговаривает с рабочими языком рабочих, с крестьянами — словами крестьян. Он мыслит и действует, ставя себя на их место, так что его речь не может быть непонятна народу.

Окрыленный словами вождя, один из стариков сказал, что в ущелье Чачжак есть родник. Вождь, внимательно выслушав его, предложил, несмотря на позднее время, пойти посмотреть родник и поднялся с места. Кооператоры с удивлением смотрели друг на друга. Они не могли повести вождя в ночной темноте по скользкой тропинке, покрытой мокрым снегом. Но вождь уже был во дворе. Председатель правления, выходя торопливо за ним, уговаривал:

— Дорогой вождь, отложим до следующего дня.

Все кооператоры выбежали из комнаты и озабоченно смотрели на него.

Вождь-отец велел адъютанту приготовить факел и обратился ко всем:

«Вы, видимо, боитесь, что я оступлюсь в снег, но ведь когда мы боролись в горах, я вместе с бойцами не раз ходил в походы, продолжавшиеся по нескольку дней, проваливаясь в глубокий снег. Я готов идти под снегом и дождем, если это даст вам возможность питаться рисом...»

Крестьяне, намеревавшиеся уговорить вождя не ходить, с повлажневшими глазами стояли, как вкопанные. Вождь говорил обо всем этом, как о чем-то обычном, но его нехитрые слова глубоко запали в души людей.

На протяжении 15 лет он боролся во имя Родины и народа в заснеженной тайге, где выла вьюга, а сегодня снова

идет под снегом и дождем по крутой тропинке, говоря, что готов еще и еще раз повторять все это, если это даст крестьянам возможность питаться рисом.

Все почувствовали, как к горлу подступает горячий комок, и не смогли больше удерживать его.

Великий вождь зажег факел. Усиливался мокрый снег, но вождь шел впереди с факелом в руке. Кооператоры шли за ним. Издалека был виден поднятый вождем факел сквозь тьму, снег и дождь.

Сельчане, идущие за вождем по освещенной им ночной дороге, были охвачены неописуемым волнением.

Они видели перед собой благородный облик вождя, освещавшего факелом дорогу, по которой должен идти народ. Он поднял факел, когда японский империализм лишил нашу нацию отечества и она изнывала во мраке, и с тех пор никогда не выпускал этот факел из руки, неизменно освещая народу путь вперед.

Вождь то и дело останавливался и, стоя под снегом с дождем, освещал дорогу, поджидая отставших.

Не только они, но и весь корейский народ никогда не забудет облика любимого вождя, каким он был в эту ночь. И наши потомки будут помнить, что их счастье было уготовано любимым вождем, который шел впереди всех, высоко подняв факел.

Вождь вместе с сельчанами добрался до ущелья Чачжак. Он знал, что здесь сходятся три оврага, и полагал, что в таком месте обязательно будет вода. И действительно был обнаружен родник. Вождь обрадовался и осмотрел все вокруг, подняв факел, потом сказал, что целесообразно соорудить здесь водохранилище. Он долго осматривал лощины и склоны, куда падал снег с дождем, и лично определил место для будущей плотины. Его мокрая одежда совсем замерзла и хрустела при каждом шаге вождя. Но он, не обращая внимания, прикидывал, сколько воды накопится, если расширить родник, какого объема будет водохранилище.

В ту ночь, когда вождь был в селе, у всех горел свет. Все возбужденно работали: кто готовил большие лопаты для работы втроем, кто оттачивал кирки. На следующий день ни свет ни заря все село вышло на строительство водохранилища.

На третий день после начала строительства уважаемый вождь вновь посетил село, осмотрел стройку и разрешил возникшие вопросы, проявляя тепло и заботу.

По его совету крестьяне соорудили в ущелье водохранилище, а чуть ниже еще один водоем для сбора воды, вытекающей из водохранилища, таким образом они полностью использовали воды источника. В результате в этом году они превратили 15 га земли в поливные рисовые поля, на столе у них появился рис, выращенный их руками. В 1958 году, когда все кооперативы села объединились в единое хозяйство, этот кооператив превратился в одну из бригад Чансувонского сельхозкооператива. После укрупнения хозяйства сельчане уже смогли поднять воду издалека и оросить еще 40 га земли. Сейчас эта бригада обрабатывает 57 га поливных рисовых полей, 29 га суходольных и 12 га фруктового сада.

Таким образом, вождь не жалел сил, чтобы дать возможность питаться рисом крестьянам этой местности, о которой говорили, что она не пригодна для орошаемого рисоводства.

Великий вождь широко организовал строительство крупных ирригационных сооружений, в том числе Амнокканской ирригационной системы, способной обводнять свыше 50 тыс. га, и одновременно развернул по всей стране строительство ирригационных сооружений небольших размеров. В итоге только на берегах реки Тэдон появилось много насосных станций.

Спокон веку вода течет с высокого места в низкое, но отныне в Корее вода потекла вспять снизу вверх.

Однажды над перевалом Амсо, находящимся на границе между уездами Сукчхон и Пхеньвон провинции Южный Пхеньан, какой-то путник спросил у местного кре-

стьянина, указывая на воду, текущую по оросительному каналу:

— Куда течет эта вода?

— Вон туда, — показывая на высокую гору, ответил крестьянин.

Путник думал, что он шутит, но крестьянин сказал правду. Здесь орошали поля, подняв воду на гору высотой в 108 метров. Везде воду поднимают по третьей и четвертой ступеням. Теперь слова «поле, орошаемое только дождем», можно найти лишь в словаре.

Чтобы избавить крестьян от засухи, вождь выдвинул инициативу орошения не только поливных рисовых, но и суходольных полей и добился широкого размаха этой работы.

Благодаря ирригации, осуществленной вождем, раз и навсегда исчезла засуха в деревнях северной части КНДР.

И новому поколению не так легко будет объяснить, как засуха мучила их отцов и дедов.

Воды рек текли бесполезно в море, а теперь они впадают в бесчисленные водохранилища, созданные благодаря глубокой заботе великого вождя, а потом протекают через шлюзы и орошают поля, журча под ногами крестьян. Кроме сел и дорог, все земли превращены в поливные рисовые поля; даже в те районы, где раньше путника угощали миской каши, если тот просил ее, но не могли подать чашку воды, прилетают водоплавающие птицы. Люди не удивляются, когда увидят чаек в долине, расположенной в 40 — 80 километрах от моря, — ведь тут раскинулось искусственное озеро, напоминающее море.

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен хочет добиться счастья для всех крестьян без исключения. Подобно тому, как его горячая любовь распространяется на весь народ, так и оросительная система охватила все уголки страны. Теперь вся страна покрыта густой сетью ирригационных сооружений и Корея стала «страной ирригации».

Сегодня люди всего мира восхищаются совершенной ирригационной системой нашей страны и завидуют ей.

Они завидуют нашему народу, живущему счастливо под руководством великого вождя, который за короткий срок решил вопрос орошения полей, мучивший веками крестьян, и положил конец трагедиям, вызываемым засухой и наводнениями, и дал народу живительную влагу, приносящую радость, и выражают глубочайшее почтение великому вождю Президенту Ким Ир Сену.

4

В августе 1958 года движение за кооперирование сельского хозяйства завершилось исторической победой под энергичным руководством великого вождя Президента Ким Ир Сена. Благодаря этому наша деревня превратилась в социалистическую, где ключом бьет новая жизнь, а наши крестьяне, избавившись навсегда от эксплуатации, стали социалистическими тружениками.

Великий вождь отдавал все силы, чтобы крестьянам было легче выполнять трудоемкие работы, и направил в кооперированные деревни большое количество тракторов, автомобилей, современных сельхозмашин, удобрений и ядохимикатов.

Вождь решил наладить серийное производство машин, необходимых для сельского хозяйства, руками нашего рабочего класса, опираясь на принцип опоры на собственные силы, а не ввозить их из-за границы. Это был путь скорейшего осуществления механизации сельского хозяйства, ставшей насущной задачей.

Разумеется, на этом пути встретится немало трудностей. Но изготовляя своими руками машины, люди поверят в свои силы, будут шевелить мозгами и разовьют у себя чувство национальной гордости.

Замысел вождя-отца был высок и глубок.

Чтобы дать машины крестьянам

Во время руководства работой провинции Южный Хамген великий вождь посетил один из сельхозкооперативов уезда Хоньвон. Знакомясь с жизнью кооператива, он спросил крестьян об их трудностях. Кооператоры ответили, что у них нет никаких затруднений, хотя у них и были те или иные незначительные трудности. Вождь еще раз попросил их высказать все без утайки. Тогда одна крестьянка встала с места и сказала:

— Дорогой вождь, нам, женщинам, трудно таскать груз на голове.

Великий вождь внимательно слушал ее. Он понял ее слова, как выражение мечты крестьян выполнять трудоемкие работы машинами, как страстное желание произвести техническую революцию на селе, к которой он уже планировал приступить.

С детства вождь с болью в сердце смотрел, как крестьяне изнывают от тяжелой работы, а после освобождения страны, видя, что труд крестьян по-прежнему остается изнурительным, он думал об облегчении труда земледельца. И теперь, когда уже завершилось кооперирование сельского хозяйства, слова этой женщины запали в сердце вождя.

Задумавшись на минутку, вождь со светлым выражением лица сказал: **«Это сигнал к техническому новаторству».**

В словах простой крестьянки вождь услышал горячее желание всех крестьян вести земледелие легче и производительнее при помощи тракторов, автомашин и другой сельскохозяйственной техники. В соответствии со своим замыслом и желанием крестьян, он решил дополнить преобразования в деревне технической реконструкцией.

С целью претворения идеи механизации сельского хозяйства в жизнь в октябре 1958 года великий вождь посетил Киянский тракторный завод. Он считал себя крестьянским делегатом и от имени крестьян выражал рабочему

классу их сокровенную просьбу оснастить деревни машинами.

Когда вождь сказал, что приехал обсудить вопрос о немедленном выпуске тракторов для деревни, руководители и рабочие этого завода удивились этому и не могли сразу ответить. Это и понятно: до сих пор здесь производили лишь простые сельхозмашины вроде молотилок для кукурузы, а об изготовлении таких сложных машин, как трактор, не могли и думать.

До освобождения страны это был маленький химический завод, к тому же он превратился в пепелище вследствие развязанной американскими империалистами войны. После прекращения войны завод восстанавливали в тяжелых условиях. Рабочие подвозили запчасти к машинам и металлолом на повозках. Вождь, посетивший завод в такое время, осмотрел жестоко разрушенные цеха, где не уцелел ни один столб, и сказал: «Раз так, то следовало бы не восстанавливать химический завод, а построить новый завод сельскохозяйственных машин». Уже тогда у него зрел план превращения этого района в крупную базу тракторостроения нашей страны. Сначала рабочие этого завода, соорудив небольшую кузницу, изготовляли серпы и мотыги для деревни, а затем стали выпускать сельхозмашины с ручным приводом, затем на тягловой силе, а потом на механической тяге.

Вождь лучше всех знал, как трудно будет выпускать на таком заводе тракторы своими силами, не имея опыта и чертежей. Однако он полагал, что, выпуская машины своими руками, преодолевая трудности, рабочие освоят технику, накопят опыт и, что важнее, приобретут революционный дух опоры на собственные силы и обретут уверенность, что можно развивать сельское хозяйство, создавая собственными силами сложные сельхозмашины.

Твердо веря в революционный энтузиазм рабочего класса, великий вождь открыто говорил рабочим о сложившемся в стране положении, о том, что крестьяне с нетерпением ждут тракторов.

Он говорил, что нужно много тракторов, чтобы машины пахали, сеяли, перевозили удобрения, убирали, молотили, чтобы их можно было использовать и в строительных работах на селе, чтобы избавить крестьян от тяжелого труда. Он говорил, что даже если нашей стране требуются 35 тыс. тракторов и если импортировать каждый год по 3500, то потребуется более 10 лет, и подчеркнул, что нельзя полагаться только на других, поэтому следует производить машины своими силами, проявляя смелость и находчивость.

Страстное желание вождя скорее дать машины крестьянам взволновало рабочих, выполнявших трудные работы, и его твердая вера придала силу рабочему классу. Рабочие поклялись изготовить своими силами трактора.

Глядя на них с доверием, великий вождь сказал:

«Партия верит вам, товарищи.

Я глубоко убежден, что вы справитесь с этим партийным поручением!»

Вождь избавил крестьян от феодального ига, осуществив земельную реформу, и превратил их путем кооперирования сельского хозяйства в социалистических тружеников — в свободных от эксплуатации людей. Теперь он горячо призывает рабочих дать крестьянам современные сельхозмашины и избавить их от тяжелого труда.

Трактор марки «Чхоллима»

После визита вождя киянские рабочие в знак преданности ему взялись за выпуск опытного образца трактора. Но перед ним вставали необычные трудности. Самая большая трудность заключалась в том, что не было ни одного чертежа.

Великий вождь был готов к этому и прислал заводу два трактора, чтобы там их разобрали и сняли чертежи. Инженерно-технические работники вычертили чертежи, используя снятые детали, а рабочие обрабатывали заготовки по чертежам и сопоставляли их с подлинниками.

Не просто было оттачить 2000 деталей из заготовок, не

ствечающих стандартам. Им пришлось изготовлять задние колеса, сваривая стальные листы газосваркой, так как не было пресса. Коробку рефлектора вместо прессовки обрабатывали молотом. Рабочий класс Кияна выдержал испытание, глубоко осознав, что его труд не ограничивается решением технико-практической проблемы вроде шлифовки деталей, его труд — священная борьба за то, чтобы претворить намерения вождя — оснастить деревню тракторами — и с честью оправдать его доверие.

Благодаря их трудовой борьбе производство опытного трактора наконец вступило в стадию сборки. Узнав об этом, все рабочие завода испытали радость и волнение. Каждый день после своей работы они приходили туда, где собирали трактор, чтобы помочь сборщикам, чем можно. Приходили и семьи рабочих и просили работу. И сборщикам пришлось отгородить участок от искренних добровольцев, чтобы они не «мешали».

Так был собран опытный образец, испытание проходило при участии большой толпы. Водитель завел трактор, и все ждали, затаив дыхание. Раздался мощный гул, и собравшиеся с радостными возгласами бросились обнимать друг друга. Они видели в этом начало механизации на селе.

Но, к великому удивлению, трактор шел не вперед, а назад. Люди думали, что водитель включил не тот рычаг, и кричали: «Давай вперед! Давай вперед!»

Водитель вспотел, но трактор все пятился и наконец остановился. Казалось, всему конец. На лицах было написано отчаяние. Рабочие падали на землю, бия себя по коленям. Женщины топтали ногами и закрывали руками лица, досадуя на трактор, который не подчинился огромным усилиям мужчин.

Сообщили директору, что его вызывают к телефону. Тот побежал, взял трубку и не знал, как быть. Звонил вождь-отец. Директор чувствовал, как у него пересыхают губы. Как доложить об этом вождю, который так ждет

трактора! Директор не мог ответить. Догадавшись в чем дело, вождь попросил рассказать все по порядку. Выслушав доклад директора, он молчал с минуту и успокаивающим голосом сказал:

— Это большой успех наших рабочих, собравших трактор без единого чертежа. Не надо падать духом перед неудачей, надо закончить сборку.

Директор вернулся с повлажневшими глазами и передал слова вождя. Сначала лица рабочих засияли радостью, но тут же помрачнели. Струями потекли слезы по их щекам.

— Простите, дорогой вождь!.. — один из рабочих сказал дрожащим голосом и упал на колени, ударяя себя по груди.

У всех вздрагивали плечи. Они не испытывали бы такую боль, если бы вождь отчитал их за неудачу. Но он сказал, что они добились немалых успехов, и выразил уверенность, что их ждет удача. Рабочих охватило волнение, их мучило угрызение совести.

— Ребята, некогда нам прохлаждаться, давайте за дело! — крикнул кто-то, и все вскочили и побежали к рабочему месту.

Монтажники и специалисты, снова взяв в руки молоты и гаечные ключи, то разбирали, то собирали детали трактора. Вскоре туда, где шел сбор трактора, приехали опытные специалисты и преподаватели технического вуза, посланные вождем. Таким образом, через 35 дней с начала работы был изготовлен стальной конь — символ преданности рабочих.

Рабочие сели на трактор, сделанный в Корее, убранный цветами, и направились не в поле, а к вождю-отцу, который был инициатором и организатором производства сельхозмашин в Корее. Крестьяне, работавшие на полях, услышав веселое гудение трактора, напоминающее мычание былинного стального быка, выбежали на дорогу. Они окружили трактор и плясали, радостно вскрикивая.

Трактор добрался до площади ЦК партии. Великий вождь вышел навстречу, погладил красный корпус машины, словно ценнейшее сокровище, и сказал:

— Значит, трактор сам прикатил сюда!

Он сказал взволнованным голосом:

— Ну, включите мотор.

Когда загудел трактор, вождь заговорил громче:

— Пошли!

Трактор пошел, будто ожидал его приказа.

Вождь сказал: «Давай быстрее!» — и машина полным ходом сделала круг по площади.

Когда трактор остановился перед вождем, как укрощенный скакун, великий вождь, с удовольствием глядя на водителя, сидящего за рулем, сказал:

— Отлично! Спасибо!.. Вы, товарищи, развеяли еще один миф своей мужественной борьбой.

Вождь просил передать рабочим Киянского тракторного завода свою благодарность от имени ЦК партии и Кабинета Министров.

На месте, где произошло это знаменательное событие, вождь лично дал трактору название «Чхоллима». Так трактор марки «Чхоллима» №1, сотрясая землю, умчался на поля, где его ждут крестьяне, как вестника, оповещающего о скором прибытии большой армии механизаторов. И через год из Кияна были отправлены 3 тыс. тракторов. А рабочий класс Токчхона, осуществив волю вождя, выпустил 3 тыс. грузовиков.

Так началось грандиозное шествие по механизации сельского хозяйства, поразившее весь мир.

Это было событием, выходящим за предел возможного, которое трудно представить себе людям. Не случайно, что один иностранный журналист, прочитав в газете сообщение о выпуске 3 тыс. тракторов в Корее, не поверил этой цифре, так как Корея совсем недавно дала первый трактор как опытное изделие, и уточнил факт, лично приехав в Киян.

Таким образом, в нашей стране произошло чудо, поразившее людей всего мира. Но это не является чудом для людей, знающих личные качества вождя-отца, который с пламенной любовью к народу вложил всю душу в создание этого трактора и грузовика, который с целью избавить крестьян от тяжелого труда посещал и ночью под дождем и на рассвете, когда дул холодный ветер, рабочих, собиравших машины, дал им силы и знания, вдохновил их на подвиг. Ибо на свете нет ничего горячее и крепче, чем любовь вождя, желающего дать народу счастье.

5

Великий вождь Президент Ким Ир Сен энергично руководил работой всадников Чхоллима, чтобы они развернули движение за массовое новаторство в социалистическом строительстве в тесном сочетании с массовым движением за коммунистическое воспитание и перевоспитание трудящихся.

Вдохновляясь указаниями вождя, всадники Чхоллима под лозунгом «Один за всех, все за одного» усиливали борьбу за искоренение индивидуализма и эгоизма, наследия старого общества, и вооружение коллективизмом, за претворение в жизнь идей вождя — дорожить и любить человека по-революционному.

В результате в хозяйственном строительстве с каждым днем творились чудеса и новаторства, вместе с тем резко изменился морально-духовный облик людей. В нашей стране, где осуществился великий замысел вождя, меняли свой облик и природа, и общество, и человек.

В этих условиях, в августе 1960 года великий вождь Президент Ким Ир Сен созвал Всереспубликанский слет передовиков движения за звание бригады Чхоллима. На

слете он произнес историческую речь **«Всадники Чхоллима — герои нашей эпохи и красные бойцы партии».**

Среди широких масс, всем сердцем воспринявших указания великого вождя, развернулось мощное движение за коллективное новаторство, движение за любовь к человеку, активизировалось движение за воспитание и перевоспитание людей.

Искренняя любовь к человеку

Это было утром 15 февраля 1961 года. Великий вождь Президент Ким Ир Сен спросил личного врача, пришедшего осмотреть его, читал ли тот сегодняшний номер газеты «Минчжу чхоннен», затем сказал взволнованным голосом, что там помещена очень трогательная заметка, и посоветовал прочитать ее.

В ней сообщалось следующее.

Дети играли с огнем. У 8-летнего мальчика Пан Ха Су сгорел ватник, и он получил сильные ожоги на всем теле. Мальчик был срочно доставлен в больницу при Хыннамском комбинате химических удобрений. Казалось, что спасти его невозможно. Ожог третьей степени занимал 48 проц. тела. История мировой медицины не знала примера спасения такого больного. Но не упали духом хирурги больницы, медработники эпохи Чхоллима, отвечающие за жизнь и здоровье народа. После оказания первой помощи они предприняли все возможное, созвали консилиум.

Врачи и медсестры, всегда считавшие своим кредо указания любимого вождя о том, что в работе в здравоохранении важнее всего искренняя любовь к человеку, прилагали все усилия к лечению больного. Благодаря их самоотверженности уже более 70 дней поддерживалась жизнь мальчика, находившегося на грани смерти. Одно это уже было чудом, но все-таки никак не могли найти средства для излечения. Заведующий хирургическим отделением пришел к выводу, что только пересадка кожи спасет мальчику Пан Ха Су жизнь и он сможет жить в лучезарном коммунистическом обществе. Надо было делать пластичес-

кую операцию. Но ожоги были так обширны, что нужно взять кожу по крайней мере у ста с лишним человек. И не попросишь же у любого встречного отдать свою кожу.

В то время в больнице проходили практику 17 студентов Хамхынского мединститута. Они, имея представление о пересадке кожи, догадались, почему заведующий хирургическим отделением часто задумывается, и обсудили этот вопрос. Далеко за полночь практиканты пришли к нему и попросили взять у них кожу для операции. Тронутый этим заведующий не мог вымолвить ни слова и крепко сжимал их руки.

Узнав об этом, медсестры тоже заволновались. Они уверяли, что сначала надо брать кожу у них, поскольку операцию делают больному, за которым они ухаживают. Их примеру последовали и врачи, и медсестры, и няньки из других отделений. Даже больные предлагали свою кожу.

Чтобы начать операцию, пришлось с большим трудом уговорить всех собравшихся у операционной и желавших отдать свою кожу, чтобы они соблюдали тишину. В этот день для первой операции по пересадке использовали кожу, взятую у 38 человек, включая самого заведующего хирургическим отделением. А когда подсчитали, то обнаружили, что был пересажен 41 кусок кожи. Оказалось, кто-то из медработников самолично вырезал свою кожу. Такое могло быть только среди медработников.

Первая операция прошла удачно. Появилась возможность спасти мальчика.

Узнав об этом факте из статьи в газете, вождь-отец Президент Ким Ир Сен не мог успокоиться от радости. Какое благородное дело — спасли мальчика! Это новая жизнь, возрожденная любовью нашего народа. Молодцы наши медработники! Как красив и высок духовный мир наших людей! Как сильно наше общество, в котором такие люди объединены в большую дружную семью, как родные братья!

Словно видя перед собой мальчика, прибегающего вместе со спасителями, вождь со светлой улыбкой на лице передал по телефону руководящему работнику ЦК партии просьбу опубликовать большую заметку об этом событии. Потом он быстро написал поздравительное письмо и отправил с ним руководящего работника в Хыннам.

В нем была следующая фраза:

«...Вы, товарищи, показали своим действием благородство коммунистов, которые безгранично любят человека, дорожат больше всего жизнью человека, считают боль других своей собственной, преданно служат народу и отдают всего себя во имя счастья народа».

Позже на митинге жителей города Хамхына, посвященном пуску виналонового завода и майскому празднику, вождь еще раз высоко оценил поступок славных медработников, спасших мальчика самоотверженным трудом. Заведующий хирургическим отделением, представитель практикантов — студентов Хамхынского мединститута и медсестра, ухаживавшая за больным, взяв за руку выздоровевшего мальчика Пан Ха Су, поднялись на трибуну и низко поклонились вождю. Он обрадовался и взволнованным голосом говорил, оглядывая стоящих рядом руководящих работников:

«Вот он Пан Ха Су! Этот мальчик Пан Ха Су! Его спасли от верной смерти. Это сын Трудовой партии! Сын Трудовой партии, сын Трудовой партии! Этот заведующий и другие пересадили ему свою кожу. Мальчик получил кожу коммунистов! Все они и есть коммунисты!»

Вождь считает, что коммунистическое общество должно стать обществом, где люди не только избавились от пут и живут культурно и счастливо, где есть все возможности для расцвета в полной красе их духовных сил. Вождь, не терпящий отжившее, прогнившее, скверное, испытывает большое волнение, видя новое и прекрасное даже в зародыше, и не упускает случая проявить заботу об этом новом и вырастить его, сделать это новое общим.

7 марта 1960 года в Пхеньяне состоялся митинг по

случаю 50-летия Международного дня женщин — 8 марта при участии вождя-отца.

После митинга он пригласил в зал ожидания нескольких женщин, среди которых была и девушка-мотальщица Пхеньянской кокономотальной фабрики Кир Хвак Сир.

Она, осуществляя волю вождя — воспитать и перевоспитать всех людей и сделать их людьми коммунистического склада, превратила отсталую бригаду в бригаду Чхоллима, потом добровольно перешла в другую бригаду, где ниже зарплата и много людей, не выполнявших плановое задание, и превратила ее тоже в бригаду Чхоллима.

Вождь встретил девушку с широкой улыбкой на лице и тепло пожал ей руку.

— Товарищ Хвак Сир, вы работали очень хорошо, — похвалив, вождь посадил девушку рядом. Он радовался ее успехам, как своим собственным, и высоко оценил поступок, достойный революционера, — она добровольно взялась за трудное дело. Он убедился, что поскольку работа по воспитанию и перевоспитанию людей превратилась в дело самих масс, то это трудное дело непременно увенчается победой.

В тот день великий вождь Президент Ким Ир Сен дал Кир Хвак Сир программные указания, которыми должны руководствоваться все всадники Чхоллима.

Он подчеркнул:

«Нам следует воспитывать и перевоспитывать всех людей и всем вместе идти в коммунистическое общество — высший идеал человечества.

Среди нас есть отстающие люди. Но не бывает от рождения отстающих.

Следовательно, может быть разница в сроках воспитания и перевоспитания, но нет человека, которого нельзя перевоспитать».

Он видит в отстающих будущих передовиков. Он считает, что люди, у которых еще немало пережитков грязной капиталистической идеологии, смогут жить идеями и моралью коммунистического общества. Незыблемая вера в

дело революции позволяет смотреть на все оптимистически.

Неизмеримо велики и широки объятия вождя, который хочет повести весь народ к коммунизму, исключая лишь горсть враждебных элементов. Он говорил тихим и спокойным голосом, но его беспредельное великодушие вызвало в душе слушателей большой отзвук и волнение.

Поддерживая благородную волю вождя, повсюду в стране, во всех бригадах развернули сложную и трудную работу по воспитанию и перевоспитанию людей в коммунистическом духе.

В промышленном городе Хамхыне был такой случай.

Агитатор одной бригады Рёнсонского машиностроительного завода заметил, что юноша из его бригады, какой-то нелюдимый, часто впадает в аппатию и не проявляет активности в работе. Он то уговаривал юношу, то вовлекал его в круг веселившейся молодежи. Но все это помогало лишь временно. Позже агитатор узнал сдедующее.

У этого грустного юноши была старшая сестра, но их раскидала в разные стороны война и юноша не знает, где она. Если бы подтвердилось, что она погибла, то боль постепенно, может быть, и притупилась, но кто-то сказал, что видел ее после перемирия. Юноше не давала покоя мысль о сестре, и он ощущал одиночество, тоскуя по ней.

Узнав все это, агитатор остро пережил из-за него. Ему хотелось во что бы то ни стало отыскать его сестру. Он разослал письма повсюду, где, по его мнению, была хоть слабая зацепка. Он написал сотни писем, но безуспешно. Он по выходным дням выезжал в те места, где, казалось ему, можно что-то услышать о ней. Так он объездил все места, куда можно было добраться за день. Он посвятил этому делу даже свой.годовой отпуск. Он побывал и в отдаленных городах, он бегал из одного домкома к другому в надежде найти женщину, о которой он ничего не знал, кроме имени и возраста, и, наконец, в 173-м домкоме нашел сестру этого юноши.

В то время, когда сестра и брат, обнявшись, плакали от радости, агитатор думал вот о чем: они встретились после стольких лет разлуки и теперь надо сделать так, чтобы они жили вместе в одном доме. Неженатый брат жил в общежитии. Тогда агитатор уступил им свою квартиру, а сам переселился к родственникам.

Так менялся духовно-моральный облик наших трудящихся. Знающие учили незнающих, идущие впереди подтягивали отстающих, все вместе искренне помогали тому, кто находился в трудном положении, совместными усилиями преодолевали то, что одному не под силу, воспринимая как собственное дело, строили таким образом социализм и коммунизм материально и духовно.

Так движение Чхоллима, пламя, зажженное великим вождем, овладело сердцами людей и охватило могучим потоком миллионные трудящиеся массы.

Дороже миллионов тонн риса

В январе 1961 года великий вождь руководил на месте работой села Рихен района Сынхо (ныне село Рихен Садонского района) города Пхеньяна.

Из доклада и прений кооператоров на общем собрании сельской парторганизации, он узнал, что партийная организация хорошо работала с членами партии, с массами, в результате чего было налажено земледелие и улучшилась жизнь кооператоров, этим он был очень доволен.

После выступлений членов партии вождь оглядел зал заседания и сказал, что надо, чтобы выступали и женщины — члены партии. Слово взяла Ли Син Чжа — агитатор 8-й бригады.

— Когда меня назначили агитатором, уровень жизни наших кооператоров был еще низок по сравнению с другими. Сначала я думала, что причина в неплодородии нашей земли, — так она начала. Основное содержание ее выступления было таково:

Ли Син Чжа начала думать над тем, нет ли других путей для улучшения жизни сельчан. Как раз в это время

великий вождь в течение 15 дней руководил на месте работой села Чхонсан уезда Кансо провинции Южный Пхеньан, и в ходе этого руководства создан был великий дух и метод Чхонсанри.

Основа метода Чхонсанри заключается в том, что вышестоящие органы помогают нижестоящим, руководящие работники оказывают помощь подчиненным, находясь на месте производства, глубоко вникают в положение дел и принимают правильные меры по разрешению проблем, во всех делах ставят во главу угла политическую работу, работу с людьми и выполняют революционную задачу, мобилизовав сознательный энтузиазм и творческую инициативу масс. Этот метод Чхонсанри совершил революционный переворот в методе работы всех работников, осветил, как маяк, путь и для Ли Син Чжа — агитатора кооператива.

Она подумала, что для улучшения показателей в земледелии надо в любом деле умело работать с кооператорами, разъяснять все с позиции политики, чтобы и отстающие все поняли и начали отдавать силы и знания работе. Она использовала время перерыва, уходила с поля и шла в поле вместе с членами своей бригады и разъясняла им содержание указаний вождя в селе Чхонсан и говорила о том, что надо хорошо работать и тогда можно будет жить не хуже других.

Хотя среди кооператоров было немало трудолюбивых с высоким идейным уровнем, но были и такие, кто еще не избавился от старых привычек, работал недобросовестно: одни не выходили на работу, работали у себя на огороде, другие сидели дома, ссылаясь на больных детей, когда те были здоровы. Они-то и были предметом пересудов — притча во языцех в кооперативе.

Слушая пересуды, агитатор переживала за этих людей, виня себя, что не сумела помочь им. Но когда она пыталась оказать отстающим помощь, они не воспринимали это как должное. Они отмахивались от нее, как от назойливой мухи.

Не раз ей хотелось обругать их на чем свет стоит. Но она брала себя в руки и снова и снова изучала указания вождя в селе Чхонсан и политику партии. Она сама глубоко осознала, что нельзя добиться успеха, используя лишь один метод работы. По примеру всадников Чхоллима, она во всех делах ставила на первый план политическую работу, работу с людьми.

Если кто-то говорил, что надо идти за дровами, она об этом сообщала в правление кооператива и обеспечивала дровами, если у кого-то грязно в доме, то она вместе с молодежью шла туда и наводила чистоту — оклеивала стены обоями и убирала, в то же время разъясняла политику партии и перспективы кооператива. В результате все кооператоры постепенно стали считать хозяйство кооператива своим и работать добросовестно.

— Эти успехи, — заключила она, — были достигнуты не потому, что я работала хорошо, а потому, что претворяла в жизнь указания Председателя Кабинета Министров Ким Ир Сена, данные им в селе Чхонсан.

Великий вождь, внимательно слушавший Ли Син Чжа, похвалил ее и с удовлетворением сказал: **«Вы и есть настоящий коммунист»** — и продолжил:

«Сейчас наша партия и ее члены взялись именно за это самое трудное дело — воспитывать и перевоспитывать людей. Теперь члены нашей партии не только безгранично верят своей партии и любят ее, но и с уверенностью приступили к борьбе за сплочение все больших масс вокруг своей партии...

Достигнутые нами эти успехи дороже золота, дороже миллионов тонн риса, их ни на что нельзя променять».

Почему вождь так высоко ценил успехи, достигнутые Ли Син Чжа и партийной организацией этого села? Потому, что он убедился в том, что идея, которую он вселял в работников год назад в селе Чхонсан, идея необходимости ставить во главу угла политическую работу, работу с людьми, воспринята сердцами всех людей страны, и труд-

ная работа по воспитанию и перевоспитанию трудящихся превратилась в работу самих масс.

Действительно работа по избавлению трудящихся от пережитков старой идеологии представляла собой трудную и важную работу, направленную на перевоспитание человека, воспитание человека нового, коммунистического склада. Тем более, что воспитание и перевоспитание крестьян, которые веками свыклись с жизнью единоличника, с феодальными обычаями, в социалистических тружеников в соответствии с новой обстановкой кооперирования было чрезвычайно трудным делом. Именно эта задача успешно решалась самими массами в процессе осуществления духа и метода Чхонсанри. Вождю не давала покоя эта проблема. Теперь он мог спать со спокойной душой, увидев в селе Рихен, как простые члены партии, такие, как Ли Син Чжа, добиваются больших успехов в работе по воспитанию и перевоспитанию человека.

Великий вождь считал, что простая и чистосердечная Ли Син Чжа с честью справилась со столь трудным делом, ее он сравнивал с цветком, провозвестником нового, коммунистического общества, расцветшим в селе Рихен, и непрестанно руководил ее работой.

В октябре того же года вождь вновь посетил село Рихен. Он снова похвалил Ли Син Чжа: молодая девушка, занимаясь трудным делом, делом воспитания крестьян, выработала 350 трудодней.

Вождь выдвинул эту замечательную девушку-агитатора на пост председателя правления кооператива, направил туда 50 демобилизованных солдат для дальнейшего укрепления рядов активистов этого села.

В селе Рихен, как и в других сельхозкооперативах, изменились неузнаваемо и люди, и природа. Раньше здесь не прививалась даже чумиза и крестьяне сеяли гаолян. Это грубое зерно мололи жерновом и готовили из него жидкую похлебку. И село получило прозвище «жернова», и даже девушки отказывались выходить замуж за парней из этого села. А теперь в селе Рихен ежегодно уби-

рают богатый урожай риса и охотно идут в это село невестки-красавицы из городов — дополнительные рабочие руки.

6

В ходе величественного шествия Чхоллима, когда повсеместно в стране творились чудеса и совершались новаторские открытия, был воздвигнут монументальный виналоновый завод. Он построен на площади более чем 500 тысяч квадратных метров по нашему проекту, на базе нашей техники, оборудован более чем 15 тысячами различными машинами и механизмами, еще раз демонстрируя мощь чучхейской отечественной промышленности.

В досрочном завершении индустриализации производства виналона и строительстве такого крупного завода заключалась сердечная забота родного вождя о скорейшем разрешении вопроса об одежде для народа.

Учитывая, что в нашей стране ограничена пахотная площадь, плохо растет хлопок, великий вождь Президент Ким Ир Сен с неослабным вниманием решал вопрос, как в скорейшем будущем удовлетворить спрос народа на одежду. Проводились опыты по внедрению питательных горшочков для выращивания хлопковой рассады. Но это было так хлопотно и не приносило большого урожая. Эта работа напоминала робкие шаги девушки, идущей к Будде с зажженной свечой в руке.

Вождь уже давно очень серьезно заинтересовался виналоном, производимым из известняка, и волокном из камыша и осуществлял руководство работой ученых в этой области. Когда исследования камышовых волокон вступили в завершающую стадию, вождь выехал в провинцию Северный Пхеньан, чтобы выбрать место для крупного

завода химических волокон, который будет работать на камыше. Здесь он вымок от утренней росы в буйных зарослях и отсюда выехал прямо на солончаки западного побережья, в камышовые рощи. Была непогода. Море бушевало, но вождь решил осмотреть камышовые заросли. Беспокоясь о предстоящем выезде в море и заботясь о безопасности вождя, сопровождающие не раз уговаривали его отказаться от задуманного. Но вождь поднялся на борт парохода, осмотрел все острова Син и даже выходил на болотистый берег. Здесь он вынес грандиозный план — насыпью соединить все острова, засеять камышом новые земли в тысячи га и создать сырьевую базу для завода химического волокна, надежную, рассчитанную на тысячи и тысячи лет.

Разбираясь в волокнах лучше, чем специалисты этой области, вождь решил наладить массовый выпуск добротных тканей из волокон, получаемых из известняка, которого в нашей стране больше, чем любого другого сырья. Он торопил ученых ускорить исследование виналона и в то же время руководил промышленным производством в крупном масштабе. Так появился величественный виналоновый завод.

Народу больше тканей

25 марта 1959 года уважаемый вождь осмотрел заросшую бурьяном равнину Рёнхын в районе Хамхын и определил участок для будущего виналонового завода.

При обсуждении вопроса о масштабе завода вождь предложил построить завод мощностью 20 тыс. тонн в год, то есть вдвое мощнее, чем это было запланировано специалистами. От его предложения растерялись все специалисты, в том числе и доктор Ли Сын Ги, изобретатель виналона, ибо первоначально они запланировали построить завод мощностью 5 тыс. тонн, но вынесли на утверждение проект завода мощностью 10 тыс. тонн, полагая, что и так мощность уже чрезвычайно завышена.

А вождь, глядя на замешкавшихся специалистов, бод-

рым голосом посоветовал им хорошенько подготовиться к торжественному пуску в эксплуатацию крупного виналонового завода мощностью 20 тыс. тонн в год.

Его слова ободрили и придали новую силу ученым и специалистам, охваченным робостью. Выбирая место под завод мирового масштаба, вождь уже позаботился о торжественном пуске завода. Такой размах внедрял в сердца работников смелость и чувство собственного достоинства.

20 тыс. тонн виналона в год — это удивит мир. Но вождю хотелось иметь еще более крупный завод, если бы только позволяли обстоятельства.

В прошлом корейцы жили тяжело: ходили в холстяной одежде или в мешковине. При японцах вождь с болью в сердце наблюдал бедствия нашего народа. После освобождения страны он горел желанием скорее увидеть народ сытым и хорошо одетым. Однако короткий период мирного строительства вскоре был прерван войной, после войны начался период восстановления. Вождь считал, что он не смог обеспечить народу стабильную жизнь. Теперь, когда хозяйство страны заметно улучшилось, вождю хотелось иметь в год не какие-то тысячи тонн виналона, как это предлагают ученые, а 20 тыс. тонн с тем, чтобы тепло одеть всех без исключения детей и взрослых. Он напоминал многодетную мать. Представляя 20 тыс. тонн виналона, вождь мысленно рисовал сияющие лица людей, получивших по отрезу ткани на одежду, и облик оборванных собратьев на юге. Цифра в 20 тыс. тонн виналона говорила о величии любви вождя, заботящегося о народе.

В дни грандиозной битвы за виналон, нацеленной на завершение промышленного выпуска виналона, сердце доктора Ли пламенело безмерной преданностью вождю. Одних чертежей было столько, что для них едва хватило бы два грузовика. Установление и монтаж такого огромного количества машинного оборудования уже с первых шагов сопровождались многими сложностями. Доктор Ли был уверен в научно обоснованном успехе в выпуске виналона, но не имел и представления о предприятии такого

огромного масштаба. Возникни малейший изъян в ходе его исследований, какой бы ущерб это причинило выпуску 20 тыс. тонн виналона, которого ждет родной вождь! Какой болью это отдалось бы в его сердце!..

Охваченный такой мыслью, доктор Ли днями не уходил с работы: проверял качество трубопроводов, завинчивал гайки. Порою людям стоило большого труда найти его, хлопочущего в темном углу альдегидного цеха. Не было времени выяснять, входит ли это в обязанности ученого. Можно считать, что задача ученого завершается успехом научного открытия в исследуемой им области. Если так, то он, изобретатель виналона, достигнув успеха на экспериментальном заводе, выполнил свой долг ученого. Однако доктор Ли полагал, что пока он не наладит выпуска 20 тыс. тонн виналона и не принесет радость родному вождю, то не имеет права сказать, что сделал свою работу до конца.

В это напряженное время, в сентябре 1960 года доктор заболел. Врачи и руководящие работники стройки положили его в больницу. В больнице он чувствовал сильный жар во всем теле. Его мучила не столько болезнь, сколько невыполненная работа — не закончил строительство виналонового завода, которого так ждет вождь. Душой он был у машинного оборудования, осиротевшего без него. Бессонные глаза его видели сквозь белую стену пламя новаторства на стройке. Человек с каменным сердцем и тот не может успокоить душу. Из репродуктора голос диктора сказал, что вот-вот хлынет поток виналона, на улице все с задором пели песню о виналоне.

Все это лишило доктора Ли спокойствия.

Выслушав доклад о том, что доктор Ли слег, родной вождь, хотя он жил далеко, лучше других определил причину болезни. Он говорил, что доктор вылечится не в душной палате, а на бурной стройке, в работе вместе со всеми, и вождь послал ему ценное тонизирующее средство вместе с собственноручно написанным письмом ободрения.

Товарищу Ли Сын Ги

На днях я узнал, что Вы в больнице.

Надеясь, что это поможет Вам выздороветь, посылаю два корня дикого инсама, которые только что мне прислали крестьяне из провинции Канвон.

Надеюсь, что инсам поможет Вам.

КИМ ИР СЕН

25 октября 1960 года

Ни словами, ни пером — ничем доктор Ли не мог выразить то чувство, которое вызвало это письмо. С сильно бьющимся сердцем он многократно перечитывал письмо.

Между строк письма перед его взором мелькали то светлое лицо любящего вождя, то образ его, с тревогой склонившегося над письмом.

«Спасибо родной вождь! — ответил он мысленно. — Не знаю, как Вас отблагодарить.

Родной вождь! Простите, что я доставил Вам излишнюю заботу... Я уже чувствую себя отлично!»

И доктору Ли казалось, что поговорка: «Любовь идет сверху вниз, а хлопоты — снизу вверх», сказана о нем. Приняв письмо и подарок, проникнутые великой любовью, доктор не только выздоровел, но и почувствовал такой прилив новой энергии, какого не было раньше. Справедливости ради надо сказать, что этому способствовал не столько дикий инсам с его чудесными целебными свойствами, сколько теплая забота и внимание родного вождя, как бы воплотившиеся в этих лекарственных корнях. Выполняя благородную волю вождя скорее дать всему народу новую одежду, доктор Ли целиком посвящал свою удесятеренную энергию промышленному выпуску большого виналона — это была одна из форм выражения преданности родному вождю, окружающему любовью весь народ.

Рассказ о «виналоновых темпах»

Строительство виналонового завода было редким по масштабу. Если из бетона, израсходованного на строительство завода, воздвигнуть столб сечением в один квадратный метр, то его высота превзошла бы в три раза высоту горы Пэкту. Выстрой в ряд все кирпичи, то длина цепи равнялась бы окружности земного шара. Тем не менее грандиозность строительства не казалась великой по сравнению с революционным энтузиазмом строителей и добровольцев на стройке, поддержавших всем сердцем боевой призыв родного вождя: **«Все силы на строительство виналонового завода!»**

На стройку со всех концов шли рабочие-строители, сборщики, плотники, сварщики, верхолазы и даже воины Народной Армии. Сотрясая воздух грохотом и лязгом, спешили сюда грузовики из Токчхонского автомобильного завода, более полутора тысячи тяжелых строительных машин и механизмов со всех районов страны. Более трех сот машиностроительных, металлургических и других заводов поддерживали строительство виналонового завода. Шли на помощь строителям крестьяне, молодежь и домохозяйки. В обстановке общегосударственной поддержки строители стремились во что бы то ни стало завершить строительство до первого мая 1961 года и тем самым выполнить обещание, данное вождю. В этой кипучей атмосфере они выполняли дневной план обычно на 300%, иногда на 1000%, порой даже на 3500%, творили «виналоновые темпы», поразившие людей всего мира.

Каждый раз великий вождь, принимая доклад о подобных поразительных успехах, давал высокую оценку подвигам строителей, при этом не забывал напоминать руководящим работникам, что само по себе строительство важно, но важнее всего здоровье строителей и потому нужно обеспечить им нормальный отдых, хорошую еду и разнообразить их жизнь культурными мероприятиями.

Эти слова вождя дошли до строителей, которые увиде-

ли любовь к ним намного большую, чем их преданность ему, и, не удовлетворившись выполнением порученных им заданий, день и ночь трудились, взвалив на себя по две-три обязанности. Поэтому на стройке стал обыденным явлением «спор» между руководящими работниками и строителями: первые предлагали рабочим отдых, а рабочие отказывались.

Как-то работники парткома в 12 часов ночи без предупреждения вызвали всех начальников цехов, это было сделано, чтобы дать возможность им отдохнуть, хотя бы час-другой. Они собрались в теплом помещении, закурили и тут же задремали. Партийные работники, отнесшиеся к ним с любовью, тихо вышли и заперли дверь снаружи. А сами, придя на участки, работали вместо них, пока те не проснулись. Прошли волнующие дни, и наконец грандиозное строительство виналонового завода вступило в завершающий этап.

Когда радио передавало известия о строительстве виналонового завода, вождь с вниманием слушал его, прервав работу совещания. Чем ближе подходило к концу строительство, тем больше он заботился о здоровье строителей и об условиях их работы. В апреле 1961 года, накануне пуска завода, он снова посетил стройку.

Вождь был доволен видом поднявшихся внушительных заводских корпусов. Здесь же он увидел маленького солдата Народной Армии у прядильного цеха. Великий вождь подробно расспросил его: с какого времени работает на стройке, не трудно ли ему. Из беседы он узнал, что это тот самый храбрец, ударник стройки прядильного цеха, который даже зимой, сбросив гимнастерку, работал верхолазом.

— Вы построили это здание? — спросил вождь.

Боец, стесняясь, опустил голову. Вождь смотрел то на корпус прядильного цеха высотой в 32 метра, то на солдата и похвалил его, а тот стоял молча, хотя он, несмотря на метель, возводил здание, которое в 20 раз превосходило его рост. От избытка чувств к нему вождь нежно обнял его

за плечи, жал его руки и даже поправил пряжку на ремне.

Вождю казалось, что рост солдата превышает высоту здания, и он долго и долго хвалил его.

Тем временем сюда сбежались строители и окружили вождя. Вождь, глядя на их бодрые лица, взволнованным голосом сказал:

— В августе прошлого года, когда я был здесь, только еще закладывали фундамент прядильного цеха. Значит, строительство велось и зимою. Вами двигал патриотизм, а не нажива.

Он крайне был тронут пламенным патриотизмом, с каким строители осилили зимнюю стужу, и потому не хотел уезжать с завода и оставался с рабочими до вечера.

Этот патриотизм привил всем строителям именно сам вождь. Благодаря этому патриотизму строители завершили строительство крупного виналонового завода до первого мая, тем самым они сдержали слово, данное вождю.

Огрубевшие руки строителей

Наконец, наступил день пуска виналонового завода — 6 мая 1961 года. Строительство завода успешно завершилось немногим более чем за год, точнее за 8 месяцев со дня решительной битвы на стройке. Построен завод, который будет выпускать примерно на 4000 тонн виналона больше, чем общее количество виналона, произведенного в мире в 1959 году. Церемония открытия виналонового завода вылилась в радостный праздник, на котором звучали рассказы о любви великого вождя ко всем строителям, научным работникам и специалистам.

Накануне пуска завода все корпуса виналонового завода были в праздничном убранстве. На крыше высокого пятиэтажного здания цеха альдегида трепетал сине-красный флаг Республики с блестящей пятиконечной звездой, высоко в ясном весеннем небе пестрели разноцветные резиновые шары. Обширная площадь перед корпусом альдегидного цеха, где должна была состояться церемония, была запружена строителями завода, бойцами Народной

Армии, научными и инженерно-техническими работниками, жителями города Хамхына.

Утопая в море цветов, вождь-отец Президент Ким Ир Сен с широкой улыбкой на лице входит на место церемонии вместе с руководителями партии и правительства. Присутствующие во весь голос кричали: «Мансэ» и скандировали возгласы. Вождь, который получил букеты цветов от строителей и отвечал на горячие приветствия масс, крепко пожал руку каждому из строителей и воинов, которые, как бессмертный феникс, преодолевая трудности, вели строительство.

Он с сочувствием долго осматривал их потрескавшиеся мозолистые руки. С какими большими трудностями они боролись, с каким большим энтузиазмом они трудились! Это видно было по их огрубевшим рукам... Вождь, не отходя от них, долго и долго пожимал эти руки и смотрел именно на них. Руки бойцов свидетельствовали об их героизме и безмерной преданности ему.

Благодаря пламенной преданности даже в суровых зимних условиях, когда мороз доходил до 30 градусов и свирепствовал ветер, эти руки, не ощущая стужи, трудились днем и ночью. Эти руки в поддержку замысла вождя о разрешении проблемы одежды для населения за счет мощной чучхейской промышленности развернули решительный бой за строительство виналонового завода, идя сквозь огонь и воду...

Когда все присутствующие затаили дыхание, вождь, пожимая каждому руку, остановился от избытка чувств, отвернулся и не мог оторвать платка от влажных глаз.

И бойцы плакали. Ручьями текли слезы по щекам людей, которые, вникнув в горячее чувство вождя, испытывали счастье от сознания, что они — его солдаты.

«Родной вождь! Мы рады, что, поддерживая Вашу высокую мысль, построили этот мощный виналоновый завод... А зачем Вы, родной вождь, так переживаете за наши руки?..

Мы все, как один, с гордостью выполним любые труд-

ные задания, поручаемые Вами, даже жертвуя жизнью», — говорили лица бойцов, на которых ярко горели повлажневшие глаза.

Волнение бойцов, находящихся вместе с великим и любящим вождем, переходило в плач, а затем в возгласы и крики: «Мансэ!» Вслед за этим гремел туш и взлетали высоко в небо резиновые шары. Началась церемония открытия.

Великий вождь подошел к красной ленте, натянутой у входа в альдегидный цех, где начинается цикл производства виналона. Он разрезал ее и обратился к стоявшему рядом доктору Ли:

— Сегодня осуществилась ваша мечта.

В этот момент во всех цехах включили ток. Тысячи машин различной мощности заработали. Это был первый результат великой любви вождя-отца. Первый гудок прозвучал особенно громко в сердце доктора Ли. Действительно он осуществил свою мечту, мечту ученого, окруженного любовью вождя-отца, он ощутил достоинство и счастье работать и жить в окружении этой любви.

Если бы не вождь и его неутомимое руководство и забота, то вряд ли доктор Ли и его коллеги смогли бы завершить задания по исследованию виналона и процесс строительства, который сегодня у всех перед глазами! Виналон — это результат большой любви вождя-отца, подарок вождя, желающего лучше одеть наш народ.

Позже вспоминая этот день, доктор Ли Сын Ги писал:

«Граждане! Когда вы получите ткани из виналона на одежду, не обращайтесь с ними небрежно и тем более не думайте, что они созданы каким-нибудь одним ученым или специалистом и несколькими рабочими.

Не забывайте, что в этот виналон вложена любовь Председателя Кабинета Министров товарища Ким Ир Сена к народу, которая глубже моря и выше гор, любовь отца, всегда заботящегося о том, как лучше одеть своих детей!

Если ваши дети и внуки захотят услышать от вас ис-

торию создания виналона, вы вместо того, чтобы называть имена ученых или специалистов, лучше расскажите им историю Трудовой партии Кореи, созданной и руководимой великим вождем революции товарищем Ким Ир Сеном.

Тогда им, надеюсь, станет ясно, как появился виналон еще при жизни нашего поколения».

На следующий день, 7 мая, состоялся массовый митинг жителей города Хамхына в честь майского праздника, на котором приветствовали пуск виналонового завода, продемонстрировавшего всему миру мощь чучхейской промышленности и духа опоры на собственные силы. На этом торжественном митинге вождь подробно остановился на строительстве виналонового завода. Он с гордостью сказал, что это — главный университет строительства химической промышленности, яркое выражение развития отечественной науки и техники и великое достижение политики партии, направленной на превращение нашей страны в современное индустриальное государство.

После торжественной части началась демонстрация 200 тысяч трудящихся Хамхына. Появилась колонна медицинских работников в белых халатах с транспарантом: «Любовь к человеку!» Это еще более украсило торжество. Из машины, убранной цветами, вышел мальчик Пан Ха Су, спасенный от верной смерти искренней заботой работников здравоохранения и студентов, верных вождю-отцу, который окружает народ безграничной любовью и считает новое поколение сокровищем страны, и направился к вождю. Он поднял мальчика высоко над президиумом. В этот миг сердце каждого наполнялось волнением и счастьем от того, что он живет в такую великую эпоху.

Искренность заставляет цветы цвести даже на камнях. Действительно благодаря безмерной любви вождя к народу из камня стали получать ткани на одежду, а мальчик был спасен от верной смерти. Мальчик Пан Ха Су, оказавшийся в объятиях вождя, был тем прекрасным цветком, который символизировал великую любовь к человеку в нашу эпоху. А поднявшийся ввысь виналоновый завод —

замечательное свидетельство любви вождя-отца, горячей, как солнце. Благодаря любви вождя к народу и преданности народа вождю Корея могущественное государство и ее будущее светло и прекрасно!

Глава девятая

ВСЕХ ЛЮДЕЙ В БОЛЬШУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СЕМЬЮ

1

Вождь передает весть о воспитанниках училища . . . 464

Белые абрикосы, посланные им . . . 465

2

«Приведу вас в коммунистическое общество» . . . 472

Безграничная любовь к человеку . . 477

Заключив в объятия семьи угнанных на Юг 480

3

Вождь открыл соотечественникам, живущим в Японии, морской путь на Родину 485

В отцовских объятиях 487

Отцовская любовь перешагнула через море 492

4

Отцовская любовь . . 497

Они не сироты . . 500

5

Думая о многострадальном Юге . . 503

Заменив выпускникам родителей, не прибывших с Юга . 507

Надо жить единой семьей! 510

1

В северной части Республики в результате успешного завершения социалистических преобразований в городе и деревне утвердился социалистический строй. Это было большое событие в жизни нашего народа. Рабочие, крестьяне и интеллигенция были тесно сплочены общностью целей и интересов.

Великий вождь Президент Ким Ир Сен направлял большие силы на дальнейшее укрепление идейно-политического единства народных масс в целях закрепления установленного социалистического строя и обеспечения всем людям счастливой жизни в условиях этого строя.

Великий вождь, обеспечивая ведущую роль рабочих, крестьян, бедняков и батраков, подвергавшихся в прошлом эксплуатации и угнетению, проявлял большую заботу о семьях революционеров, павших в борьбе за возрождение Родины, за свободу и счастье народа, о семьях погибших во время войны воинов и патриотов и семьях военнослужащих Народной Армии, желая, чтобы они тоже стали опорой страны.

Безмерно велика забота вождя о членах семей патриотов, павших в борьбе за революцию. Он добивался того, чтобы государство полностью взяло на себя заботу об их жизни, чтобы они пользовались уважением в обществе, и в то же время он сам о них заботился по-отечески. Его забота и внимание основывались на чувстве революционного долга перед павшими соратниками.

Вождь передает весть о воспитанниках училища

Великий вождь, который считал своей обязанностью выполнять долг перед товарищами и бойцами, ушедшими от нас, добивался, чтобы государство воспитывало разбросанных по всей стране детей павших в бою воинов и убитых врагом во время войны патриотов. Он сам приводил таких детей и зачислял в замечательное училище для детей павших патриотов. После этого он навещал их и передавал матерям радостные вести от них и только после этого успокаивался.

В один из январских дней 1958 года вождь-отец навестил семьи павших патриотов в Синчжоне в селе Тэян уезда Сунан провинции Южный Пхеньан. Он специально посетил их, чтобы рассказать о том, как живут их дети, отправленные несколько дней тому назад в революционное училище в Мангендэ.

Вождь, встретившись с одной из таких семей, сказал:

— Не хотите ли вы повидаться с сыном?

Вождь спросил с определенной целью, но она думала, что он по пути завернул к ней, чтобы утешить ее, мать, тоскующую по сыну, отправленному в училище.

Поэтому она только и ответила: «Да, нет, спасибо».

Тогда вождь-отец, светло улыбаясь, сказал:

— Несколько дней тому назад я был в училище в Мангендэ и видел там Гван Хена. Он был в ватнике и меховой шапке, вежливо мне поклонился. Тут я спросил, не хочет ли он повидаться с матерью, он ответил, что ему не хочется, а у самого навернулись слезы.

Слушая вождя, мать Гван Хена только моргала глазами.

Вождь продолжал:

— При встрече с директором училища я распорядился, чтобы обеспечил всех курсантов формой, а также о том, чтобы в дни каникул преподаватели отвезли их домой. Через несколько дней и Гван Хен придет домой.

У женщины к горлу подкатил горячий ком, она пла-

кала, забыв отблагодарить вождя. Но это не были слезы тоски по сыну. Она плакала от безмерной благодарности вождю, который заменил ему мать, ведь она беспокоится о сыне, отправленном в училище, с кем не хотела бы расставаться ни на минуту. Вождь, заменивший погибшего отца, успокаивался лишь после того, как проделал далекий путь и передал весть о сыне.

Вождь-отец и впоследствии трижды побывал в Синчжоне, *он заботился на месте о семьях павших патриотов.* Каждый раз он сам приводил в училище детей, достигших школьного возраста, и окружал их любовью.

Благодаря заботе вождя они, окончив училище, сейчас стали замечательными работниками в партийных и государственных органах и на других важных постах страны.

Белые абрикосы, посланные им

Женщина по имени Юн Сук Чжа работала председателем правления квартала Пуксэ Моранбонского района города Пхеньяна. Ее муж Чхоль Су был участником антияпонской революционной борьбы и Отечественной освободительной войны. Он погиб смертью храбрых в середине августа 1950 года, когда Народная Армия, громя врага, вела наступление на юг. Получив печальную весть о его гибели, вождь-отец с глубокой скорбью сказал подчиненным, что нужно по-настоящему позаботиться о членах семьи покойного.

Семья Сук Чжа переселилась из глухомани в Пхеньян. Получив доклад о переселении этой семьи, вождь выбрал для нее дом на солнечной стороне, обеспечил ее домашней утварью, одеялами, одеждой для всех членов семьи. Благодаря теплой заботе вождя семья смогла безбедно жить даже в суровое военное время.

Это было в середине октября 1952 года. Вождь-отец, который хотел повидаться с детьми погибшего Чхоль Су, велел адъютанту привести их. У парадного входа вождь с радостью встретил членов семьи Чхоль Су, они спешили к нему.

Он, гладя по голове сына Чхоль Су Ен Хва, привязанного на спине матери, сказал, что мальчик здорово подрос, пригласил ее скорее войти и пропустил вперед. А он сам, взяв ее дочь Чжон Ок за руку, последовал за ней.

В комнате вождь усадил обоих детей на колени и, гладя их по головам, сказал:

— Давно я хотел посетить вас, но вот не успел. Не трудно ли вам с детьми живется?

Говоря это, вождь всматривался в лицо женщины. Его глаза излучали теплую отцовскую любовь.

Тогда ей было 26 лет. Чувствуя себя очень естественно, она ответила ему, как родному отцу: «Ничего». Выслушав ответ, вождь-отец сказал, что, наверно, трудно ей одной ухаживать за родителями мужа и воспитывать детей в военное время, когда даже мужчинам не легко, подробно расспросил ее о жизни, участливо выслушал ответы.

Тронутая его горячей заботой, женщина прослезилась. Он подождал, пока она успокоится, потом продолжил свои слова о том, что сейчас военное время и поэтому приходится трудно, но усилием воли это надо преодолеть. Так он вселил в нее уверенность и мужество и, думая о ее будущей жизни, о том, что она должна содержать родителей мужа и детей, сказал:

«Вот ваши дети. Ваш сын и ваша дочь. Воспитывайте их как можно лучше. Они вырастут, продолжат дело отца. Дети — наше сокровище. Вы должны вырастить детей, сделать из них замечательных людей, чтобы они отомстили врагу за отца».

Он пристально смотрел на нее — она сидела, опустив голову. Вождь несколько раз повторил, что она должна жить достойно, как подобает жене борца, героически погибшего в бою.

Время шло. Она встала с места, думая, что она отнимает у вождя слишком много времени. Он уговаривал ее оставаться еще, но она очень просила отпустить ее, думая, что доставляет вождю лишнюю заботу.

Вождь просил, чтобы она подождала немножко, и ве-

лел принести большой сверток из соседней комнаты и развязал его. Это была детская одежда. Он сам надел на Чжон Ок кофточку красного цвета, а на Ен Хва — белый, как снег, свитер и шерстяные темно-синие брюки. Женщина, стоявшая первое мгновение, как вкопанная, помогала вождю одеть детей.

А когда она брала Ен Хва на спину, он помог ей, поправил одеяло и пояс, гладил по голове забавного ребенка, приглашал еще приходить.

Вождь-отец дал детям пакеты с печеньем и не раз просил не забывать его, словно он провожал внука и внучку по дочерней линии, посетивших дом матери. Женщина, волнуясь, повернулась и пошла, не попрощавшись как следует.

Расставание сильно огорчило вождя. Он хотел проводить ее до парадного входа, но остался в комнате, боясь, что заплачет раньше ее.

Он стоял у закрытого окна, но вскоре сам, не замечая того, распахнул его.

Женщина, ведя Чжон Ок за руку, через несколько шагов поднесла к глазам кончик пояса и оглянулась. Она очень переживала, что не успела отблагодарить вождя, ей тоже было очень жалко расставаться с родным вождем.

Вождь хотел крикнуть, чтобы она скорее шла, ведь дети могли бы замерзать, но что-то душило его и он только жестом показал, чтобы женщина поторопилась. Но она не двинулась с места, а только закрыла лицо руками. Ен Хва, перегнувшись со спины матери, смотрел на плачущую мать, а Чжон Ок, держась за подол юбки матери, заглядывала ей в лицо. Ребятишки еще слишком были малы, чтобы понять, почему мать плачет.

Она, беспокоясь за вождя, который все еще стоял на холодном ветру, поклонилась ему, закрыв лицо руками, и повернулась. Но проделав несколько шагов, снова оглянулась. Вождь по-прежнему стоял у подоконника на сильном ветру.

— Родной вождь! Боюсь, что простудитесь...

Больше она не могла вымолвить ни слова.

Вождь заметил, что она не уходит из-за того, что он стоит у распахнутого окна, и закрыл его. Он больше не мог сдержать свои чувства. На ее глазах он не посмел показать слабость, чтобы не омрачить ее душу. Но, оставшись один, дал волю слабости. Она увидела через окно его фигуру, увидела, что он не отрывает платка от влажных глаз, зарыдала и, ведя за руку дочь, почти побежала. На проселочную дорогу капали ее горячие слезы, слезы жены погибшего бойца. Издали доносились орудийные залпы. Ее сердце было наполнено счастьем, и она не слышала взрывов снарядов.

Душа вождя, провожавшего жену погибшего соратника, страдала так же, как душа отца, отправившего овдовевшую дочь в опустевший дом мужа. Вождь, беспокоясь, не случилось ли чего во время вражеской бомбежки, здоровы ли ее дети, отправлял каждые два-три дня человека к ней и оказывал необходимую помощь. Впоследствии, в 1959 году вождь-отец учредил Народнохозяйственное училище для членов семей павших воинов и вместе с другими послал туда эту женщину. Это он сделал с целью воспитать в ней твердую волю и сделать из нее достойного революционера.

Вождь принял меры не только для обучения жен павших патриотов, но и для воспитания их детей за счет государства. Таким образом Чжон Ок пошла в Хамхынское училище для детей павших патриотов, а Ен Хва — в Революционное училище в Мангендэ.

Сук Чжа после окончания Народнохозяйственного училища стала работать председателем правления квартала Пуксэ народного комитета Моранбонского района Пхеньяна. Верная указаниям вождя, она достойно жила и работала как жена революционера. К этому времени по всей стране развернулось движение за санитарно-культурное содержание домов, городов и сел. Она превратила квартал Пуксэ в образцовый.

6 июля 1966 года уважаемый вождь, получив доклад о том, что квартал Пуксэ стал образцовым, определил его как место для методических занятий для ответственных секретарей провинциальных, городских и уездных партийных комитетов и приехал сюда рано утром.

Она приветствовала вождя, и он радовался, что она сделала жилой квартал образцовым.

После осмотра квартала Пуксэ вождь был доволен тем, что члены семьи погибшего революционера стали опорой страны и хорошо работают, и больше уже не волновался о женщине, которая после гибели мужа могла бы упасть духом. Она не упала духом, а стала революционеркой и выполнила свой долг, став образцом для всей страны.

Вернувшись домой, вождь несколько раз похвалил женщину за то, что она сделала замечательное дело; он радовался, как родной отец, который навестил любимую дочь, вышедшую замуж. Он вышел в сад с корзинкой и собрал самые крупные абрикосы. Вождь так заботливо ухаживал за этим деревом, которое растет только в районе севернее Хверена, где более холодный климат, оно в этом году впервые плодоносило. Сам же он еще не пробовал этих абрикосов.

Помогавшему работнику вождь сказал: «Надо отправить это детям Чхоль Су».

Вечером этого же дня вся ее семья получила от вождя-отца корзинку с белыми абрикосами. Все плакали, нежно поглаживая корзинку.

Эти белые абрикосы были не просто фрукты. Это было выражение радости и похвалы вождя. Ведь он беспокоился о Сук Чжа, которая осталась одна с детьми, но она сумела устроить не только свою семью, но и весь жилой квартал с тысячами семей, точно она была главой в этих семьях. Это было проявление горячей любви великого вождя, который воспитал из жен павших патриотов революционерок, он неустанно радовался любому успеху в их жизни.

Вождь считает своим долгом неизменно окружать заботой семьи павших революционных борцов. Он регулярно навещал Чжон Ок, когда бывал в Хамхыне, бывая в Мангендэ, заходил к Ен Хва, учил питомцев быть замечательными революционерами, как их отцы. Он обращал внимание на все мелочи их жизни, чтобы ничто не омрачало жизнь детей, отец которых погиб.

Однажды он посетил Революционное училище в Мангендэ, встретился с Ен Хва и искренне порадовался, что тот уже возмужал, но ему было очень жаль, что у парня нет часов, какие носят другие. Позже он послал Ен Хва хорошие наручные часы.

Ен Хва хорошо знал о сердечности вождя. Ему было ясно, что если не сообщить вождю о дне свадьбы Чжон Ок, то он очень огорчится, но все же решил не сообщать, потому что понимал, что это сообщение доставит лишние хлопоты. Но вождь, узнав о дне свадьбы Чжон Ок, прислал отрезы для жениха и невесты и разные продукты для праздничного стола. Ему очень хотелось лично присутствовать на ее свадьбе, но он не мог выкроить время из-за срочных дел.

Глубокая забота и большое внимание вождя к семьям погибших революционеров трудно вообразить простому человеку. Не легко, занимаясь государственными делами, проявлять такую заботу не о какой-либо одной, а о всех семьях павших революционеров.

Таким образом, вождь-отец постоянно проявлял заботу о семьях погибших патриотов всей страны и окружал их безграничной любовью, несоизмеримой даже с родительской любовью, и воспитал их так, чтобы они достойно жили и боролись, став опорой революции.

2

При социалистическом строе все люди должны жить счастливо. Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен обращал серьезное внимание на правильное воспитание основных масс, прочное укрепление классовой позиции нашей революции и одновременно на воспитание и перевоспитание людей, в прошлом которых не все было просто и гладко, особенно в отношении их политической жизни, чтобы сделать их достойными членами большой социалистической семьи.

Среди них были люди, которые в прошлом служили в органах японского империализма, люди, которые в период временного отступления состояли в реакционных организациях, обманутые махинациями американских империалистических агрессоров, тут были члены семей тех, кто бежал на Юг.

Уважаемый вождь всегда подчеркивал, что изолировать этих людей не следует, их надо привлекать на нашу сторону, воспитывать и перевоспитывать. Он сказал:

«Мы, вместе с массами и опираясь на них, должны строить на этой земле новую жизнь.

Для этого мы должны воспитывать всех людей со сложной биографией и идти вперед с ними рука об руку».

Вообще вождь считает, что идеология и социальное положение людей не являются неизменными, они постоянно меняются, развиваются. Поэтому он уверен, что можно воспитать и перевоспитать людей, у которых в жизни не все гладко, сделать их замечательными людьми, вести революцию, идя вместе с ними рука об руку.

Исходя из этого, он обосновал и применял принцип: при

оценке каждого человека надо принимать во внимание главным образом его идейную позицию и действия в данный момент, максимально изолировать кучку враждебных элементов и привлекать на сторону революции как можно больше людей. Этот принцип основан на последовательном доверии и безграничной любви к человеку.

«Приведу вас в коммунистическое общество»

В июне 1959 года был такой случай. Во время руководства на месте работой провинции Канвон великий вождь, несмотря на занятость, встретился с бывшими частными предпринимателями, вовлеченными в производственные кооперативы.

Тогда только что завершилось социалистическое преобразование частной торговли и промышленности, и вчерашние предприниматели, вступившие в производственные кооперативы, беспокоились о своем будущем.

Конечно, они тоже стали социалистическими тружениками. Хотя частные торговцы и предприниматели раньше эксплуатировали других, но вождь придерживался принципа: на этапе социалистической революции не сторониться их по классовому цензу и не конфисковывать их имущество, а постепенно повести их, как крестьян и частных ремесленников, по пути кооперирования, учитывая степень их подготовленности, и превратить их в социалистических тружеников. Но среди них оказались и такие, которые унывали из-за своего прошлого, они были частными предпринимателями. Иные полагали, что они до смерти не смогут избавиться от «ярлыка» — частный предприниматель, и беспокоились, как бы их прошлое не оказало пагубного влияния на жизнь их детей.

Вот в такой ситуации вождь позвал их к себе, и все они были взволнованы.

На этом собрании великий вождь подробно разъяснил направление развития производственного кооператива, обрисовал условия их деятельности, которые позволят им жить зажиточно за счет собственного, а не чужого труда. Потом

вождь предложил сидевшим вокруг него курить и спросил участливо:

— Не подвергают ли вас дискриминации некоторые руководящие работники за то, что вы занимались в прошлом частным предпринимательством?

Они колебались, не зная, как ответить на вопрос вождя, который искренне хочет узнать об их жизни все подробности. Он обратился к председателю парткома:

«Нельзя придираться к человеку лишь за то, что он выходец из такого-то класса или у него такое-то происхождение...

Нельзя подозревать людей, вступивших в кооператив, и делить людей, которым можно доверять, и тех, кому нельзя».

В самом деле в обществе, где рабочие и крестьяне стали хозяевами страны, им было стыдно за свое прошлое, за эксплуатацию других, и они чувствовали себя виноватыми, но в то же время им казалось, что их чураются. Поэтому слова вождя о том, что нельзя подвергать их дискриминации, так сильно тронули их.

Вождь говорил, что он выступает против эксплуатации других ради собственного обогащения, и нарисовал им перспективы светлого будущего.

«В коммунистическом обществе все люди будут работать сознательно и получать все по своим потребностям.

...Это основной принцип коммунизма, и мы хотим его осуществить...

Если поступать так: ты в прошлом занимался таким-то делом, поэтому мы не можем идти вместе с тобой к коммунизму, то кто же, в конце концов, пойдет до коммунизма? Мы желаем идти все вместе!

...Поэтому мы не спрашиваем о прошлом, о происхождении. Мы не спрашиваем о происхождении у тех, кто хорошо работает, поддерживает политику партии и прилагает усилия для построения социализма...

Кто хорошо работает, тот может участвовать в обсуж-

дении вопросов по управлению государством и стать депутатом...

Нельзя делить людей на настоящих строителей социализма и ненастоящих.

Поэтому если люди, которые вступили в кооператив и самоотверженно участвуют в социалистическом строительстве, то государство может и должно наградить их...

Я приведу вас в коммунистическое общество».

Вождь, указывая на Ким Гван Чжу, в прошлом частного предпринимателя, сказал:

«Поведу и вашего сына, всех без исключения!»

Бывшему предпринимателю стало стыдно от того, что вождь, наверно, сказал это, зная о его прошлом. До недавнего времени он знал лишь деньги. Как-то его второй сын заболел и оказался в критическом состоянии. У отца было дорогое лекарство для инъекции, которое он купил на всякий случай. Он достал из сундука это лекарство, чтобы дать больному сыну, но снова спрятал его, подумав, что вот так одним движением он лишится какой-то части своего богатства.

Великий вождь сказал, что он хочет воспитывать и вести в коммунистическое общество даже такого человека, который в прошлом пожалел деньги, уплаченные за лекарство, необходимое для здоровья его сына.

Вождь безгранично бережет людей, поэтому он ненавидит эксплуататорскую идеологию, превращающую человека в обывателя, и в то же время безгранично сочувствует самому человеку. Он, считавший человека, превратившегося в раба частной собственности и накопительства, общественным калекой, и полагает, что избавить от этого недуга можно только посредством строительства коммунизма, этого самого лучшего лекарства. Социалистическое преобразование частных торговцев и предпринимателей и вовлечение их в производственные кооперативы — лучший путь избавления людей, пропитанных эксплуататорской идеологией, от эгоистической обывательской психологии.

Действительно, частные торговцы и предприниматели, став лишь социалистическими тружениками и производственниками, освободились от постыдных привычек прошлой жизни, когда они во имя наживы шли на сделку с совестью, и начали жить честно и достойно, активно участвуя в общественно полезном труде.

Вождь дал Ким Гван Чжу такое счастье и говорил, что он поведет и его сына в коммунистическое общество.

В тот день он, поверивший в светлое будущее, оглядывался на пройденный жизненный путь. В старом обществе и старом мире он видел и слышал только о всемогуществе золота, его учили, что деньги могут заставить работать даже черта. Чтобы загребать деньги, он, не колеблясь, эксплуатировал людей и не обращал внимания на их слезы, которые проливались из-за него. Так он скопил немало денег. Он надеялся передать детям свое состояние в наследство. Но деньги, которые он накопил за свои полжизни, не делали его свободным, они начали сковывать его. Не говоря уже об отношениях с соседями и рабочими, которых он нанимал, он стал считать деньги за лекарство, необходимое родному сыну. Чем больше накапливалось денег, которых он так жаждал, тем больше было забот и тревог. Из-за этих денег он перестал верить людям и все больше сторонился их. Никакой человек и никакая сила не могли повернуть его от пагубной страсти к деньгам и достоянию. Так он прожил половину своей жизни.

Однако вождь-отец Президент Ким Ир Сен не только хочет избавить этого бывшего предпринимателя от наследия старого, уродливого, пагубного мира, в котором тот глубоко увяз, но и объяснил ему смысл настоящей жизни, достойной человека, и осветил путь к ней. Вождь помог ему выбросить весь позорный хлам, который он собирался даже передать своим сыновьям в наследство, и обещал повести его детей в коммунистическое общество!

Глубоко раскаявшись в своих поступках, он прибежал однажды в партком с документом, свидетельствующим о передаче денег на сумму 300 тыс. вон в пользу государства.

Это было все его имущество, и он дорожил им больше, чем собственной жизнью.

— Согласно указаниям вождя хочу идти к коммунистическому обществу! — заявил он и вручил председателю парткома этот документ. Казалось, он впервые в своей жизни видит ясное небо и синее море. С того времени он стал новым человеком и шел по новому пути. Прежде всего изменилось его отношение к членам семьи. Члены его семьи тоже стали не просто наследниками частного достояния, а социалистическими тружениками, вносящими вклад в народное, коллективное имущество, достойными владельцами и наследниками общего богатства. Между соседями завязались новые отношения. Они стали товарищами и друзьями, идущими рука об руку во имя общих успехов и общей цели, братьями, которые делятся горем и радостью.

Обещание великого вождя было выполнено. Он принял человека, который отдал все свое состояние Родине и народу, в члены славной Трудовой партии Кореи.

Он так вспоминает волнение того дня:

«В день, когда я удостоился чести называться членом Трудовой партии благодаря доверию и любви вождя, вся семья была взволнована. Прибежали сыновья и снохи, которые жили отдельно, пришли другие родственники. Мне хотелось говорить и говорить перед собравшимися родными и близкими, но я не мог вымолвить ни слова от сильного волнения.

«Отныне для нашей семьи праздником является этот день, день самого радостного события», еле говорил я.

Плакали жена, сыновья, снохи и родственники».

Благородство и человеколюбие великого вождя возродило, вырастило, сделало настоящим человеком не только одного этого бывшего предпринимателя. Любовь и забота вождя окружали всех людей, готовых покончить с позорным прошлым и идти к коммунизму вместе со всем народом.

Безграничная любовь к человеку

Это было, когда полным ходом шло строительство социализма. Допустил серьезную ошибку главный инженер Чхончжинского сталелитейного завода. Он игнорировал ценные предложения рабочих и технических работников, настаивал только на своем и причинил большой ущерб производству металла. Некоторые люди подвергали его критике, вынося на обсуждение все, что касалось его довольно сложной прошлой жизни. Он вырос в богатой семье и получил высшее образование. Во время бегства врагов из северной части, которую они временно оккупировали, он ушел с ними, но с полпути вернулся обратно.

Главный инженер, допустивший ошибку, думал, что ему не избежать строгого наказания, и жил в тревоге.

В один из таких мучительных дней приехал ответственный работник из центра и вызвал его. Ответственный работник сказал встревоженному человеку:

— Сегодня я приехал сюда по непосредственному указанию Председателя Кабинета Министров товарища Ким Ир Сена.

Слушая его, главный инженер проклинал себя за причиненное вождю беспокойство и не знал, что делать. Но приезжий, улыбаясь, говорил подбадривающе:

— Товарищ Председатель Кабинета Министров выяснил, в чем состоит ошибка, допущенная вами, и велел простить ее вам.

Слушая это, инженер не верил своим ушам, он опустил голову на стол. От великодушия вождя ему стало еще горше, ведь он боялся, переживал только за свою судьбу и забыл обо всем на свете.

Работник пождал, пока инженер успокоится, и продолжал:

— Вы не должны забывать о серьезности своей ошибки. Председатель Кабинета Министров прощает вас отнюдь не потому, что ваша ошибка не серьезная.

Председатель Кабинета Министров товарищ Ким Ир Сен

учел, что вы еще не избавились от пережитков старого общества и у вас еще низок идейный уровень. Он верит, что ваш поступок не преднамеренный, что вы не собирались причинить ущерб нашему строю и впредь вы сможете исправить свою ошибку. Поэтому он великодушно прощает вас.

Председатель Кабинета Министров товарищ Ким Ир Сен велел передать вам, что никто не спросит с вас за ваше прошлое, вы не должны робеть, а работать смело.

— Я все понял. Буду работать энергично, как учит вождь, — главный инженер еле вымолвил эти слова, дальше он не смог продолжать. В этих словах все его чувства, которые он хотел выразить.

Чем горячее ощущались доверие и любовь вождя, тем глубже понимал главный инженер серьезность своей ошибки и тем больше проклинал себя. Он был безгранично благодарен вождю, окружившему такого ничтожного человека горячим доверием и любовью, поклялся оправдать это доверие.

Великий вождь, получив доклад об ошибке, совершенной главным инженером, сказал соответствующим работникам, что нельзя поспешно и легкомысленно решать этот вопрос, и сам выяснял и проанализировал все, что относилось к его делу.

Вообще он ненавидит старую идеологию и просчеты в работе и не примиримо относится к ним, но к самим людям, допустившим ту или иную ошибку, всегда относился с неизменной любовью. Раз это не умышленный поступок, он оценивал его отдельно от человека, совершившего его. Он глубоко сочувствовал людям, которые пока не полностью избавились от идейных пережитков старого общества, уделял им серьезное внимание. Главный инженер как раз и принадлежал к категории таких людей.

В ходе длительной революционной деятельности вождь приобрел твердое убеждение в том, что можно воспитать, перевоспитать и сделать замечательными людьми всех, за исключением горстки враждебных элементов. Это убеждение

основывалось на глубоком понимании процесса духовного роста человека и формирования революционного мировоззрения.

Вождь не раз учил, что человек приобретает революционное мировоззрение, пережив то или иное горе и радость, через свойственный ему сложный процесс развития, через жизненные перипетии. Некоторые работники не верили интеллигентам, выходцам из богатых семей, и чурались их, но вождь строго указал, что такое поведение является проявлением фракционизма. Он неоднократно повторял, что семейное положение и происхождение человека надо знать для того, чтобы учитывать идейное влияние этих условий на него в процессе воспитания, а отнюдь не для того, чтобы подходить к людям с предвзятым мнением.

Тем более, вождь учил, что в случае, когда кто-то совершил на пути революции ошибку, пусть даже серьезную, нельзя его бросать, надо уточнять причину допущенной ошибки и воспитать человека так, чтобы он не повторял таких ошибок, и искренне помогать ему преодолевать заблуждения. Он учил подлинной человеческой любви, которая должна быть на вооружении у коммунистов, борющихся за преобразование человека, общества и природы.

Поэтому он великодушно простил главного инженера, который колебался в период войны и совершил ошибку, причинившую государству большой ущерб, расценивая ее проступком, допустимым на пути развития, ведь этот главный инженер решил служить рабочим и крестьянам и проявлял энтузиазм в работе. Так выражалась неизменная любовь вождя, который всегда готов оказывать помощь людям, вступившим на путь революции, вырастить их замечательными революционерами и довести их до коммунистического общества.

Впоследствии великий вождь уделял большое внимание главному инженеру, чтобы он больше не допускал таких ошибок. Вождь наказывал вновь назначенному ответственному работнику провинциального парткома как следует воспитывать этого инженера и заботиться о нем, просил дире-

ктора завода передать этому специалисту, что вождь крепко верит ему.

Благодаря чуткости и заботе вождя этот технический работник и все люди, у которых был в чем-то сходный жизненный путь, раскаялись в своем прошлом, начали жить по-новому, и поныне они самоотверженно работают во имя процветания и развития страны, проявляют беззаветную преданность, которой отвечают на любовь и доверие вождя.

Заключив в объятия семьи угнанных на Юг

Это было в один из майских дней 1959 года, когда любимый вождь Президент Ким Ир Сен встретился с членами семей, отцы и мужья которых были угнаны на Юг, проживающих в уезде Енан провинции Южный Хванхэ — в новоосвобожденном районе.

Почти все мужья собравшихся женщин были насильно угнаны на Юг американскими агрессорами. В прошлом они жили в нужде. Эти женщины, чьих мужей забрали американские агрессоры и их приспешники, живя в КНДР, осознали, что социалистический строй обеспечивает счастье таким беднякам, как они. Но чем больше они пользовались благами этого нового строя, тем сильнее ощущали душевную боль оттого, что они не могут жить достойно, подняв голову, как другие, в этом прекрасном мире. Особую боль в сердце они испытывали, когда подрастающие дети спрашивали их об отцах.

Проклиная американских агрессоров и их приспешников, которые забрали их мужей и причинили неутихающую боль им и их детям, они с нетерпением ждали дня объединения Родины.

В тот день вождь-отец встретился с ними у лотосового пруда перед зданием уездного парткома.

У лотосового пруда, где пышно цвели цветы и грели теплые лучи майского солнца, вождь с болью в душе глядел на женщин, чьи мужья были угнаны на Юг, на людей, которые не могли поднять голову и старели преждевременно, видимо, от душевных мук. Вождь, думая о тяжелых вздо-

хах и слезах женщин, которые они проливали украдкой на протяжении долгих лет, после того как в период временной оккупации враги насильственно угнали их мужей, расспрашивал об их жизни, тепло и нежно говорил с ними. Семьи, отцы и мужья которых были угнаны на Юг, как и все жители северной части Республики, не испытывали нужды в питании, одежде и жилье.

Неожиданно одна пожилая женщина подняла лицо и вся в слезах заговорила:

— Вождь! Для нас большая честь видеться с Вами. Вождь, не знаю, сон ли это или явь. Нет конца нашей радости.

Речь женщины часто прерывалась от сильного волнения. Слова ее не были просто словами приветствия. До сих пор она считала, что всю жизнь ей придется страдать из-за преступления мужа, перешедшего на Юг, предавшего Республику, так что ей даже не снилось, что вождь встретится с ней и проявит такую теплую заботу. Чувства этой женщины передавали чувства всех собравшихся на встречу.

Вождь-отец глубоко задумался, а потом с серьезным выражением лица сказал:

«Если я приведу ваших мужей, вот тогда вы должны радоваться, а что за радость видеть меня».

Он оглядел их и сказал, что можно разговаривать сидя и не надо встать с места. Далее он спросил ту женщину, которая, видимо, рассталась с мужем в молодости: чем занимался муж и почему он перешел на Юг.

— Мой муж перешел на Юг под угрозой расстрела. Я вышла замуж в 17 лет и рассталась с мужем в январе того года, когда мне исполнилось 19 лет. Эти три года он учился в Кэсоне и я не могла жить вместе с ним.

Сказав так, женщина заплакала, закрыв лицо обеими руками. Все остальные женщины тоже молча плакали. Печаль, накопившаяся в их сердцах, словно неугасимая боль, вырвалась неудержимо при встрече с вождем-отцом.

Вождь с сочувствием смотрел на вздрагивающие плечи женщин, сорвал цветок сирени у пруда и бросил один за

другим лепестки в воду, испытывая нестерпимую боль в сердце. Лепестки бесшумно падали на прозрачную гладь, будто порхали от всхлипывания женщин.

«Эти женщины приветствуют меня, наверное, думая, что они встретились с человеком, который объединит расколотую Родину и приведет их мужей!

Если бы сегодня я привел сюда их мужей, то они плакали бы не от горя, а от радости...»

Все тяжелее становились думы вождя. Как тяжко было в душе у этих женщин осенью, когда они без мужей собирали богатый урожай, или в радостные дни, когда дети, закончив школу, поступали в вузы. Как тяжело было в душе этих женщин, когда они женили сыновей, так похожих на их отцов, на милой девушке или когда их дочери, гостившие вместе с мужьями, расставаясь с одинокими родными матерями, плакали. Вождь думал обо всем этом и делил горе с ними.

Вождь, никогда не забывавший о своей миссии объединить Родину, слушая вздохи и плач женщин, испытывал жгучую ненависть к янки и их вассалам, которые разъединили семьи и лишили родных даже возможности подать друг другу весточку о себе.

Женщины, видевшие тень глубокой печали на лице вождя, одна за другой перестали плакать. Им совестно было, что они заплакали, не подумав о нем. Женщины перестали плакать и успокаивались от мысли, что они своим горьким плачем вызывают боль в сердце вождя.

Вождь угадал их чувства.

Объединение Родины! Перед этими несчастными женщинами вождь еще более остро ощущал свою великую миссию объединить Родину, о которой он помнил всегда.

Уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен, глядя на их лица, произнес:

«Поистине мирное объединение Родины — это сокровенное чаяние корейского народа. Сейчас вы не можете жить вместе со своими родными в одном доме.

Но объединение Родины осуществится непременно».

Вождь рассказывал о перспективе объединения Родины и вселял надежду в сердца женщин. Далее он разъяснял политику партии в отношении угнанных на Юг и их семей.

«Нет надобности говорить о людях, которые, не совершив никаких преступлений, перешли на Юг, не зная, чем это кончится. Мы не считаем плохими всех тех, кто перешел, совершив здесь преступления. Среди них могут быть и люди, которые вернутся, сделав хорошее дело.

Простить всех тех, кто раскаивается в своей вине и хочет идти вместе с нами, и повести их за собой — вот неизменная политика нашей партии».

Женщины, прислушивавшиеся к словам вождя-отца, плакали теперь от радости, тронутые его глубоким доверием.

Он от души посоветовал им вырастить сыновей и дочерей новаторами производства и революционерами, потом говорил о будущем этих семей:

«Наша партия и государство открывают вам путь вперед. Вы должны вершить свою судьбу собственными силами.

...В дальнейшем вы должны хорошо работать и вступить в партию, жить зажиточно. Члены семей, угнанных на Юг, должны активно участвовать в политической жизни, и надо сделать так, чтобы из их среды вышли и общественные деятели, и Герои Труда».

Вождь терпеливо разъяснял им, как своей родной несчастной дочери, что это и есть единственно возможный путь для встречи с мужьями.

Тяжесть, давившая на душу, исчезла и появилась новая надежда. Каждая из женщин решила стать Героем Труда и вырастить детей революционерами.

Они сердцем понимали, что только так можно ответить на заботу вождя, который принес им свет и беспокоится о них, что так можно отомстить врагам, угнавшим их мужей.

После этого члены семей ушедших на Юг работали с большим усердием, среди них было немало тех, кто был удо-

стоен звания славного члена партии. И есть среди них женщины, которые стали Героями Труда, были избраны депутатами Верховного Народного Собрания. Дочери и сыновья их выросли, они называют вождя родным отцом. Они вступили в Народную Армию и взяли в руки оружие, а другие стали специалистами. Они надежно готовятся к тому, чтобы отомстить американским империалистам и их приспешникам — врагам их родителей и их Родины.

3

В северной части КНДР победила социалистическая революция и по мере продвижения социалистического строительства жизнь народа становилась лучше изо дня в день.

Чем выше уровень жизни нашего народа, тем больше уважаемый вождь Президент Ким Ир Сен, солнце нации, переживал за соотечественников, живущих в Японии и в Южной Корее в условиях постоянного гнета и унижений, борясь с невзгодами.

В прошлом много корейцев уехало в Японию, конечно, из-за оккупации нашей Родины японскими империалистами. Японские империалистические агрессоры безжалостно грабили наших людей и те вынуждены были уходить на чужбину. Корейцы, живущие в Японии, — это в большинстве своем люди, насильственно угнанные туда под предлогом «трудовой повинности», «мобилизации на военную службу» и т. д. во время Тихоокеанской войны, и их семьи.

Вопрос о соотечественниках, проживающих в Японии, возникший в результате агрессии японского империализма, должен был быть решен автоматически после поражения японского империализма. Но японские милитаристы вместо того, чтобы относиться к корейцам, оставшимся в Японии, как к иностранцам, подвергали их дискриминации и лишали

всяких национальных прав. В результате этих действий японской реакции соотечественники в Японии были лишены не только политических прав, но даже права на существование, они жили на чужбине, тоскуя по Родине.

Вождь-отец, тяжело страдавший из-за трагического положения соотечественников, живущих за рубежом, еще в период антияпонской революционной борьбы, еще больше болел душой из-за того, что не может вернуть их на Родину даже после установления социалистического строя в северной части Республики, когда вся Северная Корея превратилась в одну большую семью. Поэтому он прилагал все усилия к тому, чтобы вернуть соотечественников, живущих за рубежом, и в первую очередь в Японии.

Вождь открыл соотечественникам, живущим в Японии, морской путь на Родину

Японская реакция и предатели — южнокорейские реакционеры всячески мешали репатриации на Родину соотечественников, проживающих в Японии. Чтобы вернуть их на Родину, вождь приложил огромные усилия, его действиями двигала любовь к ним. Справедливость восторжествовала. В конце 1959 года началась их репатриация.

Вождь, получивший доклад о том, что 14 декабря первое судно с репатриантами — соотечественниками вышло из японского порта Ниигата, не мог заснуть.

Настал наконец долгожданный день! Сбылась мечта, для осуществления которой приложено столько сил и энергии. В период антияпонской революционной борьбы вождь всякий раз, когда встречался с соотечественниками, расселившимися по Южной и Северной Маньчжурии, мечтал после разгрома японского империализма вернуть на Родину этих людей, растоптанных, как соломинка, на чужбине, и обеспечить им счастливую жизнь. Японский империализм разгромлен, Родина возродилась, но страна разделена на две части и страстная мечта вождя вернуть на Родину соотечественников, живущих за границей, не сбылась. Прошло 15 лет после

освобождения, 10 лет после создания Республики, шло время, а вождь все не мог успокоиться, ибо до сих пор не смог их вернуть.

Человек должен жить в своем доме, а нация — на своей земле, в своем государстве. Пока существуют границы и различия между нациями, революция и строительство проводятся в рамках национального государства. И самостоятельность человека может быть полностью обеспечена лишь в своей стране, где установлен социалистический строй.

Мог ли хоть на минутку успокоиться вождь, который считает человека самым ценным существом и любит его, пока любимые соотечественники остаются в капиталистическом обществе, где деньги господствуют над всем, где людей ждет только каторжный труд! На Родине, где установлен социалистический строй, все люди освобождены навсегда от гнета и эксплуатации, они прославляют самостоятельную, творческую жизнь, а соотечественники, в жилах которых течет кровь одних и тех же предков, мытарствуют на чужбине, находятся на дне капиталистического общества. Может ли он спокойно наблюдать за трагедией соотечественников?!

Вот почему вождь, получив телеграмму о том, что вышло судно с соотечественниками, с волнением ждал его.

Вождь в течение двух дней не сомкнул глаз, желая им счастливого пути, успокоился лишь, получив сообщение о том, что сундо с репатриантами благополучно прибыло в порт Чхончжин и бросило там якорь.

Чхончжинский порт бурлил волнением и радостью вернувшихся и встречающих. Все слилось: «ура», радостные голоса, зовущие родных... Все плакали от волнения. Здесь была и старуха, которая уже было смирилась с судьбой, что не увидит Родины, а теперь так разволновалась, что не могла ответить на вопросы людей. Был и юноша, который от моря цветов и ликования соотечественников мог только кричать: «Мама! мама!», высоко подняв обе руки. Были и люди, вернувшиеся с останками родителей, чтобы перехоронить их прах в родную землю. Люди обнимались, несли репатриантов на плечах и танцевали, радость встречи захлестнула весь

порт, казалось, ликовали даже плывущие над ними облака и волны моря.

Соотечественники, прибыв на Родину, от волнения не в состоянии были произнести ни слова. Каждый про себя думал, что по возвращении на Родину будет без конца говорить, но когда их сокровенная мечта осуществилась, они думали только об одном:

«Спасибо Вам, Председатель Кабинета Министров Ким Ир Сен!»

«Мы вернулись благодаря Вашей заботе, дорогой вождь!»

Эти мысли находили выражение в слезах, ликовании, в гордости за жизнь, люди бесконечно кланялись портрету вождя. С этого времени Чхончжинский порт время от времени орошался слезами радости любимых соотечественников, скитавшихся по чужбине.

Вождь-отец не только открыл путь к возвращению на Родину, но и позаботился о жилье, питании, лечении, даже прислал нянь для детей и акушерок для рожениц. Репатрианты плакали, тронутые отцовской любовью вождя, который не забывал о мелочах, о которых никто не думал в обстановке всеобщего ликования.

Люди во всем мире с восхищением называли это великое событие «крупным передвижением нации от капитализма к социализму». Это восхваление политики любимого вождя Президента Ким Ир Сена по отношению к соотечественникам, проживающим за границей, люди выражали восхищения его безграничной любовью к ним.

В отцовских объятиях

Вождь-отец открыл для соотечественников в Японии путь на Родину и обеспечил репатриантам все необходимые жизненные условия. Еще задолго до репатриации на Родину он позаботился об их трудоустройстве, выделил им квартиры, выделил рис, дополнительные продукты питания, специи, не говоря уже о домашней утвари. Были предприняты все необходимые меры для создания им удобств, однако вождь, не успокоившись, лично

посещал квартиры репатриантов, чтобы узнать, нравится ли им все.

Вскоре после прибытия первой партии он посетил квартиру репатрианта в квартале Кёгу района Вэсон города Пхеньяна. Супруги не ожидали вождя у себя и растерялись, даже засмущались. Для населения Родины визит вождя не был чем-то диковинным, но для них, живших за границей, это было полной неожиданностью, им это было невозможно понять.

Но вождь осматривал платяные шкафы, которые выделило государство, на ощупь проверял, достаточно ли теплое одеяло, на кухне он осмотрел кухонный гарнитур, проверил сколько и какого качества рис, его интересовала каждая мелочь их быта.

Супруги до того растерялись, что не находили себе места, даже забыли поблагодарить вождя-отца. Он, узнав, что они оба продолжают учебу в вузе, хвалил и поощрял их и добавил, чтобы они без стеснения говорили ему, если возникнут какие-либо трудности в их жизни, и лишь после этого уехал.

Благодаря безграничной заботе вождя жизнь репатриантов на родной земле с первого дня стабилизовалась, они как социалистические труженики занялись плодотворным трудом во имя своего счастья и грядущих поколений, во имя процветания и развития социалистической Родины.

Вождь-отец был очень доволен тем, что репатрианты добросовестно работали на постах, порученных им государством, воодушевлял их и воспитывал из них достойные кадры, он растил из них революционеров, активно участвующих в общественной жизни.

Тут можно привести следующий пример. Один инженер, вернувшись из Японии, работал в Институте автоматизации. В Японии его семья жила в крайней нужде. Его отец был старьевщиком, продавал тряпье, на вырученные деньги едва сводил концы с концами. Сам он с малолетства не чурался никакой грязной работы, чтобы заработать деньги на плату за учебу, и с трудом окончил повышенную школу. Но в об-

ществе, где найти работу так же трудно, как невозможно быку пройти через игольное ушко, человек с аттестатом об окончании повышенной школы едва может заработать себе на пропитание. Вдобавок в Японии корейцы подвергались жестокой национальной дискриминации. Он решил, чего бы это ни стоило, продолжать учебу, и поступил на электротехническое отделение технологического факультета университета Хосэй. Университет, требующий огромных денег за учебу, сделал жизнь юноши и его отца еще труднее. Они работали без сна и отдыха, но не смогли заработать на плату за учебу, молодой человек вынужден был подать прошение о временном отчислении из университета. С этого дня его отец слег от нервного потрясения. Все лекарства были бессильны. Какие ему нужны были лекарства, кроме денег на оплату учебы сына.

В такой же момент, летом 1957 года сын неожиданно получил от Чхонрёна (Ассоциация корейских граждан в Японии) сообщение о том, что ему назначили стипендию, присланную любимым вождем Президентом Ким Ир Сеном.

Получив такие нужные и дорогие деньги, он ощущал всем существом их неизмеримую ценность. В их ценности объединились ответственность перед Родиной и сила великой любви вождя.

Имея деньги для оплаты учебы в руках, он гордо переступил порог университета, который раньше внушал ему такой страх. И отец его выздоровел.

Позже, сразу же после того, как был открыт путь на Родину, его отец возвратился в КНДР, чтобы служить социалистическому строительству, а он на стипендию, присылаемую вождем, закончив даже аспирантуру при университете, вернулся на Родину и начал по своему желанию работать в Институте автоматизации при одном из заводов. Вскоре его отец, который жил в Яндоке, приехал к нему, узнав, что вождь посетил этот завод. Старик переживал, что не смог отблагодарить вождя, давшего его сыну стипендию на учебу, верил, что сын, наверно, отблагодарил вождя за все.

— По такому случаю ты должен был написать отцу пи-

сьмо, для чего же ты научился грамоте?.. — упрекал старик сына.

Случай, который трудно себе представить.

Но в тот день сыну не довелось увидеться с вождем. Институт находился в отдалении от завода, и администрация завода не успела сообщить ему об этом. Жена намекала ему, чтобы он разъяснил старику все, как было, но он не смог. Если сказать правду, то огорчится старик, если неправду — тоже плохо. Поколебался он и наконец решился:

— Отец, честно говоря, я не виделся с вождем. Поэтому письмо...

— Что?

У старика затряслась голова, он страшно обиделся. Он спросил сноху:

— Как же это так получилось?

И сноха ничего не могла ответить свекру и опустила голову. Старик ерзал, выпуская табачный дым, и наконец выговорил:

— Ты, видимо, уже позабыл жизнь в Японии.

Старик немного успокоился, когда более подробно узнал все от снохи.

Уезжая, старик еще раз сказал сыну:

— Ты должен совершить настоящий подвиг, крепко помни о тех днях, когда от радости, что о нас позаботился сам вождь, мы проливали слезы. Ты должен делом ответить на его заботу и отблагодарить при встрече с ним. Это твой человеческий долг.

Впоследствии любимый вождь снова посетил завод. Специалист вспомнил прошлый случай, когда ему, к сожалению, не довелось видеться с вождем, и беспокоился, чтобы не получилось так и на этот раз. И тут сообщили, что вождь зовет к себе репатриантов, в том числе и его. От этого он то радовался, то удивлялся.

Когда он вошел в комнату, вождь осведомился о его работе и жизни, потом спросил, вступил ли он в партию?

Тот ответил, что еще не готов к вступлению в партию.

Вождь говорил, что надо хорошо работать и вступить в партию, тогда будет более достойной жизнь, и спросил, кто-нибудь из репатриантов, вернувшихся вместе с ним на Родину, вступил в партию.

Он перечислил несколько человек, кого знал.

— Вся семья вернулась на Родину?

— Отец, старший брат, сестра и ее муж — все вернулись. Мать — в Южной Корее.

Вождь мрачнел от его ответа, помолчав, как бы про себя говорил:

«Эти товарищи боролись в Японии под лозунгом «Да здравствует Республика!», обвязав голову красным полотенцем. После возвращения на любимую Родину, говорят, хорошо работают, но пока еще не состоят в партии...»

Не закончив, вождь обратился к нему:

— Ну как, вы хотите вступить в ТПК?

— Да, очень хочу!

Специалист сам не знал, как вырвался у него такой ответ. Этим коротким ответом он, наверное, выразил свою надежду и радость, одновременно стыд.

Выслушав его ответ, вождь осведомился у ответственных работников заводского парткома о его подготовке к вступлению в партию и опять задумался. Наконец, он, оглядев работников парткома завода, сказал, что этот товарищ мужественно боролся в Японии, хорошо работает на Родине, поэтому хорошо бы принять его в партию.

Он сказал ему, улыбаясь.

«Вступайте в партию. Я ручаюсь за вас!»

От волнения, казалось, вот-вот выскочит сердце из груди.

Если существует на свете вера, то сравнима ли она с этим доверием, если есть любовь, то горячее ли она этой любви! Велика благодарность за то, что тебя, жившего на чужбине, тоскуя по Родине, вернул вождь в объятия Родины, а теперь дал славное звание члена ТПК, самую дорогую социально-политическую жизнь.

Для человека важнее всего участие в политической жизни.

Жить просто, не участвуя в политической жизни, значит вести чисто биологическое существование, но для человека этого мало. Человеку, чтобы ощутить свою силу и достоинство, необходимо участвовать в политической жизни. Только в этом случае жизнь для него приобретает смысл, ценность и значение.

Вождь дал ему эту драгоценную политическую жизнь, и он заново родился коммунистом, революционером. Он не только дал ему политическую жизнь, которая является основным мерилом стойкого революционного борца, но и воспитывал его в духе преданности стране и народу. Благодаря такой заботе вождя он стал позже Героем Труда и депутатом Верховного Народного Собрания.

Вождь окружает особой заботой соотечественников, претерпевших все невзгоды на чужбине в тоске по Родине, обращает внимание не на какого-нибудь одного репатрианта и его семью. Тепло его любви греет всех репатриантов и их семьи без исключения. Вот почему многие репатрианты благодаря заботе и вниманию вождя живут достойно, прославляя данную им политическую жизнь.

Отцовская любовь перешагнула через море

Поистине бескрайне внимание любимого вождя Президента Ким Ир Сена к соотечественникам, проживающим за рубежом.

Репатриация соотечественников из Японии на Родину, которую мир с восхищением называет крупным передвижением нации, — великое дело, которое не завершится за день-другой. Поскольку эта грандиозная работа потребует длительного времени, постольку встает вопрос уже не о тех, кто прибыл на Родину, а о тех, кто еще в Японии, ибо если их оставить без помощи, внимания и заботы там, то они могут утратить свои национальные корни.

Поскольку они прожили десятки лет на чужбине, в отрыве от Родины, то естественным является частичная асси-

миляция. Такая опасность особенно угрожает соотечественникам в Японии вследствие политики ассимиляции, проводимой японской реакцией.

Некоторые соотечественники в Японии не в силах больше терпеть национальную дискриминацию и оскорбления и, чтобы выжить, вынуждены были менять свою родную фамилию и имя, говорить на японском языке и даже принять японское гражданство. Они вынуждены были, скрепя сердце, расстаться со своим именем, родным языком и предками.

Великий вождь, вникнув в трагическую ситуацию, содействовал организации Чхонрёна 25 мая 1955 года, с одной стороны, укрепил и превратил ее в мощный бастион соотечественников в Японии, с другой — через Чхонрён он добивался установления чучхе среди соотечественников в Японии, побуждая их выступать против политики ассимиляции, проводимой японской реакцией, сохранять лицо и сущность корейцев.

Это был для соотечественников в Японии путь возрождения, позволяющий выжить корейцам. Это было решительное мероприятие, позволившее жить, не теряя национальное достоинство и гордость. Так сегодня всюду — от Кагосимы на о. Кюсю — Токио — до Саппоро на о. Хоккайдо, стало возможно работать на благо Родины и жить, опираясь на демократические национальные права, предоставленные корейцам.

Вождь принял также важные меры, направленные на осуществление всестороннего демократического национального обучения детей соотечественников в Японии, это — новое проявление его горячей любви к соотечественникам.

Вождь рассматривал национальное образование корейских детей и молодежи в Японии не просто как обучение, а как работу, направленную на возвращение корейцев, как борьбу за права граждан суверенного государства.

Сегодня, начиная от городов и деревень до неизвестных островов Японии, где живут корейцы, созданы школы различных ступеней для корейцев, учреждена стройная система демократического национального образования от детского

сада, начальной, средней и повышенной школ до Корейского университета, располагающего современным оборудованием.

Был такой случай.

Между основной территорией Японии и о. Сикоку, в море Сето Найкай есть небольшой островок, на котором живут несколько корейских семей и японцы. Здесь японское правительство не организовало школы, поэтому дети японцев, а корейские и подавно, не могли ходить в школу. Но Чхонрён создал на острове корейскую начальную школу из фонда просвещения, выделенного вождем. Так, корейские дети острова стали учиться на корейском языке и изучать историю и современную жизнь Родины. В этой школе учатся даже японские дети.

Есть еще и другой пример.

Один юноша учился в Южной Корее, но не имел возможности закончить образование, перебрался в Японию к своей старшей сестре, надеясь на удачу. Здесь он, работая поденщиком и получая незначительную поддержку от сестры, с трудом закончил повышенную школу, но до института не смог дотянуть. Но молодая кровь и страстное желание взяло свое: он выдержал вступительные экзамены на горное отделение первого физико-технического факультета университета Васэда. Он поступил в вуз, но радость его была омрачена. Чтобы учиться в вузе, надо внести вступительный взнос в размере 60 тыс. иен, но у него не было и 6 иен.

Он сумел наскрести нужную сумму: часть взял у своей сестры, а другую часть — насобирал буквально с миру по ниточке. Но платить надо было на каждом шагу. За пользование лабораторией, за практику и за учебные принадлежности ежеквартально надо было платить в среднем по 37 — 39 тыс. иен. Он работал по очистке дна моря в портах — Иокогама, Кавасаки и др. За эту черную работу платили относительно высоко, но это была очень трудная работа, надо было носиться, как метеор, с илом на спине, ведь работа шла только во время отлива.

Изнурительный труд его не пугал, если бы он обеспечил плату за учебу. Или учиться или расстаться с учебой

навсегда — вот какая дилемма мучила его. Хотел учиться, но преградой стала плата за учебу, хотел забросить ее — не давало страстное желание учиться. Зайдя в тупик, он проклинал тот день, когда родился.

Именно в такой момент вождь-отец послал ему стипендию. Только в районе Токио 100 с лишним студентов и аспирантов получали стипендию, в числе других и он принял обеими руками конверт со стипендией, проникнутый отцовской любовью вождя.

С этого дня, получая стипендию, он мог вносить плату за учебу и прилежно учиться.

Когда вождь отправлял первую сумму фонда помощи на учебу детям соотечественников, проживающих в Японии, был трудный послевоенный период восстановления и строительства, в то время на Родине все работали, потуже затянув пояса. В этих условиях не так-то просто уделять большое количество средств на образование соотечественников, живущих за границей. Но вождь, благодаря которому в период антияпонской революционной борьбы, что велась без помощи извне, без государственного тыла, были созданы во всех районах Маньчжурии школы для детей соотечественников, а на партизанских опорных базах — школы Детского отряда и развивалось дело национального образования, проявлял большую заботу об образовании соотечественников, проживающих за рубежом, несмотря ни на какие трудности.

13 июня 1959 года. В этот день завершилось строительство Корейского университета на средства в помощь просвещению, которые выделил вождь. Приехали в Токио соотечественники со всех районов Японии. Один из участников вспоминает о впечатлениях того дня так:

«...Равнина Мусасино, эта широкая безлюдная равнина утопала в зелени, казалось, что она слилась с небом. Шли мы долго, вдруг кто-то крикнул «О!» и бросился вперед, размахивая пиджаком. И я за ним, не зная, в чем дело, и вижу: высоко в небе над густыми деревьями реяло знамя Республики! Я тоже закричал «О! Наш дом, наша школа!» и побежал.

«Как великолепно. Как велика забота нашего вождя!..» — кричали мы взволнованно, то прижимаясь щеками к стене, то поглаживая стекла окон, шумели на газоне и на плоской крыше. В тот день с плоской крыши я, обращаясь к Родине, от души не переставая кричал: «Спасибо Вам, дорогой вождь. Непременно выполню Ваши указания и стану стойким борцом за объединение Родины».

Такое же чувство радости пережили все соотечественники.

Соотечественники, живущие в Японии, глядя на Корейский университет, величественно высившийся на чужбине, вспоминали горькое прошлое и были не в состоянии сдержать сегодняшнюю радость, они танцевали целый день, крепко обнявшись и прославляя вождя.

Любовь вождя к ним не знает предела. Детям соотечественников, проживающих в Японии, которые еще не видели Родины, вождь отсылал камни горы Пэкту, землю Родины, чучела красивых птиц и зверей, ароматные фрукты и семена редкостных цветов. Перед этими сокровищами, передающими песни, сны, ароматы и дивный облик родной земли, все соотечественники в Японии плакали от радости, охваченные безграничным счастьем, они представляли себе: будто вождь-отец, держа их за руки, шагает по Родине, превращенной в земной рай. Для соотечественников, проживающих в Японии, вождь является истинным спасителем и любимым отцом.

4

При чучхейском социалистическом строе, воспевающем счастье, чтобы не было ни одного несчастного, великий вождь Президент Ким Ир Сен уделяет особое внимание детям-сиротам.

Сироты — это дети, лишенные родителей, бродящие без пристанища по улицам. Но сироты в нашей стране — это дети, потерявшие родителей, а смысл понятия сироты утерян. Их дом — объятия партии, их отец — дорогой вождь. Вождь, который не спит ночами в думах о сиротах, заключает всех их в объятия страны.

Отцовская любовь

Это произошло 29 апреля 1960 года. Благодаря заботе вождя в северной части Республики было принято положение о ежегодной выдаче учащимся летней и зимней школьной формы. В этот день вождь-отец Президент Ким Ир Сен попросил адъютанта пригласить несколько школьников — мальчиков и девочек, получивших новую форму, выданную им весной на лето, чтобы узнать, как они оценивают фасон, качество, цвет.

Адъютант привел в резиденцию вождя двух мальчиков и двух девочек, которые до этого играли в парке.

Вождь обратил внимание на то, как на них сидит одежда, каково качество ткани, поинтересовался их учебой и семьей.

Весело беседуя с детьми, вождь увидел на одной девочке поношенные парусиновые тапочки.

— Где работает твой папа, на заводе или в учреждении? — спросил он.

Вмиг с лица у девочки слетела беззаботность, она опустила голову и носком поношенной тапочки начала катать гальку.

Девочку звали Чве Ен Ок. Ее отец работал раньше на резиновой фабрике, он погиб во время бомбежки американских стервятников в годы Отечественной освободительной войны, а мать, работавшая на пищевой фабрике, умерла от болезни год назад, в мае 1959 года. У Ен Ок были еще три сестры. Младшая жила в Вонсане, а трое сестер жили вместе на государственном пособии. Им помогали люди из заводов, где работали их родители, а также соседи.

Ен Ок решила никому не говорить об этом. Напоминание об умерших родителях опечалило девочку. Доброму,

любящему и заботливому вождю она рассказала обо всем без утайки.

«Значит, вы втроем, как голубки... И варите рис, и стираете белье, и убираете комнату... Молодцы! Сами ведете домашнее хозяйство и ходите в школу. Действительно молодцы!»

Не отпуская рук Ен Ок, он медленно говорил охрипшим голосом. Еще с периода антияпонской революционной борьбы вождь видел немало людей, попавших в беду, но он никак не мог привыкнуть к виду такого горя. Вождь, считающий чужое горе своим собственным, остро переживал за детей, лишенных родителей.

И сегодня он, выслушав рассказ Ен Ок о жизни четырех сестер, испытывал невыразимую боль в сердце. Он спросил тихим тоном:

— Ен Ок, скажи-ка мне, где вы живете?

Ен Ок, почувствовав, как переживает вождь, ответила плачущим голосом. Вождь записал в блокнот ее адрес и имена ее сестер, потом сменил тему разговора, чтобы сдержаться от грусти и развеселить Ен Ок.

Отпустив школьников, вождь-отец сидел на той же скамейке, где он встретился с ними, он был озабочен мыслями о жизни четырех сестер. Эти несчастные девочки обеспокоили его. Он прохаживался по саду, стараясь унять душевную боль, но все напрасно.

Он пошел в спальню, намеревался забыться в кратком сне, но не смог заснуть.

Можно было представить себе их жизнь, но вождь не мог успокоиться, пока не увидев все сам. Он попросил адъютанта узнать о жизни девочек. Адъютант навестил девочек, старшей было 15 лет, остальные девочки были совсем небольшие, но хозяйство вели аккуратно, в доме у них было чисто, они успевали в школе. Чан для риса был полон риса, во всех кувшинах — густая и жидкая соя, была даже приправа. Знакомясь с домашним хозяйством, которое так аккуратно вели девочки, адъютант чувствовал, как к горлу подступил комок.

Если им немного помочь, то девочки зажили бы безбедно, но вождь не мог успокоиться.

К вечеру, полагая, что трое сестер вернулись из школы, вождь-отец велел привести их в свою резиденцию. Он обнял их и, поглаживая голову старшей Ен Сук, сказал:

«Так, значит, ты и есть Ен Сук... небось, не легко тебе приходится и за сестрами присматривать, и хозяйство вести да еще ходить в школу... Видишь, и руки у тебя обветрились немного...»

Ен Сук, уткнувшись лицом в грудь вождя, зарыдала.

— Не плачь, Ен Сук, не плачь... Разве можно главе семейства плакать... Перестань... Ну, не плачь...

Вождь, взяв под руки трех сестер, поднялся на второй этаж. Ему захотелось поговорить с ними об их планах на будущее.

— Вы хотите жить так же, как жили? Или, может быть, вам лучше пойти в школу-интернат?

Давно местные органы власти хотели направить сестер в школу-интернат, но они отказались, боясь, что школа может их разлучить. Но теперь они хорошо поняли, как трудно вести домашнее хозяйство и учиться, и поэтому ответили, что хотят идти в школу-интернат.

Вождь-отец обещал сестрам послать их в школу-интернат после 1 мая.

Вождь отправил их домой только после того, как накормил их ужином, хотя они уже поужинали. Перед отъездом он обнял их и сказал:

«Завтра идите в школу, а послезавтра, 1 мая, отметим праздник вместе в нашем доме. После торжеств никуда не уходите из дому».

Вождь, провожая их до парадных дверей, еще раз сказал, чтобы после праздничных мероприятий они никуда не уходили из дому, распорядился завернуть в пакет школьные принадлежности, яйца, фрукты, мясо и т. д.

Утром 1 мая, отправляясь на праздник, вождь-отец велел адъютанту после окончания торжеств привести трех сестер, чтобы девочки провели время вместе с его детьми.

Думая, что в праздники сироты могут загрустить, вспоминая умерших родителей, он велел привести их, чтобы они забыли о своем горе. Они весело играли вместе с детьми вождя, не догадываясь о его глубоких думах. Для вождя они были дорогими гостями. Поэтому в тот день во время обеда, на котором присутствовали члены Политического Комитета, он попросил извинения и встал, говоря, что в доме его ждут дорогие гости.

На следующий день Ен Ок и две ее сестры посетили могилу матери, в руках у них были фрукты, сладости и пища, присланные вождем. Тот день был первой годовщиной смерти матери. Разложив пищу перед могилой, Ен Сук говорила со слезами:

«Мама, мы пришли. Ты, мама, так горько плакала, покидая нас, несмышленышей. Мама, радуйся, Маршал-отец три раза пригласил нас к себе домой и направляет нас в революционное училище. Он обещал вызвать и Ен Хи из Вонсана, чтобы она была вместе с нами. Мама, спи спокойно. Мы лишились родителей, но мы не чувствуем одиночества. Маршал-отец заменяет нам папу и маму и окружает нас любовью и заботой...»

Ен Сук громко звала маму, сообщая о безмерном счастье четырех сестер. Она плакала, просила покойную маму попробовать конфеты, посмотреть, как они счастливы. Младшие сестры тоже плакали.

Они не сироты

Благодаря теплой любви вождя Ен Ок и три ее сестры жили счастливо, не зная сиротской доли. И дети, имевшие родителей, не могли быть так счастливы, как они, не могли и проводить каждый день так весело, как эти девочки.

Когда девочки подросли, вождь-отец, беспокоясь о их будущем, опять позвал их в свой дом. За последние несколько лет они не раз виделись с вождем по разным поводам. Но в доме вождя Ен Ок оказалась четвертый раз, Ен Сук и Ен Сир — третий, а Ен Хи, которая жила в Вонсане, — первый раз. Сироты снова переступили вместе порог дома, где их

ждала любовь, где они стали самыми счастливыми на свете дочерьми.

Вождь ждал их у главного входа. Они с криком «Папа!» бросились в его объятия.

— Все приехали. Лица румяные. Кажется, все здоровы. Это хорошо!..

Обняв сестер, по две с каждой стороны, вождь вошел в приемную и, поглаживая голову Ен Хи, говорил:

— Как ты выросла, Ен Хи, значит, я старею.

Они хотели поблагодарить вождя, который так любил их, вырастил их и воспитал, но не могли вымолвить ни слова. Сначала речь шла о Ен Хи, которая впервые была в резиденции вождя. Вождь выбрал большое и красивое яблоко и подал Ен Хи, дал ей конфету.

Вождь-отец, оглядывая сестер Ен Ок, продолжал:

— ...Теперь вы все выросли. Я позвал вас, чтобы поговорить о вашем будущем. У вас, наверно, есть свои планы. Расскажите мне их.

Учитывая их желания, призвания и склонности, вождь решил зачислить Ен Сук на третий курс пединститута, а Ен Ок направить на экономический или философский факультет Университета имени Ким Ир Сена, Ен Сир — в Революционное училище в Нампхо, потом в мединститут, а Ен Хи — в Школу иностранных языков, потом в Институт иностранных языков.

Глядя на Ен Хи, он говорил:

— ...Если наша Ен Хи хорошо овладеет иностранным языком, то, может быть, она станет моим переводчиком. — Он громко смеялся.

Так был решен вопрос о будущем четырех сестер. После обеда вождь снова повел сестер к себе и по-отечески давал им совет хорошо учиться, активно участвовать в жизни Союза Социалистической трудовой молодежи, в партийной жизни после вступления в партию и стать замечательными революционерками.

Вождь-отец подозвал Ен Сук и, усадив рядом, говорил

тихо, но серьезно, опасаясь, как бы не услышали их младшие сестры.

— Теперь тебе, кажется, 22 года?! Я не беспокоюсь о твоих младших сестрах — они еще малы, но тебе пора уже подумать!.. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, понимаю... — ответила Ен Сук, покраснев до ушей.

Ен Сук, которая молча опустила голову, выглядела как счастливая дочь, сидящая перед родным отцом, который заботливо беседует с ней.

В тот день вождь подарил им книги, авторучки и много других вещей.

Они вернулись домой поздним вечером.

Вождь проводил их до главного входа. Он смотрел им вслед с парадного входа, пока не тронулась машина.

5

Южнокорейский народ, вдохновленный гигантским шествием Чхоллима в Северной Корее, руководимым великим вождем, энергично развернул борьбу против американского империализма, за спасение Родины, несмотря на жестокие репрессии врагов, и, наконец, в апреле 1960 года сверг лисынмановское марионеточное правительство.

Таким образом, в Южной Корее борьба против американского империализма за спасение Родины вступила на новый этап. Но американские империалисты сфабриковали «правительство» военно-фашистской диктатуры с целью помешать осуществиться горячему стремлению народа к новой жизни, к самостоятельному объединению Родины. Новое марионеточное «правительство», которое захватило «власть», организовав ночной вооруженный налет с саблей, было бандитской хунтой, во главе ее стояли прояпонские и

проамериканские элементы. Она фабриковала десятки драконовских законов за день, покрыла Южную Корею густой агентурной сетью, арестовывала, бросала в тюрьмы и зверски убивала жителей, превратила южнокорейскую землю в сущий ад.

Вождь-отец переживал из-за бедствий и страданий народа Южной Кореи, оккупированной американскими империалистами, разработал многие мероприятия по спасению Родины и принял меры, диктуемые патриотическими чувствами к соотечественникам.

Он делал все возможное и все-таки всегда мучился и переживал, проводил ночи без сна; стоя у окна, обращенного на юг, и сердцем ощущая страдания соотечественников Южной Кореи, он долгие часы думал о судьбе несчастных людей на Юге.

Думая о многострадальном Юге

В последней декаде сентября 1960 года вождь-отец посетил село Пондон уезда Пханмун, расположенное у демаркационной линии. Поднявшись на высокий холм за селом, он долго, пристально смотрел на юг.

Сквозь туман по ту сторону демаркационной линии виднелись Тораб, Куксу и другие высокие и низкие горы. Самая высокая из них гора Самгак. За ней находится Сеул. До него можно добраться поездом за час, но железная дорога перерезана, рельсы ржавеют, все заполнили сорняки. Речка Сачхон, как всегда, впадает в реку Римчжин, но Юг и Север, расчлененные этой рекой, разительно отличаются друг от друга. Меняются и общество, и горы, и реки, и люди. На Севере громко звучит песня о богатом урожае, а Юг похож на пустыню, где тоскливо шуршит камыш на ветру. Даже птицы с печальными криками перелетают на Север.

Вождь-отец омраченным взглядом смотрел на небо Юга. Ветер развевал полы его демисезонного пальто.

И в этот час соотечественники Юга проливают кровь под гнетом американского империализма. Простые крестьяне

провинций Кенсан и Чолла, у которых забрали земельные угодья, как «участки, отведенные на военные нужды», покинули родные села и скитаются по белу свету, и от печальных портов Инчхона и Пусана отплывают «суда с эмигрантами на борту», которых ждет рабская жизнь на далекой чужбине. По улицам бродят сироты и безработные, в тюрьмах многочисленные патриоты подвергаются пыткам и истекают алой кровью. Они, истерзанные и замученные, настойчиво призывают к спасению.

Однако сейчас вождь не может протянуть руку помощи южнокорейскому народу, переживающему неимоверные муки, он стоит на холме у демаркационной линии. Неописуемо тяжело и мучительно было на душе у вождя, стоявшего у этого рубежа.

Когда наступает дождливый сезон, вождь беспокоится из-за наводнений в Южной Корее, а когда приходила вьюжная зима, он думал прежде всего о южнокорейских соотечественниках, которые дрожат от холода на улицах. Читая в газете заметки о том, что в Южной Корее замерзли люди, или о самоубийстве какой-то семьи из-за бедности и безработицы, он так горевал, что отказывался от еды.

Говорят, родные отдаляются друг от друга, если они живут в разлуке, но внимание вождя к соотечественникам Южной Кореи росло с каждым днем.

Вождь-отец, заботясь о южнокорейских жителях, страдающих от произвола американских империалистов и их приспешников, внес предложение южнокорейским властям о передаче 100 тыс. сок риса и много материалов с целью спасения жителей Южной Кореи, пострадавших от большого наводнения в 1957 году, оставшихся вследствие без крова. И в следующем году он вновь внес предложение о предоставлении 150 тыс. сок риса, 5 млн. метров ткани, 100 тыс. тонн рыбы, 4 млн. пар обуви, чтобы спасти несколько миллионов безработных и помочь сиротам. Он выразил готовность принять и вырастить всех беспризорных и каждый месяц выплачивать стипендию трем тысячам учащимся, которые вынуждены сами зарабатывать деньги для учебы.

Вождь выразил готовность Северной Кореи взять на себя восстановление и развитие разрушенной национальной экономики Южной Кореи. С болью в сердце думая о приходящей в упадок национальной промышленности и отстающем сельском хозяйстве Южной Кореи, он неоднократно предлагал построить за счет северной части страны заводы и электростанции, которые содействовали бы улучшению жизни южнокорейского народа, направить деревне тракторы, сельскохозяйственные машины и другие средства механизации, создать ирригационные сооружения.

Великий вождь хотел делиться радостями и горестями со всеми соотечественниками, составляющими единокровную нацию.

Безграничную любовь вождя к южнокорейскому народу американские империалисты и их приспешники были не в силах победить. Враги народа, которые сохраняют свое господство только преступлениями и предательством, всегда страшились проявлений благородной воли вождя, как грома среди ясного неба, и выступали против мер, направленных на благо народа.

Таким образом, горячая любовь и забота вождя к соотечественникам Южной Кореи не могли дойти до них из-за коварных обструкционистских происков американских империалистов и их приспешников.

Но несмотря на усиление происков врагов, вождь ни на минуту не прекращал борьбу за скорейшее избавление соотечественников от страданий, за прекращение национального раскола, за самостоятельное объединение Родины.

Великий вождь считает задачей всей своей жизни, своим священным долгом перед Родиной и народом объединить Родину при жизни нашего поколения и передать потомкам воссоединенную Корею.

В октябре 1954 года, вскоре после прекращения огня вождь с целью ускорения мирного объединения страны выступил с диктуемым любовью к соотечественникам предложением об осуществлении почтовой связи между Югом

и Севером, чтобы дать разлученным родственникам возможность хотя бы переписываться между собой. В апреле 1956 года выдвинул предложение по созданию постоянного комитета, призванного обсудить вопросы о контактах между Севером и Югом, об их объединении и наметить практические мероприятия. В феврале 1958 года и впоследствии, пользуясь подходящим случаем, он предложил: на основе вывода агрессивных войск США сократить численность армий Юга и Севера до ста тысяч и менее с каждой стороны и заключить договор о взаимном ненападении.

В 1960 году вождь выдвинул предложение о конфедерации Севера и Юга и план по ее осуществлению. Предложение о конфедерации Севера и Юга предусматривало создать Верховный национальный комитет из равного количества представителей, назначаемых правительством Корейской Народно-Демократической Республики и южнокорейскими властями, при сохранении на определенное время политического строя, установленного в Северной и Южной Корее, укрепить экономический и культурный обмен и взаимное сотрудничество между Севером и Югом. Это была мера переходного характера, направленная на то, чтобы в условиях, когда невозможно сейчас же провести всеобщие свободные выборы на Севере и Юге, решить неотложные вопросы, представляющие общий интерес нации, и постепенно подойти к полному объединению. Эта мера имела целью восстановить прерванные национальные узы, содействовать пониманию между Севером и Югом и создать благоприятную ситуацию для ускорения объединения Родины.

Он предложил: если южнокорейские правители не готовы принять конфедерацию Севера и Юга, то отодвинуть временно политический вопрос на задний план, осуществлять хотя бы экономический и культурный обмен, обеспечить передвижение людей и облегчить страдания, причиняемые национальным разделением, а если они не хотят принять и это, то дать возможность разлученным на Севере и Юге родственникам переписываться друг с другом.

Чем гуще становилась роща на демаркационной линии,

чем дальше текло время, тем больше вождь болел душой из-за того, что увеличивается разница между Югом и Севером, меняются язык и обычаи, и еще острее ощущал свой долг.

Поэтому он выдвинул самые справедливые и рациональные предложения, которые могли бы принять все корейцы, в чьих жилах течет кровь корейской нации, и прилагал все усилия для их реализации.

Мероприятия и предложения вождя по объединению, исходящие из благородного чувства ответственности за судьбу нации и горячей любви к соотечественникам, дали южнокорейскому народу огромную силу и мужество. Однако из-за коварных происков врагов, обреченных на гибель, этим реалистическим и справедливым предложениям не было суждено осуществиться. И поныне народ Южной и Северной Кореи переживает страдания от раскола.

Вот почему и сегодня вождь ощущает острую боль в сердце из-за резкого контраста в жизни Юга и Севера — результата раскола страны.

Заменив выпускникам родителей, не прибывших с Юга

Чем большую боль вождь-отец ощущал из-за расчлененной Родины и несчастного южнокорейского народа, тем больше любовью и заботой окружал людей, которые пришли на Север с Юга.

Это было в день первого выпуска студентов Сондоского политико-экономического института в Кэсоне.

Вождь-отец Президент Ким Ир Сен создал этот институт для того, чтобы молодежь из Южной Кореи, которая боролась против колониальной политики американского империализма, сражалась с оружием в руках в рядах добровольцев в период Отечественной освободительной войны, имела возможность учиться.

Вождь обеспечил институт необходимым оборудованием, а также создавал все условия для жизни и учебы студентов, но, не успокоившись на этом, он часто навещал студентов, проявлял о них неусыпную заботу и советовал им усерд-

нее заниматься ради спасения соотечественников Южной Кореи.

Так они учились 4 года. Настало время, когда они должны были сделать первые шаги как члены общества.

Окончание института — это момент завершения учебы и вступления в общественную жизнь. Поэтому выпуск из учебного заведения является важной вехой на жизненном пути, поэтому преподаватели, члены семьи и близкие сердечно поздравляют выпускников, а виновники торжества долго не забывают волнения этого дня.

На церемонии, посвященной окончанию института, присутствуют многие родители выпускников. Они поздравляют своих сыновей и дочерей, выражают благодарность государству, которое воспитало их детей замечательными людьми, и еще раз желают своим детям, которые уходят из института хорошо подготовленными работниками, успехов в их труде. В этот знаменательный день выпускники очень радуются, если рядом с ними сидят родители.

Но на выпускном торжестве в Сондоском политико-экономическом институте не было родителей. Родина всех выпускников в южной части Кореи. Как радовались бы их бедные родители, если бы они увидели своих детей, которые подвергались унижениям, жили в голоде и холоде там на юге, а теперь, окруженные заботой вождя, с честью окончили вуз и готовы работать на благо общества! Как они обрадовались бы, если бы увидели большие дипломы и услышали от своих детей рассказы о глубокой заботе вождя и благах нового общества и нового строя! А как были бы взволнованы сами выпускники! Но их родители находятся вдалеке, откуда никак не могут приехать, как бы они ни звали их.

Вождь-отец, лучше других понимавший чувства студентов, отложил все срочные дела и приехал на церемонию выпуска, проделав длинный путь. Никто, кроме вождя, не может заменить выпускникам родителей, вот он и приехал, чтобы поздравить их вместо родителей.

Студенты не могли сдержать радостных возгласов и

горячих слез от безграничной радости и благодарности. Не только молоденькие студентки, но и студенты, которым уже перевалило за 30 лет, со слезами на глазах мысленно повторяли «папа» и «мама». Они шептали: «Папа, на нашем выпускном торжестве присутствует дорогой вождь» или «Мама, ты бы знала радость своей дочери».

Студенты, которые думали, что им придется на выпускном торжестве грустить, входили в зал с озаренными радостью лицами, как самые счастливые на свете молодые люди, с уважением глядя на вождя. Они напоминали подсолнухи, поворачивающиеся к солнцу.

Несколько лет назад в один из зимних дней вождь посетил этот институт. Тогда одна студентка сказала ему, что в Сеуле живет ее старая мать, что она тоскует по ней. Он разделил с ней ее горе и долго глядел в окно. Та студентка находится сейчас среди выпускников, видя в облике дорогого вождя облик своей матери.

Был и студент, который вступил в ряды добровольцев, оставив дома одинокого старого отца. Он долго не мог расстаться с отцом и все стоял у ворот. Но отец упрекнул сына за слабость, и сын ушел на войну, не успев даже распроститься как следует с отцом. Теперь он находится среди выпускников, ощущая тепло отцовской любви от дорогого вождя.

Все выпускники, окруженные горячей любовью и заботой вождя-отца, ощутили всем сердцем родительскую теплоту.

На выпуске великий вождь рассказал всем студентам о прошлом нашей нации и нарисовал им светлые перспективы будущей жизни. Вождь подчеркнул, что нет актуальней и важней задачи, чем объединение Родины. Он говорил:

«Сегодня американские империалисты оккупируют Южную Корею, но наступит день, когда им придется уйти оттуда, а наша Родина непременно будет объединена.

Изгнание американских империалистов из Кореи и объединение Родины — это закономерный процесс».

Далее он проанализировал рабочее движение, развивавшееся в прошлом в Южной Корее, и подчеркнул необходимость извлечь из него урок.

Каждое слово вождя западало в горячие сердца выпускников, разжигало неугасимое пламя борьбы, становилось руководящим компасом в их жизни.

И после обеда вождь-отец остался со студентами, удовлетворив их настойчивую просьбу.

Один студент, подойдя к нему, смело, как будто он был баловнем семьи, сказал:

— Дорогой вождь, у нас просьба к Вам.

— Какая просьба? Скажите.

— Мы просим Вас сфотографироваться с нами.

— Ладно, давай сфотографируемся.

Вождь охотно согласился и направился к парадному входу, и там он сфотографировался вместе со студентами.

Но студентам этого было мало.

— Просим — с нами, выпускниками, отдельно!

— Просим — отдельно с нашей группой!

Студенты просили наперебой, не отставали, цепляясь за него, как за отца.

Вождь охотно соглашался:

— Хорошо, давайте. — Снимался он вместе с ними, то стоя, то сидя по их просьбе.

Несмотря на большую занятость, вождь решил провести весь день с ними, деля с молодыми людьми, тоскующими по родителям и родному краю, их радости.

Благородный образ вождя-отца, который, сидя и стоя, поглаживал плечи студентов, как и его задушевные слова, навсегда сохранится в их сердцах.

Надо жить единой семьей!

Солнце нации Президент Ким Ир Сен дорожит больше всего людьми, которые вели подпольную борьбу и испытывали величайшие невзгоды в южной части страны, которые боролись в рядах добровольцев и демобилизовались, а также рабочими, крестьянами, интеллигенцией, студентами и их семьями, подвергавшимися унижению на Юге.

Великий вождь дал им, пришедшим с голыми руками, возможность учиться в соответствии с их призванием, наз-

начил их на важные посты революции и строительства, вырастил их, воспитал людей, которые изнывали бы в нищете и презрении в Южной Корее, людьми нового типа, замечательными кадрами. Очень многие выходцы из Южной Кореи стали директорами заводов и предприятий, председателями правлений сельхозкооперативов, педагогами, учеными и Героями КНДР.

Члены семей революционных борцов, которые сражались в Южной Корее, и добровольцев, которые мужественно боролись в годы Отечественной освободительной войны, живут полнокровной жизнью, окруженные особой заботой вождя. Стоит вспомнить о том, что дочь революционера, который мужественно боролся за великие революционные идеи вождя и погиб в Южной Корее, выросла замечательным деятелем искусства Республики благодаря заботе вождя-отца.

Накануне какого-то нового года на новогоднем приеме в присутствии вождя выступал коллектив художественной самодеятельности. Одна девочка отлично прочитала рассказ под название «Решимость».

Когда она подражала голосам дедушки и бабушки, вождь долго аплодировал и хвалил ее:

«Исполняет очень хорошо, замечательно! Талантливая девочка, неплохо бы развивать ее способности».

После детского представления вождь позвал к себе детей, участвовавших в выступлении. Среди них была и девочка, исполнившая рассказ.

Вождь, узнав, что ее зовут Ким Чжу Мок, повторял: «Гм, Чжу Мок?» Он, думая о том, откуда у нее такое странное имя, спросил о ее родителях.

Учитель-руководитель самодеятельного коллектива, стоявший рядом с девочкой, ответил за нее.

Отец девочки, который боролся за великие революционные идеи вождя, против американских империалистических агрессоров и их приспешников в Южной Корее, был схвачен врагами летом 1949 года, через 6 месяцев после свадьбы. В тот же день ее мать тоже была арестована и брошена в Содэмунскую тюрьму в Сеуле. Ее отец, бывший в лапах

марионеточной «жандармерии», за несколько дней до смертной казни сумел передать жене письмо.

В письме он просил жену назвать будущего ребенка «Чжу Мок» («Кулак»). Это имя должно было символизировать борьбу за разгром американских империалистов и предателей Родины, он советовал ей после освобождения из тюрьмы перейти в северную часть Республики, где находится солнце нашей нации Полководец Ким Ир Сен, и жить в окружении его заботы. Через несколько дней после того, как она получила это письмо, ее муж был увезен в Сусэк и расстрелян.

Жена борца выполнила завещание мужа, написанное мелким почерком на клочке бумаги размером с коробку спичек. В мрачной камере тюрьмы родилась дочка, которой не шло имя «Чжу Мок», но мать осталась верной завещанию мужа. Впоследствии мать была освобождена из тюрьмы и в период временного отступления с маленькой Чжу Мок на спине перешла в северную часть, где находится вождь-отец.

Вождь-отец, узнав эту историю, помрачнел, немного помолчал, потом, крепко обняв девочку, погладил ее маленький кулак.

— Значит, зовут тебя Чжу Мок? Чжу Мок, мне нравится твое имя... ты должна слушаться мамы и стать замечательным человеком.

С того времени, как вождь отметил художественный талант девочки Ким Чжу Мок, она участвовала в художественной самодеятельности в школе и в Пхеньянском дворце школьников и детей. Каждый год она выступала на новогодних торжествах: танцевала и пела перед вождем-отцом, показывая свое мастерство.

Благодаря заботе вождя-отца она и ее мать получили грамоту, которой награждали семьи погибших патриотов. Вождь проявлял отцовскую заботу о судьбе девочки.

Прошло счастливое детство, Ким Чжу Мок окончила институт несколько лет назад и стала одной из замечательных артисток.

Вечером в тот день мать сказала со слезами:

— Чжу Мок! Вырастил тебя Маршал Ким Ир Сен, а не я — мать. Наш вождь вырастил из тебя, бедного ребенка, родившегося после смерти отца в тюремной камере, работника искусства!.. Когда я вышла из Содэмунской тюрьмы с тобой на руках, я не знала, что делать. Разве я могла тогда подумать, что ты будешь такой талантливой... Мы всегда должны помнить отцовскую заботу вождя.

Когда девушка проявила себя в работе и общественной жизни, вождь позаботился о том, чтобы ей была вручена почетная молодежная премия имени Ким Ир Сена.

Нет конца теплой заботе вождя о приехавших с Юга семьях павших революционеров и патриотов.

Можно привести и такой пример.

В сентябре 1960 года вождь-отец руководил на месте работой в Кэсоне. В этот день он посетил Кэсонскую текстильную фабрику и в кабинете директора беседовал с рабочими. Вождь и рабочие непринужденно беседовали. Вдруг бабушка, что сидела в первом ряду, встала с места и подошла к нему и сказала со слезами:

— Дорогой вождь! Вы находитесь здесь, среди нас, а...

Она не могла кончить слова и заплакала, схватившись за полы его одежды.

Она родилась в Янпхене провинции Кенги, жила в горной глуши, под горой Рёнмун, занималась подсечным земледелием. Ее семья испытывала крайнюю нужду, едва сводила концы с концами.

Вдобавок ее муж, который помогал Народной Армии во время прошлой войны, был убит врагом. Проливая кровавые слезы, бабушка пришла в северную часть и устроилась в Кэсоне. Благодаря народной политике вождя эта старая женщина и члены ее семьи стали жить, не завидуя никому. Чем зажиточнее становилась жизнь, тем больше она вспоминала о покойном муже.

Бабушка, встречаясь с вождем, испытывала острую боль на сердце при мысли, что безвременно погибшему мужу не выпала честь повидаться с вождем.

Узнав историю ее семьи, вождь искренне сочувствовал ей и подробно расспрашивал о ее сыновьях и дочерях.

У нее были три сына и четыре дочери. Старшая дочь вступила в Народную Армию во время отступления и ничего не было известно о ней. Старший сын жил с женой в другом месте, где он работал, одни из остальных сыновей и дочерей жили отдельно, а другие — вместе с матерью.

Вождь-отец, узнав об этом, прежде всего позаботился о том, чтобы все члены ее семьи смогли собраться и жить вместе. Какие бедствия причиняет нации ее раскол по вине американского империализма, а зачем же жить в разлуке членам одной семьи, оказавшимся под небом КНДР; необходимо дать старой женщине возможность без всяких забот прожить остаток своей жизни вместе с сыновьями, дочерьми, снохами и внуками, думал вождь.

Вождь выделил семье этой старой женщины большой дом в форме квадрата под черепичной крышей, чтобы она могла собрать всех сыновей, снох, дочерей, которые жили отдельно от нее. Он прислал всем членам этой семьи много подарков: ткань и вату на одеяло, шелковые отрезы на чхима и чогори, зимнее и летнее белье, отрезы на костюмы, школьную форму, парусиновую обувь, обувь для детей, бязь и даже нитки для шитья. Он прислал так много разнообразных вещей, словно заботливая мать шлет подарки в дом сватов. Старая женщина, ее сыновья и дочери, окруженные постоянной заботой вождя, жили безбедно и счастливо.

Однажды кто-то окликнул: «Мама!» Бабушка, как обычно, открыла раздвижные двери. У ворот стояла старшая дочь, которую считали погибшей в войне. Она вернулась через 10 лет и бросилась на грудь матери со слезами от радости.

Вождь, который умеет читать мысли людей по их лицам, во время встречи с матерью в Кэсоне понял ее душевные муки, услышав от нее о старшей дочери, о которой нет никаких вестей после вступления в Народную Армию. Он принял специальные меры, чтобы разыскать ее. В конце концов он нашел ее, она жила в городе Вонсане.

Старая женщина, которая счастливо доживает остатки

Document generated by Anna’s Archive around 2023-2024 as part of the DuXiu collection (https://annas-blog.org/duxiu-exclusive.html).

Images have been losslessly embedded. Information about the original file can be found in PDF attachments. Some stats (more in the PDF attachments):


```
{
  "before_pdg2pic_conversion": {
    "filename": "NDA0NTE0MTMuemlw",
    "filename_decoded": "40451413.zip",
    "filesize": 20359201,
    "md5": "402a80b12575f1456cf4d3cbc704e089",
    "header_md5": "f56924f9a61fceb5893286cbadc7ac65",
    "sha1": "3072c014b830a65f0548beff808abd51e784007a",
    "sha256": "fc0a283bfd05719ef4d092a78d5179ce9a64e9047912af907918e3361fe06706",
    "crc32": 2160575874,
    "zip_password": "",
    "uncompressed_size": 20804551,
    "pdg_dir_name": "",
    "pdg_main_pages_found": 514,
    "pdg_main_pages_max": 514,
    "total_pages": 519,
    "total_pixels": 13065984
  },
  "after_pdg2pic_conversion": {
    "filename": "NDA0NTE0MTMuemlw",
    "filename_decoded": "40451413.zip",
    "filesize": 33349241,
    "md5": "370bc69bc46985b532529efb176fb023",
    "header_md5": "5b1e8a9ef255c00e2107cb6e74e850d7",
    "sha1": "f620fbea1d6176ed9fc89f0e994327a01798d232",
    "sha256": "870af9cc54aa285f7bf4b8baf454d343b8ae909a8d469575586310cd0b8cb366",
    "crc32": 2244423019,
    "zip_password": "",
    "uncompressed_size": 34296277,
    "pdg_dir_name": "",
    "pdg_main_pages_found": 514,
    "pdg_main_pages_max": 514,
    "total_pages": 519,
    "total_pixels": 2241986496
  },
  "pdf_generation_missing_pages": false
}
```